

ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ

IV

ПАРИЖЪ

1938

ВРЕМЕННИКЪ

ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ

IV

ПАРИЖЪ
1938

Напечатано для Общества Друзей Русской Книги въ декабрѣ тысяча девятьсотъ тридцать седьмого года въ количествѣ четырехсотъ экземпляровъ.

Редакторы:
Г. Л. Лозинскій
Я. Б. Полонскій

Гусаръ
А.С. Пушкина
по
рукописи
въ
Авиньонѣ

ГУСАРЪ

АВТОГРАФЪ ПУШКИНА, НАЙДЕННЫЙ
ВЪ АВИНЬОНѢ
ФАКСИМИЛЕ И ТЕКСТЪ

●

Анри МОНГО. **ИСТОРІЯ НАХОДКИ И КОММЕНТАРІЙ**

●

ФРОНТИСПИСЪ, ТИТУЛЪ И ИЛЛЮСТРАЦІИ
Александра БЕНУА

Гусаръ

[illegible] читатель онъ тока

[illegible] ворчалъ, сердясь на ту игру;

[illegible] не врачкій духъ меня

[illegible] опрокинутую квартиру!

[illegible] ловка берегутъ

[illegible] Турецкой переправы,

[illegible] ей письмо къ бадутъ

[illegible] ак

[illegible] 41

Гусаръ
А.С.Пушкина

Скребницей чистилъ онъ коня
А самъ ворчалъ, сердясь невъ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На *разпроклятую квартеру*!

Здѣсь человѣка берегутъ
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ
И ужъ недумай о горѣлкѣ

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой —
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью ни ногайкой.

Толь дѣло Кіевъ! что за край!
Валятся сами въротъ голушки,
Виномъ — хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой.*
Однимъ, однимъ нехороши.....»
— А чѣмъ-же? разскажи служивой

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: молвить безобиды
Ты, хлопецъ, можетъбыть не трусъ
Да глупъ, а мы видали виды

Ну слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я,
Живемъ согласно, такъ что любо,
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо

Напьюсь — уложитъ; и сама
Опохмѣлиться приготовитъ
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума нивъ чемъ не прекословитъ.

Кажись: о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ. безобидно;
Да нѣтъ: я вздумай ревновать
Что дѣлать: врагъ попуталъ видно

За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? кто проситъ?.
Шалитъ Марусинька моя,
Куда ее лукавый носитъ?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу глаза прищуря

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «молвить безъ обиды
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ
Да глупъ; а мы видали виды
Ну слушай:
~~Вотъ видишь~~ около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ. Моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.
Вотъ съ ней я и подружился,
Живемъ согласно, такъ что любо,
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо
Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмелиться приготовитъ
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.
Кажись: о чемъ бы горевать!
Живи въ довольствѣ, безобидно;
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать
Что дѣлать! врагъ попуталъ видно
Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ! кто проситъ!

(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла
Да въ уголокъ пошла сосвѣчкой
Тамъ съ полки скляночку взяла
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу — и улизнула.

Э хе, смекнулъ въ минуту я,
Кума-то, видно, басурманка
Постой, голубушка моя!....
И съ печи слѣзъ — и вижу: склянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ; что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу, подъ лавкой дремлетъ котъ,
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!.... и вотъ
И онъ туда-же за лоханкой,

Я ну кропить вовсѣ углы
Съ плеча во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы
Маршъ маршъ, все въ печку поскакало.

Шалишь, Марусенька моя,
Куда ее лукавый носит!
Я ~~В~~ ~~ту~~ стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза ~~зажмуря~~ прищуря
(А ночь была тюрьмы черней
И на дворе шумела буря)

И вижу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

~~Цыгарку~~ И свечку тонкую зажгла
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И сев на веник перед печкой
Разделась донага, потом
~~Из~~ Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге, смекнул в минуту я!
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!
И с печи слез — и вижу: склянка

Кой чортъ, подумалъ я, теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь невѣрь —
Но къ верху вдругъ — взился я пухомъ 80

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и незнаю,
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу
Правѣй!... и на земь упадаю 84

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы, поютъ, играютъ
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ 88

[illegible]

И ~~[illegible]~~ [illegible], за ~~[illegible]~~ [illegible]!

[illegible] за наш [illegible],

[illegible]

Тогда [illegible],

И на небо и [illegible] молнией...

Как сверкнуло оно! и [illegible] и вот

И вот [illegible] за молнией,

И ну [illegible]

С песнями вот-то [illegible] помело,

И все горшки, ложки, столы

Все старые, все в пляску поскакало.

Кой [illegible], подумал я, теперь

И мы потребуем! а духом

Всю [illegible], [illegible].

Но вдруг — ~~[illegible]~~ [illegible]

Стройная [illegible], [illegible], [illegible],

[illegible] по полю и пескам,

[illegible]

[illegible]!... а [illegible] упадем

Теперь [illegible]. На мой [illegible]

[illegible], [illegible]

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Ты здѣсь! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Ступай домой. — Но я, не струся:

Домой? да! чорта съдва! почемъ
Мнѣ знать дорогу? — Ахъ онъ странный!
Вотъ кочерга: садись верьхомъ,
И убирайся, окоянный.

— Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты дура!..
Или предался я Врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою

Смотрю: и в пирамидной игре
Туз с мальчиком вдвоем

Я кликнул и сказал кортеж....
И вокруг ~~[illegible]~~ мой ~~[illegible]~~ Матрос:
Что злая! кто звал тебя, покорный?
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ Домой. ~~[illegible]~~ — Нет, не будет

Домой? Да! черта ль [illegible]! [illegible]
Меня [illegible] дорогу! — ~~[illegible]~~ окаянный!
Вот кочерга, садись верхом,
И убирайся, окаянный.
— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

Садись. — Вот сел я на коня
~~[illegible]~~ уздечки — нет уздечки
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ очутились ~~[illegible]~~ у печки

Садись — Вотъ сѣлъ я на коня
Ищу уздечки, нѣтъ уздечки
Какъ взился, какъ понесъ меня —
И очутились мы.... у печки

Гляжу: Все также; самъ-же я
Сижу верьхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья.
Вотъ что случается порою».

И сталъ крутить онъ длинный усъ
Прибавя: молвить безобиды.
Ты хлопецъ, можетъбыть, не трусъ
Да глупъ — а мы видали виды.

[illegible]

Во тёмной ночи, [illegible]

[illegible]

[illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

До последняго времени извѣстенъ былъ только неполный черновикъ пушкинскаго Гусара: послѣдніе двадцать два стиха, начиная со словъ «Вотъ кочерга...». Автографъ этотъ принадлежалъ собранію А. Ѳ. Онѣгина, которое по смерти владѣльца (въ 1925 году) было перевезено изъ Парижа въ Пушкинскій Домъ въ Санктъ-Петербургѣ.[1]

Недавно мнѣ посчастливилось обнаружить полный и окончательный автографъ этого прелестнаго стихотворенія. Замѣчательнѣе всего то, что отыскалъ я его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто изъ поклонниковъ Пушкина, а я и подавно, не ожидалъ его найти. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я напалъ на его слѣдъ.

Подготовляя къ печати критическое изданіе работъ Меримэ по русской литературѣ и исторіи [2], я просматривалъ въ *Revue de Paris* [3] переписку автора Карменъ съ его близкимъ другомъ Requien'омъ, авиньонскимъ коллекціонеромъ и знаменитымъ въ свое время гастрономомъ. Въ письмѣ Меримэ отъ 30 марта 1837 года я натолкнулся на такое мѣсто:

« On m'a promis depuis longtemps des autographes russes pour vous. J'en attends quelques-uns de très anciens et un de Pouchkin (*sic !*), ce poète qui vient d'être tué en duel à Saint-Pétersbourg. Ce sera une rareté que vous apprécierez. »

Ни въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Меримэ не возвращался къ этому вопросу, и мнѣ захотѣлось выяснить, исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе. Нѣсколько времени спустя, находясь проѣздомъ въ Авиньонѣ, я не преминулъ просмотрѣть упомянутую переписку, хранящуюся въ Городской библіотекѣ, и вскорѣ мнѣ на глаза попалось еще одно письмо, отъ 22 мая 1837 года, которое *Revue de Paris* оставила безъ вниманія. Слѣдующій абзацъ успокоилъ и въ то же время взволновалъ меня:

---

1. Cp. M. Hofmann, Le Musée d'Alexandre Onéguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits; Paris, Champion, 1926, стр. 62. Выставка собраний А. Ф. Онегина. Февраль 1930 г. Изд-во Академии Наук СССР, Ленинград, 1930, стр 8.

2. Изданіе Edouard Champion. Первая часть, Mérimée et la littérature russe (2 тома in-8°), появилась въ 1931 и 1932 гг.; вторая Mérimée et l'histoire russe, (3 тома) находится въ печати. Приношу благодарность книгоиздательству Champion за любезное разрѣшеніе воспроизвести факсимиле Гусара.

3. 15 мая 1898 года; стр. 224.

« Je suis à sec d'autographes. Voici pourtant une ballade russe de Pouchkine, qui est très jolie. Elle est intitulée le *Hussard*, il y est question d'un hussard qui va au sabbat après avoir bu mainte rasade d'eau-de-vie. Le dit Pouchkine a traduit en russe la *Guzla.* »

Благодаря любезности г. Жозефа Жирара, хранителя Библiотеки и музея Кальвэ, я уже черезъ пять минутъ держалъ въ рукахъ автографъ Г у с а р а, который входитъ въ составъ цѣннѣйшаго собранiя Рекiена. Онъ зарегистрированъ подъ номеромъ 7916-17 и подъ заголовкомъ: Pouchkine (Comte (*sic !*) *Alexandre*, poète russe). Онъ занимаетъ восемь страницъ веленевой бумаги (26,4 сант. въ вышину и 21 сант. въ ширину) съ водянымъ знакомъ «А. Гончаровъ 1830» въ гирляндѣ, обрамляющей весь листъ. Первыя двѣ страницы не заполнены, на восьмой карандашная помѣтка Рекiена:

« Envoyé par Mérimée 1835.[4] Ballade russe par le poëte Poutschine (*sic!*) tué en duel (autographe), elle est intitulée le *Hussard*. C'est un hussard qui va au sabbat après avoir bu mainte rasade d'eau de vie. »

Вмѣсто подписи завитушка.

Извѣстно, что Меримэ просилъ Соболевскаго раздобыть для него автографы русскихъ писателей. « Je vous serais fort obligé si vous pouviez m'envoyer un autographe de lui (sc. de Pouchkine), ainsi que d'autres de vos compatriotes célèbres, vifs ou morts », писалъ онъ Соболевскому 18 января 1835 года.[5] Послѣднiй какъ разъ находился въ началѣ 1837 года въ Парижѣ; въ собранiи Онѣгина имѣется письмо его къ Плетневу, касающееся смерти поэта и помѣченное Парижемъ, 13/25 февраля 1837 г.[6]

Такъ какъ въ ту пору Меримэ еще не зналъ русскаго языка, то нужно думать, что Соболевскiй разсказалъ ему содержанiе стихотворенiя. Этимъ объясняется ошибка Меримэ, повторенная Рекiеномъ: « après avoir bu mainte rasade d'eau-de-vie ».

---

4. Описка Рекiена; приведенные нами отрывки писемъ не оставляютъ никакого сомнѣнiя, что автографъ былъ посланъ ему въ 1837 году.

5. Этой фразой начинается не публиковавшаяся до послѣдняго времени часть извѣстнаго письма Меримэ, которое Пушкинъ напечаталъ въ предисловiи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ». Полностью оно воспроизведено Л. Модзалевскимъ въ Литературномъ Наслѣдствѣ, XVI-XVIII (1934), стр. 758 сл. Въ приведенной нами цитатѣ издатель неправильно приписалъ Меримэ грамматическую ошибку: pourriez, вмѣсто pouviez, стоящаго въ фототипiи.

6. M. Hofmann, ук. соч. стр 37 — А. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому; Москва, 1928, стр. 25 и 67.

Лѣтъ пятнадцать спустя, около 1850 года, Меримэ отыскалъ Гусара въ Сочиненіяхъ Пушкина и прочелъ его въ подлинникѣ. Вспомнивъ, что онъ когда-то послалъ автографъ стихотворенія Рекіепу, и оцѣнивъ по достоинству забавный разсказъ бравага кавалериста и красочность всей этой чертовщины, онъ перевелъ Гусара на французскій языкъ. Однако ему не удалось передать народный тонъ стихотворенія, что, впрочемъ, не помѣшало ему напечатать этотъ посредственный переводъ въ томикѣ *Nouvelles* (Парижъ, Michel Lévy, 1851, стр. 301—307). [7]

***

Нашъ автографъ представляетъ собою, очевидно, послѣднюю редакцію стихотворенія, такъ какъ поправки въ немъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, очень малочисленны. Если не считать описокъ, сразу же замѣченныхъ поэтомъ (стихи 3, 4, 93), настоящія поправки сводятся къ слѣдующимъ:

ст. 25 «Ну слушай....» вмѣсто «Вотъ видишь...»
ст. 45 «Я сталъ......» » «И ну.....»
ст. 46 «прищуря....» » «зажмуря....»
ст. 53 «И свѣчку...» » «лучинку....»
ст. 58 «изъ склянки....» » «отъ склянки....»
ст. 66 «Плеснулъ я на полъ; что за чудо?»

замѣняетъ первоначальную редакцію: «Я брызнулъ на полъ; что же? чудо?»

ст. 76 «Маршъ маршъ....» вмѣсто «Все маршъ....»
ст. 80 «Но къ верху вдругъ...» » «Но вдругъ въ трубу....»

Дальше поправки становятся нѣсколько болѣе существенными:

ст. 90-92 И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Ты здѣсь! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Ступай домой! — Но я, не струся....

стоятъ взамѣнъ слѣдующихъ стиховъ:

7. Переводъ этотъ перепечатанъ мною съ примѣчаніями въ томѣ I-мъ моего критическаго изданія Меримэ, стр. 101—104 (текстъ) и 224—226 (комментарій).

И вдругъ идетъ моя хозяйка:
Ты здѣсь! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ. Домой ступайка!

Любопытно, что прижизненное изданіе[8], первое посмертное[9] и всѣ послѣдующія узаконили такую редакцію послѣднихъ двухъ стиховъ:

Домой! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я не струся.....

Разночтенія объясняются вѣроятно слѣдующимъ образомъ: «Домой» вмѣсто «Ты здѣсь», и «Тебя съѣдятъ» вмѣсто «Ступай домой», могли быть вставлены поэтомъ при чтеніи корректуры. Иначе говоря, въ ст. 91 Пушкинъ вернулся къ своей первой редакціи «Тебя съѣдятъ», при чемъ изъ нея же онъ взялъ слово «Домой» и замѣнилъ имъ «Ты здѣсь»; получилось чтеніе, несомнѣнно, болѣе энергичное. Отказъ же отъ первоначальнаго «Тебя съѣдятъ. Домой ступайка!» былъ, вѣроятно, вызванъ желаніемъ избѣжать повторенія риѳмы седьмой строфы: «хозяйка»: повелительное наклоненіе + ка.

Окончательная редакція согласуетъ это желаніе съ сохраненіемъ, хотя и въ расчлененномъ видѣ, варіанта, который нравился Пушкину.

Ст. 94 «Ахъ онъ странный...» замѣняетъ редакцію «Экой странный...», которую поэтъ сначала собирался исправить на «Ахъ ты странный...»

ст. 106-108 Ищу уздечки, нѣтъ уздечки
Какъ взился (*sic !*), какъ понесъ меня
И очутились мы ... у печки

стоятъ вмѣсто первоначальнаго чтенія:

И не успѣлъ схватить уздечки
А черный конь и сбилъ меня
И я очнулся возлѣ печки

8. Библіотека для чтенія; СПБ., 1834, т. I, стр. 13—17.

9. Сочиненія Александра Пушкина. Санктпетербургъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, 1838, т. IV, стр. 32-37. Въ стихѣ 39 всѣ изданія ставятъ: Я вздумалъ..., тогда какъ въ автографѣ читаемъ: Я вздумай.... Здѣсь возможна опечатка, Пушкинымъ не замѣченная, хотя мыслимо и исправленіе, сдѣланное имъ въ корректурѣ.

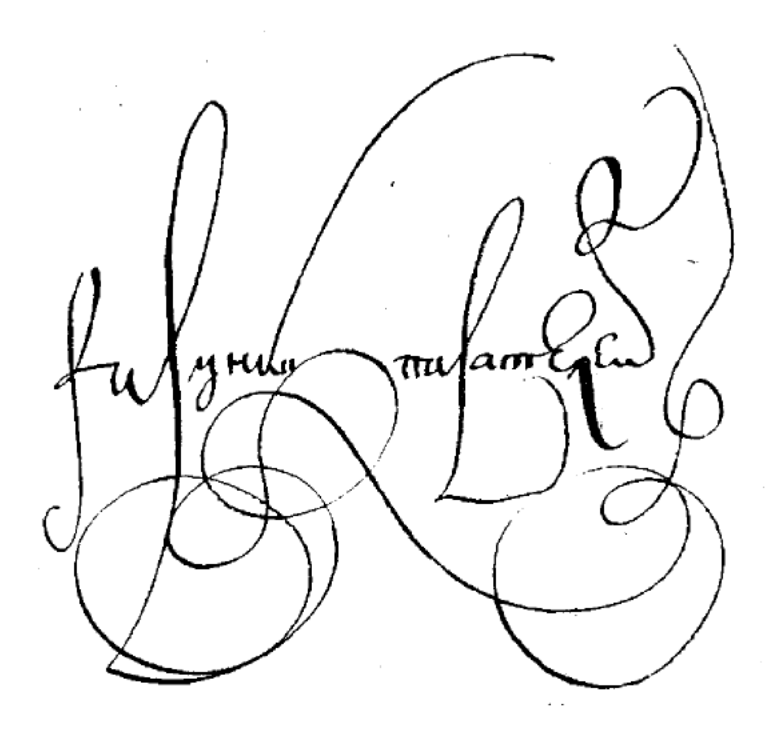
ст. 109. «Гляжу: «Все также....» вмѣсто «Все въ хатѣ также...»
ст. 111 «Не конь — а старая скамья....» » «Не конь ретивый — а скамья...»

Сличая рукописный текстъ, который мы воспроизводимъ, съ печатнымъ, читатель усмотритъ рядъ существенныхъ отличій въ пунктуаціи. Если Пушкинъ очень часто опускаетъ запятыя, даже точки, то нѣкоторыя поправки, внесенныя издателями, едва ли удачны.

Слѣдуетъ также отмѣтить нѣсколько особенностей пушкинскаго правописанія, исправленныя въ печатномъ текстѣ. Напримѣръ: р а з- п р о к л я т у ю (ст. 4); е е вмѣсто е я (ст. 12); б е з о б и д ы въ одно слово (ст. 22 и 114); в з и л с я, вмѣсто взвился (два раза, ст. 80 и 107, но в з в и л а с ь, ст. 60). Съ другой стороны, въ рукописи стоитъ правильно л о х а н ь (ст. 67), а въ Б и б л і о т е к ѣ д л я ч т е н і я и др. — л а х а н ь.[10]

Анри Монго

10. Объ авиньонскомъ автографѣ «Гусара» см. П у ш к и н, подъ ред. М. Цявловского (Летописи Государственного литературного музея, книга I-ая, общая редакция Влад. Бонч-Бруевича), Москва, 1936, стр. 302—308 (статья Т. Зенгер). Къ сожалѣнію, стихотвореніе транскрибировано по новой орфографіи и не вездѣ точно; издательница положила въ основу своего текста первоначальную, а не окончательную редакцію автографа.

Въ традиціи писателей рисованіе: Гюго, Бодлэръ, Верленъ, Стендаль, Меримэ, Жоржъ-Зандъ, Теофиль Готье, Гонкуры, Анатоль Франсъ, Леонъ Блуа; традиція продолжается: Валери, Поль Моранъ, Жакобъ, Кокто, Бретонъ, Элюаръ.

Извѣстны рисунки Гете.

И среди русскихъ; съ Ломоносова: Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ, Лермонтовъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій, Шевченко, Хомяковъ, Полонскій; традиція продолжается: Чеховъ, Леонидъ Андреевъ, Гумилевъ, Андрей Бѣлый, Маяковскій.

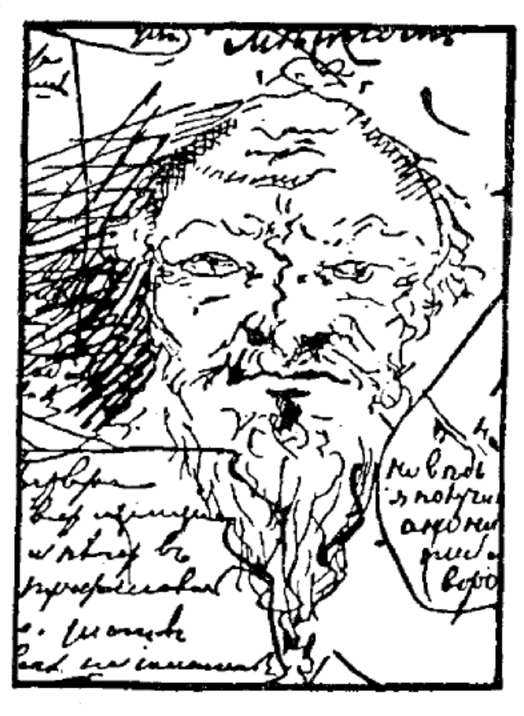
Сохранился рисунокъ В. В. Розанова. Я видѣлъ рисунокъ Блока. Извѣстно, что Л. Н. Толстой много дѣлалъ рисунковъ къ Жюль-Верну, когда читалъ его своимъ дѣтямъ, а извѣстенъ только одинъ: рисунокъ Толстого къ А з б у к ѣ — Н. В. Зарѣцкій въ Прагѣ на выставкѣ рисунковъ писателей всѣмъ его показывалъ.

И какъ начнешь вспоминать, кажется, не было и нѣтъ писателя, который бы не рисовалъ.

Писатели рисуютъ.

Объясняется очень просто: *написанное и нарисованное* по существу одно. Каждый писецъ можетъ сдѣлаться рисовальщикомъ, а рисовальщикъ непремѣнно писецъ. Писатель попреимуществу писецъ: каллиграфическій или исамчортшеюсломаетъ, неважно, а стало быть, въ каждомъ писателѣ таится зудъ къ рисованію.

А кромѣ того, въ самомъ письмѣ рисовальный соблазнъ: когда «мысль бродитъ» или когда «сжигается», когда не «поддается слово» или лѣзетъ несуразное, рука невольно продолжаетъ выводить узоры — такъ обозначается рисунокъ на поляхъ или въ текстѣ; рисунокъ же выступаетъ и изъ зачеркнутаго, зачеркнутое — зазубренное или заволненное — всегда тянетъ къ разрисовкѣ: неизбѣжныя паузы, заполненныя мечтой. И то неопредѣленное, извѣстное, какъ «мука творчества», имѣетъ наглядное выраженіе: рисунокъ. «Рукопись, испещренная рисунками», а рисунки рукописи безъ никакого къ написанному, очень характерно для нелегкаго, тугого или, какъ здѣсь говорятъ о такихъ рѣдкихъ мастерахъ слова, какъ Валери-Ларбо, «запорнаго» писателя.

Рисунокъ Достоевскаго на рукописи Братьевъ Карамазовыхъ

Но это еще не все: написанное не только хочется выговорить — отсюда, между прочимъ, непреодолимая страсть у скучныхъ, лишенныхъ мѣры и юмора, а также и у начинающихъ писателей, публично читать свои произведенія — написанное не только хочется произнести въ полголоса, какъ это часто дѣлается въ процессѣ письма, а чтобы на-голосъ — во всеуслышанье, а если возможно, то и пропѣть, и ужъ само - собой нарисовать (иллюстраціи Пушкина и Гоголя).

Но и это еще не вполнѣ: творческая одаренность непремѣнно

угнѣздится на какомъ-нибудь изъ видовъ творчества, оставаясь въ то же время открытой для всѣхъ другихъ. Вѣдь только человѣческая ограниченность — нельзя два дѣла дѣлать! — да природное несовершенство исключаютъ «мастера на всѣ руки» въ высокомъ значеніи.

Рѣдко, но попадаютъ случаи совмѣстительства: Вильямъ Блейкъ, и граверъ и поэтъ; Э. Т. А. Гоффманъ — и писатель и музыкантъ, какъ и М. А. Кузьминъ. И все-таки, остаются непревзойденными Александрійскія пѣсни Кузмина, а не его музыкальныя иллюстраціи и Куранты; чудесныя исторіи Гоффмана, а не его оперы; а гравюры Блейка, по крайней мѣрѣ для меня, не больше, какъ дополненія къ его Вѣнчанію неба и ада.

Рисунокъ Пушкина

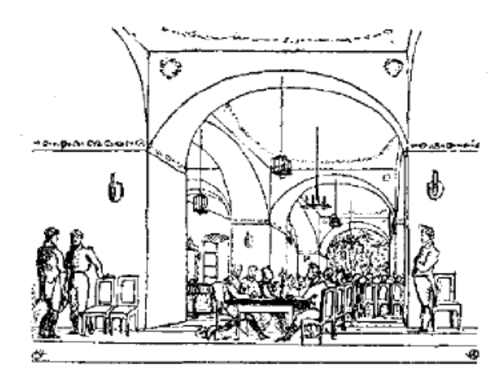
Въ рисункахъ писателей различаются: рисунки рукописей и тѣ, когда писатель выступаетъ, какъ художникъ.

Рисунки рукописей неотдѣлимы отъ письма; эти рисунки — продолженіе строчекъ и являютъ очертаніе невыраженныхъ мыслей и несказавшихся словъ: рисунки Пушкина и Достоевскаго. Въ ихъ непосредственности трепетъ жизни, живость «горячей руки» и отплань «воспаленныхъ мыслей».

Рисунки писателя-художника не изрисованные, а на-рисованные, — задуманные; и любопытны только потому, что дѣлалъ ихъ или Бодлэръ или Лермонтовъ или Баратынскій, и безъ магіи именъ остались бы незамѣченными. Общее въ нихъ: любительство, а если даже и мастерство, то никакъ не Рафаэль и не Калло. По этимъ рисункамъ можно судить, что занимало писателя: Гюго рисуетъ Віанденскій домъ въ Люксембургѣ, Жуковскій Римъ, Лермонтовъ Кавказъ, — А. Н. Бенуа съ закрытыми глазами скажетъ, кому изъ художниковъ или какой школѣ подражалъ рисующій и *не могущій не рисовать* писатель.

Стать писать и на какой-то ошибкѣ, на какомъ-то сомнѣніи, на досадѣ — не закрутить крючка, и вотъ изъ крючка — *мои завитки и рисунокъ*.

О Пушкинскомъ «крючкѣ» разсказываетъ М. В. Добужинскій въ своемъ Рисунокъ Пушкина. Природа Пушкинскихъ рисунковъ каллиграфическая; секретъ въ перѣ: тонкость и воздушность линій, ихъ завитной пушокъ вывело гусиное перо, легче ручки, нечувствительнѣй и китайской кисточки. Старинная пропись даетъ указаніе о «чиненіи перьевъ къ письму» и о «расположеніи себя къ письму»; безъ этой «азбуки» Пушкинская каллиграфія недоступна живому воспроизведенію и остается загадочной.

Рисунокъ Жуковскаго

«Перо способнѣе признается къ письму изъ праваго гусинаго крыла кое размоча въ горячей водѣ, чинить такимъ образомъ; съ рѣзать его бока со обѣихъ сторонъ полуцыркулно изъ чего и произойдутъ два равныя острея. Изъ которыхъ задняя часть срѣзывается долой, а на передней просѣкается по самой срединѣ его разкѣпъ. Потомъ положа на ноготь лѣвой руки большаго пальца, подсѣкается тотъ острый кончикъ пера по произволенію въ кось, или прямо. Корпусъ съ головою долженъ быть прямо растояніемъ на ладонь отъ стола, глаза безпрестанно обращены имѣть на кончикъ пера, а ноги должны быть прямо протянуты». (Пропись показывающая красоту Россійскаго письма. Изданная въ Москвѣ, 1793. Года. Изъ собранія С. Ю. Кулаковскаго).

Рисунокъ Тургенева

Все мое рисованіе изъ каллиграфическихъ завитковъ. Завитнувъ, я не могу остановиться и начинаю рисовать. И въ этомъ мое и счастье и

несчастье: мнѣ хочется писать, а завитокъ, крючкомъ вцѣпившись въ руку, ведетъ ее рисовать — мысли разбѣгаются, конецъ письму, а подъ неоконченными строчками рисунокъ.

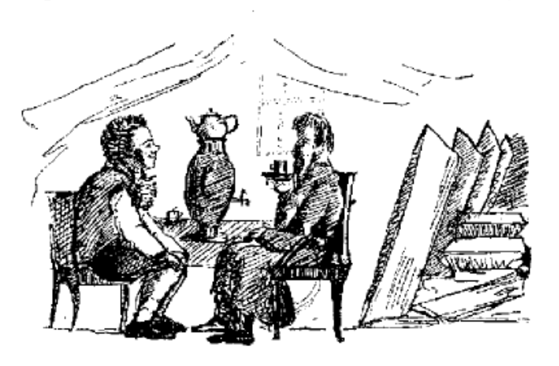

Рисунокъ Лермонтова

Такъ съ незапамятныхъ временъ. Но употребленія изъ этой моей рисовальной одержимости я не дѣлалъ. Я никогда не обольщался и для меня было всегда ясно, что «легче борову свиному проткнуться въселиное ушко», чѣмъ писателю сдѣлаться художникомъ.

Кое-что изъ письменно-рисовальнаго я дѣлалъ еще въ Россіи — и однажды участвовалъ на выставкѣ футуристовъ у Бурлюковъ въ Треугольникѣ. И потомъ — въ Берлинѣ, гдѣ мои начертательные рисунки пріютилъ Вальденъ, собиратель живописныхъ и графическихъ курьезовъ, въ своемъ Штурмѣ. Но развой и цвѣтъ моей рисовальной каллиграфіи — Парижъ: въ Парижѣ на выставкѣ у Оцупа, въ Прагѣ у Зарѣцкаго, въ Моравской Тшебовѣ у Перемиловскаго была представлена она всѣхъ цвѣтовъ, какъ Чичиковскій шарфъ, а закорючекъ — подпишетъ Московскій подьячій Ѳедоръ Грѣшищевъ.

Послѣдніе годы, когда у меня не осталось никакой надежды увидѣть изданными мои подготовленныя къ печати книги, а въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ оказалось, что для меня «нѣтъ мѣста» и я попалъ въ кругъ писателей, «приговоренныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія», или, просто говоря, обреченныхъ на смерть, я рѣшилъ использовать свою каллиграфію: я сталъ дѣлать рукописные иллюстрированные альбомы — въ единственномъ экземплярѣ. И за шесть лѣтъ работы: двѣсти

Иллюстрація Пушкина къ Гробовщику

тридцать альбомовъ и въ нихъ двѣ тысячи рисунковъ. Перечень 157 номеровъ напечатанъ въ Ревельской Н о в и, кн. 8. Сто восемьдесятъ пять альбомовъ «такъ или иначе» разошлись.

Изъ всѣхъ рисунковъ писателей я больше всего люблю рисунки Пушкина. Какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на его движущіяся чудища изъ сна Татьяны! А полюбились мнѣ рисунки Пушкина за ихъ непосредственность. Вѣдь только *непосредственность* — ненамѣренность передаетъ мгновенія въ безпрерывномъ, взблескъ жизни въ ограниченномъ окостенѣломъ событіи.

И у меня, какъ и у каждаго писателя, было когда-то такое въ рисункахъ, но по мѣрѣ того, какъ началъ я выпускать мои альбомы, сталъ вырисовывать и обрамлять рисунки, мое «само-собой» — мое «изстрочное» пропало. И это безвозвратно: глазъ осурьезился, рука навострилась. И я невольно попалъ въ кругъ Лермонтова и Бодлэра, писателей-рисовальщиковъ, но не имѣя ихъ душуивремяпронизывающаго имени, не могу претендовать ни на опредѣленіе историка, ни на любопытство изслѣдователя.

Алексѣй Ремизовъ

Рисунокъ Гоголя къ Р е в и з о р у

ПЕРВОПЕЧАТНИКЪ ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ

Со времени открытія памятника Ивану Федорову въ Москвѣ (27 сентября 1907 года) русскимъ первопечатникомъ заинтересовались. Было собрано немало данныхъ, поневолѣ отрывочныхъ и скудныхъ, о его біографіи и дѣятельности. Найти о немъ новыя свѣдѣнія — мало надежды. Но мнѣ кажется, что и съ имѣющимися налицо данными можно сказать кое-что новое объ этомъ выдающемся дѣятелѣ русской культуры. Для этого слѣдуетъ только вставить имѣющіяся біографическія данныя въ рамку той интереснѣйшей переходной эпохи, въ какую привелось жить Федорову.

Конечно, прежде всего, приходится снять съ Ивана Федорова ореолъ первопечатника. Значеніе книгопечатанія было усвоено въ Москвѣ съ большимъ опозданіемъ, но все же — до Ивана Федорова. Уже въ концѣ XV вѣка, когда славянскія типографіи существовали въ Венеціи, Прагѣ, Вильнѣ, Краковѣ, Цетинье, въ Польшѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, пріѣхалъ въ Москву изъ Любека типографщикъ и переводчикъ Варфоломей Готанъ, привезшій съ собой черезъ Новгородъ иностранныя книги изъ Нѣметчины. Но въ Москвѣ все, что приходило изъ Новгорода, тогдашняго окна въ Европу, казалось подозрительнымъ, и судьба Готана была плачевная: его просто утопили. Дѣло заглохло на полвѣка — вплоть до первыхъ, счастливыхъ годовъ правленія Ивана Грознаго. Первое предложеніе о книгопечатаніи было сдѣлано опять съ Запада. Датскій король

Христіанъ III послалъ жителя Копенгагена, Ганса Миссенгейма Бокбиндера съ библіей и съ двумя другими религіозными книгами. Въ препроводительномъ письмѣ къ царю онъ предлагалъ «напечатать во многихъ тысячахъ экземпляровъ, въ переводѣ съ древняго языка», эти книги, если онѣ будутъ одобрены «митрополитомъ, патріархами, епископами и всѣмъ остальнымъ духовенствомъ». Въ 1552 г. послы Христіана вели объ этомъ переговоры въ Москвѣ. Но результатъ не могъ быть благопріятнымъ въ тотъ моментъ, когда (1553) за похвалы нѣмецкой вѣрѣ соборъ осудилъ Висковатаго, Башкина и Артемія.

Чтобы быть принятой въ Москвѣ, мысль о книгопечатаніи должна была придти не съ еретическаго Запада, а съ православнаго Востока, — не отъ нѣмчина, а отъ грека. Заслуживаетъ полнаго вѣроятія преданіе, что совѣтчикомъ въ данномъ случаѣ явился именно Максимъ Грекъ, опальный оппозиціонеръ предыдущаго царствованія. Иванъ Грозный только-что освободилъ его отъ заточенія «по совѣту нѣкоторыхъ синклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ страждетъ таковый блаженный мужъ». По описанію Курбскаго, которому принадлежатъ приведенныя слова, свиданіе царя съ Максимомъ состоялось въ 1553 г., въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Иванъ остановился тамъ отдохнуть во время поѣздки по монастырямъ, по обѣту, данному во время тяжелой болѣзни 1553 г.

Мысль объ исправленіи и установленіи текста священныхъ книгъ именно путемъ печатанія ихъ была старой мыслью Максима. Въ письмѣ къ нѣкоему князю Василію Михайловичу Максимъ указалъ и на источникъ собственныхъ своихъ познаній въ печатномъ дѣлѣ. То былъ знаменитый венеціанскій типографъ, Альдъ Мануцій, къ которому Максимъ ходилъ за «книжнымъ дѣломъ». Конечно, это еще не значитъ, что Максимъ зналъ типографское дѣло практически и что именно отъ него первые русскіе типографщики научились итальянскимъ терминамъ, которые употреблялись у насъ въ началѣ XVII вѣка. Въ дальнѣйшемъ итальянская ш т а м п а должна была уступить мѣсто нѣмецкой д р у к а р н ѣ.

На совѣтъ, данный хотя и изъ подозрительнаго, но все же православнаго источника, царь реагировалъ положительно, — особенно послѣ того, какъ получилъ санкцію митрополита Макарія, умѣвшаго выбирать средній путь между новаторами и властью. Самъ Федоровъ разсказалъ объ этомъ въ своемъ послѣсловіи къ напечатанному имъ

Апостолу 1564 г. «Сие (неисправность рукописныхъ книгъ) дойде и до царя во слухъ, онъ же начатъ помышляти, какъ бы изложити печатныя книги, якоже въ грецехъ и въ Венецыи, и во Фригiи, и во прочихъ языцѣхъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ. И тако возвѣщаетъ мысль свою пресвященному Макарiю, митрополиту всея Русiи, святитель же, слышавъ, зѣло возрадовася и, Богови благодаренiе воздавъ, царю глаголаше, яко отъ Бога извѣщенiе прiемшу».

При такихъ благопрiятныхъ условiяхъ рѣшено было начать дѣло Но печать оппозицiи на немъ все же осталась. И раньше, чѣмъ оно было закончено, политическая обстановка, ему благопрiятствовавшая, совершенно измѣнилась. Какъ извѣстно, уже во время упомянутой тяжелой болѣзни 1553 г., на глазахъ лежавшаго при смерти царя, руководители его юныхъ лѣтъ, Сильвестръ и Адашевъ склонились на сторону наслѣдственныхъ претензiй царскаго дяди Владимира, вмѣсто сына царя Димитрiя. Выздоровѣвшiй Иванъ не могъ имъ простить этой измѣны: отсюда и началась ихъ опала. Послѣдствiя перемѣны сказались уже со слѣдующаго 1554 г. Начали эмигрировать бояре. Пойманный въ этомъ году по дорогѣ въ Литву князь Н. Д. Ростовскiй, былъ по ходатайству Сильвестра, наказанъ только ссылкой въ Бѣлоозеро. Но царь рѣшительно разошелся съ Сильвестромъ и Адашевымъ во взглядахъ на направленiе внѣшней политики. Настоявъ на своемъ, онъ началъ долгую, закончившуюся неудачей, войну съ Ливонiей. Разрывъ довершила болѣзнь любимой царицы Анастасiи въ ноябрѣ 1559 г. и смерть ея осенью 1560 г. Недоброжелатели фаворитовъ-опекуновъ царской юности, по словамъ Курбскаго, наговорили Ивану про болѣзнь жены, «аки-бы очаровали ее оные мужи» (Сильвестръ и Адашевъ). Царь, очевидно, уже охлажденный къ прежнимъ друзьямъ, «исполнился буйства». Всѣ усилiя опальныхъ добиться посредствомъ писемъ къ царю суда надъ собой оказались тщетными. Недоброжелатели нашли способъ предостеречь Ивана отъ личныхъ объясненiй, погрозивъ ему: «аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ». И уже лѣтомъ 1560 г. Адашеву пришлось уѣхать изъ Москвы въ дѣйствующую ливонскую армiю, а Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлозерскiй монастырь. Когда Анастасiя умерла, оба они все же были привлечены къ суду, но, уже, конечно, не съ цѣлью оправданiя. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкiй монастырь, а Адашевъ посаженъ въ тюрьму. Затѣмъ послѣдовали казни близкихъ Адашеву людей.

Что же сталось съ предпріятіемъ, подсказаннымъ этимъ самымъ, раскассированнымъ теперь оппозиціоннымъ кружкомъ членовъ И з б р а н н о й Р а д ы, — предпріятіемъ, которое санкціонировалъ самъ митрополитъ Макарій, какъ «извѣщеніе отъ Бога»? Отказаться отъ этого предпріятія было неудобно. Но затормозить его оказалось возможно. Если не считать за опечатку, какъ думаютъ нѣкоторые, показаніе Ивана Федорова, что «печатный дворъ» началъ строиться уже въ 1553 г., то надо заключить, что постройка эта затянулась на цѣлые десять лѣтъ. Только въ 1563 г. П е ч а т н ы й Д в о р ъ былъ готовъ, и началась на немъ работа назначенныхъ правительствомъ спеціалистовъ: Ивана Федорова, дьякона церкви Николая Гостунскаго, и Петра Тимофеева Мстиславца, прозвище котораго свидѣтельствуетъ о его происхожденіи изъ Мстиславля (Могилевской губерніи).

Вначалѣ Иванъ Грозный не жалѣлъ средствъ на это дѣло. Въ одномъ сказаніи сообщается: «повелѣлъ царь нещадно даяти отъ своея царскія казны на содѣлованіе тѣмъ мастеромъ... и повелѣлъ имъ даяти успокоенія многа зѣло». Работа, дѣйствительно, была начата — и дала первый плодъ — въ тотъ самый 1564-й годъ, когда царь удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу, а князь Курбскій бѣжалъ въ Литву. Первую казенную типографію приходилось все-таки терпѣть — хотя бы потому, что она должна была положить конецъ самочинному печатанію священныхъ книгъ. Такое печатаніе уже шло, не дожидаясь оффиціальной работы печатнаго двора. «Сказаніе о воображеніи книгъ печатнаго дѣла» (первой половины XVII столѣтія), такъ говоритъ объ этой самодѣльщинѣ предшественниковъ Федорова и Мстиславца: «прежде ихъ нѣцыи — или, б у д е т ъ, и о н и с а м и — малыми нѣкіими и неискусными начертаніи печатываху книги». До насъ дошли нѣкоторыя изъ этихъ, дѣйствительно п е р в о п е ч а т н ы х ъ, изданій. Эти анонимныя изданія выпускались обыкновенно безъ даты и безъ выходнаго листа, очевидно, намѣренно скрытыхъ. Они неудовлетворительны со стороны типографской техники, а, что касается текста, часто повторяютъ ошибки старыхъ рукописей. Однако же, кое-что есть у нихъ и общаго съ изданіями Федорова. Это даетъ возможность установить нѣкоторую преемственность работы, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, «ихъ самихъ». Во всякомъ случаѣ, первый выпущенный Федоровымъ трудъ, — А п о с т о л ъ, 1564 г. съ цитированнымъ выше предисловіемъ, выгодно отличается отъ анонимныхъ изданій отчетливостью

шрифта, ровными строчками, красивыми заставками и т. д. Заимствованія у нѣмцевъ здѣсь несомнѣнны; но шрифтъ отлитъ на мѣстѣ, въ точное подражаніе лучшимъ рукописямъ. Видно, что царскія деньги пошли недаромъ, и таланту Федорова было гдѣ показать себя.

Однако, уже въ напечатанныхъ вслѣдъ затѣмъ двухъ изданіяхъ Часовника 1565 г. наблюдается любопытная особенность. Шрифтъ — тотъ же; но печатаніе — неряшливо и поспѣшно; оттиснуто не много экземпляровъ. Въ этихъ признакахъ уже чувствуются предвѣстье катастрофы. Самъ Федоровъ, въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ послѣсловій, разсказалъ намъ, какъ эта катастрофа произошла. Онъ приписываетъ ее не самому царю, а наговорамъ вліятельныхъ невѣждъ. Противъ Федорова велась, очевидно, систематическая кампанія, исходившая отъ «презѣльнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли». Это было, какъ видимъ, то же самое оружіе, которымъ тѣ же враги дискредитировали и Сильвестра съ Адашевымъ: обвиненіе въ какомъ-то волшебствѣ и чародѣйствѣ. Таковъ, говоритъ сокрушенно самъ Федоровъ, «обычай есть злонравныхъ и ненаученныхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, но туне и всуе зло принесоша». Въ этомъ моралистическомъ толкованіи чувствуется одно изъ двухъ: или отсутствіе пониманія политической стороны борьбы — или намѣренное умолчаніе о ней. Первое толкованіе лучше рисуетъ личность идеалиста, до самозабвенія преданнаго своему дѣлу, глубоко осознавшаго его культурное значеніе, но, по самому своему характеру, далекаго отъ политическихъ стремленій кружка, который его выдвинулъ. Возможно, конечно, и второе: печать молчанія, наложеннаго извнѣ.

Какъ бы то ни было, за связь съ оппозиціоннымъ кружкомъ Федоровъ жестоко поплатился. Его ненавистники были и ненавистниками руководителей Избранной Рады. Съ очевиднаго соизволенія властей они распространили свою пропаганду не только вверхъ, къ царю, котораго старается выгородить Федоровъ, но и внизъ, къ буйной московской черни, всегда готовой погромить и пограбить съ разрѣшенія свыше. Эта толпа разгромила и сожгла до тла типографію правительственнаго печатнаго двора; очевидно, она разсчитывала на безнаказанность. Джильсъ Флетчеръ передалъ намъ московскіе толки:

«домъ подожгли ночью, и станокъ съ буквами совершенно сгорѣлъ, о чемъ, какъ полагаютъ, постаралось духовенство»...

Начиналась эпоха казней. Федорову съ товарищемъ Мстиславцемъ оставалось, во избѣжаніе худшаго, наскоро захватить уцѣлѣвшія матрицы и доски заставокъ и, по слѣдамъ Курбскаго, бѣжать съ ними въ Литву — можетъ быть, какъ разъ черезъ близкій московской границѣ литовскій городъ Мстиславъ, родину его товарища. «Такова бо зависть и ненависть», объясняетъ онъ свой побѣгъ въ послѣсловіи къ заграничному изд. Апостола (Львовъ, 1574) ...«насъ отъ земли и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели»... Это было то «неблагодарное, варварское, недостойное ученыхъ мужей», но, все-же, «любимое отечество», о которомъ въ этихъ самыхъ выраженіяхъ печаловался первый русскій эмигрантъ, князь Курбскій.

Что гоненіе противъ Федорова имѣло политическую подкладку, доказывается и тѣмъ, что съ его уходомъ самое печатное дѣло не погибло. Оно было передано нѣкіимъ Никифору Тарасьеву и Андронику Тимофееву Невѣжѣ, — повидимому, его ученикамъ. Уже въ 1568 г. они выпустили печатную псалтирь. Характерно и то, что псалтирь эта была ими же перепечатана черезъ десять лѣтъ (1577) въ Александровской Слободѣ. Такимъ образомъ, очищенное отъ привкуса оппозиціи культурнаго класса, книгопечатаніе получило санкцію — въ опричнинѣ.

По словамъ Федорова, Сигизмундъ Августъ III принялъ бѣженцевъ «любезно», и даже, повидимому, торжественно — «съ всѣми паны рады своея». Но нашъ печатникъ не пошелъ путемъ Курбскаго, который въ непріятельскихъ рядахъ сражался противъ Россіи, жегъ русскія села, монастыри и церкви — и получилъ въ награду цѣлое староство съ десятью селами въ количествѣ 4.000 десятинъ. Идеализмъ Федорова тутъ сказался въ полной мѣрѣ: онъ продолжалъ работать по своей спеціальности на пользу русскаго культурно-національнаго дѣла. Надо замѣтить, что въ то время, въ серединѣ 60-хъ годовъ, еще не было такого обостренія, какъ въ 70-хъ и 80-хъ, между полонизмомъ и католичествомъ съ одной стороны и православіемъ и московитствомъ — съ другой. Литва до Люблинской и Брестской уній еще служила соединительнымъ звеномъ двухъ культуръ. Правда, уже начинали вырисовываться тѣ позиціи, которыя разные общественные элементы должны были впослѣдствіи занять въ этой борьбѣ... Не развернулась еще дѣятельность іезуитовъ и не началось форменныхъ гоненій на православіе; но

высшіе слои литовскаго общества, аристократія и высшее духовенство уже начали подчиняться вліянію польской культуры и государственности. Съ другой стороны, начала выясняться и демократическая основа будущихъ защитниковъ православія, городскихъ мѣщанъ, опиравшихся на цеховыя привилегіи Магдебургскаго права и находившихъ покровительство въ рѣдѣвшихъ рядахъ магнатовъ — п а т р о н о в ъ, еще сохранявшихъ свою народность и вѣру. Федоровъ — совершенно сознательно, очевидно, — выбралъ эту сторону и всталъ въ ея ряды. Его п а т р о н о м ъ явился «велеможный панъ Григорей Александровичъ Хоткевичъ, староста городеньскій и могилевскій». Онъ поселилъ бѣженцевъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и даже подарилъ Федорову село (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ Гродненской губ.) съ цѣлью дать возможность «людямъ наученымъ устроить верстакъ друкарскій». Здѣсь Федоровъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, и приступилъ къ болѣе отвѣтственному дѣлу — печатанію Евангелія, которое и выпустилъ 17 марта 1569 г., послѣ почти восьмимѣсячной работы.

Однако, и въ Заблудовѣ Федоровъ не нашелъ мирнаго пристанища. Политика проникла и сюда. Такъ надо объяснять, что Хоткевичъ скоро прекратилъ имъ же начатое дѣло. Очевидно, оно вызвало неудовольствіе сторонниковъ полонизма и католицизма. Федоровъ, по своему обычаю, объясняетъ эту перемѣну не политическими, а личными причинами. По его словамъ, Хоткевичъ, «начастѣ главѣ его болѣзнію одержимѣ бывати, поволѣ намъ работанія сего престати». Быть можетъ, это была та — нѣсколько двусмысленная — мотивировка, которую выдвинулъ самъ Хоткевичъ. Гораздо характернѣе то, что Хоткевичъ предложилъ Федорову перемѣнить профессію и лучше заняться земледѣліемъ въ подаренной ему усадьбѣ. Но это значило — отказаться отъ труда цѣлой жизни. «Множицею слезами моими постелю мою омочахъ», — такъ сильно реагировалъ Федоровъ по поводу унизительнаго предложенія. Фигура печатника вырастаетъ тутъ на нашихъ глазахъ. «Имѣемъ убо», размышляетъ вслухъ Федоровъ, «вмѣсто рала — художество наручныхъ дѣлъ съсуды, вмѣсто же житныхъ сѣмянъ — духовная сѣмена *по вселеннѣй разсѣвати*». Съ другой стороны, продолжаетъ онъ разсуждать, чѣмъ связанъ онъ съ Хоткевичемъ? Отъ его милости, онъ, правда, снабженъ всякими тѣлесными потребами, и пищею, и одеждой. Но Федоровъ не дорожитъ этимъ. Онъ «неправды не позволялъ, хищенія не желалъ. Если и много стекалось богатства, не прила-

галъ я къ нему сердца своего, но готовъ былъ терпѣть всякія скорби и бѣды, да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово». И Федоровъ рѣшаетъ перемѣнить свое — относительное, конечно, — «богатство» на новыя скитанія. Онъ собираетъ, съ разрѣшенія Хоткевича, свои пунсоны, матрицы, шрифты, рѣзаныя на деревѣ з а с т а в и ц ы — и пускается въ путь—одинокій, такъ какъ Петръ Мстиславецъ его покинулъ, уйдя въ Вильну, гдѣ наладилъ типографію для купцовъ Мамоничей.

Испытавъ, на пути въ Галицію, «многи скорби и бѣды», едва спасшись отъ мороваго повѣтрія, которое «окружило его тѣнью смерти», Федоровъ наконецъ добирается до большого центра — Львова — и здѣсь хочетъ сдѣлать свое предпріятіе формально-общественнымъ дѣломъ. Онъ начинаетъ съ «богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ», убѣждая ихъ основать типографію. Прибѣгая ко всевозможнымъ униженіямъ, «метаніе сотворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывалъ, и сие не единой, ни дващи, но и многажды сотворяхъ — и въ церкви священнику всѣмъ вслухъ повѣдати велѣхъ». Не помогли, однако, богатые, «ни русскіе, ни греки, ни купцы, ни священники». Откликнулся за то другой элементъ — «мали нѣцыи въ іерейскомъ чину не отъ избытка, а отъ лишенія своего, иніе же неславніе въ мірѣ обрѣтошася». Итакъ тутъ уже выдѣлились своимъ національно-православнымъ настроеніемъ демократическіе элементы будущихъ «братствъ»: бѣлое духовенство и городскіе мѣщане. Благодаря ихъ поддержкѣ, не исключавшей, впрочемъ, необходимости прибѣгать къ займамъ у ростовщиковъ, Федоровъ ставитъ во Львовѣ свой печатный станокъ и начинаетъ съ перепечатанія московскаго А п о с т о л а. Дѣло развивается, кредитъ Федорова растетъ; но по найденнымъ во Львовѣ документамъ видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и долги Федорова. А книги расходятся съ трудомъ, и съ покупателей приходится взыскивать плату за нихъ съ большими усиліями. Дѣла запутываются до такой степени, что Федоровъ чувствуетъ необходимость ликвидировать типографію во Львовѣ и снова искать лучшихъ условій для своей работы въ другомъ мѣстѣ. Около 1577 г. онъ, повидимому, побывалъ въ Валахіи и въ Турціи, а въ 1579 г. нашелъ себѣ пристанище у Константина Острожскаго. Съѣздивъ въ Львовъ уже въ роли magnifici Palatini Kijovensis Famulus, т. е. слуги кіевскаго воеводы Константина, — Федоровъ заложилъ

свою Львовскую типографію со всѣми ея принадлежностями и съ наличными 140 русскими книгами за 411 злотыхъ еврею Якубовичу. Очевидно, это были оборотныя средства для начала дѣла въ Острогѣ.

Переходъ подъ патронатъ князя Константина Острожскаго знаменовалъ отказъ отъ поддержки дѣла одними усиліями демократическихъ элементовъ. Братства только еще складывались къ тому времени и не обладали ни достаточной силой, ни достаточнымъ сознаніемъ необходимости борьбы. Но и новый патронъ былъ не совсѣмъ по духу Федорову. Конечно, Константинъ Острожскій оставилъ по себѣ память ревностнаго защитника православія. Но защита православной вѣры была лишь однимъ козыремъ въ большой игрѣ воеводы кіевскаго. Острожскій велъ широкій образъ жизни большого магната, собиравшаго вокругъ себя самыхъ разнообразныхъ друзей и ласкателей. Онъ не только не могъ противиться исторической волнѣ, хлынувшей въ Литовскую Русь изъ Польши послѣ 1569 г., но самъ былъ участникомъ заключенія Люблинской уніи, открывшей шлюзы для этого вторженія. Глубокимъ старикомъ 90 лѣтъ онъ участвовалъ и въ заключеніи Брестской церковной уніи, окончательно отдавшей православную церковь на разгромъ іезуитамъ. Какъ разъ въ годы пребыванія Федорова на Литвѣ и въ Галиціи, окончательно опредѣлился и планъ этого разгрома — въ сочиненіи Петра Скарги «о единствѣ Церкви Божіей и объ отступленіи грековъ отъ единства». Тогда же обнаружились и первыя печальныя послѣдствія наступленія полонизма, противъ которыхъ тщетно приносили жалобы королю Сигизмунду III литовско-русскіе дворяне на рядѣ сеймовъ. Константинъ Острожскій могъ шумѣть на этихъ съѣздахъ, могъ грозить созывомъ двадцатитысячной арміи на защиту православія. Онъ могъ отъ своихъ богатствъ — онъ владѣлъ почти сотней городовъ и замковъ, тысячью слишкомъ селъ и милліономъ слишкомъ злотыхъ дохода — дать скромныя средства на основаніе въ Острогѣ греко-славянскаго училища, на заведеніе типографіи и на печатаніе въ ней книгъ. Этимъ онъ создавалъ себѣ громкую славу покровителя православнаго населенія. Но пожертвовать своимъ вліятельнымъ положеніемъ и отказаться отъ распространенія на литовскихъ магнатовъ польскихъ привилегій, обезпечиваемыхъ политическимъ объединеніемъ, онъ не могъ. Не могъ и *не хотѣлъ* отказаться и отъ преимуществъ польской культуры, держалъ у себя учителей іезуитовъ и воспиталъ своего сына Януша въ католичествѣ...

Тѣмъ не менѣе, Федорову удалось найти въ Острожскомъ покровителя — въ тотъ моментъ, когда только еще намѣчалась подготовка Брестской уніи — и воспользоваться въ послѣдніе благопріятные православію годы его щедротами, чтобы довершить дѣло своей жизни такимъ достиженіемъ, которое составляло вершину его стремленій. Въ подозрительной къ справщикамъ священныхъ книгъ Москвѣ онъ не рѣшался прикоснуться къ тексту священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. У Острожскаго онъ этотъ подвигъ совершилъ. Въ 1580 г. онъ поднесъ князю Константину «первый овощъ отъ дому печатнаго своего Острожскаго»: красивую книгу, почти въ 1000 страницъ, набранную совершенно новымъ мелкимъ шрифтомъ: Псалтирь и Новый Завѣтъ. Въ томъ же 1580 году и въ слѣдующемъ появились и два изданія знаменитой Острожской библіи, составившія эпоху въ исторіи русскаго книгопечатанія (т. наз. *второе* изданіе есть то же первое съ перепечаткой выходнаго листа и послѣсловія).

Дѣйствительно, въ этомъ видѣ—собранныхъ во-едино книгъ Ветхаго и Новаго завѣта — Библія, появлялась на церковно-славянскомъ въ печатномъ видѣ впервые. Въ рукописномъ видѣ, правда, имѣлась т. наз. «Геннадіевская» библія (1499), и именно ее Константинъ Острожскій «испросилъ съ прилежнымъ моленіемъ» у Ивана Грознаго въ помощь Федорову, очевидно, — по его указанію. Но сводъ Геннадія частью переведенъ съ латинской Вульгаты. Такимъ образомъ, неправильно дальнѣйшее указаніе, что именно эта Геннадіевская Библія была «съ греческаго языка семьдесятъ и двѣма переводники множае пяти сотъ лѣтъ на славянскій переведенъ еще за великаго Владиміра, крестившаго землю русскую». Федорову пришлось при содѣйствіи Острожскаго собирать недостающее отовсюду — у патр. Іереміи, на о. Кандіи, въ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ монастыряхъ. При помощи этого новаго матеріала ему удалось составить частично - исправленный текстъ, менѣе зависимый отъ Вульгаты. Въ Москвѣ за такую продерзость Федорову грозила бы участь Максима Грека и другихъ «справщиковъ». И только въ 1663 г., за нѣсколько лѣтъ до оффиціальной расправы со старообрядцами, та же Москва рѣшилась перепечатать, «неизмѣнно, кромѣ орфографіи и нѣкіихъ именъ и реченій нужнѣйшихъ, явственныхъ погрѣшеній», Острожскую библію Федорова, тутъ же оговорившись, правда, что эта Библія «во множайшихъ съ греческою несогласна есть».

Изданіе Острожской библіи было высшей точкой, достигнутой Федоровымъ въ его неутомимой работѣ. Но это же и послѣдній его трудъ у Константина Острожскаго. Черезъ пять мѣсяцевъ по отпечатаніи библіи мы снова видимъ Федорова во Львовѣ. Что произошло между печатникомъ и его высокимъ покровителемъ, мы не знаемъ. Надо думать, что это былъ какой-то разрывъ, хотя и совершившійся въ болѣе мягкихъ формахъ, чѣмъ съ Хоткевичемъ, но, по существу, по однородной причинѣ. Вспомнимъ, что Петръ Скарга былъ духовникомъ жены старшаго сына Острожскаго. Едва-ли гонитель православія могъ смотрѣть благосклонно на о в о щ и Федоровскаго выращиванія. Какъ бы то ни было, Федоровъ покидаетъ патрона. Но онъ по-прежнему бодръ и на старости лѣтъ снова принимается, за свой страхъ, при помощи новыхъ займовъ, за продолженіе издательства во Львовѣ. Не останавливаетъ его неутомимой дѣятельности и то обстоятельство, что его молодой сотрудникъ по изданію Библіи, имъ же обученный, Гринь Ивановичъ, бѣжитъ отъ него, по слѣдамъ Мстиславца, въ Вильну, къ его конкурентамъ, Мамоничамъ. Повидимому, однако, его тамъ постигла та же судьба, что и Мстиславца; въ февралѣ 1583 г. бѣглецъ возвращается къ Федорову и заключаетъ съ нимъ точный письменный договоръ, по которому обязуется не дѣлать буквъ для печатанія и не устраивать типографіи ни для себя, ни для другихъ, а Федоровъ съ своей стороны соглашается разрѣшить ему докончить начатые заказы на шрифтъ и даже, если онъ будетъ хорошо вести себя, открыть собственную типографію.

Денежные обороты Федорова за это время показываютъ, что дѣло его стояло прочно и ему оказывали новый кредитъ. Но результатами сравнительнаго благополучія, достигнутаго всей трудовой жизнью и годами скитальчества, Федорову уже не пришлось воспользоваться. 5 декабря того же 1583 года онъ умеръ, оставивъ свои дѣла въ запутанномъ видѣ. Сумма его долговъ составляла 1.561 злотый, книгъ его сынъ Иванъ успѣлъ продать на 380 злотыхъ, уступилъ свои права на наслѣдственное имущество за 500 злотыхъ, и 137 злотыхъ долженъ былъ получить съ должниковъ отца. Общая сумма имущества Федорова составляла, такимъ образомъ, не менѣе двухъ съ половиной тысячъ злотыхъ — цифра по тому времени весьма значительная. Пташицкій вычисляетъ, что на эту сумму можно было тогда купить болѣе 600 быковъ. Но судъ присудилъ типографію съ 140 книгами старому креди-

тору Федорова, Якубовичу. По свидѣтельству львовскаго православнаго епископа Гедеона Балабана, «зъявились таковые купчикове, хотѣвшіе оныя всѣ матрицы и приправы друкарскіе купить, а до московскіе земли съ панствъ его королевской милости вывезти». Этотъ странный ревнитель православія, сыгравшій очень странную роль въ борьбѣ съ только что возникшимъ въ Львовѣ братствомъ и въ подготовкѣ и принятіи Брестской уніи, нашелъ, однако же, что вывозъ типографіи въ Москву могъ послужить «шкодою немалою церквамъ Божіимъ и всему православію, закону святого греческаго», и «ужаливши таковыя шкоды, абы той скарбъ до чужей земли не выношался», купилъ типографію Федорова въ разсрочку, вмѣстѣ съ львовскими мѣщанами. Денегъ онъ уплатить не смогъ, и типографія перешла въ собственность внесшаго всю сумму львовскаго братства, получившаго отъ патріарха Іереміи званіе Ставропигійнаго. Братство не только купило, но и «выдвинуло друкарню опущеную». Такимъ образомъ главное наслѣдіе Федорова перешло въ распоряженіе демократическаго элемента въ борьбѣ за православіе, которому онъ наиболѣе сочувствовалъ.

Типографія (но не первопечатный станокъ Федорова) сохранялась при русскомъ ставропигійномъ институтѣ во Львовѣ, по сообщенію Птащицкаго, до конца XIX вѣка. Менѣе посчастливилось могилѣ Федорова, отъ которой долго оставалась одна надгробная плита съ надписями: «друкарь книгъ предъ тымъ невиданыхъ», и, по краямъ плиты, вокругъ его издательскаго герба: «Іаннъ Федоровъ, друкарь москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ». Надпись, какъ видимъ, не совсѣмъ правильная и не выражающая дѣйствительной заслуги Федорова передъ потомствомъ, но все же свидѣтельствующая о томъ, что современники Федорова сознавали большое значеніе взятой имъ на себя роли. Къ сожалѣнію, и этотъ реальный слѣдъ послѣдняго пребыванія Федорова погибъ: плита была разбита на мелкія куски при перестилкѣ церковнаго пола, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до пятисотлѣтней годовщины смерти Федорова (1883). Только современному научному изслѣдованію суждено было возстановить значеніе сдѣланнаго Федоровымъ дѣла и освѣжить «занедбалую» память объ этомъ замѣчательномъ русскомъ дѣятелѣ и человѣкѣ.

П. Милюковъ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ПАРИЖСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Известно, какъ Петръ 1-ый любилъ обозрѣвать всѣ сколько-нибудь важныя научныя учрежденія, и немудрено, что въ бытность свою въ Парижѣ онъ не отказался отъ посѣщенія Королевской Библіотеки, помѣщавшейся тогда на улицѣ Вивіеннъ, напротивъ теперешняго сада. Несмотря на тѣсноту зданія, откуда она скоро выѣхала, она была однимъ изъ самыхъ богатыхъ и знаменитыхъ книгохранилищъ Европы. Просвѣщенные путешественники обязательно осматривали ее. Путеводители по Парижу упоминаютъ о ней въ числѣ прочихъ достопримѣчательностей столицы, и, хотя ея собранія по богатству своему значительно уступали собраніямъ теперешней Національной Библіотеки, безпрерывно пополнявшейся въ теченіе двухъ столѣтій, у ней было то преимущество, что при ней имѣлись основанныя Кольберомъ и замѣчательно хорошо оборудованныя типографія и гравировальная мастерская, гдѣ были отпечатаны нѣкоторые изъ самыхъ прекрасныхъ увражей, которые появились во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ: такъ называемыя изданія королевскаго кабинета.

Петръ пріѣхалъ въ Парижъ 7 мая 1717 года, и посѣтилъ Библіотеку утромъ 28 числа того же мѣсяца. Удивительное дѣло: этотъ осмотръ, который имѣлъ большія послѣдствія и для Россіи и для Франціи, прошелъ

почти незамѣченнымъ для современниковъ. Аббатъ Бюше (Buchet), который посвятилъ особый номеръ *Mercure galant* описанію пребыванія царя въ Парижѣ, не упоминаетъ о немъ вовсе. За немногими исключеніями, мемуары того времени обходятъ этотъ фактъ молчаніемъ, и можно было бы усомниться даже въ датѣ посѣщенія библіотеки, ибо свидѣтельство, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ очень точное, письмоводителя Библіотеки Жана Бюва (Jean Buvat) ошибочно относитъ его на цѣлыя сутки позже. Вотъ эта запись, которую я воспроизвожу по рукописи Національной Библіотеки (fonds fr. 13.691, f° 358 r° sqq)[1] :

Le Czar ou grand Duc de Moscovie

Петръ I-ый,
современная гравюра (1717 г.) изъ кабинета эстамповъ Нац. Библіотеки

« Le 29, le Czar fut à la Bibliothèque du Roy à onze heures du matin, accompagné du prince Korakin, qui se tint debout derrière Sa Majesté, et de son vice-chancelier, qui se tint aussi debout de l'autre côté de la table. Le Czar étoit assis dans un fauteuil à qui M. l'abbé de Louvois, Bibliothé-

1. Дневникъ Бюва напечатанъ: *Journal de la Régence* (1715-1723) par Jean Buvat, écrivain de la Bibliothèque du Roi, p. p. Emile Campardon, 2 volumes, Paris, 1865. Приведенный мною отрывокъ помѣщенъ въ т. I, стр. 269-271. Изданіе

caire du Roy, fit voir plusieurs anciens manuscris grecs, enrichis de très belles miniatures, dont quelques-unes de piété lui plaisoient, et les baisoit en y approchant sa joue. On luy fit voir les pièces les plus rares et les plus curieuses qui se conservent dans cette nombreuse Bibliothèque, et entre autres le Tombeau de Childéric, Père de Clovis, premier Roy chrétien (« Je lui presentay ce Monument. ») On luy fit remarquer un gros cachet d'or en manière de Bague qui se met au doigt, dont on prétend que ce Prince scelloit ses lettres, parce qu'on lit autour de ce cachet ces mots bien gravéz : *Childerici Regis* : avec beaucoup d'autres pièces d'or du même Tombeau, une Teste de Boeuf très-bien faite, émaillée de rouge, que l'on s'imagine avoir été son Idole, plusieurs pièces de Monnoye Romaine d'or, et plusieurs Abeilles ou fleurs de Lys d'or ; sa hache d'armes que le Czar appliqua sur ses deux joues par une manière de vénération pour la valeur de cet ancien monarque des François ; après quoi, le Czar se leva et se retira avec M. Dulibois, gentilhomme de la chambre du Roy, qui avait ordre de l'accompagner partout. Le Czar étoit alors vêtu simplement d'un surtout de Baracan gris assez grossier, tout uni, avec une veste d'étoffe de laine grise dont les boutons étoient de Diamans ; sans cravatte et sans manchettes ny dentelle aux poignets de sa chemise, ayant une Perruque brune à l'Espagnolle, dont il avoit fait

Парижская Національная Библіотека
Рукопись 35 Славянскаго фонда

Кампардона воспроизводитъ текстъ переоѣленной рукописи Парижской Національной Библіотеки, fonds fr. 10.282, fol. 731 sqq., но не вполнѣ точно; въ частности пропущены слова «comme d'un voyageur... pardessus son surtout»; зато въ рукописи, предположительно черновой, которою я пользовался (fonds fr. 13.691), отсутствуетъ слѣдующее поясненіе: «...souvent des yeux, *ce qu'on attribuoit alors à l'effet du poison que des malheureux avoient trouvé le moyen de lui faire prendre.*» Только въ черновой рукописи имѣется примѣчаніе на поляхъ къ словамъ «premier Roy chrétien»: *«Je lui presentay ce Monument»*, объясняющее досаду Бюва. О немъ см. Henri Omont, *Revue des bibliothèques*, Juillet-Décembre 1900; Campardon, *op. cit.*, t. I, pp. 3-23.

couper le derrière parcequ'elle luy avoit paru trop longue, sans être poudrée: il y avoit un petit collet à son surtout, comme d'un voyageur. Il avoit un ceinturon garni d'un galon d'argent, par-dessus son surtout, auquel pendoit un coutelas à la manière des Orientaux. Ce Prince étoit de haute taille assez menue, plus maigre que gras, ayant le teint un peu pâle sans aucun vermillon, la veuë un peu effarée, et clignant très souvent des yeux.

«En arrivant il fit seulement un petit panchement de teste à l'Abbé Louvois qui luy fit une profonde révérence, et qui luy donnoit le titre de Majesté chaque fois que ce Prince lui faisoit quelque question. Il oublia aussi de faire aucune largesse en cette celebre Bibliothèque. Il y avoit une Brigade de douze soldats du Régiment des Gardes Françoises à la porte, sans armes à feu, qui se mirent en haye lorsqu'il y arriva et qu'il en sortit. »

Аккуратный Бюва все отмѣтилъ, даже испытанное имъ разочарованіе, что это блистательное событіе ничѣмъ не скрасило его скуднаго существованія мелкаго бумагомарателя. Но въ датѣ онъ ошибся: осмотръ состоялся 28-го мая, какъ указываютъ Фюрси[1] и аббатъ Журденъ, который пишетъ въ историческомъ введеніи къ тому первому Каталога печатныхъ книгъ Королевской Библіотеки (1739) по поводу пополненія библіотечныхъ собраній:

« Depuis 1701 jusqu'en 1706, nous n'avons à remarquer que le present que M. de Sparwenfeld, Maistre des Ceremonies de la Cour de Suede, fit à la bibliothèque royale, de deux manuscrits rares, dont l'un est un missel romain d'une grande antiquité, et l'autre une relation de voyages en langue russe ; ce dernier estoit le seul en cette langue qui fust à la bibliothèque, lorsque le Czar Pierre I la vint voir le 28 may 1717. M. l'Abbé de Louvois l'avoit fait magnifiquement relier aux armes du Roy, et le montra à ce Prince, qui prit plaisir à en parcourir quelques endroits »[2].

1. «Le 28 (mai, le tsar alla) voir l'hostel de la Monnoie et la bibliotecque du roy». *Fragment du « Journal tenu aux Capucins du Marois » du Père Furcy de Péronne*, publié par le Vicomte de Grouchy dans le *Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*, XVIII (1891), p. 17.

2. Catalogue des livres imprimez de la Bibliotheque du Roy. Thèologie, I-re partie. Paris, 1739: Jourdain, *Mémoire histtorique*, p. XLV. Рукопись, о которой здѣсь идетъ рѣчь, числится теперь подъ шифромъ Slave 35. Она содержитъ описаніе Китая, Сказаніе объ Амурѣ и Книгу о Татарѣхъ, Николая Милеско, полиглота-молдаванина, состоявшаго на русской службѣ въ 1671—1708 гг. Въ 1675—1676 гг. онъ былъ отправленъ съ посольствомъ въ Китай. Іоганъ Гибріэль Спарвенфельдтъ (1655—1727), путешественникъ и языковѣдъ; въ молодости состоялъ при шведскомъ посольствѣ въ Москвѣ, а съ 1689—1694 путешествовалъ по Зап. Европѣ въ поискахъ скандинавскихъ рукописей и другихъ памятниковъ старины; съ 1694 по 1712 г. былъ церемоніймейстеромъ королевскаго шведскаго двора.

Нельзя принять на вѣру и разсказъ Дѣяній Петра Великаго, такъ какъ тамъ тоже ошибка въ датѣ:

«(Мая) 3 числа, осматривалъ Государь... Королевскую Библіотеку, въ которой Его Величеству поднесено было въ подарокъ же двѣнадцать превеликихъ книгъ въ александрійской листъ, переплетенныхъ въ сафьянъ подъ золотомъ, а именно: наилучшимъ образомъ выгравированныя изображенія королевскихъ зданій и садовъ въ Версаліи, и походы Людовика XIV, рисованные славнымъ Фонъ-Деръ-Миленомъ, и вырѣзанные на мѣди наилучшими граверами въ Парижѣ.» Въ примѣчаніи: «Сіи драгоцѣнныя книги Петръ Великій хранилъ всегда въ своемъ кабинетѣ, не рѣдко утѣшался разсматриваніемъ оныхъ, а по смерти его отданы въ библіотеку при Академіи Наукъ.»[1]

Аббатъ Биньонъ.
Портретъ работы Риго, гравировалъ Симонно

Дату 3/14 мая принять невозможно, такъ какъ въ этотъ день Петръ Великій былъ въ Палэ-Роялѣ и въ Оперѣ. Тѣмъ не менѣе, Дѣянія дополняютъ свидѣтельство Бюва интересной подробностью, хотя ничто не доказываетъ, что огромные фоліанты съ гравюрами изъ Королевскаго кабинета — обычное подношеніе знатнымъ посѣтителямъ — были вручены царю именно во время осмотра имъ Библіотеки.

1. Дѣянія Петра Великаго. Часть V. Москва, 1788, стр. 321. Этотъ разсказъ воспроизведенъ также у Staehlin, *Anecdotes originales de Pierre le Grand*, Strasbourg, 1787, p. 40, со словъ Черкасова, «Tcherkassof, secrétaire de ce prince».

Аббатъ Лувуа, состоявшій въ 1717 году королевскимъ библіотекаремъ, умеръ въ 1719 году, и на его мѣсто былъ назначенъ знаменитый Жанъ-Поль Биньонъ (Jean-Paul Bignon), аббатъ сэнъ-кентенскій, на долю котораго выпала задача размѣстить королевскія собранія въ Hôtel de Nevers, гдѣ они находятся и по сей день; онъ оказался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ директоровъ Библіотеки, которыхъ знаетъ ея исторія.

Аббатъ Биньонъ былъ въ то время президентомъ Академіи Наукъ. Должность эту онъ сохранилъ и послѣ того, какъ сталъ во главѣ Библіотеки. Петръ I познакомился съ нимъ, какъ съ президентомъ Академіи, когда присутствовалъ на засѣданіи 19 іюня 1717 года. Совмѣщеніе должностей академика и директора Библіотеки объясняетъ важность его роли и то подобіе диктатуры, которую онъ установилъ надъ ученымъ міромъ Франціи на протяженіи всей первой половины XVIII-го вѣка. Это обстоятельство объясняетъ намъ также, почему царь обращался именно къ нему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у него было какое-нибудь дѣло къ французскимъ ученымъ, и почему Королевская Библіотека оказалась въ центрѣ франко-русскихъ культурныхъ сношеній.

Избранный 22 декабря 1717 года членомъ Французской Академіи Наукъ, несмотря на кое-какія шероховатости, о которыхъ я разскажу въ другомъ мѣстѣ, Петръ I счелъ своимъ долгомъ, по возвращеніи въ Россію, засвидѣтельствовать, съ какимъ интересомъ и довѣріемъ онъ относился къ Академіи. Со своей стороны, Биньонъ, который постоянно заботился о томъ, чтобы поднять престижъ своихъ коллегъ и обогатить собранія Библіотеки, не упускалъ случая напомнить о себѣ царю, непосредственно или черезъ его приближенныхъ. Воспользовавшись фактомъ избранія, онъ немедленно (24 декабря 1717 г.) сообщилъ объ этомъ Петру[1]; въ тотъ же день онъ писалъ лейбъ-медику царя Арескину:

> « J'aurai soin de vous faire ramasser ce que nous pourrons découvrir de nouveau. Et de votre côté, je vous supplie de faire souvenir Sa Majesté Czarienne de l'espérance que vous m'avez donnée en son nom de nous communiquer les curiosités de ses vastes états. » [2]

---

1. Письмо это напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ, т. V (1821), стр. 180-182.

2. Архивъ Академіи Наукъ, Фондъ 1, № 5, документъ 65.

Петръ не заставилъ себя упрашивать, и, когда въ августѣ 1721 года его библіотекарь Шумахеръ пріѣхалъ въ Парижъ, онъ привезъ письмо царя къ членамъ Академіи. Принося благодарность за избраніе, Петръ сообщалъ о посылкѣ карты Каспійскаго моря, составленной по его приказанію опытными моряками.[3]

Эта карта, торжественно переданная Академіи въ чрезвычайномъ засѣданіи, хранится въ настоящее время въ Географическомъ отдѣленіи Національной Библіотеки. Въ ту пору она вызвала къ себѣ исключительный интересъ. Французскій переводъ русскихъ словъ былъ сдѣланъ въ 1725 году съ оригинала аббатомъ Габріелемъ Жераромъ (Gabriel Gérard), королевскимъ переводчикомъ «съ языковъ россійскаго, славянскаго и польскаго» («en langue russienne, esclavonne et polonoise»).

Сообщая о передачѣ карты Академіи, въ номерѣ отъ 18 октября 1721 года, *Gazette de France* приводила рядъ подробностей, которыя я резюмирую ниже.

> Когда нѣкоторыя изъ лицъ, которымъ была поручена эта задача (составить карту), проникли вглубь страны на полтораста лье, они обнаружили большое каменное зданіе, болѣе чѣмъ на половину засыпанное пескомъ и архитектурой своей напоминавшее развалины Персеполя. Войдя внутрь, они увидѣли шкафы изъ чернаго, очень твердаго дерева, заключавшіе около 3000 переплетенныхъ томовъ, въ большую четвертку; листы ихъ, толщиною въ 2—3 линіи, синяго цвѣта, а буквы бѣлыя. Когда они собрались вывезти эту библіотеку, суевѣрное мѣстное населеніе воспротивилось, потому что зданіе было священное. Путешественники изъ Московіи могли унести только три тома, которые они и доставили въ Петербургъ, гдѣ никто не могъ разобрать письмена. Царь приказалъ снять точныя копіи и послать ихъ во Францію и Англію. Ученые этихъ странъ полагаютъ, что найденное зданіе помѣщается, можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла столица скифовъ, извѣстная у древнихъ историковъ подъ именемъ Hedon Scithica.

---

3. Отпускъ этого письма, хранящагося въ архивѣ Академіи Наукъ, былъ напечатанъ П. Пекарскимъ въ его трудѣ Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, 1862, стр. 532. Въ бумагахъ аббата Биньона имѣется переводъ письма на французскій языкъ (Bibliothèque nationale, ms. fr. 22.232, fol. 58).

Дѣйствительно, нѣсколько времени спустя аббатъ Биньонъ получилъ отъ Шумахера слѣдующее письмо:

« Monsieur,

Après mon retour d'Angleterre en Hollande, j'ay trouvé cet original cy joint des charactères qu'on a rapporté du pays des Calmucks et dont la Gazette a fait mention avec ordre de vous le faire rendre, en vous priant d'en vouloir bien dire vos sentiments.

« Ce que je fais avec autant plus de plaisir que je sais qu'il n'y a personne au monde qui est plus capable d'en juger que Vous, Monsieur.

« Cet exemplaire est le plus complet de tous ceux que nous avons, si vous croyez, Monsieur, qu'il mérite un petit coin dans la Bibliothèque du Roy ou dans la vôtre, je vous prie de luy accorder cet honneur.

« Je ne partiray d'icy qu'en quelques mois pour Moscou d'où j'auray l'avantage de vous assurer plus amplement de mes très humbles respects, me faisant gloire d'être,

Monsieur,

Votre très-humble et très-obéissant serviteur

Schumacher.

à Sibourg ou
Carls-Haven,
18 Juin 1722.

Chez Mr Van der Bourg à Amsterdam. »[1]

Къ письму были приложены рукописи, изслѣдовать которыя царь просилъ французскихъ ученыхъ. Эта трудная и длительная работа, порученная Фурмону,[2] переводчику съ восточныхъ языковъ при Библіотекѣ, нѣсколько затянулась. Приводимый ниже документъ.[3] подробно излагаетъ, при какихъ обстоятельствахъ она была произведена, и разсказываетъ о торжественной церемоніи, поводомъ для которой послужило сложное и лестное порученіе, данное царемъ Петромъ парижскимъ ученымъ:

« Pendant les guerres d'entre la Perse et la Moscovie, l'Armée de Sa Majesté Czarienne *Pierre le Grand* estant vers Astracan au nord-est de la mer Caspienne, quelques soldats s'avancèrent dans les terres vers le païs des Kalmouks, et dans les débris d'un veux chasteau trouvèrent une espèce de bibliothèque. Ces livres leur parurnt d'une figure bizarre. La pluspart estoient impri-

1. Bibl. Nationale, fr. 22.233, fol. 169.

2. Etienne Fourmont l'aîné (1683-1745), оріенталистъ, знавшій 14 восточныхъ языковъ. Его братъ, аббатъ Мишель Фурмонъ, тоже оріенталистъ и переводчикъ при Библіотекѣ (1690—1746).

1. Bibl. Nationale, fr. 22.225, fol. 48-53.

mez sur des papiers plus longs que larges d'une écriture blanche sur un fond noir et de plus d'un charactère absolument inconnu. Les habitants de ces lieux ou ne voulurent ou ne purent leur donner la dessus aucun éclaircissement, ils en prirent donc et en dépécèrent plusieurs feuilles que l'on porta à Moscou par rareté.

« Sa Majesté Czarienne, le Prince le plus curieux qui fut jamais, consulta d'abord sur cette écriture les savans de Moscou et de Pétersbourg, mais inutilement, aucun n'en avoit vëu de semblable. Ensuite, elle crut devoir en faire part aux différentes universitez du Nord mais quoy qu'elles soient remplies de persones illustres pour la connoissance des langues, il ne s'y en trouva non plus aucune qui connut ce charactère.

МЕДАЛЬ,
НА ПАМЯТЬ ПРЕБЫВА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ВЪ ПАРИЖѢ, 1717. ГОДА,
При осматриванiи Королевскаго
монетнаго двора
Нечаянно въ присудствiи ЕЮ натисненная.

ОПИСАНIЕ МЕДАЛИ.
НА ПЕРВОЙ СТОРОНѢ ГРУДНЫЙ ОБРАЗЪ, ВЪ ЛАТАХЪ, ПОКРОВЕННЫЙ ПОРФИРОЮ, СЪ ПОДПИСЬЮ:
PETRUS ALEXIEWITZ, TZAR. MAG RUSS IMPERATOR.
НА ОБОРОТѢ ПРЕДСТАВЛЕНА ПРИ ВОСХОДЯЩЕМЪ СОЛНЦѢ ОТЪ ЗЕМЛИ ПАРЯЩАЯ, И ПРОПОВѢДЫВАЮЩАЯ ТРУБНЫМЪ ГЛАСОМЪ СЛАВА, СЪ НАДПИСЬЮ.
VIRES AQUIRIT EUNDO ВЪ НИЗУ. LUTET PARISI MDCCXVII.

Заглавный листъ брошюры, относящейся къ пребыванiю Петра I-го въ Парижѣ

« Enfin, une de ces feuilles fut adressée par le Czar luy même à Mr l'abbé Bignon. Tout le monde sçait qu'estant venu en France et à Paris quelques années auparavant, un de ses premiers soins avoit été de visiter la bibliothèque du Roy, de se faire instruire du nouvel établissement qui venoit d'y estre fait d'Interprètes dans les differentes langues tant anciennes que vulgaires, et surtout d'y converser avec Mr l'abbé Bignon luy-même, dont il avoit veu la réputation si répandüe dans les diverses parties de l'Europe ou il avoit voyagé autrefois, l'Instituteur alors et presque toujours le président des deux académies des Belles-lettres et des sciences. Il jugea donc que c'estoit là ou nulle part qu'il trouveroit des savans qui le satisferoient au moins sur le charactère et la langue de ces feuilles si on ne luy en donnoit pas la traduction. Mr l'abbé Bignon receut ses depesches le 1-er aoust 1722. Il les montra à Mgr le Duc d'Orléans Régent le 3 et le jour suivant la feuille fut apportée à l'Académie par M. de

Boze[1], s'estant trouvé à Versaille par hazard. Cette feuille lui fut remise pour estre rendue à Mr Fourmont, avec une lettre. Mr l'abbé Bignon l'exhortoit s'il en connoissoit les charactères a les deschifrer le plutost qu'il luy seroit possible. Le Czar ne s'estoit point trompé dans l'idée qu'il avoit eue et des Interprètes de la Bibliothèque Royale et des Mrs de l'Académie des Belles-Lettres.

« A l'inspection de la feuille Mr Fréret[2] et Mr Fourmont reconnurent l'écriture thibethienne telle qu'elle se trouve encore aujoud'hui à Lassa, à Bavantola, à Chaparam et en un mot le grand et le petit Thibeth.

« Bien plus, un missionaire revenu du Thibeth, avoit autrefois donné à Mr Fréret un Dictionaire Italien-thibethien et sur ce Dictionaire que Mr Fréret avoit prêté à Mr Fourmont avec quelques notes grammaticales du même Missionaire, Mr Fourmont s'estoit mis au fait des Principes de la langue Thibethienne comme de toutes celles qui sont voisines de la langue chinoise mais pour se servir de ce même Dictionaire dans l'intepretation de cette feuille on estoit dans l'obligation d'en changer l'ordre et de mettre le thibethien le 1-er.

« A ce travail Mr Fourmont associa son frère l'abbé Fourmont, aujourd'hui à Constantinople, ensuite il procéda à la traduction de la feuille dont voicy l'idée.

« En général, cette feuille ne fait point un discours complet, elle avoit été détachée d'un livre dont elle avoit fait partie. Mais pour le sens qu'elle présente c'est un morceau d'oraison funèbre ; elle est tout a fait dans le genre Tartare et à l'orientale, il y a des répétitions presque semblables à nos refrains ou plutost a celles des predications musulmanes, il y est fort parlé de la vie future. L'auteur est persuadé de l'immortalité de l'âme et il en donne a ses auditeurs des preuves assez métaphysiques, par exemple il prétend que la Réminiscence du passé et l'apprehension du futur forment un argument égal, l'une pour l'existence passée l'autre pour l'existence future. Les comparaisons qu'il employe sont la pluspart prises du cheval qui est l'animal que les Tartares estiment le plus, et dont ils font le plus d'usage, etc.

« Mr Fourmont, pour en donner une version plus juste, fit 4 choses :

d'abord il transcrivit cette feuille avec les charactères Thibethiens,

en 2 lieu, comme le latin par la différence de ses inflexions se plie et s'ajuste facilement à toutes les autres langues, sous le Thibethien double, c'est-à-dire en charactères du Thibet et en lettres latines, il mit une traduction latine interlinaire et mot à mot.

3èmement en marge et à costé par une version plus ample et plus libre il fit entendre ce que le tour et le génie tartare pouvait rendre un peu obscur.

4èmement. A cette même version Mr Fourmont ajouta des notes soit sur le tems dans lequel il croyoit que cette oraison funèbre avoit esté composée, soit sur la langue et les charactères Thibethiens, soit enfin sur certaines phrases communes au Thibethien et au Chinois.

---

1. Claude Gros de Boze (1680-1753) ученый археологъ, состоявшій съ 1706 года Непремѣннымъ секретаремъ Академіи Надписей.

2. Nicolas Fréret (1688-1749), историкъ и оріенталистъ, впослѣдствіи Непремѣнный Секретарь той же Академіи.

« Cette version et ces notes furent faites en François parce qu'elles devoient estre lues a Sa Majesté.

« A Versailles, Mr l'abbé Bignon mena d'abord Mr Fourmont à Mr le Duc d'Orléans. Son Altesse Royale qui les attendoit ne voulut cependant voir cette Traduction qu'après que Sa Majesté en auroit entendu la lecture, elle fut faite à Sa Majesté dans son cabinet. Mr Fourmont l'aisné, introduit par Mr l'abbé Bignon en présence de Mr le Duc de Charost, gouverneur du Roy, et de quantité d'autres seigneurs de la cour, eut cet honneur.

« Sa Majesté écouta avec plaisir et la traduction et ce qui luy fut lu des notes c'est-a-dire l'historique, elle fit même et à Mr l'abbé Bignon et au S. Fourmont l'aisné plusieurs questions très spirituelles sur la Géographie du Thibeth, sur le reste de la Tartarie et le voisinnage des Chinois, Mr le Duc de Charost avec une politesse infinie représenta à Sa Majesté le Bonheur de la France de posséder des savans du I-er ordre, et combien le règne de Sa Majesté seroit glorieux si elle les honnoroit de sa protection, il ajouta même que quoique le règne de L. 14 son Bisayeul eut esté magnifique en tout, Sa Majesté voyoit dès ses Ières années une chose que le Roy Louis 14 n'avoit point veüe, c'est qu'au lieu que le Roy Défunt avoit envoyé lui même chercher des savans dans les pays étrangers on envoyoit aujourd'huy de l'Extrémité de l'Europe consulter ceux de Sa Majesté comme les plus habiles qui fussent au monde. Le Roy répondit a toutes ces honnestetés avec une sagesse admirable, dit que c'estoit bien son Dessein et congédia l'Assemblée de l'air le plus gracieux.

« Mr l'abbé Bignon et Mr Fourmont rentrèrent dans l'appartement de Mr le Duc d'Orléans. Ce Prince en savant et avec cette familiarité qui luy dévouoit tous les gens de lettres prit la feuille Thibethienne, en considera attentivement les charactères, fit sur leurs figures plusieurs raisonnemens philosophiques,examina la manière dont Mr Fourmont avoit rangé ses différentes traductions, voulut lire luy même la dernière et une partie des notes qui l'accompagnoient; on avoit porté à Versailles le dictionaire Thibethien pour faire voir à son Altesse Royale qu'obligez de le retourner, Mrs Fourmont n'avoient pu luy aporter cette traduction plutost et comme son Altesse Royale estoit très au fait du Chinois on s'entretint pendant quelque tems avec elle du Thibethien, du Chinois et de la langue des Tartares de Niuche, dont on luy dit qu'on avoit à la Bibliothèque du Roy les livres les plus superbes, enfin, comme dans ces notes il estoit fait mention des Descendans de Ginguiskan qui avoient subjugué depuis le Thibet jusqu'à la Pologne et sous lesquels par conséquent ces livres Thibethiens avoient esté apportez où composez dans le pays des Callmouks, la conversation passa donc de Ginguiskan et ses enfants à Tamerlan, dont les descendans règnent encore aujourd'hui au Mogol et à l'occasion des uns et des autres on cita différens manuscrits de la Bibliothèque Royale qui contiennent leur histoire. Mr le Duc d'Orléans sentoit mieux qu'aucun autre la difficulté d'une telle traduction et Mr Fourmont l'aîné, en philosophe, luy indiqua luy même les endroits qui luy faisoient quelque peine.

« Ce fut aussy dans le même goust que Mr l'abbé Bignon en écrivit à sa Majesté Czarienne.

« Après avoir fait transcrire toute cette pièce en Thibethien, en latin et en françois par le Sr Sohier, un des interprètes de la bibliothèque du Roy pour le Moscovite, l'avoir fait tradüire en Moscovite même par le Sr Goussein, autre interprète, il accompagna ce paquet d'une lettre addressée à Pierre le Grand, Empereur de Russie, pour répondre à celle qu'il avoit receue de luy le 1er jour d'Aoust 1722, il luy faisoit en peu de mots le récit de tout ce que l'on vient de lire et pour la traduction il luy marquoit que quoique les Interprètes du Roy eussent fort souhaité donner à un grand empereur comme luy toute la satisfaction possible sur une curiosité de cette nature cependant ils n'osoient se flatter d'avoir réussi partout, le Dictionaire qu'ils avoient de la langue du Thibeth n'estant pas fort abondant et la feuille thibéthienne ne contenant pas assez de termes pour faire de l'un à l'autre les comparaisons nécessaires, qu'à l'égard du charactère, Sa Majesté pouvoit estre sure que c'estoit celuy du Thibeth, que comme ce païs n'estoit pas loin de ses états elle estoit plus à portée que persone d'en faire venir des livres, que c'estoit même une chose a faire parce que le Thibeth passoit pour un païs lettré et que les missionaires nous en avoient parlé d'une manière assez avantageuse, voila en substance ce que lui écrivoit Mr l'abbé Bignon.»

Рукопись, доставившая такъ много хлопотъ Фурмону и подавшая поводъ для столь пышной церемоніи, дѣйствительно оказалась тибетской, хотя приведенный выше документъ позволялъ усомниться въ правильности діагноза почтеннаго ученаго[1]. Въ настоящее время выяснено, что присланный изъ Петербурга фрагментъ, копія съ котораго хранится въ Національной Библіотекѣ, вмѣстѣ съ опытомъ перевода на латинскій и на французскій языки (fonds tibétain, 470), составляетъ часть «Канджура», стотомнаго собранія тибетскихъ священныхъ книгъ (часть седьмая, книга 8-ая). Переводъ, изготовленный братьями Фурмонами, при провѣркѣ оказался никуда не годнымъ[2]; впрочемъ, и самъ переводчикъ судилъ о немъ, «какъ истинный философъ», указавъ герцогу Орлеанскому на подозрительныя мѣста въ текстѣ. Т. С. Байеръ (*Museum sinicum*, Petropoli, 1730, Praefatio, p. 108), сообщаетъ, что рукопись была найдена въ районѣ теперешняго Семипалатинска; на стр. 109—124, онъ воспроизводитъ работу Фурмона[3]. См. также L. Feer,

1. Дальнѣйшая часть статьи написана мною въ сотрудничествѣ съ Г. Л. Лозинскимъ, который также помогъ мнѣ свѣрить съ подлинниками всѣ воспроизведенные здѣсь документы.

2. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. I, Calcutta, 1832, p. 270 sq.: «Translation of a Tibetan Fragment, by M. Csoma de Kôrös...» Фурмонъ принялъ за тибетскія слова санскритскіе термины, которыми изобилуетъ К а н д ж у р ъ; отсюда — глубокомысленные домыслы о лошади и прочіе плоды его фантазіи.

3. Въ 1722 г. въ лейпцигскомъ журналѣ *Acta eruditorum* (стр. 374-376) была помѣщена замѣтка о нашемъ отрывкѣ, съ приложеніемъ гравированнаго факсимиле.

Annales du Musée Guimet, tome II (1881), p. 307. Тибетскій словарь капуцина Доменико да Фано, которымъ пользовался Фурмонъ, хранится въ Національной Библіотекѣ (тибетскій фондъ 542).

Дальнѣйшая судьба тибетскаго манускрипта представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ архивѣ Національной Библіотеки сохранилась записка Э. Фурмона отъ 31 января 1723 года. Ученый оріенталистъ выражаетъ сомнѣніе въ качествѣ перевода на русскій языкъ, сдѣланнаго Госсеномъ, и рекомендуетъ замѣнить русскій текстъ латинскимъ, такъ какъ въ Россіи, предполагаетъ онъ, есть люди, понимающіе по-латыни; далѣе Фурмонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы его имя фигурировало въ документѣ, посылаемомъ царю Петру; въ-третьихъ: «Господинъ аббатъ подалъ мнѣ въ свое время надежду, что мы получимъ за эту работу награду; я убѣдительно прошу его (je le conjure) напомнить объ этомъ Его Королевскому Высочеству (т. е. регенту)».

Сохранился французскій текстъ препроводительнаго письма, составленный Биньономъ, а также русскій переводъ его, сдѣланный, судя по почерку, аббатомъ Жераромъ. Мы печатаемъ оба текста[1], что дастъ читателю возможность судить о качествѣ перевода; въ общемъ, если далеко не все въ немъ оказалось удачнымъ, то виною этому не только неопытность переводчика, но и чрезмѣрная изысканность оригинала.

« Sire,

« Je suis penetré de la plus parfaite reconnoissance de l'extreme honneur qu'il a plû à Vôtre Majesté de me faire en m'envoyant l'année derniere par le Sr Schumacher, Vôtre Bibliotecaire, une feuille tirée d'un des livres qui ont été trouvés au Pays des Calmucks. Si j'ay différé si longtems à vous en rendre mes tres humbles actions de graces, c'est que j'ay crû que Vôtre Majesté seroit bien aise qu'en La remerciant, je luy rendisse en même tems un compte exact de ce qui regarde ce Manuscrit.

« Il etoit assés difficile, Sire, de reconnoitre seulement des caracteres que nos Sçavans n'avoient point encor vûs jusqu'icy : et sans les differens interpretes en toutes langues que sur mes tres humbles prieres le Roy a attachés à Sa Biblioteque, j'avouë à Vôtre Majesté qu'il auroit été presqu'impossible d'y reüssir. A force de recherches enfin nous avons decouvert un Dictionnaire en Langue Latine et en Langue de Thibet, ayant les mêmes caracteres que ceux de la feuille qui m'avoit esté remise par ordre de V. M. Par ce secours, il nous a été permis de penetrer dans cette espece de mysteres, ou d'expliquer l'enigme

---

Разрѣшеніе его воспроизвести издатели получили отъ Шумахера, возвращавшагося изъ за-границы въ Россію. Обращеніе къ Биньону послѣдовало позже.

1. Bibliothèque Nationale, fr. 22.232, fol. 59 и fol. 56—57 (русскій текстъ).

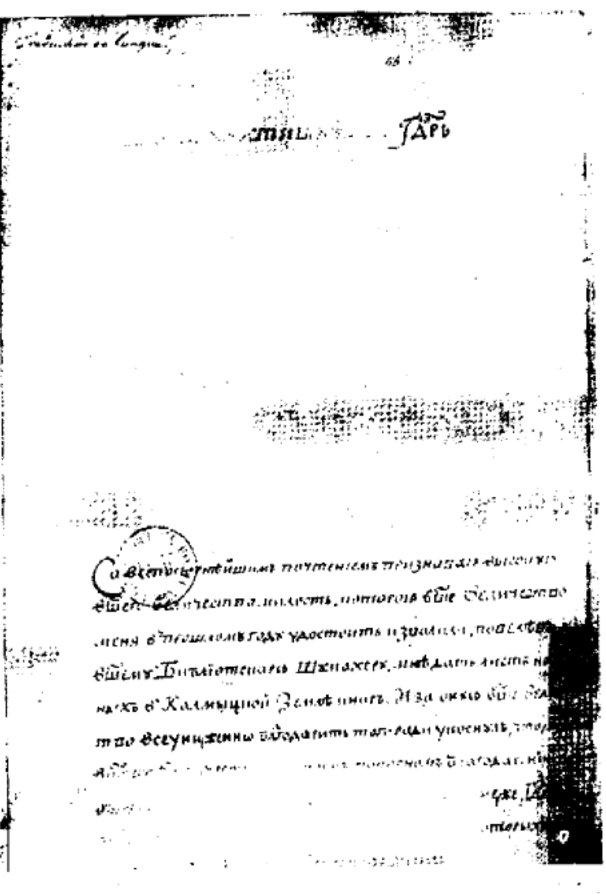
si j'ose me servir de cette expression. Nous ne nous flattons pas d'avoir entierement levé le voile ny d'avoir tout ecclaircy. Le Dictionnaire dont j'ay l'honneur de vous parler, Sire, n'ayant été fait que fort a la legere par un voyageur, il y manque un grand nombre de mots et de phrases sans lesquelles il n'est pas possible de suivre parfaitement un discours estendu. Cependant après bien des reflexions, nos Interpretes y ont trouvé une espece de sens, et il n'est pas à douter qu'ils n'allassent beaucoup plus loin s'il avoient un plus grand nombre d'ouvrages en la même langue. Vôtre Majesté pourra se convaincre par Elle même de la justesse de leurs observations par la copie figurée que je me donne l'honneur de luy envoyer. Elle y verra les caracteres inconnus auparavant, rendus par des caracteres des langues vulgaires des nos pays et au dessous l'explication mot à mot de ces mêmes caracteres en latin. A côté est ce que nous avons appellé le sens, qui est plutôt une paraphrase qu'une traduction fidelle. Nous avons crû devoir en agir ainsy à cause de la grande obscurité du texte. Si cet échantillon avoit le bonheur de plaire à Vôtre Majesté, Elle pourra dans la suite nous rendre plus habiles et par consequent plus en etat de faire, par nos progrés dans ces connoissances, quelque chose plus digne de lui estre presenté. Le Public, Sire, en profitera sous vos augustes auspices : car je m'assure que dans ce grand nombre de Manuscrits, qui suivant les nouvelles repandues en Europe, ont été trouvés dans vos Etats d'Asie, il y en aura quelques uns qui regarderont l'histoire de ces contrées ignorée jusqu'a present. Si cela étoit, nous avons tout lieu de nous flatter qu Vôtre Majesté daignera nous en faire part. Elle suit trop bien les traces de Cesar par la rapidité et la multitude de ses conquetes, pour ne pas imiter ce premier des Empereurs Romains, dans son amour pour les Lettres et pour les Sçiences ; et la France sera toujours charmée de vous devoir tout ce qui pourra contribuer a leur lustre et a leur avancement. En mon particulier, rempli de la plus haute admiration, et plein du plus profond respect, je vous suplie tres humblement de permettre que j'aye l'honneur de me dire

Sire,
De Votre Majesté
Le tres humble et
tres obeïssant serviteur... »

«Всемилостивѣйшій Государь

«Со всепокорнѣйшимъ почтеніемъ признаваю высокую вашего величества милость, которою ваше величество меня въ прошломъ году удостоить изволили, повелѣвъ вашему Библіотекарю Шумахеру, мнѣ дать листъ найденыхъ въ Калмыцкой землѣ книгъ. И за оную ваше величество всеуниженно благодарить того ради укоснулъ, что желалъ вашему величеству при моемъ покорномъ благодареніи приобщить о томъ подлинное увѣдомленіе. Понеже, Государь не безъ трудности было тѣ литеры разпознать, которыхъ наши ученые до сего времяни невидали. И когда бы мы переводчиковъ всякихъ языковъ здѣсь неимѣли, которые его величество, мой всемилостивѣйшій Государь, по моему прошенію въ свою Библіотеку принялъ, тоб невозможно было оное ко окончанію привесть. По многому перебиранію книгъ, едва мы могли найти Лексиконъ на языкѣ Латинскомъ и Тибетскомъ, въ

которомъ Литеры сходны съ характерами присланного сюды листа. И такимъ способомъ мы сию тайность разобрали, или отгадали, ежели можно сие слово употребить. Мы нелстимъся, что мы учинили всемѣрное откровеніе или изъясненіе. Ибо, Государь, вышедонесенной Лексиконъ здѣланъ въ кратцѣ чрезъ одново проѣжжего. Многия слова и речи въ немъ ненаходятъся, безъ которыхъ нелзя совершенной разговоръ выразумѣть. Однакожъ наши Переводчики по многому размышленію пришли въ некоторое доразумѣніе, и могли бы они гораздо далѣе вступить, ежели бы имѣлиболѣе такихъ писемъ. Ваше величество изволите изъ приложенного описка сами усмотрѣть справедливость сего переводу, въ которомъ изволите увидить чужестранные характеры написаны характерами знаемыхъ языковъ нашей земли, и въ низу словесное толкованіе на латинскомъ языкѣ, а на сторонѣ что мы назвали разумъ, которой можно болѣе во изображеніе нежели въ вѣрной переводъ вмѣнить. Мы разсудили, что весма надобно такимъ подобіемъ поступать для великой темноты сего писанія. И когда сей образецъ будетъ счастливъ вашему величеству угодить, то ваше величество можете насъ въ предь болѣе удобными здѣлать, также и чрезъ учиненные поспѣхи въ симъ знаніи вашему величеству достойнѣйшия показать услуги годными употребить. Конечно, Государь, весь Свѣтъ будетъ подъ вашимъ высокимъ предводительствомъ тѣмъ пользоваться. Понеже всемѣрно уповаю, что въ такомъ множествѣ рукописныхъ книгъ, которые, по вѣдомостямъ въ Европѣ разсѣяцнымъ, нашлись въ Азіатскихъ вашего Государства странахъ имѣютъ быть книги надлежащия къ Гісторіи сѣхъ странъ до сего числа незнаемыхъ. И ежели такия книги найдутъся, то мы надѣемъся, что

Первая страница письма аббата Биньона Петру Великому

ваше величество насъ оными участными учинить изволите. Правда, ваше величество слѣдуете поступкамъ Іулія Цѣсаря поспѣшнымъ и многимъ своимъ завоеваніемъ, въ такомъ равенствѣ, что Вы безъ сомнѣнія покажете такоежь ревностное стараніе, какъ сей первый Римскій імператоръ имѣлъ, ученіе и науки въ лутчей цвѣтъ привести. О чемъ Ѳранція будетъ всегда радоваться, и никогда не оскудѣетъ сияніе и вящее приращеніе оныхъ, вашему величеству приписовать. Я особливо наполненъ высокимъ удивленіемъ и всеуниженнымъ покореніемъ, всепокорнѣйше прошу ваше величество, мнѣ позволить нарещися

Всемилостивѣйшій Государь
вашего величества
всепокорнѣйшимъ и всепослушнѣйшимъ слугою
подписалъ Абатъ Биніонъ.

Из Парижа въ 1 день Ѳевраля мѣсяца.
1723 году [1].

Въ бумагахъ Биньона не сохранилось указаній на дальнѣйшую переписку по вопросу о тибетской рукописи. Биньону, конечно, важно было поддерживать сношенія съ его русскими корреспондентами, такъ какъ этотъ превосходный администраторъ поставилъ себѣ задачей обогатить Королевскую библіотеку русскими книгами и вообще разнаго рода поступленіями изъ Россіи. въ томъ числѣ восточными рукописями. Но желаніе его начало исполняться только по смерти Петра перваго. Первое упоминаніе о прибытіи книгъ изъ Петербурга относится къ 1730 г. О болѣе раннихъ заботать Биньона свидѣтельствуетъ любопытное письмо его аббату Жерару отъ 20 ноября 1725 г., въ которомъ указывается, что, на случай смерти князя Куракина (русскаго посланника), необходимо позаботиться, чтобы его книжное собраніе попало въ Королевскую библіотеку[2]. 12 апрѣля 1725 года, благодаря Шумахера за извѣщеніе о кончинѣ государя, Биньонъ проситъ своего корреспондента не забыть прислать обѣщанныя книги и вообще все, что Петръ предназначалъ для Парижа[3]. Но исторія пополненія русскаго фонда въ XVIII-мъ вѣкѣ послужитъ темой особой работы[4].

1. *Между первой и второй строчкой зачеркнуто:* «въ Парижѣ 1723 году въ 1 Апрѣля мѣсяца». Въ дѣйствительности, письмо было отправлено только 7 декабря 1723 г.

2. « M. l'abbé Girard à la Bibliothèque du Roy. Si M. le prince Kourakine venoit à mourir, il faudrait tâcher que sa petite Bibliothèque ne nous échapât pas. Vous pouriés prendre par avance vos mesures et la marchander comme si c'était pour vous. Bien entendu qu'elle serait payée des fonds de la Bibliothèque. C'est une négociation que vous pourriés mener à bien avec vôtre prudence ordinaire. » Bibl. Nat., fr. 22.234, fol. 54.

3. Bibl. Nat., fr. 22.233, fol. 173.

4. О русскихъ книгахъ Дидерота см. Временникъ, т. III.

**
*

Мы разсказали, на основанiи неизданныхъ документовъ, о любопытныхъ послѣдствiяхъ посѣщенiя Петромъ Великимъ Королевской Библiотеки. Нацiональная Библiотека хранитъ еще одно воспоминанiе о дняхъ, проведенныхъ имъ въ Парижѣ: это случайно обнаруженный П. Н. Апостоломъ въ каталогѣ Histoire de France листокъ (16,8 x 32,4 см.), украшенный аляповатой виньеткой, изображающей Петра Великаго въ сопровожденiи мальчика, женщины и двухъ мужчинъ въ восточныхъ нарядахъ; возможно, что доморощенный художникъ вдохновился гравюрой, которая помѣщена выше. Подъ виньеткой (15,4 x 14 см.) на трехъ столбцахъ напечатанъ текстъ пѣсенки, очаровательной въ своей наивности, повѣствующей о пребыванiи въ Парижѣ Петра, который, по возвращенiи въ Россiю, разскажетъ своему отцу объ оказанномъ ему прiемѣ. Мы воспроизводимъ текстъ этой рѣдкой народной листовки, исправивъ явныя опечатки, которыми она изобилуетъ.

LE CZAR OU GRAND DUC DE MOSCOVIE

Pierre Alexievicz, fils d'Alexis, est d'une maison qui règne en ce pays là depuis l'an 1610. *Il est Chrétien Grec. La domination de ce Prince s'étend hors des bornes de l'Europe assez avant dans l'Asie.*

Que de réjouissance à Paris
L'on a vu ces jours icy
De cet illustre Duc et Prince
Qui est venu voir le Roy Louis
Ayant quitté sa Province
Pour honorer les fleurs de lys.

Louis quinzième assurément
Au-devant a envoyé de ses gens
Comme estant prince de mérite,
Gouverneur de la Moscovie.
Avec grande joye chacun aspire
Le voir promener dans Paris.

Je vous salue très-noblement.
Roy, que vous êtes charmant !
Dieu maintienne vostre Couronne
Toujours en bonne prosperité
Et conserve vostre personne
Dans une parfaite santé.

Виньетка, украшающая народную листовку

A vous, grand Duc d'Orléans,
De France estant le Régent,
A tous les Princes et Princesses
Je souhaite le bonjour,
Me faisant l'honneur et gloire
D'estre reçû dans votre Cour.

Sortant du Louvre de Paris,
Sa Majesté m'a permis
D'aller visiter Versailles,
Tous les beaux corps de logis,
Et les jets d'eau admirables,
Et la Machine de Marly.

Estant de retour au Pays,
A mon père ferai un grand récit
Des grandes magnificences
Que j'ai reçû du Roy Louis,
D'y avoir vû sa présence,
J'en ai le cœur très réjoui.

Жанъ Порше

Хранитель Парижской Національной Библіотеки

НЕИЗВѢСТНЫЯ РУССКІЯ СТАРОПЕЧАТНЫЯ КНИГИ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ АНГЛІИ

Библіографія славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ довольно хорошо разработана. Описаніе славяно-русскихъ книгъ И. П. Каратаева настолько полно, что всякое новое сообщеніе въ этой области можетъ считаться только дополненіемъ къ его основному труду.

Предлагаемое описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ, которыя находятся въ заграничныхъ библіотекахъ и оставались до сихъ поръ неизвѣстными, имѣетъ не только библіографическое, но и историческое значеніе. Эти книги, по большей части привезенныя въ Англію англійскими дипломатами и купцами въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка, даютъ намъ новыя свѣдѣнія о первыхъ англичанахъ, изучавшихъ русскій языкъ. Какъ извѣстно, англичане въ то время играли весьма важную роль въ русской торговлѣ. Простымъ интеллектуальнымъ отраженіемъ этихъ экономическихъ связей былъ тотъ фактъ, что *оба* дошедшіе до насъ *единственные* экземпляры *первопечатнаго* русскаго букваря находятся въ англійскихъ библіотекахъ.

Большая часть новооткрытыхъ нами старопечатныхъ книгъ находится въ оксфордскихъ библіотекахъ, особенно въ Бодлеянской. Свѣдѣнія объ одномъ, остававшемся неизвѣстнымъ до сихъ поръ, Букварѣ (№ 18), находящемся въ Упсальской Университетской Библіотекѣ, сообщилъ намъ помощникъ библіотекаря докторъ П. М. Геббе. Въ той

же библіотекѣ имѣется довольно значительное число другихъ русскихъ старопечатныхъ книгъ (собраніе Спарвенфельдта), но, сравнивъ ихъ съ описаніями русскихъ библіографовъ, я установилъ, что, кромѣ этого Букваря, тамъ нѣтъ ничего для насъ неизвѣстнаго.

Годъ и мѣсто напечатанія большей части описанныхъ нами изданій возможно опредѣлить только по типографскимъ даннымъ или по косвеннымъ признакамъ.[1]

Среди описанныхъ мною ниже книгъ есть нѣкоторыя изданія, представляющія чрезвычайный интересъ для славянской библіографіи, напримѣръ, первопечатный славяно-русскій Букварь (№ 1), острожская Рекомая Грамматика (№ 5), пробное изданіе т. наз. Книжицы въ десяти отдѣлахъ (№ 7), и красивый ксилографическій календарь (№ 16).

Въ исторіи славянскаго книгопечатанія открытыя мною изданія (напр. №№ 3, 4, 13, 14) даютъ намъ, по моему предположенію, новое доказательство о весьма тѣсной связи между типографіями Острожской и Виленской; напримѣръ, мною доказано, что не только Кіевская типографія, но и Виленская, обогащались книгопечатнымъ матеріаломъ бывшей Острожской типографіи. Также посчастливилось мнѣ найти новое доказательство того, что такъ называемаго *перваго* изданія Острожской Библіи, повидимому, никогда не существовало.

Ѳ. И. Булгаковъ полагаетъ, что *«остается перѣшеннымъ, дѣйствительно ли было два изданія* (Острожской Библіи), *или же только нѣкоторыя измѣненія съ перепечаткою выходного листа внесены въ одно и то же изданіе»* (Иллюстрированная исторія книгопечатанія, СПБ. 1889, I, стр. 263).

Дѣло въ томъ, что извѣстные русскимъ библіографамъ экземпляры Острожской Библіи имѣютъ только одинъ выходной листъ, помѣченный либо *1580*, либо *1581* годомъ; мнѣ же удалось установить, что имѣется по крайней мѣрѣ *4* экземпляра Библіи, въ которыхъ встрѣчаются *оба* выходные листа: въ Лондонѣ (Британскій Музей), въ Оксфордѣ (Бодлеянская Библіотека), въ Пулавахъ (см. Іохеръ, *Obraz bibl.-hist.*, II,

---

1. Во время моего пребыванія въ Ленинградѣ осенью 1936 года я могъ убѣдиться, что найденныя мною въ Оксфордѣ книги тамъ неизвѣстны. Пользуюсь случаемъ, чтобы поблагодарить администрацію Публичной Библіотеки и особенно А. Ѳ. Бычкова и В. В. Майкова за цѣнное содѣйствіе, которое они оказали мнѣ въ моихъ розысканіяхъ. Приношу также искреннюю благодарность С. П. Ремизовой — Довгелло за прочтеніе нѣкоторыхъ трудныхъ рукописныхъ помѣтокъ.

стр. 107) и у шотландскихъ Бенедиктинцевъ (см. Добровскій, *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* стр. L). Сравнивъ одинъ изъ этихъ экземпляровъ Британскаго Музея съ другимъ экземпляромъ той же Библіотеки, имѣющимъ только первый выходной листъ (1580 г.), я констатировалъ, что, кромѣ этого, между ними *никакой другой разницы нѣтъ*. Еще менѣе вѣроятно, чтобы была разница между экземплярами, имѣющими оба выходные листа, и тѣми, въ которыхъ встрѣчается только второй выходной листъ (1581 г.).

Поэтому я думаю, что: 1. все, что говорилось о *большомъ употребленіи виленскаго шрифта* въ такъ называемомъ *второмъ изданіи* Острожской Библіи (Сахаровъ, Ундольскій, Некрасовъ), — весьма сомнительно; 2. если дѣйствительно есть кое-какая типографская разница въ нѣкоторыхъ другихъ экземплярахъ, то это не имѣетъ никакой связи съ различіемъ ихъ выходныхъ листовъ; 3. всѣ экземпляры, которые имѣютъ только одинъ выходной листъ, — неполны; 4. есть только одно изданіе этой Библіи, оконченное въ 1580 г., но выпущенное только въ 1581 г.: иначе мы не можемъ объяснить, почему эта книга, напечатанная въ 1580 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ, имѣетъ титульный листъ, помѣченный 1581 годомъ.

Кромѣ Острожской Библіи, имѣется еще одинъ примѣръ подобнаго промедленія, а именно съ такъ наз. Книжицей въ десяти отдѣлахъ, пробное изданіе которой, открытое мной, описано ниже подъ № 7. Трудно установить, случайно ли было это промедленіе, незначительное въ изданіи маленькой книги, весьма долгое въ изданіи огромной Библіи, или же въ немъ повиненъ самъ князь К. К. Острожскій. Позволительно думать, что онъ самъ просматривалъ, отъ доски до доски готовыя уже напечатаныя въ своей типографіи книги передъ окончательнымъ ихъ выпускомъ. Разумѣется, прочтеніе Библіи взяло у него гораздо больше времени, нежели просмотръ Книжицы.

Въ дальнѣйшемъ, ссылки на номера Каратаева относятся къ его Описанію, напечатанному въ 1883 г., въ 34-омъ томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Имп. Академіи Наукъ.

1. Букварь, въ 8-ую долю листа, безъ обозначенія года и мѣста печатанія; 52 ненум. листа; кирилловская сигнатура тетрадей (кото-

рыхъ 6½) внизу: 1-7; полный наборъ страницы 13 строкъ; киноварь употреблена только для заглавія на первомъ листѣ.

Заглавіе: — *Начало Ученіа Дѣтемъ хотящимъ разумѣти писаніе...* На листѣ 1^5: *а сіа азбука от кни ги осмочастныа сірѣчь грамматікіи.* На листѣ 6^2 (на оборотѣ): *Сказаніе како состави святый Кирилъ философъ азъбуку...* Текстъ кончается на лицевой сторонѣ 52-го листа (7^4).

Страница изъ Букваря (№ 1)

Трудно установить, гдѣ и когда былъ напечатанъ этотъ первопечатный букварь; но извѣстно, что одинъ экземпляръ этой книжки принадлежалъ Томасу Скефингтону, который умеръ въ 1592 г. Тотъ же экземпляръ принадлежалъ раньше Томасу Готри (T. Hautrie), который привезъ его съ собой въ Англію изъ Россіи.[1] Это былъ англійскій торговый агентъ въ Вологдѣ въ 1555-8 гг., и снова съ 1560 г.; онъ подписалъ въ Москвѣ въ 1567 г. переводъ знаменитой **Привилегіи**, которую далъ англійскимъ купцамъ царь Иванъ. Съ 1569 г. онъ наблюдалъ въ Лондонѣ за переводами королевскихъ грамотъ (о немъ см. Галютъ, Гамель, Calendar of State Papers и др.). Неизвѣстно, былъ ли онъ еще разъ послѣ 1569 г. въ Россіи. Предположеніе, что онъ привезъ въ Англію этотъ Букварь въ 1559 или въ 1569 г., противорѣчитъ фактъ, что эта книжка очевидно служила образцомъ для напечатанной въ Острогѣ въ 1598 г. **Словенской Рекомой Грамматики** (см. ниже № 5), которая имѣетъ одну заставку изъ этого Бук-

1. Впрочемъ, у меня есть основаніе думать, что доставилъ его въ Англію, не самъ Готри, а англійскій морякъ Уильямъ Смитъ (William Smythe), между 1574 и 1576 гг.

варя (объ этой заставкѣ см. ниже, подъ № 3). Но до 1580 года въ Острогѣ типографіи не было. Виленская типографія не работаетъ съ 1525 до 1574 года. Первая книга напечатанная во Львовѣ, Апостолъ Ивана Федорова, была издана только въ 1574 г. Проблема сводится къ слѣдующему: либо этотъ Букварь былъ напечатанъ въ Москвѣ около 1565 г.,[1] либо Готри бывалъ въ Россіи и послѣ 1569 года; въ послѣднемъ случаѣ это изданіе, судя по заставкамъ и по содержанію книги, было напечатано въ одной изъ западно-русскихъ типографій, вѣроятно, около 1574 г.

Экземпляръ букваря, на которомъ есть надпись Hautrie и Skeffington находится въ Кэмбриджѣ, въ Библіотекѣ Троицкаго Колледжа (Trinity College); онъ переплетенъ въ красивый польскій или русскій кожаный переплетъ вмѣстѣ съ однимъ сходнымъ польскимъ букваремъ, единственнымъ экземпляромъ первопечатной польской учебной книги, изданной (безъ обозначенія мѣста и года), вѣроятно, около того же времени въ Вильнѣ или во Львовѣ.

Второй экземпляръ этого славянскаго Букваря находится въ Оксфордѣ, въ Бодлеянской Библіотекѣ. Въ немъ есть разныя надписи, напр. Thomas Elmer», «John Bomar». Объ этихъ лицахъ, вѣроятно, торговавшихъ въ Россіи, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, которыя позволили бы намъ опредѣлить точнѣе время напечатанія этого букваря.

2. Часовникъ съ Азбукою, напечатанный въ Вильнѣ въ 1596 г., въ 8-ую долю листа. На первомъ листѣ заглавіе: *Часовник в нем же напред и азбуки к наученію дѣтемъ хотящимъ разумѣти писаніе.*

Экземпляръ того же Часовника (безъ Азбуки) описанъ Каратаевымъ подъ № 144. Неизвѣстно, отдѣльно ли были изданы Часовникъ и Азбука, или же дѣйствительно издано только одно соединенное изданіе, Часовникъ съ Азбукою, котораго это — единственный полный экземпляръ.

Азбука имѣетъ 38 листовъ съ отдѣльными сигнатурами: 1⅛, 2⅛, 3⅛, 4⅛, 5⅛+2 листа безъ помѣты. На 38-омъ листѣ обозначенъ годъ изданія: *В Вилни в лѣтѣ от созданіа міра 7104, а от Рожества Христова 1596.*

---

1. Мнѣ удалось сличить экземпляръ московскаго Часовника 1556 г., хранящійся въ Брюссельской Королевской Библіотекѣ, съ обоими англійскими экземплярами Букваря и установить, что шрифтъ ихъ и печатная площадь одинаковы.

Экземпляръ находится въ Кэмбриджѣ, въ библіотекѣ Trinity College; конецъ Часовника утраченъ.

3. Часословъ, напечатанный въ Острогѣ или въ Вильнѣ около 1597 г., въ 8-ую долю листа; 161 ненум. листовъ, шрифтъ крупный, по 13 строкъ на страницѣ, на оборотѣ 55-го листа 15 строкъ, а на 95-омъ листѣ 14 строкъ. Киноварь употреблена только для заглавной вязи и для прописныхъ буквъ статей. Кирилловская сигнатура тетрадей (которыхъ 20 + одинъ листъ безъ помѣты) внизу, отъ *а* до *г*[8] (+1).

Содержаніе книги. л. 1: ***Начало Вечерни...*** л. 18 (В[2]): ***Начало третіаго часа...*** л. 61 (S[5]): ***Начало Утрени...*** л. 93 (К[5]): ***Начало Павечерницы Великія...*** л. 119 (Н[7]): ***Канонъ Пресвятѣй Богородицы...*** л. 143 (Р[7]), на оборотѣ: ***Тропари Въскресные...*** л. 152(С[8]),на оборотѣ: ***Тропари и Богородичны и Кондаки.*** Текстъ кончается на лицевой сторонѣ 161-го листа: но въ самомъ концѣ книги есть одинъ листъ, на которомъ видно нѣсколько словъ (значеніе ихъ неясно), оттиснутыхъ безъ чернилъ. Не оттискъ ли это выходного листа, который утраченъ?

Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ, по крайней мѣрѣ съ 1620 года; первый владѣлецъ неизвѣстенъ.

Что касается года выхода этой книги, она напечатана очевидно ранѣе слѣдующаго изданія (№4), которое имѣетъ нумерованныя страницы и нѣсколько типографскихъ исправленій (напр., въ концѣ книги стоитъ точка вмѣсто запятой), и, вѣроятно, послѣ 1593 года, потому что въ самомъ переплетѣ книги есть отрывокъ одного нѣмецкаго календаря за этотъ годъ. Трудно установить, гдѣ она напечатана. Заставка на первомъ листѣ этой книги позднѣе была употреблена и въ напечатанной въ Вильнѣ въ 1618 г. Грамматикѣ (см. ниже, № 13 и № 14). Поэтому можно думать, что этотъ Часословъ напечатанъ въ Вильнѣ. что это — одно изъ Виленскихъ анонимныхъ изданій, выходившихъ безъ обозначенія мѣста и времени напечатанія послѣ 1597 года. Но, съ другой стороны, нужно отмѣтить, что эта заставка, очевидно, была оригиналомъ, по которому вырѣзалась доска для заставки, находящейся въ первопечатномъ Букварѣ (см. № 1) и въ напечатанной въ Острогѣ въ 1598 г. Грамматикѣ (см. № 5)[1]. Между этими двумя заставками только слѣдующая разница: одна была оборотомъ другой. Такое сход-

---

1. Или обратно.

ство нельзя объяснять простымъ подражаніемъ, а только непосредственнымъ оттискомъ съ одной доски на другую доску. Поэтому я думаю, что этотъ Часословъ напечатанъ въ Острогѣ, гдѣ эта доска въ тѣ годы (1593-1600 гг.) и находилась. Въ такомъ случаѣ становится болѣе ясной дальнѣйшая судьба Острожской типографіи. Послѣ выпуска послѣдняго ея изданія (Часословъ 1612 г.), по крайней мѣрѣ часть типографскихъ матеріаловъ ея была перевезена въ Вильну; тожество указанной доски подтверждается трещинками и червоточинами. Дальнѣйшія свѣдѣнія даетъ намъ та самая виленская Грамматика (1618 г.), заставки и виньетки которой взяты изъ Острожской Библіи. Потому я считаю только отчасти правильнымъ предположеніе Ф. Титова, что *книгопечатные матеріалы Острожской типографіи поступили въ распоряженіе типографіи Кіевско-Печерской Лавры.*[1]

4. **Часословъ**, напечатанный въ Острогѣ или Вильнѣ, около 1597 г., въ 8-ую долю листа; 321 нумер. страница; кирилловская ихъ нумерація вверху справа — на лицевой сторонѣ листа, и вверху слѣва на оборотной сторонѣ листа (на стр. 22 и на стр. 112 нумерація на неправильной сторонѣ текста). Эта нумерація не совсѣмъ точна: оборотъ 33-ей страницы безъ текста и не считается въ нумераціи, а страницы 120 и 184 тоже бѣлыя, но входятъ въ общій счетъ; страницы 103-ей совсѣмъ нѣтъ, такъ что текстъ кончается правильно на 321-ой страницѣ, то-есть, на лицевой сторонѣ 161-го листа; на 100-ой страницѣ стоитъ число 90. По 13 строкъ на страницѣ; это только перепечатка предшествующаго изданія (№ 3), но съ пагинаціей, съ другими заставками, и съ нѣкоторыми типографскими измѣненіями (напр. нѣкоторыя заглавныя буквы большого формата, знаки препинанія исправлены и проч.). Сигнатура первыхъ трехъ тетрадей не помѣчена; потомъ идетъ внизу отъ *г* до *т*. Текстъ сходенъ, строка въ строку, съ предшествующимъ изданіемъ. Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ съ 1602 г. Его привезъ съ собой изъ Россіи въ 1601 г. Ричардъ Ли (Lee), англійскій посланникъ при Московскомъ Дворѣ[2]. Надпись его рукой на первой страницѣ: «The Russe Prayers and meditations, with divers other things of Christes Passion, in Russ», то-есть: *Русскія молитвы и размышленія, съ разными*

---

1. Титовъ, Типографія Кіево-Печерской Лавры, 1916, стр. 55.

2. О немъ см. Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Англіею, СПБ., 1883. (Сборникъ Имп. русскаго историческаго общества, 38).

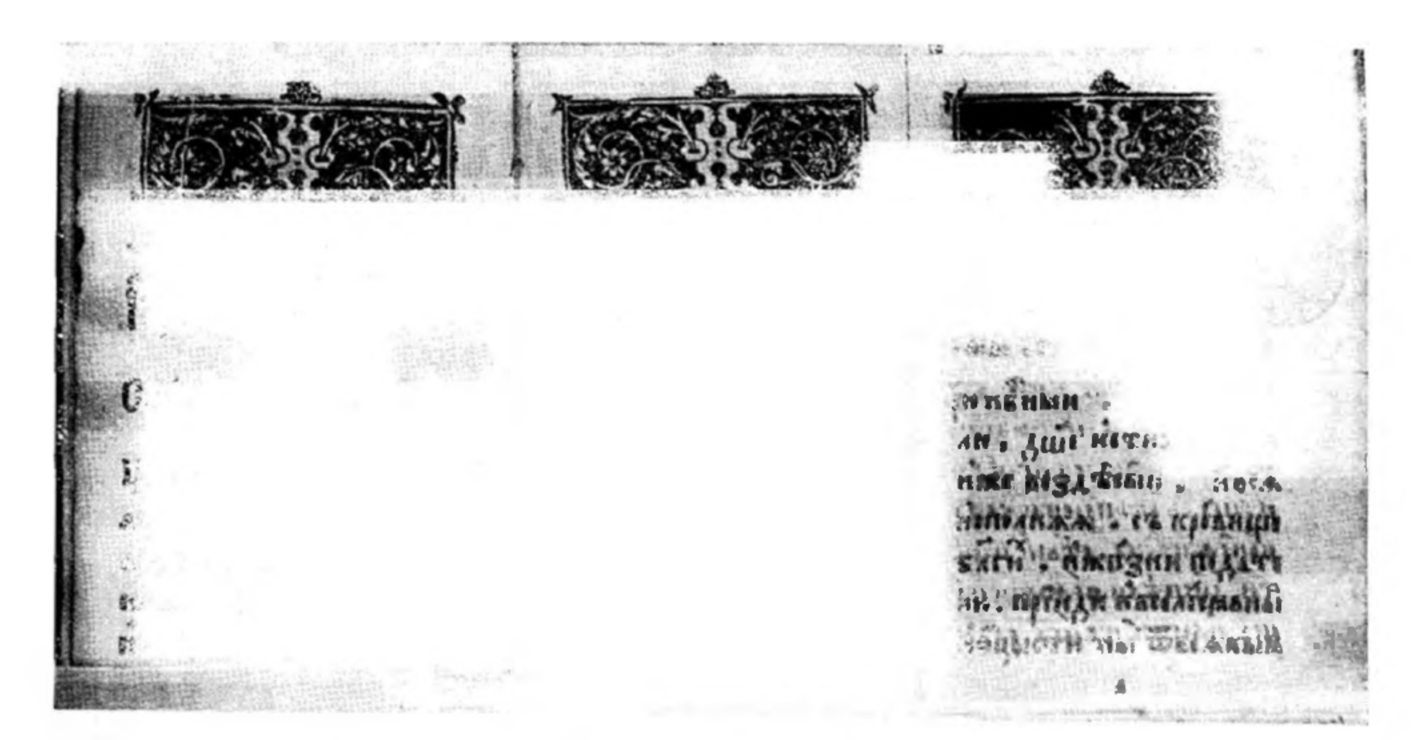
другими вещами о страстяхъ Христовыхъ, по-русски. Изъ этого видно, что онъ по-русски не понималъ.

На первой страницѣ есть (какъ и въ концѣ предшествующаго изданія) нѣсколько едва видныхъ словъ, можетъ быть, — оттискъ заглавнаго листа, который когда-то находился передъ первой страницей.

5. Сіа книжка словенская рекомая грамматика благоволеніем Божіим составися. Року 1598. (Родъ букваря.)

На оборотѣ титульнаго листа помѣщенъ гербъ князя Острожскаго. Судя по этому и по орнаментамъ, употребленнымъ также въ напечатанной въ томъ же 1598-мъ году Книжицѣ въ десяти отдѣлахъ, эта грамматика, которая въ дѣйствительности была только другимъ изданіемъ перваго Букваря (№ 1, выше), была напечатана въ Острогѣ. Книжка, въ 8-ую долю листа, имѣетъ 48 ненум. листовъ; полный наборъ страницы 15 строкъ; сигнатура на первомъ листѣ тетрадей, которыхъ 6, — 1-6[8]. На лицевой сторонѣ 2-го листа: *Начало ученія дѣтемь, хотящимъ разумѣти писаніе.* На лицевой сторонѣ 6-го листа: *А сіа азбука от книгы осмочастныя, сирѣчь грамматикіи.* На передней страницѣ 26-го листа: *За молитвъ святыхъ отецъ нашых, Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь...* На оборотѣ 39-го листа: *Сказаніе, како состави святый Кириллъ философъ азбуку по языку словенску...* На той же страницѣ текстъ начинается фигурнымъ прописнымъ *П*, тѣмъ же, что и на листѣ 186 Виленской Псалтири 1576 г. (Каратаевъ, № 88). О заставкѣ, которая находится на 2-омъ и на 26-омъ листѣ, см. выше (подъ №№ 1 и 3).

Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ съ 1602 г.; сэръ Ричардъ Ли написалъ на титульномъ листѣ: «The Russia primer or abc». На той же страницѣ кто-то другой надписалъ мѣсто и годъ изданія: «Ostrog 1518»; это ошибочное указаніе года изданія повторяется въ напечатанномъ 1674 г. каталогѣ Бодлеянской Библіотеки, что объясняетъ ошибочное сообщеніе Добровскаго объ этой грамматикѣ (*Institutiones Linguae Slavicae*, стр. XVI-XVII), которую онъ считаетъ «elementarem libellum pro puris, non Ostrogiae, sed Vilnae, 1618 impressum». Онъ зналъ, что въ каталогѣ была ошибка, но самъ съ ссылкою на Алтера не менѣе ошибочно предполагалъ тожество этой грамматики съ напечатанной въ Вильнѣ въ 1618 г. грамматикою, которая дѣйствительно и находилась въ той же библіотекѣ (см. ниже, №№ 13, 14).

Оборотъ 10-го листа изъ Грамматики, напечатанной въ Вильнѣ въ 1618 г. (№ 14). Заставка та же, что въ Часословѣ 1597 года (крайняя справа на нашемъ клишѣ)

Оборотъ 39-го листа Грамматики изд. 1598 года (№ 5). Заставка та же, что и въ первопечатномъ Букварѣ (№ 1). Она является обратнымъ изображеніемъ заставки (воспроизводимой справа) изъ Часослова (№ 3)

Первый листъ Часослова, изданнаго около 1597 года (№ 3). Сравнить заставку съ двумя другими, воспроизводимыми здѣсь.

6. Букварь, въ 8-ую долю листа, напечатанный, вѣроятно, около 1600 г. въ Острогѣ или въ Вильнѣ, съ 22(?) ненум. листами, безъ обозначенія мѣста и года печатанія.

На первомъ листѣ: *Начало ученіа дѣтемъ хотящимъ разумѣти писаніе.* На 6-омъ листѣ (на оборотѣ): *Отче нашъ.* На 7-мъ листѣ: *Вызнаніе вѣры христіянъское.* На 8-омъ листѣ (на оборотѣ): *О Адамѣ Азъбука Толковая.*

Первый листъ Букваря (№ 6)

Одинъ неполный (?) экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ; годъ поступленія 1633.

Въ этомъ Букварѣ встрѣчается та самая заставка, которая находится также въ указанномъ выше изданіи Часослова (№ 3) и въ двухъ изданіяхъ Виленской Грамматики 1618 г. (№№ 13, 14). Судя по состоянію заставки, можно предполагать, что этотъ Букварь напечатанъ ранѣе Грамматики, около того же времени, что Часословъ, и, слѣдовательно, вѣроятно, въ той же типографіи; но, какъ мы сказали выше, мѣсто печатанія Часослова остается неизвѣстнымъ. Съ одной стороны, мы не можемъ просто заключить, основываясь единственно на тожествѣ заставки съ заставкой виленской Грамматики 1618 г., что этотъ Букварь былъ напечатанъ въ Вильнѣ. Ибо, какъ мы показали выше (см. подъ № 3), часть типографскаго матеріала, употребленнаго для упомянутой виленской Грамматики, принадлежала раньше бывшей Острожской типографіи, и я считаю, напримѣръ, Часословъ (№ 3) острожской, а не виленской печати. Съ другой стороны, предположеніе, что

Букварь напечатанъ въ Острогѣ, наталкивается также на нѣкоторыя трудности, а именно: Если онъ былъ напечатанъ тамъ раньше 1598 г., то почему содержаніе его не во всемъ сходно съ содержаніемъ первопечатнаго Букваря (№ 1) и второго его изданія, острожской Словенской Рекомой Грамматики 1598 года (№ 5)? Если же онъ былъ напечатанъ въ этомъ городѣ позднѣе 1598 года, то почему въ Грамматикѣ имѣется имѣется титульный листъ, а здѣсь его нѣтъ? Представляется какъ-будто еще одна возможность: какая то третья типографія. Но это послѣднее предположеніе я считаю еще менѣе вѣроятнымъ, ибо, судя по заставкѣ, этотъ Букварь былъ напечатанъ *либо въ Вильнѣ, либо въ Острогѣ.*

7. Книжица въ десяти отдѣлахъ, напечатанная въ 1598 г. (Каратаевъ, № 154). Въ Бодлеянскомъ экземплярѣ, въ переплетѣ книги, я нашелъ 4 листа — отрывокъ болѣе ранняго, библіографамъ неизвѣстнаго пробнаго изданія той же книги. На первомъ листѣ заглавіе: *з друкарни острожское... лѣта 1598. Мѣсяца Мая, сіа книжица выдана.*

На оборотѣ титульнаго листа предисловіе, напечатанное тѣмъ же шрифтомъ, которымъ печатался текстъ книги, по 21 строкѣ на страницѣ; оно кончается на оборотѣ 2-го листа. (Другое изданіе, извѣстное библіографамъ, вышло *мѣсяца іюня, 11,* и предисловіе къ нему, напечатанное болѣе мелкимъ шрифтомъ, по 29 строкъ на страницѣ, кончается на лицевой сторонѣ 2-го листа.)

На третьемъ листѣ: *Чинъ или оглавленіе еже содержит всобѣ сіа книжица.* (Здѣсь извѣстное изданіе имѣетъ *съдержит).*

Это изданіе имѣло, вѣроятно, 145 листовъ; но, судя по отсутствію обозначенія дня выхода, можно предположить, что оно свѣта никогда не увидѣло; объ этомъ см. выше, гдѣ говорится о подобномъ случаѣ съ Острожской Библіей.

8. Молітвы повседневные. з многіх святых отец Церкве Христовы оучителей с писма греческаго вкратцѣ избраны. И ины молитвы на всю седмицу Святаго Кирvлла инока. Выдрукованы соут в Вилни в друкарни в дому Мамонічов. Року 1601.

Это — титульный листъ полнаго экземпляра той самой книжки, которую библіографы до сихъ поръ датировали, по Пасхаліи, 1602 годомъ; здѣсь впервые доказано, что она была напечатана въ 1601 г. Экземпляръ принадлежитъ Бодлеянской Библіотекѣ.

Описаніе неполнаго экземпляра у К а р а т а е в а, подъ 1602 г. (№ 168). Нашъ экземпляръ имѣетъ 18 ненум. л. + 71, 143, 168 нумер. стр. + 37 ненум. л. Въ концѣ книги, на 36-мъ листѣ, выходъ; на обороте того же листа. *За прівильем его Королевъское Милости...* На листѣ 37 напечатана только рамка; на этомъ листѣ текста нѣтъ.

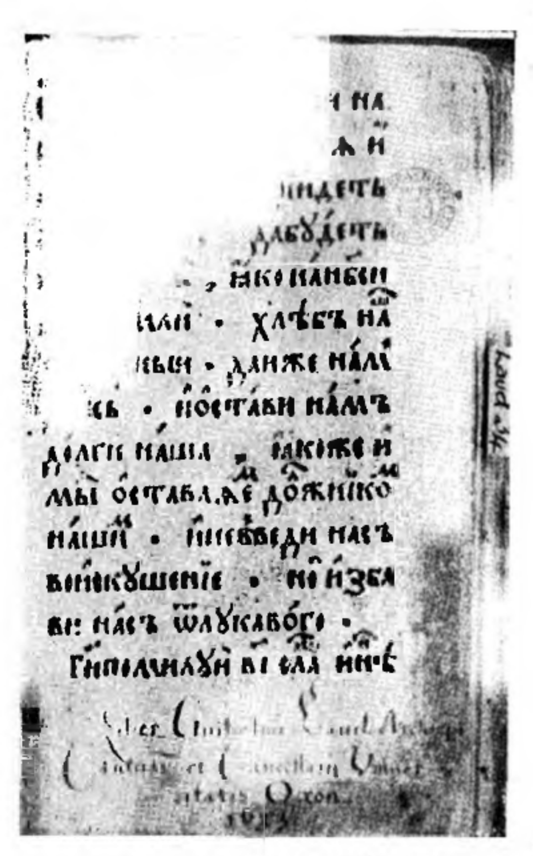

М о л и т в ы   п о в с е д н е в н ы е
Титульный листъ книги (№ 8)

9. Ч а с о с л о в ъ, напечатанный въ Острогѣ около 1603 г. въ 4-ую долю листа; 190 нумеров. листовъ; кирилловская ихъ нумерація внизу справа; безъ сигнатуръ тетрадей; съ киноварью; шрифтъ крупный, по 11 строкъ на страницѣ; безъ выходного листа. Шрифтъ и заставки тѣ же, что въ напечатанномъ въ Острогѣ въ 1602 г. изданіи (К а р а т а е в ъ, № 169), которое не имѣетъ нумераціи листовъ; поэтому можно предполагать, что наше изданіе напечатано въ той же типографіи послѣ 1 декабря 1602 г.; что закончено оно не позже 1604 года, видно изъ двухъ фактовъ: 1. экземпляръ этой книги преподнесъ Бодлеяпской Библіотекѣ Михаилъ Баркли (Berkeley) въ 1604 г.; 2. въ этой книгѣ, а также въ напечатанномъ въ 1602 г. изданіи, находится одна заставка, которая употреблена и въ Л и с т ѣ М е л е т і я, напечатанномъ въ 1605 г. въ Дерманскомъ монастырѣ (въ бывш. Дубенскомъ уѣздѣ, Волынской губ.)[1].

1. Каратаевъ. № 178; О б р а з ц ы с л а в я н о - р у с с к а г о к н и г о п е ч а т а н і я, III, № 42.

Содержаніе книги. **Листъ 1:** ***Начало вечерни;*** **листъ 21:** ***Начало 3-го часа...;*** листъ 72: ***Начало утрені...;*** листъ 110: ***Начало павечерници великіа...;*** листъ 140: *Канонъ пресвятѣй Богородицы...;* листъ 169: *Тропари въскресны. ипакои и богородичны, на осмъ гласов;* листъ 179 (на оборотѣ): *Тропари дневныа и богородичны...* Текстъ кончается на лицевой сторонѣ 190-го листа.

Второй листъ Часослова (№ 11)

Въ Бодлеянской Библіотекѣ находятся два экземпляра этой книги. Первый весьма красивый, съ надписями по-англійски и по-итальянски; изъ этого видно, что онъ принадлежалъ одному итальянцу, имя котораго трудно прочесть: «Sold to Sior Francesco the brother of Senior Deria (Gerio?)... Berulli(?)...»

Едва ли вѣроятно, что это — тотъ итальянскій священникъ Джеріо, который былъ въ Россіи еще въ 1570 г.[2] Второй экземпляръ — неполный.

10. Часословъ, напечатанный, вѣроятно, въ Острогѣ около 1605 г., въ 4-ую долю листа, по 12 строкъ на страницѣ: 1 ненум. + 151 нумер. листъ.; сигнатуръ нѣтъ; киноварь употреблена только для заглавій и для начальныхъ буквъ статей (на л. 87 употреблена также для начальныхъ буквъ текста). Безъ выходного листа.

Листъ ненум., лицевая сторона: *начинаетъ же сице. За молитовъ пречистыя матери и всех свягыхъ. Господи Іисусе Христе Боже нашъ,*

2. См. Adelung, Uebersicht der Reisenden in Russland.

помілуй насъ, аминь. Оборотъ этого листа бѣлый. Листъ 1: *Начало вечерни...;* листъ 17: *Начало 3-го часа...;* листъ 57: *Начало утрени...;* листъ 87: *Начало павечерници великіа...;* листъ 134 (на оборотѣ): *Тропари въскресны...* Текстъ кончается на лицевой сторонѣ листа 151.

Это изданіе напоминаетъ Часословъ, напечатанный въ Острогѣ въ 1602 г. (Каратаевъ, № 169), и другое изданіе той же книги, которое мы уже описали (см. № 9 выше): но оно имѣетъ другія заставки и печаталось болѣе узкимъ шрифтомъ. Водяной знакъ — всадникъ на конѣ. Одна изъ заставокъ напоминаетъ весьма близко заставку, находящуюся не только въ обоихъ вышеозначенныхъ изданіяхъ Часослова, но и въ Листѣ Мелетія, напечатанномъ въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1605 г. Изъ этого можно заключить, что это изданіе печаталось въ Острогѣ, послѣ передачи оригинальной доски изъ Острога въ Дерманскую типографію.

Экземпляръ находится у доктора Гастера, въ Лондонѣ.

11. Часословъ, въ 8-ую долю листа, безъ обозначенія года и мѣста печатанія; 149 ненум. листовъ; сигнатура тетрадей внизу справа, 1 — 18^8, 19^5. Текстъ кончается на лицевой сторонѣ 149 листа; на оборотѣ заставка. Шрифтъ крупный, по 14 строкъ на страницѣ, безъ киновари. Нѣкоторыя заглавныя буквы помѣщены въ рамкахъ на черномъ фонѣ.

Единственный экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ; первый листъ утраченъ; имѣются слѣдующія надписи владѣльцевъ: *1. Андрей Андреевич; 2. Либер Ричарди Глокери ѣкс доно Фиодор; 3. Третеакъ Третьяковъ сынъ мене пожаловал Божеством. 4.* Liber Guilielmi Laud, Archiepiscopi Cantuarensis et Cancellarij Universitatis Oxoniensis, 1633. Трудно установить, гдѣ и когда напечатано это изданіе: судя по орнаментамъ, оно напечатано въ Вильнѣ или въ Евьѣ[1]; но все это весьма гадательно. По тому, что этотъ экземпляръ принадлежалъ по крайней мѣрѣ пяти лицамъ, прежде чѣмъ попалъ въ Бодлеянскую Библіотеку въ 1633 г., надо полагать, что книга была напечатана гораздо ранѣе этого года.

12. Часовникъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1618 г., въ 8-ую долю листа; 247 ненумер. листовъ; по 11 строкъ на страницѣ; сигнатуры 1—31^8; послѣдній листъ бѣлый.

Въ концѣ книги выходъ: *...начата бысть печатати сіа книга часовник*

1. Мѣстечко Евье, бывш. Трокскаго уѣзда, Виленской губ.

лѣта седмь тысящ сто 26-го, мѣсяца марта 25 день во славномъ и преименитом царствующем градѣ Москвѣ... Совершена же сіа книга часовник того же лѣта мѣсяца июня в 28 день трудолюбія мастерьством софѣисково попа Никона и прочих трудившіхся во славу Богу славимому въ Троицы Господу нашему Іисусу Христу и Пресвятѣй Богородицы и всѣм святым. Аминь. Экземпляръ находится въ Лондонѣ, въ Британскомъ Музеѣ. Это (а не Московская Псалтирь 1619 г.) — первая книга, напечатанная попомъ Никономъ.

13. Грамматика, напечатанная въ Вильнѣ въ 1618 г., въ 8-ую долю листа; 40 листовъ непум.; полный наборъ страницы — 15 строкъ; сигнатура по тетрадямъ, *а—д*[8].

Заглавіе: *Грамматіка Албо Сложеніе Писмена, хотящимъся учити Словеньскаго языка. Младолѣтным Отрочатомъ. Въ Вильнѣ. Року 1618.* Киноварь употреблена только для заглавія (кромѣ чернаго *Албо*). На титульномъ листѣ гравюра на деревѣ: школа, въ которой учитель сѣчетъ ученика. О заставкѣ, находящейся на оборотѣ 10-го листа, см. выше, № 3. Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ. Первый собственникъ неизвѣстенъ.

14. Грамматика, напечатанная въ Вильнѣ, въ томъ же году; второе изданіе предшествующей книги (№ 13). Между ними есть нѣкоторая разница, напр. не употреблена киноварь для заглавія, пропущено нѣсколько украшеній, нѣкоторыя заглавныя буквы больше, другія меньше. Что это второе, а не первое изданіе, явствуетъ изъ большой трещины въ то самой заставкѣ, о которой мы говорили выше (см. № 3 и № 13), и изъ того, что здѣсь гравюра на титульномъ листѣ немного срѣзана сверху, чтобы она не покрыла послѣдней строки титула, слово *Отрочатомъ*. Листовъ 40 ненум., по 15 строкъ на страницѣ; сигнатуры *(а)—д*[8].

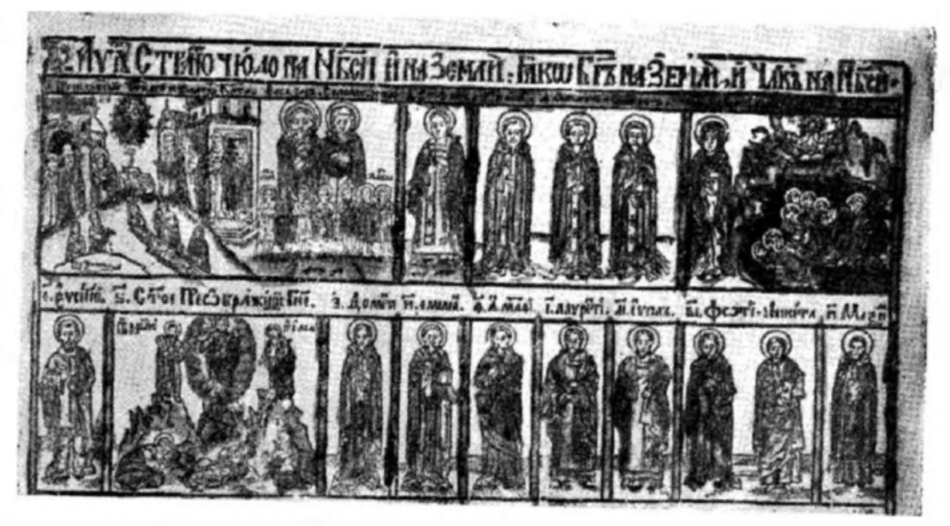
Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ. Надпись на титульномъ листѣ: «St. Mychaell Archangell Russia this 28th, Augustij 1623. William Lee». Третье изданіе этой Грамматики вышло въ 1621 г. (Каратаевъ, № 269).

15. Часовникъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1626 г. въ 8-ую долю листа; 247 нумеров. листовъ. Сигнатуры: 1—31[8]; послѣдній листъ безъ текста; текстъ кончается на лицевой сторонѣ 247-го листа. На лицевой сторонѣ 246-го листа: *...Начата бысть печатати сія богодухновенная книга Часовникъ въ царствующем градѣ Москвѣ, в лѣто седмь тысящь*

134-го, мѣсяца августа въ 20 день... Совершена же бысть в лѣто седмь тысящъ 135-го мѣсяца ноября въ 13 день.

Экземпляръ находится въ Лондонѣ, въ Британскомъ Музеѣ.

16. Календарь съ ксилографическими изображеніями и текстомъ, изданъ, вѣроятно, въ Кіевѣ въ 1628—29 гг.; 12 листовъ, по листу на каждый мѣсяцъ, съ агіографическимъ изображеніемъ на каждый день. Каждый листъ, текстъ и изображенія, напечатанъ разомъ, съ одной доски; площадь печатной страницы не вездѣ одинаковая; средній ея размѣръ: 375×300 мм.

Верхняя часть двѣнадцатаго листа Календаря (№ 16)

На большей части листовъ встрѣчается монограмма *ПБ*. На изображеніи на тринадцатое января напечатано: *Памва ижи Павел Берында.* Поэтому нужно предполагать, что Календарь напечатанъ въ Кіевѣ, и что рукописная надпись, которая стоитъ на нашемъ экземплярѣ, Fasti Moscovitici... editi... 1629, Kremenzi, — неточна. Почему упоминается здѣсь о Кременцѣ, остается неяснымъ. На нѣкоторыхъ листахъ встрѣчается монограмма гравера *ЛМ*[1]. На нѣкоторыхъ листахъ, напечатанныхъ другимъ граверомъ (?), встрѣчает-

1. О немъ см. статью Некрасова въ сборникѣ Книга в России, 1924, т. I, стр. 111.

ся монограмма *СО*. Нѣкоторые листы помѣчены 1629 годомъ, другіе 1628 или 1626. Первый листъ помѣченъ 1628 годомъ, а послѣдній 7136 (1628). На послѣднемъ листѣ встрѣчается та самая криптограмма, которая частью повторяется на отдѣльномъ листкѣ, на которомъ изображена «Чистота» (картинка у Ровинскаго, подъ № 1346) и на одномъ листкѣ, находящемся въ изданіи Отечьникъ скитскій. (Каратаевъ. № 307); оба листка кіевской печати.

Единственный экземпляръ этого мастерского произведенія древнерусскаго граверного искусства находится въ Бодлеянской Библіотекѣ и оставался до сихъ поръ библіографамъ неизвѣстнымъ, потому что онъ въ каталогѣ обозначенъ не былъ. Судя по почерку, которымъ сдѣлана вышеупомянутая рукописная надпись, онъ принадлежалъ автору знаменитой русской грамматики, напечатанной въ 1696 г. въ Оксфордѣ, Г. В. Лудольфу.

Листъ 191 (оборотъ) и начало «Соборника» изъ книги (№ 17) Молитвословецъ

17. Молитвословецъ; Вильна. (1644-45 г.), въ 12-ую долю листа; 191 нумер. листъ (нумерація ихъ вверху справа) + 14 ненум. листовъ (Соборникъ). Сигнатура тетрадей внизу, *а—п*[12], *р*[1]. По 15 строкъ на страницѣ. Первый листъ утраченъ, нѣтъ выходного листа, годъ и мѣсто изданія не обозначены; но шрифтъ и форматъ сходны съ двумя изданіями Виленской Братской типографіи, Часословомъ 1629 и Псалтирью 1630 г. (Описалъ ихъ Бычковъ, Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки, за 1886 г., Приложенія IV, V).

На *лицевой* сторонѣ послѣдняго листа, внизу, встрѣчается переносъ *Пасха:* но на оборотѣ того же листа пасхаліи нѣтъ, а имѣется только виньетка (та самая, которая встрѣчается на послѣдней страни

цѣ виленскаго Осмогласника 1582 г., а также на послѣдней страницѣ напечатанной въ Евьѣ въ 1617 г. Грамматики Смотрицкаго). Экземпляръ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ. Въ Упсалѣ имѣется другой экземпляръ, тоже неполный и безъ титульнаго листа; въ концѣ книги помѣщена Пасхалія, обрывающаяся на пятомъ листѣ: она позволяетъ датировать изданіе 1644—1645 годами.

18. Букварь, напечатанный въ Могилевѣ въ 1649 г., въ 8-ую долю листа; 32 ненум. листа. Титульный листъ: *Букварь языка Славенска. Писаніи Чтеніа оучитися Хотящим в полезное руковоженіе, в Могилевѣ, з Друкарни Монастыря Общежительнаго Братского Могилевского при Церкви Святых Богоявленій. Лѣта от Рождества Христова 1649.* На оборотѣ титульнаго листа изображеніе евангелиста Луки. Экземпляръ находится въ Швеціи, въ Упсальской Университетской библіотекѣ.

19. Часовникъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1650 г. (начатъ 7159 г., сентября 6, конченъ 7159 г., октября 1), въ 8-ую долю листа; 226 листовъ ненум.; сигнатуры 1^{1-7}, 2^{1-8} — 29^{1-3}. Экземпляръ находится въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Christ Church Colledge.

***

Въ заключеніе приведу списокъ первыхъ русскихъ книгъ Бодлеянской библіотеки, извлеченной изъ Album Benefactorum, относящагося къ первымъ годамъ существованія библіотеки.

Anno 1601. Donum Henrici Savile, Custod, Coll.
Mertonensis : Evangelia Lingua Moscovitica, fol. (1).

Anno 1602. Donum Rich. Lee, Militis et Legati
Reg. Maiest. ad Moscoviticam :
Biblia lingua moscovitica, fol. (2).
Canones ecclesiae Graecae lingua
moscovitica, fol. (3).
Liber lingua moscovit. script. per
patriarchum Alexandrinum contra
Pontificiam religionem, 8° (4).
Precationes et meditationes ling. mosc., 8° (5).

Grammatica lingua slavonica, 8° (6).

Abecedarium moscoviticum, 8° (7).

Anno 1602. Donum Lanceloti Browne, Doctoris et Reg. Maiestatis medici :

Liber precationum MS. lingua moscovitica, Vologdae, 4° (8).

Psalmi, Ms., eadem lingua, 8° (8).

Anno 1603. Donum Io. Mericke, Procuratoris negotiarum Reg. Maiestatis apud Moscovit. :

Biblia lingua moscovit., fol. (2)

Canones apostolorum et sanctorum patrum gentis Moscovit., MS., 4° (8).

Anno 1604. Donum Hieron. Horsey, militis: (9).

Quatuor Evangelia lingua moscovit., fol. (10).

Rotula quaedam exarata manu propria Jo. Basilidis imperatoris Russiae (11), quae. varios literarum characteres et regios suos titulos necnon formulas epistolarum gratulat, atque alia nonnulla suis filiis ediscenda proposuit.

Anno 1604. Mauricius Barkeley, miles, donavit 30 libras, quibus empti lib. seq : ....

Precationum liber lingua moscovit., 4° (12).

Anno 1635. Vilielmus Laud, Archiepiscopus... dono dedit :

Dictionarium Russ.-Angl. cum Grammatica Russica, 4° (13).

Dictionarium Anglo-Russicum, 4° (14).

Russ. lib., 4° (15).

Russ. lib., 4° (16).

Tractat. lingua russica impress., 8° (17).

Liber lingua russica impress., 8° (18).

1. Рукопись или печатная книга, неизвѣстно.
2. Библія Острожская, 1581 г. (Карат. № 102).
3. Виленскій Осмогласникъ, 1582 г. (Карат. № 105).
4. Т. наз. «Книжица въ 10 отдѣлахъ», Острогъ, 1598 г. (Карат. № 154, у меня № 7).
5. Часословъ (у меня № 4).
6. Грамматика, Вильна, 1596 (Карат. № 145).

7. «Словенская Рекомая Грамматика» (у меня, № 5).
8. Рукопись,
9. Онъ былъ также посланникомъ въ Москвѣ.
10. Четвероевангелiе, Вильна, 1575 г. (Карат., № 87).
11. Все это неточно. Извѣстно, что Горси былъ великимъ выдумщикомъ и фантазеромъ; весьма вѣроятно, что онъ сознательно ввелъ въ заблужденiе своего коллегу сэра Томаса Бодлея, сообщивъ, что эта рукопись, въ концѣ которой упоминается имя и титулъ Ивана Грознаго, написана собственноручно царемъ.
12. Часословъ, Острогъ, около 1603 г. (у меня № 9).
13, 14, 15, 16. Рукописи.
17. Часословъ (у меня № 11).
18. Букварь (у меня № 6).

Джонъ Барникотъ
The Bodleian Library, Oxford

РУССКАЯ ТАЙНОПИСЬ XVII ВѢКА

Нерасшифрованныя надписи Памвы Берынды

На ксилографическомъ календарѣ, напечатанномъ въ Кіево-Печерской типографіи въ 1628 году и описанномъ здѣсь же въ статьѣ Барникота [1], находится криптографическая надпись, состоящая изъ двухъ словъ и написанная особыми знаками. Второе изъ этихъ словъ входитъ также въ составъ одной до сихъ поръ еще не расшифрованной надписи, находящейся на нѣкоторыхъ народныхъ картинкахъ; о ней рѣчь будетъ ниже.

Издателемъ календаря 1628 года былъ извѣстный «архитипографъ» Кіево-Печерской Лавры, Памва Берында, монограмма котораго (ПБ) и знакъ (полумѣсяцъ со звѣздой) помѣщены передъ надписью [2]. П. Берында былъ, повидимому, большимъ любителемъ тайнописи и не упускалъ случая болѣе или менѣе эффектно зашифровать свое имя на изданіяхъ Лаврской типографіи. Такъ, напримѣръ, въ изданіи От отечьника скитскаго Повѣсть удивителна о діаволѣ..., 1626 года, онъ представилъ свое имя

1. См. стр. 61 сл.
2. Свѣдѣній о Памвѣ Берындѣ имѣется немного, и біографія его извѣстна намъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Очеркъ его жизни и наиболѣе полную библіографію о немъ даетъ книга I. Огіенко, Історія українського друкарства, том I, Львов, 1925, стр. 250-257.

въ видѣ слѣдующей загадки: «Усрьдствующа о семъ имя, пятописмно, двоскладно же. Прьвый тресложенъ. Съгласовны три, гласовны же двѣ. Число ему, девятьсотно съ двадесятьми и тремя»[3], т. е. имя состоитъ изъ пяти буквъ и двухъ слоговъ; въ первомъ слогѣ три буквы; согласныхъ три, гласныхъ двѣ; его число 923. Имя «Памвω» (съ омегой на концѣ) удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ: сумма его буквъ даетъ число 923 (П 80; А-1; М-40; В-2; ω-800). Не удовольствовавшись этой загадкой, Берында вслѣдъ за ней даетъ еще и тайнописное начертаніе своего имени, которое будетъ разобрано ниже.

Въ Тріоди, напечатанной въ 1631 году, Берында скрылъ свое имя подъ глаголической записью: «Памво иже Павелъ Беринда, протосингелъ и архитипографъ»[4].

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ календарѣ Берында щегольнулъ тайнописью. Надпись его расшифровывается срав-

Нижняя часть дѣнадцатаго листа Календаря
Внизу справа видна тайнопись

нительно легко и читается: протосиггел иерусали(мский)[5]. Принципъ, которымъ Берында пользовался для зашифровки этой надписи, состоитъ въ различной деформаціи кирилловскихъ буквъ. Буквы эти или перевернуты (Р, У), или положены на бокъ (С, Е), или недописаны (О, И), или, наконецъ, видоизмѣнены тѣмъ, что напримѣръ,

---

3. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кирилловскими буквами, СПБ., 1884, № 307, стр. 384.

4. Запись эта воспроизведена у Ф. Титова, Матеріяли для історії книжної справи на Украйні XVI-XVII в., Кіевъ, 1918, стр. 253, а также (но хуже) у М. Н. Сперанскаго, Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма, Ленинград, 1929, стр. 67.

5. Во время пріѣзда Іерусалимскаго патріарха Феофана въ Кіевъ въ 1620 году, Памва Берында былъ имъ пожалованъ званіемъ «протосингела іерусалимскаго», которое онъ, повидимому, очень цѣнилъ и часто имъ подписывался.

палочки и черточки, которыя должны идти внизъ, направлены вверхъ (П, Т, Г). Система тайнописи при помощи измѣненныхъ знаковъ извѣстна въ древней русской письменности съ XIV вѣка. М. Н. Сперанскій даетъ три примѣра такой тайнописи[6], но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на начертанія Берынды.

Разобранная нами надпись позволяетъ расшифровать другое, болѣе сложное криптографическое начертаніе того же Берынды. Оно состоитъ изъ четырехъ словъ, и до сихъ поръ его еще не удалось раскрыть. Начертаніе это повторено Берындой повидимому не менѣе четырехъ разъ. Во-первыхъ, оно встрѣчается на трехъ лубочныхъ листкахъ (народныхъ картинкахъ), напечатанныхъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, въ типографіи Кіево-Печерской Лавры. Листки эти, дошедшіе до насъ лишь въ одномъ экземплярѣ[7], слѣдующіе: 1) Чистота (на оборотѣ Лѣствицы), 2) Антоній Великій (на оборотѣ Житія преподобнаго Памвы и 3) статья О Преподобномъ Памвѣ Нитрійскомъ[10].

Кромѣ трехъ указанныхъ листковъ, такая же надпись находится на оборотѣ четвертаго листа книжки Отъ отечьника скитскаго Повѣсть удивителна, о діаволѣ, како прійде къ Великому Антонію, въ образѣ че-

6. Указ. соч., стр. 78-82.

7. О нихъ см. статью С. Маслова, «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ изданіяхъ. I. Гравированные листки Кіево-Печерской типографіи», Русскій филологическій вѣстникъ, LXIV, 1910, стр. 353-363.

8. Листокъ этотъ воспроизведенъ въ трехъ трудахъ Д. Ровинскаго: а) Русскія народныя картинки, листъ № 1346; б) Русскія народныя картинки, посмертный трудъ, печатанъ подъ наблюденіемъ Н. П. Собко, СПБ., 1900, томъ I, № 66, стлб. 47; в) Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI-XIX в. в. СПБ., 1895, томъ II, стлб. 597. Подробное описаніе картинки дано Ровинскимъ въ текстѣ Русскихъ народныхъ картинокъ, томъ IV, стр. 733-735.

9. Листокъ этотъ воспроизведенъ Ровинскимъ въ тѣхъ же изданіяхъ, что и «Чистота»: а) Русскія народныя картинки, листъ № 1345; б) то-же, посмертное изданіе Н. П. Собко, томъ I, № 8, стлб. 9; в) Подробный словарь русскихъ граверовъ, томъ II, стлб. 598. Нужно сказать, что ни въ одномъ изъ этихъ изданій криптографической надписи на картинкѣ не видно. Въ текстѣ Русскихъ народныхъ картинокъ (IV, стр. 733) Ровинскій тоже о ней ничего не говоритъ. Но С. Масловъ, изучившій подробно этотъ плохо сохранившійся листокъ, нашелъ на немъ «тайнопись изъ кирилловскихъ, глаголическихъ и др. элементовъ» (указ. статья, стр. 354). Тайнопись эта, по его словамъ, та же самая, что и на листкѣ «Чистота» (стр. 355).

10. Криптографическая надпись, находящаяся на этомъ листкѣ, была издана С. Масловымъ (указ. статья, стр. 357).

ловѣчестѣ, хотя каятися, изданной въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1626 году [11].

Сама надпись была опубликована И. П. Сахаровымъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ альбомѣ Образцы древней письменности (табл. XXVIII), вышедшемъ безъ имени автора и безъ обозначенія мѣста и года изданія. Надпись была здѣсь издана совершенно неудовлетворительно: Сахаровъ взялъ только нижнюю строку (три слова), не обративъ вниманія на первое слово, находящееся на предыдущей строкѣ. Кромѣ того, онъ измѣнилъ (очевидно, по недосмотру) начертанія двухъ знаковъ: 4-го въ послѣднемъ словѣ, и 6-го въ предпослѣднемъ. Въ такомъ искаженномъ видѣ надпись была воспроизведена въ двухъ трудахъ: въ лекціяхъ по палеографіи И. А. Шляпкина (въ таблицахъ, приложенныхъ къ изданію 1905 года: Палеографія, СПБ.)[12] и въ книгѣ М. Н. Сперанскаго, Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма (Ленинград, 1929, стр. 156), гдѣ она фигурируетъ въ главѣ, посвященной непрочтенной тайнописи [13].

Исходя изъ искаженнаго сахаровскаго начертанія, Шляпкинъ попытался расшифровать послѣднее слово, для котораго онъ предлагаетъ чтеніе: Иерeос Тимофий[14]. Эта расшифровка невозможна уже потому, что тожество 2-ой и 4-ой буквы (Е у Шляпкина) существуетъ только въ репродукціи Сахарова: на самой картинкѣ это два разныхъ начертанія (Е и У).

Изъ четырехъ упомянутыхъ начертаній надписи изданы и вполнѣ доступны два: на картинкѣ «Чистота» (три изданія Ровинскаго) и на листкѣ «О преподобномъ Памвѣ Нитрійскомъ» (изданіе Маслова). Этими двумя начертаніями мы и ограничимся для расшифровки надписа. На прилагаемомъ изображеніи надпись воспроизведена по изданію Маслова.

11. Ровинскій, Русскія народныя картинки, IV, стр. 732. Ровинскій утверждаетъ, что эта, какъ онъ говоритъ, «глаголическая» надпись та же самая, что и на листкѣ «Чистота».

12. Въ изданіи 1913 года (Русская палеографія, СПБ.), по крайней мѣрѣ, въ томъ экземплярѣ, которымъ я пользовался, этихъ таблицъ нѣтъ.

13. Сперанскому, впрочемъ, было извѣстно и правильное начертаніе надписи, т. к. въ другомъ мѣстѣ (стр. 67, прим. 1) онъ упоминаетъ о тайнописи на листкѣ «О преподобномъ Памвѣ Нитрійскомъ», изданной С. Масловымъ.

14. Очевидно онъ имѣлъ въ виду гравера и типографа Тимофея Петровича, сотрудника Берынды.

Если мы сравнимъ надпись на листкахъ съ надписью на календарѣ 1628 года, то намъ бросится въ глаза абсолютное тожество начертанія

послѣдняго слова, съ той лишь разницей, что въ календарѣ слово недописано (и е р у с а л и), а на листкахъ оно дано полностью: и е р у с а л и м с к и й. Замѣтимъ, что изъ двухъ новыхъ для насъ знаковъ, для М и для К, первый не зашифрованъ, а второй представляетъ слегка измѣненное кирилловское К, положенное на строку.

Изъ остальныхъ трехъ словъ, только первое (на предыдущей строкѣ) написано той же системой (ср. буквы П, А и О, тождественныя съ начертаніями на календарѣ 1628 года); оно читается: П а м в о. Въ немъ одинъ новый знакъ, для буквы В, который также, въ согласіи съ общей системой, представляетъ лишь деформацію кирилловской буквы: верхняя скоба смотритъ не направо, а налѣво. Буква М, какъ и въ словѣ и е р у с а л и м с к и й, не зашифрована.

Остается расшифровать два слова: второе и третье. Оба они написаны разными системами, причемъ начертанія ихъ нисколько не походятъ на начертанія разобранныхъ нами 1-го (П а м в о) и 4-го (и е р у с а л и м с к и й) словъ надписи. Системы эти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаются и явно придуманы Берындой лишь для даннаго случая. Расшифровка подобныхъ записей, особенно если дѣло идетъ объ очень короткомъ текстѣ, какъ въ данномъ случаѣ, возможна лишь если извѣстенъ, хотя бы приблизительно, смыслъ записи. Т. к. надпись начинается словомъ П а м в о, т. е. скрываетъ такъ или иначе подпись Берынды, то слово, которое непосредственно предшествуетъ слову и е р у с а л и м с к и й, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ словомъ п р о т о с и н г е л. Никакая другая комбинація тутъ немыслима. На первый взглядъ такое толкованіе кажется невозможнымъ, т. к. разбираемое слово состоитъ, какъ будто, изъ *семи* знаковъ, въ то время какъ въ словѣ «протосингелъ» ихъ должно быть 12 или 11 (если не считать Ъ). Но затрудненіе это только кажущееся: на самомъ дѣлѣ надпись состоитъ изъ 11 знаковъ, причемъ согласныя написаны нормально, въ строку, а гласныя въ видѣ маленькихъ знаковъ, расположены надъ или подъ предшествующими согласными. Гласныя эти (О, И, Е) не зашифрованы.

Для согласныхъ же Берында придумалъ спеціальные знаки, исходя повидимому изъ буквъ греческаго алфавита, которыя онъ слегка деформировалъ и поворачивалъ на 90 градусовъ (ср. знаки для П, Т, С, Н, Г, Л; знакъ для Р неясенъ). Сахаровъ въ передачѣ этого слова допустилъ грубую ошибку: *двѣ* буквы (Г съ подписаннымъ подъ нимъ Е) изобразилъ онъ въ видѣ *одного* знака. Поэтому всѣ попытки расшифровать это слово въ сахаровскомъ начертаніи естественно не могли дать никакого результата. Кромѣ того, первое О представлено у Сахарова въ видѣ *двухъ* кружковъ.

Изъ четырехъ словъ надписи нами расшифровано три: П а м в о ..., п р о т о с и н г е л и е р у с а л и м с к і й. Естественно предположить, что второе слово должно скрывать имя Б е р ы н д а. Дѣйствительно, оно заключаетъ въ себѣ 7 знаковъ. Составлено оно изъ глаголическихъ буквъ, но прочесть его, исходя изъ глаголическаго алфавита, невозможно (получится р д р з л г а). Очевидно Берында придалъ въ данномъ случаѣ глаголическимъ буквамъ спеціальное значеніе (кромѣ второго Р и А). Къ тому же, употребивъ для первой и третьей буквы (Б и Р) одни и тѣ же знаки (глаголическое Р), онъ постарался ихъ дифференцировать, придавъ первому знаку форму, приближающую его къ кирилловскому Б. Точно также пятая буква, глаголическое Л, обладаетъ формой, сближающей ее съ кирилловскимъ Н. Хотя данное слово несомнѣнно читается какъ Б е р ы н д а, или Б е р и н д а, какъ обыкновенно писалъ самъ авторъ, все же нужно сказать, что принципъ его зашифровки менѣе ясенъ, чѣмъ въ трехъ остальныхъ словахъ надписи.

Итакъ, вся надпись читается слѣдующимъ обрзомъ: П а м в о Б е р и н д а, п р о т о с и н г е л и е р у с а л и м с к и й.

Борисъ Унбегаунъ

КАБИНЕТЪ ЭСТАМПОВЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ И ЕГО РУССКАЯ ИКОНОГРАФІЯ

Національная Библіотека обладаетъ Кабинетомъ Эстамповъ, самымъ богатымъ и самымъ замѣчательнымъ въ мірѣ. И по числу листовъ, входящихъ въ его коллекціи, и по числу художественныхъ и рѣдчайшихъ экземпляровъ, и по прекрасной классификаціи матеріала, Кабинетъ Эстамповъ Національной Библіотеки далеко оставляетъ за собою другіе гравюрные и эстампные кабинеты Западной Европы. Хотя коллекціи его и съ чисто художественной точки зрѣнія богаче коллекцій другихъ странъ, но Кабинетъ Эстамповъ преслѣдуетъ не только художественныя цѣли. Коллекціи Кабинета — исключительное по богатству собраніе графическихъ документовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній: исторіи, археологіи, топографіи, этнографіи, костюмамъ, техникѣ, естественнымъ наукамъ и т. д.

Такъ, напримѣръ, если среди коллекцій Кабинета, относящихся къ исторіи Франціи, имѣется большое число униковъ, художественныхъ и рѣдчайшихъ экземпляровъ, то въ то же время коллекціи эти являются собраніемъ цѣннѣйшихъ историческихъ документовъ, почти всегда современныхъ событіямъ, собраніемъ тщательно классифицированнымъ по эпохамъ и годамъ.

Изъ какихъ источниковъ образовались эти богатства?

Частные коллекціонеры должны почитаться истинными создателями этого замѣчательнаго музея гравюры и литографіи.

Правда, уже со второй половины XVII столѣтія законъ (la loi du dépôt) обязалъ издателей передавать Кабинету по два экземпляра каждаго выпускаемаго эстампа. Но не говоря уже о томъ, что примѣненіе этого закона, несмотря на послѣдовательныя его измѣненія и приспособленія, было всегда крайне несовершеннымъ, законъ этотъ не примѣнимъ, конечно, къ иностраннымъ эстампамъ и не охватываетъ столь важныхъ для исторіи гравюры періодовъ XV и XVI и почти всего XVII столѣтій. Кромѣ того, даже при точномъ выполненіи закона, въ Кабинетъ попадаютъ оттиски, если не плохого, то средняго качества, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда самъ граверъ тщательно выбираетъ эстампы, предназначенные для Кабинета, но въ этомъ случаѣ можно скорѣе говорить о пожертвованіи, чѣмъ о выполненіи закона. На основахъ loi du dépôt Кабинетъ не можетъ пополняться особенно драгоцѣнными отборными любительскими оттисками: ни épreuves d'artiste — тѣми первыми пробными оттисками, которые дѣлаются подъ наблюденіемъ самаго гравера и для него предназначаются; ни épreuves avant la lettre — первыми оттисками, печатаемыми до снабженія листа заглавной надписью; ни «чистыми офортами» — оттисками офорта до того, какъ по доскѣ пройдетъ рѣзецъ; ни листами послѣдовательнаго состоянія доски (états), особо цѣнимыми, когда рисовальщикъ и граверъ объединены въ одномъ лицѣ и эти послѣдовательные оттиски иллюстрируютъ самый процессъ творчества артиста.

Главными источниками образованія и пополненія коллекцій Кабинета были и остаются частныя коллекціи, пожертвованныя или пріобрѣтенныя государствомъ — непосредственно отъ собирателей или на аукціонахъ. Во всѣхъ главныхъ серіяхъ — исторической, портретной, костюмной и т. д., они образуютъ ядро и главныя составныя части коллекцій. Самая хронологія кабинета ведется по годамъ поступленія главныхъ частныхъ коллекцій: годомъ основанія его считается не 1720 г., когда Кабинетъ выдѣленъ былъ въ самостоятельное учрежденіе, а 1656 г., когда въ Королевскую Библіотеку поступила первая небольшая частная коллекція Дюлю, или 1667 г., когда пріобрѣтена была государствомъ первая значительная частная коллекція (123.400 эстамповъ), собранная аббатомъ Мишель де Маролль и ставшая ядромъ будущаго Кабинета Эстамповъ. А, затѣмъ, послѣдующія даты въ исторіи Кабинета: 1710 г. — пріобрѣтеніе коллекціи Николая Клеманъ, положившее

основаніе замѣчательной портретной серіи Кабинета; 1711 г. — годъ пріобрѣтенія богатѣйшей колекціи Рожэ де Гэньеръ, часть которой (сдѣланныя подъ руководствомъ Гэньера спеціальными рисовальщиками, въ различныхъ частяхъ Франціи, зарисовки костюмовъ, для г-жи де Монтеспанъ) положила основаніе костюмной серіи; 1770 г. — годъ пріобрѣтенія коллекціи де Фонтенетта, положившей основаніе серіи по исторіи Франціи; 1784 г. — годъ пріобрѣтенія 736 гравюръ Рембрандта, которые, присоединенные къ имѣвшимся уже у Кабинета листамъ, образовали самую замѣчательную въ мірѣ серію Рембрандтовскихъ эстамповъ и т. д. и т. д.[1]

Отмѣтимъ еще одинъ источникъ пополненія коллекцій Кабинета Эстамповъ: конфискаціи, принадлежавшихъ членамъ королевскаго дома и частнымъ лицамъ коллекцій въ эпоху Революціи. Для конфискованныхъ книгъ и эстамповъ было устроено четыре склада — три въ Парижѣ и одинъ въ Версалѣ, и Кабинету Эстамповъ предоставлено было брать изъ этихъ складовъ все, что понадобится. Однако, многимъ Кабинету поживиться не удалось: эстампы доходили до него въ истерзанномъ видѣ и Кабинетъ обогатился въ эту эпоху только двумя цѣнными конфискованными коллекціями: коллекціей, принадлежавшей одному изъ министровъ, китайскихъ и японскихъ эстамповъ и коллекціей, конфискованной у Никола де Тралажъ, большая часть 35.000 эстамповъ которой относится къ миѳологіи.

Можно ли точно подсчитать число эстамповъ, принадлежащихъ Кабинету?

Анри Бушо, впослѣдствіи хранитель (conservateur) Кабинета, въ своемъ отличномъ Путеводителѣ по Кабинету Эстамповъ, изданномъ въ 1895 г.,[2] опредѣляетъ число принадлежащихъ Кабинету листовъ въ 2.700.000.

«Не могло бы быть и рѣчи о томъ, говоритъ Бушо, чтобы перечислить листъ за листомъ всѣ гравюры, фотографіи, рисунки, которые накопились въ Кабинетѣ Эстамповъ за два столѣтія его существованія, для этого понадобилось бы пятьдесятъ лѣтъ работы двадцати сотрудниковъ и подобнаго рода перечень занялъ бы нѣсколько фоліантовъ».

---

1. Тѣмъ, которыхъ заинтересовала бы исторія кабинета Эстамповъ, мы рекомендуемъ книгу: Joseph Guibert. Le Cabinet des Estampes de la Bibliothèque Nationale. Paris. Maurice Le Garrec 1926, и отличное предисловіе въ книгѣ: Vicomte Henri Delaborde, Le Département des Estampes de la Bibliothèque Nationale, Paris, E. Plon, 1875.

2. H. Bouchot. Le Cabinet des Estampes de la Bibliothèque Nationale. Guide du lecteur et du visiteur. Paris E. Dentu 1895 in 8o.

Въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ теперешній хранитель Кабинета г. Лемуанъ, число эстамповъ, принадлежащихъ Кабинету, «подходитъ къ 4 милліонамъ, но точно ихъ, конечно, никто не подсчитывалъ».

Къ этому можно было бы добавить, что не только не установлено точно число эстамповъ, составляющихъ коллекціи Кабинета, но далеко не всѣ эстампы внимательно просмотрѣны и не всегда установлено точно ихъ качество и значеніе. Ежегодно, говоритъ Бушо въ цитированной уже книгѣ, помощники хранителя Кабинета, отводятъ достойное мѣсто шедеврамъ, оставшимся неизвѣстными, истинное значеніе которыхъ не было установлено ихъ предшественниками въ моментъ, когда соотвѣтствующія гравюры получены были Кабинетомъ».

Въ исторіи Кабинета извѣстно одно такое «открытіе», отмѣтившее одну изъ важнѣйшихъ датъ въ исторіи гравюры. Какъ извѣстно, Германія и Италія спорили о правѣ первенства на изобрѣтеніе гравюры на металлѣ. Италія доказывала свои права цитатою изъ Вазари, который разсказываетъ, что около 1450 г. флорентійскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Мазо Финигверра, нанеся, для украшенія, на металлическую пластинку гравюрку, которую онъ собирался затѣмъ «ніэлировать», т. е. заполнить произведенныя рѣзцомъ углубленія чернымъ составомъ (обыкновенно - сѣрнымъ серебромъ), оттиснулъ гравированную пластинку на бумагѣ и получилъ, такимъ образомъ, первую гравюру на металлѣ. Однако, итальянцы не могли доказать вѣрности утвержденій Вазари, такъ какъ ни одной гравюры Финигверра до насъ не дошло. И вотъ аббатъ Цани, хранитель пармскаго Кабинета Эстамповъ, работая въ 1797 г. въ парижскомъ Кабинетѣ Эстамповъ и разсматривая коллекцію Маролля (пріобрѣтенную Кабинетомъ, какъ мы сказали выше, въ 1667 г.) нашелъ среди эстамповъ ранѣе никѣмъ не замѣченную гравюру на металлѣ, изображающую Коронованіе Св. Дѣвы и точно совпадающую съ гравюрой на находящейся во Флоренціи, въ Уффиціяхъ, серебряной пластинкѣ Pax («миръ», сокращеніе «поцѣлуя мира»). Такія пластинки, по католическому обряду, священникъ даетъ цѣловать въ память поцѣлуевъ, которыми обмѣнивались первые христіане.

Такъ какъ имѣется запись, изъ которой видно, что церковь, для которой предназначена была гравированная Финигверра пластинка, получила ее въ 1452 г., въ ніэлированномъ видѣ, то, слѣдовательно, оттискъ сдѣланъ былъ приблизительно около 1450 г. Однако, въ настоящее время цѣнность открытія Цани оспаривается. Извѣстный знатокъ гравюры

Дютюи выставилъ вѣскіе доводы противъ утвержденій Цани, но открытая Цани гравюра пріобрѣла всемірную извѣстность и остается одной изъ достопримѣчательностей Кабинета.[1]

Въ интересахъ послѣдующаго изложенія, надлежитъ сказать еще нѣсколько словъ о принятой Кабинетомъ классификаціи эстамповъ.

Кромѣ случаевъ, когда дѣло идетъ о коллекціяхъ, которыя поступаютъ въ Кабинетъ, какъ нѣчто цѣлое и которыя остаются въ своемъ первоначальномъ видѣ и переплетаются въ неподвижные переплеты, если онѣ поступили въ непереплетенномъ видѣ — кромѣ этихъ случаевъ, всѣ поступающіе въ Кабинетъ эстампы распредѣляются по серіямъ и, наклеенныя на картонъ, помѣщаются въ подвижные переплеты разныхъ форматовъ. Главная серія — серія граверовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, гравюра всегда поступаетъ въ эту серію и помѣщается въ переплеты, отведенные соотвѣтствующему граверу. Произведенія каждаго гравера распредѣляются по сюжетамъ. Въ другія серіи поступаютъ анонимныя гравюры или гравюры мало продуктивныхъ и мало извѣстныхъ артистовъ, дубликаты, гравюры второстепеннаго качества и эстампы не гравированные. Въ серіяхъ, которыя раздѣляются на отдѣлы, имѣются еще, для менѣе значительныхъ эстамповъ, непереплетенныя приложенія — картоны, въ которыхъ помѣщается по нѣсколько папокъ съ эстампами. Къ соотвѣтствующимъ серіямъ отнесены и коллекціи эстамповъ, составляющія нѣчто цѣлое, которыя оставлены въ томъ составѣ и видѣ, въ какомъ онѣ вошли въ Кабинетъ. Напримѣръ, коллекція Эннень отнесена къ исторической серіи, коллекція Гэньера къ костюмной и т. д. Серіи, по которымъ распредѣлены эстампы, слѣдующія: A: Музеи и Кабинеты; B. C. D: Школы живописи; E: Граверы; F: Скульпторы; G: Древности и Археологія; H: Архитекторы; I: Физико-математическія науки: J: Естественныя науки; K: Такъ называемыя «Академическія науки»: народное образованіе, книги, игры, рисованіе, танцы, музыка, спортъ, охота; L: Промышленность и ремесла; M: Энциклопедіи; N: Портреты; O: Костюмы; P: Хронологическія науки: хронологія, генеалогія, календари, монеты, медали, печати, турниры и карусели, гробницы и похороны; Q: Исторія; R: Исторія религій; S: Миѳологія; T: Поэзія, театръ, романы, аллегоріи, эмблемы, ребусы

1. Для тѣхъ, кто заинтересовался бы этимъ вопросомъ, укажемъ, что доводы, выставленные Дюпюи противъ правильности утвержденій Цани, резюмированы въ статьѣ Бушо: «Кабинетъ Эстамповъ», помѣщенной въ двухтомномъ сборникѣ: . Paris, H. Laurens, 1907.

и т. д. U: Путешествія; V: Топографія; X: Географія; Y: Библіографія; Z: Нѣкоторыя отдѣльныя коллекціи смѣшаннаго характера.

***

Въ Кабинетѣ Эстамповъ имѣется очень большое число листовъ, относящихся къ Россіи, какъ, главнымъ образомъ, иностранныхъ (эстампная Россика), такъ и русскихъ граверовъ и рисовальщиковъ. Никогда не было сдѣлано даже частичной попытки описать этотъ богатѣйшій русскій фондъ Кабинета. Полное его описаніе представляется работой невыполнимой: никакой спеціальной серіи эстамповъ, относящихся къ Россіи не существуетъ, нѣтъ и общаго каталога эстамповъ, въ которомъ листы были бы перечислены одинъ за другимъ, и для описанія русскаго фонда Кабинета пришлось бы просмотрѣть четыре милліона эстамповъ — дѣло, которое потребовало бы много лѣтъ работы цѣлой арміи сотрудниковъ.

Несомнѣнно, конечно, что подобнаго рода работа выявила бы много рѣдчайшихъ гравюръ, литографій и рисунковъ, относящихся къ Россіи. Даже поверхностный, бѣглый обзоръ коллекцій, насколько позволяетъ его сдѣлать уже цитированный выше Путеводитель Бушо, обнаруживаетъ въ этой области рядъ интереснѣйшихъ экземпляровъ.

Такъ, въ отдѣлѣ Pb. (медали, монеты, печати) имѣется, подъ № 41, альбомъ, озаглавленный Histoire Métallique du Tzar Pierre I: Исторія Петра I-го въ медаляхъ, составленный изъ оригинальныхъ, исполненныхъ тушью для маршала Ришелье рисунковъ медалей на царствованіе Петра Великаго, съ 1702 по 1720 годъ.

Въ отдѣлѣ Lf. (керамика) имѣется сборникъ тончайшихъ оригинальныхъ рисунковъ, по которымъ выполненъ былъ Севрской Мануфактурой, въ 1778 г., фарфоровый сервизъ для Императрицы Екатерины II.

Въ отдѣлѣ Ef. (французскіе граверы XVIII — XIX ст.) имѣется исключительное по качеству собраніе отобранныхъ самимъ артистомъ гравюръ Моро младшаго. Собраніе это оправлено въ великолѣпный переплетъ съ русскимъ императорскимъ гербомъ. Очевидно, Моро предназначалъ этотъ экземпляръ для поднесенія Императору Александру I, но, по невыясненнымъ причинамъ, не осуществилъ своего намѣренія. Коллекція эта пріобрѣтена была Кабинетомъ въ 1821 году на аукціонной продажѣ госпожи Верпэ, дочери Моро.

Въ отдѣлѣ Vg. (топографія Сѣвера) имѣются три альбома эстамповъ по рисункамъ строителя Исаакіевскаго Собора и Александровской Колоны — Монферрана: Царь-Колоколъ, Исаакіевскій Соборъ и Александровская Колонна. Альбомы эти, какъ извѣстно, не представляютъ особой рѣдкости, но принадлежащій Кабинету экземпляръ Александровской Колонны облеченъ въ великолѣпный переплетъ и поднесенъ былъ Монферраномъ королю Людовику-Филиппу и т. д. и т. д.

Въ Кабинетѣ Эстамповъ можно найти всѣ главнѣйшіе альбомы видовъ, народныхъ сценъ, костюмовъ Россіи и русскихъ портретовъ, которые часто было бы тщетно искать въ книжномъ отдѣлѣ той же Національной Библіотеки. Здѣсь имѣются всѣ альбомы Ровинскаго: по русской иконографіи, русскимъ народнымъ картинкамъ, граверамъ и т. д., альбомы Стасова по русскому орнаменту, альбомы народныхъ сценъ, костюмовъ и военныхъ формъ Орловскаго, Гейслера, Рейберга, Аткинсона, Убигана, Дамама-Демартэ, Дебюкура, Пажоля, Лепрэнса и т. д.; многочисленные альбомы видовъ и архитектуры С.-Петербурга, виды нѣкоторыхъ старыхъ дворянскихъ усадебъ (кн. Голицына, кн. Куракина); Художественныя Сокровища Россіи Теофиля Готье; шесть томовъ Художественныхъ Сокровищъ Россіи; Русскія Древности; альбомы, относящіеся къ 1812 г. Фабра дю Фора и Адама; альбомы русскихъ портретовъ вел. кн. Николая Михайловича, Ровинскаго, Васильчикова, Беннера; старинныя рѣдкія изданія, вродѣ Елизаветинскаго Атласа С.-Петербурга, съ гравюрами Махаева, Палаты Академіи Наукъ 1744 г., Описанія Ледяного Дома 1741 г. и т. д. и т. д.

Въ различныхъ серіяхъ имѣются папки не переплетенныхъ гравюръ, относящихся къ Россіи. Въ отдѣлѣ Ob. (иностранные костюмы) имѣются относящіяся къ Россіи папки за №№ 14, 114, 120, 120 a и b, 121, a и b. Въ серіи по исторіи имѣется папка, относящаяся къ Россіи. Въ серіи топографіи, въ отдѣлахъ С. и G. имѣется много листовъ, относящихся къ Россіи и въ отдѣлѣ Xf. (географія) карты Россіи и т. д.

***

Но если составленіе полнаго инвентаря русской иконографіи Кабинета Эстамповъ представляется дѣломъ невозможнымъ, то вполнѣ осуществимъ осмотръ отдѣльныхъ составныхъ частей коллекцій Кабинета и выборка изъ нихъ эстамповъ, относящихся къ Россіи.

При этомъ возможно было бы идти слѣдующими путями:

1. Инвентарь всѣхъ иллюстрированныхъ книгъ и альбомовъ, относящихся къ Россіи.

2. Выборка эстамповъ, относящихся къ Россіи изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ серій (напримѣръ, костюмной, портретной, исторической, по топографіи), въ особенности изъ тѣхъ, въ коихъ, какъ мы указали выше, имѣются спеціальныя папки, относящіяся къ Россіи, и изъ листовъ отдѣльныхъ рисовальщиковъ и граверовъ, относительно коихъ извѣстно, что у нихъ имѣются произведенія, относящіяся къ Россіи (напримѣръ, Моро, Лепрансъ, Дебюкуръ, Домье, Раффе, Дамамъ, Дюплесси Берто, Детай, Деверіа и т. д.).

3. Инвентарь русской иконографіи въ нѣкоторыхъ особыхъ коллекціяхъ, для которыхъ изданы полные, листъ за листомъ, печатные каталоги.

Такъ, напримѣръ, изданъ такой каталогъ для портретной серіи, составленный Жоржемъ Дюплесси. Пока вышло семь томовъ этого каталога, доведеннаго до буквы М (Mauron). Подробно осмотрѣвъ этотъ каталогъ, мы нашли въ немъ болѣе 700 русскихъ портретовъ, большей частью иностранныхъ, но отчасти и русскихъ мастеровъ, при чемъ портретовъ (разныхъ) Александра I — 191, Екатерины II — 123, Александра II — 38, Екатерины I — 17 и т. д. Имѣется двухтомный каталогъ эстамповъ, составляющихъ Резервъ (особо рѣдкіе экземпляры) Кабинета. Но въ противоположность тому, что имѣетъ мѣсто по отношенію къ печатному отдѣлу Національной Библіотеки, «Резервъ» Кабинета Эстамповъ имѣетъ неровный и случайный характеръ. Существуетъ каталогъ коллекціи Лалеманъ де Бетца, пожертвованной Кабинету въ 1753; инвентарь коллекціи Дестайера по театру; коллекціи Армана по исторіи искусствъ; прекрасный, по классификаціи и по обильнымъ примѣчаніямъ, каталогъ 25.000 эстамповъ коллекціи барона де Винка по исторіи Франціи (котораго вышло пока четыре объемистыхъ тома изъ намѣченныхъ одиннадцати) и пятитомный, законченный каталогъ коллекціи эстамповъ и рисунковъ, относящихся къ исторіи Франціи, пожертвованной Кабинету въ 1863 г. Мишелемъ Эннепъ (Hennin). Ниже мы дѣлаемъ попытку такого частичнаго инвентаря русской иконографіи Кабинета, а именно выборку и описаніе эстамповъ коллекціи Эннепъ, относящихся къ русско-французскимъ событіямъ и отношеніямъ.

Отдѣлъ по исторіи Франціи (серія Q, отдѣлъ b) одинъ изъ богатѣйшихъ отдѣловъ Кабинета. Къ началу 1920 г. онъ насчитывалъ болѣе 37.000 листовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ: для по-

лученія нужнаго листа надлежитъ точно указать дату событія. Основнымъ ядромъ этой коллекціи является коллекція, пріобрѣтенная государствомъ въ 1770 г. отъ совѣтника Бургундскаго парламента Мари Февре де Фонтенетъ. Коллекція эта, охватывающая исторію Франціи по 1768 г., насчитываетъ 10.500 листовъ. Къ ней добавлены были небольшія коллекціи Жоли и д-Ормессона и большое количество листовъ, выбранныхъ изъ коллекцій Ла Феррада и Ла Бедуайера, а съ 1848 г. хранитель Кабинета Дюшенъ сталъ присоединять къ этой серіи всѣ поступавшіе въ Кабинетъ эстампы, относящіеся къ исторіи Франціи. То же дѣлали и всѣ послѣдующіе хранители Кабинета.

Внѣ этой основной серіи оставлены, въ томъ видѣ, какъ онѣ поступили въ Кабинетъ, двѣ коллекціи по исторіи Франціи, содержащія много художественныхъ и рѣдчайшихъ рисунковъ и эстамповъ: коллекція барона де Винка, поступившая въ Кабинетъ въ 1906 г. въ числѣ 17.000 эстамповъ, которую ея собиратель пополнилъ затѣмъ восьмью тысячами эстамповъ и для которой издается, какъ мы сказали, каталогъ въ 11 томовъ, изъ коихъ вышло пока четыре; и коллекція Эннепъ, состоящая изъ 14.807 листовъ. переплетенныхъ въ 169 томовъ, и охватывающая исторію Франціи по 1851 годъ.

Относящіеся къ франко-русскимъ событіямъ эстампы коллекціи Эннепъ охватываютъ періодъ русской исторіи, начиная отъ правленія царевны Софіи и кончая эпохой Александра I включительно.

Къ эпохамъ предшествующимъ имѣетъ — да и то сомнительное — отношеніе лишь одна гравюра — голова кота царя Алексѣя Михайловича. На стр. 29-ой 46-го тома коллекціи наклеены двѣ гравюрки — внизу гравюрка поменьше приблизительно 18×14 сант., изображающая голову кота съ нѣмецкой внизу (и такой же чешской наверху) надписью:

Le vray portrait du Chat du grand Duc de Moscowie

Das ist ein gute Katze die nicht nascht. Гравюрка подписана W. Hollar 1646. Наверху того же листа наклеена гравюрка немного большихъ размѣровъ (приблизительно 25 × 18), на которой изображена та же голова кота, нѣсколько увеличенная, безъ подписи гравера, а вмѣсто надписей 1646 года, проставлена внизу надпись: Le vray portrait du chat du Grand Duc de Moscovie 1663. Гравюрка эта имѣлась въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и не разъ у насъ воспроизводилась (напр., Ровинскимъ въ Матеріалахъ по исторіи русской иконографіи и Леманомъ въ Гравюрѣ и Литографіи). Но ни авторъ каталога Энненъ, ни Густавъ Портей, издавшій въ 1853 г. въ Берлинѣ инвентарь гравюръ Голлара, ни Ровинскій, говорящій объ этой гравюркѣ въ своихъ Народныхъ Картинкахъ, не даютъ ей никакого объясненія. Не есть ли это простая перегравировка съ искусственно придѣланной надписью для облегченія продажи гравюры въ моментъ, когда Московія привлекала къ себѣ вниманіе?

Къ правленію Софіи относятся четыре рѣдкія гравюрки (воспроизведенныя и описанныя Ровинскимъ въ его Иконографіи), изображающія посла Якова Ѳеодоровича Долгорукаго и его спутниковъ, отправленныхъ царицей Софіей во Францію и Испанію въ 1686 г. (у Эннена невѣрно помѣчено 1685 г.) для извѣщенія о заключеніи Россіей мира съ Польшей и союза противъ турокъ и татаръ и привлеченія къ этому союзу Франціи и Испаніи. Посольство это, какъ извѣстно, окончилось неудачей. Одна изъ гравюрокъ изображаетъ посла въ горностаевой шубѣ и шелковомъ кафтанѣ, перетянутомъ поясомъ, въ мѣховой горлатной шапкѣ и длинныхъ сапогахъ; на другой — съ ошибочной надписью «Князь Долгоруковъ» — изображенъ его товарищъ, князь Мышецкій; на третьей представленъ посольскій дьякъ Кирилла Вароооломѣевичъ Алексѣевъ и на четвертой гонецъ посольства Бехтѣевъ. Подъ каждой гравюркой наивное четверостишіе, вродѣ слѣдующаго:

Outre sa barbe et sa prestance
Le Tzar fait bien voir par son choix
L'envoyant au plus grand des Rois
Que c'est un sujet d'importance.

Къ Петру I относятся въ собраніи Эннена три гравюры: небольшой портретъ Петра, гравированный Ланглуа съ картины Каравака, писанной въ Астрахани въ 1716 г., оригиналъ которой считается по-

терянным; небольшой, грубовато, но живо нарисованный, офортъ, изображающій пріемъ Петра Людовикомъ XV; и большая прекрасная гравюра на ту же тему на Альманахѣ, въ одинъ листъ, на 1718 годъ. Такого рода стѣнные календари, именовавшіеся Альманахами и имѣвшіе обыкновенно размѣръ 90 сантиметровъ на 55, были въ большой модѣ въ XVII столѣтіи. Они теперь чрезвычайно рѣдки и высоко цѣнятся съ художественной и исторической точекъ зрѣнія, за прекрасныя качества гравюры, разнообразіе изображаемыхъ событій, точность порт-

Пріемъ Людовикомъ XV Петра I
Рисунокъ для гравюры рѣдчайшаго французскаго альманаха на 1 января 1718 г.

ретовъ. Богатыя коллекціи такихъ Альманаховъ имѣются въ Кабинетѣ Эстамповъ и въ Версальской библіотекѣ. Начали ихъ издавать въ послѣдніе годы царствованія Генриха IV и особенно интересны они, начиная с 1640 г. и по конецъ царствованія Людовика XIV. Ихъ издавалось отъ 5 до 12 въ годъ и издатели привлекали къ этому дѣлу извѣстныхъ рисовальщиковъ: Абрагама Босса, Кошэна и др.

Альманахъ на 1718 г., посвященный пребыванію Петра во Франціи, изображаетъ въ прекрасно исполненныхъ рѣзцомъ большихъ фигурахъ

короля и регента, окруженныхъ придворными, принимающихъ Петра I, за которымъ стоятъ князь Куракинъ и Шафировъ. Въ картушахъ дано описаніе пребыванія Петра въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи, а въ медальонахъ зданія и учрежденія, которыя онъ посѣтилъ и торжественный выѣздъ короля, отправляющагося для отвѣтнаго визита царю.

Къ царствованію Екатерины II относится небольшой портретъ императрицы, рисованный Ротари и гравированный Телло, и восемь аллегорій и каррикатуръ на Семилѣтнюю войну; къ царствованію Павла I — двѣ гравюрки — портреты наслѣдника Павла Петровича «князя Сѣвернаго», гравюра, изображающая оставленіе англо-русскими арміями Голландіи и четыре портрета Суворова, помѣченные концомъ перехода черезъ Альпы.

Затѣмъ начинается обширная серія гравюръ, черныхъ и въ краскахъ, литографій, акварелей и рисунковъ, относящихся къ эпохѣ Александра I и Наполеона. Многіе изъ нихъ чрезвычайно рѣдки, интересны въ художественномъ и историческомъ отношеніи. Ниже мы даемъ ихъ полный списокъ. Серія открывается нѣсколькими гравюрами, относящимися къ свиданію Александра I въ 1802 году съ прусской королевской четой и романтической сценѣ прощанія въ 1805 г. въ Потсдамѣ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ и Луизой у гробницы Фридриха Великаго; затѣмъ идутъ батальные эстампы сраженій, предшествовавшихъ Тильзитскому миру, многочисленные эстампы съ изображеніемъ встрѣчи двухъ императоровъ и различныхъ торжествъ, сопровождавшихъ эту встрѣчу; мы подходимъ къ 1812 году, на событія котораго съ іюня (переходъ черезъ Нѣманъ) до конца года въ коллекціи Эннемъ имѣется 36 черныхъ и раскрашенныхъ эстамповъ, акварелей и рисунковъ. Большинство эстамповъ на вступленіе Наполеона въ Москву и на пожаръ Москвы поражаютъ фантастичностью изображенія Кремля и помѣщенныхъ на эстампахъ свѣдѣній о пожарѣ. Чрезвычайно интересна коллекція эстамповъ, относящихся къ платовскимъ казакамъ въ Шампани и къ пребыванію Александра I и русскихъ войскъ въ Парижѣ. Одной Лейпцигской битвѣ посвящено, затѣмъ, десять эстамповъ и много листовъ относится къ Священному союзу.

Если не считать нѣсколькихъ плохенькихъ батальныхъ литографій, богатая русская иконографія, относящаяся къ нашествію французовъ, совершенно не фигурируетъ въ собраніи, какъ будто бы собиратель совершенно не зналъ о существованіи этихъ эстампныхъ сокровищъ.

Обѣдъ, данный Наполеономъ Александру I

Ниже мы приводимъ списокъ эстамповъ и рисунковъ изъ коллекціи Энненъ, относящихся къ франко-русскимъ событіямъ. Въ виду большого количества батальныхъ эстамповъ, мы не упоминаемъ тѣхъ изъ

нихъ, которые изображаютъ сраженія, происходившія, хотя бы съ участіемъ русскихъ войскъ, но не на территоріи Россіи, когда на эстампахъ этихъ не фигурируютъ русскія войска и о нихъ не упоминается въ объяснительныхъ къ заглавію эстампа надписяхъ. Мы оставляемъ передъ каждымъ эстампомъ дату событія, какъ она обозначена въ коллекціи, хотя нѣкоторыя изъ этихъ датъ не совсѣмъ точны.

П. Апостолъ

Русская Иконографія въ Коллекціи Эстамповъ Мишеля Эннень.

(1663) Le vray portrait du chat du Grand Duc de Moscovie 1663, gravure au burin, anonyme.
(1685) Knez Jacob Féodorowitz, Ambassadeur Moscovite. En pied.
(1685) Knez Jacob Féodorowitz Dolgoruki. Gouverneur de Simbirsk. En pied.
(1685) Kirila Worfollamiewitz, Chancelier de Czars, Ambassadeur du Grand Duc de Moscovie.
(1685) Garde de l'Ambassadeur de Moscovie.
(1717, 7 mai) La magnifique réception faite au Czar par Louis XV, au Louvre, à Paris, le 7 Mai 1717. Gravure à l'eau-forte, anonyme.
(1718, 1 Janvier). Almanach pour l'année 1718. Dans la partie supérieure : La royale réception et les honneurs rendus à Paris par le Roy, au Louvre, le 11 Mai MDCCXVII au très Sérénissime et très puissant grand seigneur Czar Pierre Alexouvits, monarque des deux Russie.
(1725, 28 Janvier). Portrait de Pierre 1er en buste de 3/4 dirigé à gauche, peint d'après nature par L. Caravaque à Astracan, en 1716 et gravé par P. G. Langlois à Paris, en 1784.
(1758) Entrevue de sept nations belliqueses. J. Martin Will, execud.
(1758) La Cantine dans le Camp. J.-P. Haidt, inv. et del Johann Michael Probst, execud.
(1758) Déserteur et Maraudeur. J.-P. Haidt, inv. et del. Johann Michael Probst, execud.
(1758) Le jeu de la guerre entre les Puissances. Johann Lorenz Rugendas, inv. et sculps.
(1758) Pièce allégirique. Le bal masqué politique. Joh. Dav. Nessenthaler, inv. del sculps. et excudit.
(1758) Pièce allégorique. Le jeu d'échec politique. J. Martin Will, excudit.
(1758) Pièce allégorique. Duel politique. Joh. Martin Will, excudit.
(1758) Pièce allégorique. Théâtre de la guerre. Joh. Martin Will excudit.
(1796) Portrait de Catherine II, en buste de profil, dirigé à gauche dans une bordure ronde. Rotari pinx. J. P. Thellot, sculp.
(1799 30 sept.) Portrait du Comte Souvoroff Riminskoi, en buste, de 3/4, dirigé à gauche dans une bordure ovale. From an original drawing made at Milan by lieut. Fries, of the regiment of Karaczay Dragoons in may 1799.
(1799 30 sept.) Portrait du Comte Souvoroff Rimniskoi, en buste, de profil, dirigé à gauche. dans une bordure ovale.
(1799 30 sept.) Portrait du Comte Souvoroff Rimniskoi en buste, dirigé à droite dans une bordure ovale. Eisemann pinx. G. Weis sc.
(1799. 30 sept.) Portrait du Comte Souvoroff Rimniskoi a mi-corps, de profil, dirige à gauche. M. Z. L. Schmid sc. Nach einer Wiener Original Zeichnung.
(1799. 1er nov.) L'armée anglo-russe quitte la Hollande à la suite des conventions conclues entre Le Duc d'Yorck et le général Brune. Inv. u. gez. Bertaux. Gest. v. J. C. Bock. 1819.
(1801, 25 mars) Portrait de Paul 1er, Empereur de Russie, en buste, de profil, dirigé à droite dans une bordure ovale. Gravure en manière noire anonyme.
(1801. 25 mars) Portrait de Paul 1er, en buste de profil, dirigé à gauche dans une bordure ovale. J. E. Mansfeld sc.

(1802, 10 juin) Réception de l'Empereur Alexandre par Leurs Majestés Frédéric Guillaume et Louise de Prusse. London.

(1802, 10 juin) L'Empereur Alexandre, reçu par LL. MM. Frédéric Guillaume et Louise de Prusse. Dahling pinx. Fr. Dolt, sculp. Berlin, 1805.

(1802) Imagerie. Suwarow. Le Dey d'Alger. Mme Bonaparte dans son appartement. Le Prince Charles Bonaparte passant les troupes en revue. Dessiné et gravé par Tessier, épreuve coloriée.

(1805, 4 novembre) Adieux de l'Empereur de Russie au Roi et à la Reine de Prusse devant le cercueil de Frédéric le Grand dans l'église de la Garnison à Potsdam, dans la nuit du 4 novembre 1805. Dähling del. Meno Haas sc. Berlin.

(1805, 4 novembre) Adieux de l'Empereur de Russie au Roi et à la Reine de Prusse. W. Jury del et f-t.

(1805) Pièce satyrique. Trois têtes sous un bonnet ou le Triumvirat des fous. Alexandre Ier, Georges III, François II. Paris.

(1805, 2 décembre) Bataille d'Austerlitz... dessiné et gravé par Ch. Muller.

(1805, 2 décembre) Bataille d'Austerlitz...

(1805, 2 décembre) Bataille d'Austerlitz...

(1805, 2 décembre) La Grande Bataille d'Austerlitz. Fait par J. L. Rugendas. Deux épreuves dont une coloriée.

(1805, 2 décembre). La Bataille d'Austerlitz, gravé à l'eau-forte par Duplessis Bertaux, terminé par Levachez.

(1805, 2 décembre). Pièce satyrique. Le Pied de Nez de Milord Pit. Resultat de la journée dite des trois empereurs. Epreuve coloriée.

(1806, 14 octobre) Pièce satyrique. Une partie russe. Epreuve coloriée. Paris.

(1807, 8 février) Vue de la droite du champ de bataille de l'armée russe devant Preussisch-Eylau. Dessiné sur les lieux par L.. gravé par Lameau et Misbach.

(1807, 9 février) Le général en chef visite le champ de bataille d'Eylau. Epreuve coloriée.

(1807, 17 mars) Visite du champ de bataille de Pruss-Eylau. Epreuve coloriée.

(1807, 16 mai) Bataille victorieuse de Poplawi. Exec. et grav. par J. L. Rugendas. Augsburg.

(1807, 16 mai) Bataille de Poplawi. Wilh. Kobell. Dessin à la plume.

(1807, 14 juin) Bataille de Friedland. Swebach del. Couché fils Aqua forti. Pigeot sculp.

(1807, 23 juin) Entrevue de Leurs Majestés Napoléon et l'Empereur Alexandre sur le Niemen, le 23 juin 1807 à midi. Dessiné sur les lieux par L., gravé par Lameau et Misbach.

(1807, 23 juin) Première entrevue de Napoléon Ier, Empereur des Français et Roi d'Italie avec Alexandre Ier, Empereur de toutes les Russies à Tilsit. Paris. Epreuve coloriée.

(1807, 23 juin) Entrevue de Napoléon Ier et de l'Empereur Alexandre Ier à Tilsit. Dessin à la plume et lavé.

(1807, 23 juin) Entrevue de Napoléon Ier et de l'Empereur Alexandre à Tilsit. Gauthenot pinx. Levilly lith. Epreuve avant la lettre.

(1807, 28 juin) La Garde Impériale manoeuvrant en présence des deux Empereurs à Tilsit. Swebach del. Couché fils aqua forti. Bovinet sculp.

(1807. Juin) Entrevue de Napoléon Ier et de l'Empereur Alexandre à Tilsit. Gravée à l'eau-forte par Duplessis Bertaux. Terminé par N. Coumbe.

(1807) Fête donnée aux grenadiers russes par les grenadiers de la Grande Armée. Paris. Epreuve coloriée.

(1807) Le Banquet des Souverains. Suebak del. Desmarès sculp. Paris.

(1807) Dîné donné par S. M. Napoléon, Empereur des Français, à la Reine de Prusse, le Grand Duc Constantin, etc. Paris. Epreuve coloriée.

(1807) Dîner donné par S. M. Napoléon, Ier... à Leurs Majestés Alexandre Ier, Empereur de toutes les Russies, Frédéric III de Prusse et le Grand Duc de Berg. Paris. Epreuve coloriée.

(1807, 9 juillet) Les adieux des deux Empereurs. Paris. Epreuve coloriée.

(1807, 9 juillet) Dernière entrevue de Napoléon le Grand et d'Alexandre, Empereur de toutes les Russies et du Roi de Prusse après la signature de la paix, le 9 juillet 1807. Paris.

(1809) Escalade d'un mamelon défendu par des soldats russes qui occupent un château-fort en ruines. Taunay. Dessin lavé.

(1809) Bas relief allégorique relatif à une bataille entre les Français et les Russes, commandée par Napoléon. Lafitte del. Dessin lavé.

(1812, 23 juin) Passage du Niemen. M. Gauci del. printed by C. Hullmandel.
(1812, 15 juillet) Sortie des Russes du camp retranché de Dryssa, le 15 juillet 1812. Nuerenberg. Epreuve coloriée.
(1812, 26 juillet) Bataille d'Ostrowno. Albrecht Adam fec. 1816. Aquarelle.
(1812, 26 juillet) Bataille d'Ostrowno, Bertaux, inv. et sculp
(1812, 17 août) Bataille et prise de Smolensk. Epreuve coloriée.
(1812, 18 août) Bataille de Polozk. Wilhelm Kobell fec. Dessin à la plume.
(1812, 18 août) Bataille de Polozk. Dessin lavé. Quatre planches.
(1812, 7 septembre) Bataille de la Moskowa. Naudet pinxit. Le Beau, sculpt. Paris.
(1812, 7 septembre) Bataille de la Moskowa. Paris.
(1812, 7 septembre) Bataille de Mojaisk. Paris. Epreuve coloriée.
(1812, 7 septembre) Bataille de la Moskowa. Dessin à la plume, et lavé.
(1812, 7 septembre) Bataille de la Moskowa. Nuernberg.
(1812, 7 septembre) Prise de la Grande Redoute à la Bataille de la Moscowa et mort du général Caulincourt. Aquarelle par Alb. Adam.
(1812, 14 septembre) Entrée des Français dans Moscou. Vues des principaux monuments. Aperçu de la Bataille de Moscowa. Paris.
(1812, 14 septembre) Entrée des Français dans la ville de Moscou.
(1812, 14 septembre) Entrée triomphale de Napoléon à Moscou. F. Namchsielf, sculpt. Zloo del. Nuerenberg.
(1812, 14 septembre) Entrée de Napoléon à Moscou. Dessin à la plume et lavé.
(1812, 14 septembre) Incendie de Moscou. Nuernberg.
(1812, 14 septembre) Incendie de Moscou. Bacler d'Albe del. Lith. de G. Engelmann.
(1812, 14 septembre) Entrée de l'Armée Française, commandée par S. M. l'Empereur Napoléon, dans la ville de Moscou. Paris.
(1812, 14 septembre) Incendie de Moscou. Le 14, 15, 16 et 17 septembre 1812. Nuernberg.
(1812, 14 septembre) Portrait du Comte Rostopschin, en buste de face dans un ovale. C. Schule sc. 1815. Zwickau.
(1812, 14 septembre) Portrait du Comte Rostopchin en buste de face. Peint d'après nature par Tonci à Moscou. Paris.
(1812, 14 septembre) Portrait du Comte Rostopchin en buste de 3/4, dirigé à gauche dans un ovale, gravé d'après le tableau original. Gravure à l'eau forte anonyme.
(1812, 23 octobre) Explosion du Kremlin. Dessiné par Martinet, gravé par Esbrard. Paris.
(1812, 27 novembre) Pièce satyrique. Bonaparte avec son état-major prêt à traverser la Beresina. Wohrd an Nuernberg.
(1812, 20 novembre) Bataille de Borisow. Nuernberg.
(1812, novembre) Retraite de l'Armée Française de Moscou l'an 1812. J. Klein del. Heinr. Mansfeld sc. Vienne.
(1812, 3 décembre) Retraite de Russie. Freiwilliger Rueckzug der grossen franzoesischen Armée. Gravure en couleur anonyme.
(1812, 3 décembre) Retraite de Russie. Trauriger Bild der Franzoesischen Retirade von Moscau Nuernberg.
(1812) Combat devant Taroutine, 6 octobre 1812. Lithographie anonyme.
(1812) Combat devant Borodino, 26 août 1812, Lithographie anonyme.
(1812) Combat devant Malo Jaroslav, 12 octobre 1812. Lithographie anonyme.
(1812) Le Prince Eugène Beauharnais distribuant des décorations après la bataille de Malo Jaroslavetz. Paris.
(1812) Cinq cosaques d'avant-garde traversant au galop la ville de Marienwerder, occupée par l'armée française. Nuernberg.
(1813, 6 avril) Le Prince Eugène sauve le Colonel Kliski, peint par C. v. Heideck, lith. par A. Adam. Munic.
(1813, 21 mai) Bataille de Vurtchen, remportée par les Français sous les ordres de Napoléon Ier sur les armées de Prusse et de Russie. Grav. anonyme. Paris.
(1813, 26 août) Mort du général Melessino à la bataille de Dresde. Gravure au burin, anonyme, Paris.
(1813, 16 octobre) Premier jour de la bataille de Leipzig. Nuernberg.
(1813, 18 octobre) Troisième jour de la bataille de Leipzig. Nuernberg.

(1813, 18 octobre) Le moment solennel de la bataille de Leipzig. Les souverains alliés à genoux. Nuernberg.
(1813, 18 octobre) Pièce allégorique. La Sainte Alliance ou la Fête de la Paix. J. G. Roegner inv. et del. L. Schlemmer sculpsit. Nuernberg.
(1813, 19 octobre) Bataille de Leipzick. Paris. Epreuve coloriée.
(1813, 19 octobre) La Bataille de Nations de Leipsic. Die Gegend ist nach der Natur gezeichnet von J. Wagner in Leipzig. Gezeichnet und gestochen von J. Lorenz Rugendas in Augsburg.
(1813, 19 octobre) Bataille de Leipsick. Gemahlt von P. Krafft in Wien. Gestochen von J. Scott in London. Mannheim.
(1813, 19 octobre) Commencement de la retraite des Français de Leipsick. Nuernberg.
(1813, 19 octobre) Départ de Napoléon de Leipzick. G. Geisger. del. C. Schulle sc. 1814.
(1813, 19 octobre) Le Prince de Schwarzenberg annonçant aux princes alliés le résultat de la bataille de Leipzig. Lithographie anonyme. Epreuve coloriée.
(1813) Bataille de Culm. Lithographie russe anonyme.
(1813) Bataille de Leipzig, 4/16 oc. Lithographie russe anonyme.
(1813) Bataille de Leipzig, 6/18 oc. Lithographie russe anonyme.
(1813, 28 septembre) Attaque du général Lefévre-Desnouette par Platow près de Altenbourg. Nuernberg.
(1814, janvier) Cosaques pillant et frappant un homme dans une grange. Gravure à l'eau forte anonyme.
(1814, 17 février) Les prisonniers de guerre des puissances alliées passant dans Paris. P. M. Alix Aquatinta.
(1814, 22 février) Le Mardi-Gras. Opiz. inv. et del. Aquarelle.
(1814, février) Pièce satyrique. Les Cosaques en Champagne. Epreuve coloriée. Paris.
(1814, 20 mars) Das Treffen bei Arcis. Combat d'Arcis-sur-Aube. Lithographie anonyme. Epreuve coloriée.
(1814, 30 mars) Capitulation de Paris. Desrais del. Alix sculp. Paris.
(1814, 30 mars) Pièce satyrique sur la capitulation de Paris. Gravure à l'eau-forte anonyme. Epreuve coloriée.
(1814, 31 mars) Entrée des troupes alliées sur la place Vendôme. Nuernberg.
(1814, 31 mars) Entrée de troupes alliées à Paris. J. M. Weber del. et sculp.
(1814, avril) Pièce facétieuse. L'Entrée d'une partie des alliés dans Paris. Gravure à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1814, avril) Bivouac des Cosaques dans les Champs-Elysées à Paris. Gezeichnet und radirt von Opitz. Heidelberg.
(1814, avril) Les Russes aux Champs-Elysées. Grav. à l'eau-forte, anonyme.
(1814, 30 mai) Les Trois Pacificateurs de l'Europe. Alexandre 1er, Empereur de Russie, François 1er, Empereur d'Autriche, et Frédéric Guillaume III, Roi de Prusse, de profil, dirigé à gauche dans une bordure ronde. Gravé au pointillé. Anonyme.
(1814, octobre) Médaille commémorative du Congrès de Vienne. Portraits des Membres du Congrès. J. A. D. sc.
(1814) Pièce satyrique. Napoléon frappé à coup de baton par les puissances alliées. Gravure à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1814) Pièce satyrique. La restitution ou chaqu'un son compte. Gravure à leau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1814) Pièce satyrique contre Napoléon. La Paix générale conclue en 1814. Nuernberg. Epreuve coloriée.
(1814) Pièce satyrique contre Napoléon 1er. Le Geai dépouillé de ses plumes empruntées. Gravure à l'eau forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1814) Les differents étapes de la vie de Bonaparte. Gravure à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1815, janvier) Congrès des trois Empereurs. Gravure à l'eau-forte. Epreuve coloriée.
(1815) Congrès à Vienne. Nurnberg.
(1815, janvier) Pièce satyrique. Le Congrès. Gravure à l'eau-forte, anon. Epreuve coloriée.
(1815, janvier) Pièce satyrique. Napoléon en ours est introduit au Congrès de Vienne par le Roi d'Angleterre. Gravure à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.
(1815, 13 mars) Pièce allégorique. Les trois Empereurs faisant une nouvelle alliance. Nuernberg.

(1815, mai) Caricature. Le Destin de la France. Une croix d'honneur.... l'emporte sur Louis XVIII et les généraux alliés. Epreuve coloriée. Paris.

(1815, juin) Caricature. Cosaque monté sur un cheval formé de figures humaines. Gravure à l'eau-forte. Epreuve coloriée.

(1815, juin) Caricature. Louis XVIII à cheval derrière un cosaque. Lithographie anonyme.

(1815, 17 juilelt) Revue des troupes alliées passée au pont de Neuilly par S. M. l'Empereur de Russie etc., le 17 juillet 1815. Dessiné sur les lieux par Saintfal, gravé par Charon. Deux épreuves dont une avant la lettre. Paris.

(1815) Pièce allégorique sur la paix religieuse. Gravure à l'eau forte, anonyme. Epreuve coloriée.

(1815, août) Pièce facétieuse. Le sérieux et le comique à Paris. Gravure à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.

(1815) Pièce allégoriqu.e Le Grand Alexandre.... offre à la France reconnaissante l'olivier de la Paix. Inv. le Ch-er d'Haudricourt. Paris.

(1815) Pièce allégorique. A l'Empereur Alexandre. N. Gosse del. A. Kamerman sculp.

(1815) Dix-huit sujets militaires empruntés au regne de Napoléon 1er Grav. à l'eau-forte, anonyme. Epreuve coloriée.

(1815) Costumes. (Est-ce ça). Officiers et soldats russes. Epreuve coloriée. Paris.

(1816) La Sainte Alliance. Portrait (en pied). J. C. Bock fec. Nuernberg.

(1816, 14 septembre) Pièce allégorique. La Sainte Alliance mise sous la protection de la Religion par le anges tutélaires des Puissances Alliées. Ch. Monnet, peintre. F. A. David, graveur. Paris.

(1816, 14 septembre) Dessin pour, ou plut't d'après, l'estampe précédente.

(1818, novembre) Départ des troupes étrangères. Vive la France! Les ennemis sont partis. Epreuve coloriée. Paris.

(1823, février) Caricature. Louis XVIII poussé à la guerre d'Espagne par l'Autriche et la Russie. G. Cruikshank fec. London. Epreuve coloriée.

(1827, 20 octobre) Portraits de Rigny, de Heyden, de Codrington et de Capo d'Istria. Lith. de Ducarme. Epreuves coloriées.

(1827, 20 octobre) Position de la flotte devant Navarin. London.

(1827, 20 octobre) Combat de Navarin et vue du port et de la ville. Dessiné et gravé par Baugean.

(1827, 20 octobre) Place de la bataille et de la baie de Navarin. Grav. sur bois, anonyme.

(1830) Caricature contre la Russie. Sainte Alliance. Lith. de Beraud. Lyon.

Пріемъ Людовикомъ XV Петра I
Рѣдчайшая французская медаль изъ коллекціи
ген. Д. И. Ознобишина

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ

Книжечка краснаго сафьяна, отличной сохранности, съ тонкимъ ободкомъ золотого тисненія и тисненнымъ же корешкомъ съ масонскими клейнодами: циркуль, линейка, угольникъ, кисти висящаго опояса, равноконечный крестъ въ восьмиугольникѣ, вѣтки акаціи. На зеленоватой сафьяновой же наклейкѣ надпись: Московской журналъ. Любовно вызолочены и всѣ три обрѣза; безспорная работа рубежа двухъ столѣтій, XVIII и XIX.

Въ эту изящную книжечку переплетены 92 листка почтовой бумаги (11×18) съ водяными знаками иностранной фирмы. На входномъ листкѣ надпись чернилами: *Коронація Павла I*, по почерку — середины девятнадцатаго вѣка, — помѣтка человѣка, очевидно не знавшаго, кѣмъ исписаны листки. На первомъ листкѣ заголовокъ Московской журналъ, и тѣмъ же яснымъ почеркомъ современника Екатерины Второй, скорописью очень образованнаго и грамотнаго человѣка — дата (Марта 13 числа) и весь дальнѣйшій текстъ. Въ книжечкѣ пятнадцать писемъ или листочковъ дневника, первое безъ номера, только съ помянутымъ заголовкомъ, второе съ помѣткой *Продолженіе I*, и такъ съ номерами до XIII, послѣднее съ заголовкомъ *Московской Журналъ продолженіе послѣднее или заключеніе*. Во всей рукописи не болѣе трехъ помарокъ и зачеркнутыхъ словъ, но

ясно, что это не списокъ, а подлинныя письма въ формѣ дневника. Каждое письмо начинается аккуратно выписанными буквами, почти рисованными, но дальше переходитъ въ быструю, хотя всегда четкую скоропись; на фотографіи я привожу два образчика. Первое письмо помѣчено 13 марта, послѣднее 3 мая; но пишетъ авторъ почти ежедневно, отсылая письма въ почтовые дни, — какъ видно это и изъ ихъ текста.

Эта книжечка попала ко мнѣ случайно, — у меня нѣтъ средствъ выискивать и пріобрѣтать рукописи; ее мнѣ принесли, какъ книголюбу, въ расчетѣ на коммерческую оцѣнку; принесшій не зналъ ни автора рукописи, ни ея curriculum vitae. Я оставилъ ее у себя на нѣсколько дней, чтобы прочитать и разсмотрѣть внимательнѣе и, если удастся, выяснить автора. Авторъ не могъ быть человѣкомъ неизвѣстнымъ, такъ какъ въ кругъ его знакомыхъ, которые въ его письмахъ упоминаются, входитъ очень много извѣстнѣйшихъ именъ эпохи. Корешокъ переплета нѣсколько намекалъ на отношеніе къ масонству его или того члена его семьи, который могъ позже переплести письма для семейнаго архива. Рядъ извѣстныхъ масонскихъ именъ (Ив. Петр. Тургеневъ, Мих. Херасковъ, Карамзинъ и др.) упоминается въ письмахъ. На принадлежность къ братству могла намекать и нѣкоторая близость автора ко Двору масона Павла I и къ великимъ князьямъ Александру и Константину, изъ которыхъ второй несомнѣнно, а первый по всей вѣроятности, позже стали масонами. Имена русскихъ масоновъ конца XVIII вѣка извѣстны почти исчерпывающе. Кромѣ того въ письмахъ есть нѣсколько намековъ на какое-то отношеніе автора къ кругамъ литературнымъ и на его собственные стихотворческіе грѣшки, а также имена его жены — Катеньки и сына — Никитеньки.

Короче говоря — имя автора писемъ удалось установить если не безъ труда, то съ полной точностью. А установивъ, было совершенно невозможно для книголюба разстаться съ сафьяновой книжечкой. На нѣкоторое время, почти на годъ, она еще ушла гулять по рукамъ въ поискахъ любителя, но въ послѣдній моментъ, собравшись съ силами, я ее пріобрѣлъ. Признаюсь — и книголюбы меня поймутъ и простятъ — что своего открытія я не выдалъ до той поры, какъ рукопись стала моею.

Я приведу здѣсь нѣсколько случайныхъ авторскихъ н а м е к о в ъ. Видно, что письма писаны человѣкомъ не столько знатнаго, сколько образованнаго круга, пріѣхавшимъ въ Москву на праздники

коронаціи Павла, т. е. въ 1797 году, что вмѣстѣ со Дворомъ пріѣхалъ въ Москву его отецъ, важный сановникъ, что нѣкогда авторъ былъ соученикомъ Ивана Петровича Тургенева, въ это время директора московскаго университета. Въ одномъ изъ писемъ онъ пишетъ: «Демонъ учительства побудилъ меня очень рано, чтобы ѣхать раздавать уроки», — и затѣмъ упоминаетъ о поѣздкѣ въ Петровскій дворецъ, гдѣ онъ не засталъ великаго князя Константина Павловича, но «имѣлъ счастье быть введенъ въ Кабинетъ Великаго Князя Александра Павловича, который за два дня передъ этимъ ушибъ себѣ немножко ногу, ѣдучи верхомъ и принужденъ былъ остаться въ горницѣ». — Не

Московской Журналъ.

Марта 13. числа, прискакалъ я или притащился ко вратамъ Москвы, утромъ, въ десятомъ часу въ половинѣ. Я не удерживаю тебя, милой другъ мой, описаніемъ прекраснаго виду, въ которомъ представляется Москва пріѣзжающему, чтобъ описаніемъ моимъ не уронить природы и не смѣшать не кстати стихотворства съ Натурою

Первая страница
Московскаго Журнала

былъ ли онъ однимъ изъ учителей великихъ князей? Хотя учителей у нихъ было достаточно много. Есть упоминаніе о посѣщеніи лекціи профессора Шадена, стараго учителя автора (кстати сказать — проф. Шаденъ умеръ осенью того же года); но у Шадена было много слушателей-студентовъ! Такъ же мало даетъ имя его учителя танцеванія Бубликова. Упоминается въ письмахъ множество знакомыхъ, огромное большинство только по имени и отчеству; какая-то близость, можетъ быть родственная, къ Фитингофамъ, какая-то «наша Авдотья Андреевна», можетъ быть Голицына, и тетка автора Федосья Алексѣевна. Всѣ дни автора рукописи заняты визитами, имена пестрятъ страницы, но не даютъ настоящей руководящей нити. Ясно еще, что авторъ хорошій языковѣдъ, покупаетъ и на отдыхѣ читаетъ романы на иностранныхъ языкахъ. Въ нѣжныхъ письмахъ къ женѣ онъ не разъ признается въ страсти къ книгамъ и къ книжнымъ лавкамъ. «Проѣзжаючи Китай-городъ,

увидѣлъ надпись: книгопродавецъ. У этого волшебника пробылъ до полудня». — «Зачѣмъ заѣхалъ я въ книжную лавку, что на Ильинской? Худая привычка. Я подхватилъ у него Романъ Фалдиновъ, Томъ-Жонесъ, котораго чтеніе составляетъ теперь важное упражненіе мое». — «Оттуда на Петровку искать новой книжной лавки. Исканія мои не были тщетны. Учтивство или тщеславіе требовало купить что-нибудь... Сія неисцѣлимая привязанность къ книжнымъ лавкамъ неподаетъ выгоднаго мнѣнія о благоразуміи моемъ. Но я надѣюсь, что Судья мой напередъ подкупленъ и проститъ мнѣ мои ребячества». Передъ *судьей,* т. е. женой, онъ все время кается въ транжирствѣ. И опять поѣхалъ на Петровку: «къ кому? къ проклятому книгопродавцу. Чтеніе Томъ-Жонеса кончилось. Необходимо надобно было имѣть Аглинской Романъ. Жребій палъ на Сесилію. Но глаза мои было разступились увидѣвъ великолѣпное изданіе Аглинскихъ Стихотворцовъ. Благоразуміе стояло возлѣ и щуняло сороколѣтняго мальчика». Въ одномъ изъ писемъ значится: «Напало на меня дурачество не сочинять стихи, а переписывать ихъ съ памяти, потому что я оставилъ Портфейль свой въ Петербургѣ, а взялъ съ собою Музу. Такъ Муза не отмѣнно требуетъ, чтобы я старое вранье клалъ на новую бумагу». Впрочемъ литераторъ чувствуется во всѣхъ писаніяхъ автора. Въ десятомъ письмѣ онъ пишетъ: «Нечувствительно Романъ мой становится обширенъ. Вотъ ужъ и десятая часть и желаніе развязки одинъ интересъ, я думаю, которой онъ внушаетъ. Сочинитель такъ, какъ читатели, хотѣлъ бы поставить въ заглавіи: продолженіе послѣднее. Но когда придетъ сія щастливая минута, неизвѣстно. Съ начала упоминали второе и третье Маія. Я желаю, чтобъ противные слухи нашлися неосновательными. Но возвратимся къ Герою нашему. Онъ занимался обыкновеннымъ и пріятнымъ упражненіемъ четверга, отсутственнымъ разговоромъ съ Катинькою»... Въ такомъ стилѣ начинается большинство писемъ къ этой Катинькѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ упоминаетъ, что нѣкогда въ Москву «ѣздилъ изъ Твери за славою писателя». Наконецъ добираемся до настоящаго ключа: (поѣхалъ) «изъ Театра въ Университетскую Книжную Лавку, гдѣ имѣлъ тщеславіе купить собственное свое сочиненіе, которому минуло 23 года».

Первые выводы: автору сорокъ лѣтъ, учился въ московскомъ университетѣ, сынъ екатерининскаго вельможи, женатъ на *Катинькѣ*.

очень образованъ, возможно — учитель великихъ князей, пріѣхалъ изъ Петербурга, юношей жилъ въ Твери, знаетъ иностранные языки, писалъ и пишетъ стихи, 17-ти лѣтъ издалъ какую-то книжку въ Москвѣ. — Остальное не такъ трудно установить даже библіографу-любителю, особенно принявъ во вниманіе, что авторъ — отличный стилистъ: не такъ много хорошихъ книжекъ вышло въ Москвѣ въ 1774 году.

Изъ числа воспитателей великихъ князей Александра и Константина былъ литературно-извѣстенъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Родъ Муравьевыхъ связанъ съ Тверью. Михаилъ Никитичъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Былъ женатъ на Екатеринѣ Федоровнѣ Колокольцовой, имѣлъ сына Никиту, будущаго декабриста. Его отецъ, Никита Артамоновичъ, также одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи Екатерины Второй, былъ подъ конецъ жизни сенаторомъ. Писать Михаилъ Никитичъ началъ очень рано, 14 лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ Эклогу въ подражаніе Виргилію. Въ 1774 году были напечатаны три его книжки: Военная пѣснь, Петронія Арбитра Гражданская брань и Похвальное слово М. В. Ломоносову. Изъ нихъ послѣдняя вышла въ Москвѣ, а первыя двѣ помѣчены у Сопикова Петербургомъ (первая ошибочно помѣчена у Сопикова 1772 годомъ, вторая помѣчена у Смирдина вышедшей безъ указанія мѣста печати). Такимъ образомъ, вѣрнѣе всего дѣло идетъ о послѣдней книжкѣ, Похвальномъ Словѣ.

Авторство Муравьева подтверждается и близостью къ И. П. Тургеневу, съ которымъ онъ, дѣйствительно, учился вмѣстѣ. Въ дневникѣ онъ упоминаетъ о встрѣчахъ съ Карамзинымъ, котораго позже былъ покровителемъ (помогъ ему сдѣлаться исторіографомъ), о Херасковѣ, знакомомъ и по писательству и по масонству, и о множествѣ лицъ, связь съ которыми автора дневника становится теперь понятной, какъ понятно и золотое тисненіе на корешкѣ: масономъ былъ онъ самъ (хотя и не установлено, какой ложи), масономъ былъ и его сынъ Никита.

⁂

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1757-1807) былъ по своему времени извѣстнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ и выдающимся писателемъ, отмѣннымъ стили-

стомъ. Учился въ Москвѣ (гимназія и университетъ), двадцати лѣтъ былъ выбранъ сотрудникомъ Вольнаго Собранія Любителей Россійскаго Слова, въ трудахъ котораго печаталъ свои раннія произведенія, издалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ переводы стихотвореній, считался проводникомъ сентиментализма, отчасти подражателемъ Карамзина и въ художественномъ словѣ и въ изложеніи теоретическихъ взглядовъ на исторію. Полное собраніе его сочиненій въ стихахъ и прозѣ издавалось въ Петербургѣ въ 1819-20, 1847 и 1856 годахъ (у Смирдина). Въ Парижѣ оно есть въ Тургеневской библіотекѣ (въ антикваріатѣ).

Въ 1785 г. Екатерина поручила ему преподавать русскую словесность, исторію и нравственную философію внукамъ Александру и Константину. Въ своихъ лекціяхъ, слѣдуя взглядамъ шотландскихъ философовъ, Муравьевъ развивалъ идеи о человѣкѣ и его обязанностяхъ, по тому времени передовыя. Въ 1800 г., при Павлѣ, Муравьевъ сталъ сенаторомъ, а черезъ годъ, по смерти Павла, — секретаремъ Александра I по принятію прошеній. Въ 1802 году былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1803 — попечителемъ московскаго университета, и обѣ должности отправлялъ одновременно. Московскій университетъ обязанъ ему рядомъ усовершенствованій, — либеральнымъ уставомъ, заграничными командировками, лабораторіями, научными обществами, иностранными учеными на посту профессоровъ. Онъ же основалъ Московскія Ученыя Вѣдомости.

Этотъ талантливый, культурнѣйшій, необыкновенно живой и доброжелательный человѣкъ заслужилъ высшую оцѣнку въ отзывахъ его современниковъ. Поэтъ Батюшковъ называетъ его «человѣкомъ великаго ума, рѣдкихъ познаній и самой лучшей души»; Карамзинъ говоритъ, что «страсть его къ ученію равнялась въ немъ со страстью къ добродѣтели». Какъ философъ, онъ былъ чистымъ оптимистомъ, какъ дѣятель вызывалъ пріязнь всѣхъ передовыхъ людей и пользовался всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ его литературныхъ сочиненіяхъ, хотя и близкихъ карамзинскимъ, нѣтъ напускной чувствительности и много настоящаго изящества, — ихъ и сейчасъ еще пріятно перелистать.

Жена Муравьева, Екатерина Федоровна, дочь сенатора Ф. М. Колокольцова (пожалованнаго баронскимъ титуломъ), была для него на

стоящей подругой, такъ какъ не только сочувствовала его взглядамъ, но и сама умѣла создать вокругъ себя окруженіе изъ образованныхъ и талантливыхъ людей, писателей и дѣятелей. Объ ея умѣ, благородствѣ характера и душевной привлекательности можно найти не мало въ воспоминаніяхъ современниковъ.

23. Марта. понедѣльникъ. Искуство писанія выдумано было отсутственнымъ любовникомъ. Я чувствовалъ пріятности его сіе утро. Я разговаривалъ за семь сотъ верстъ съ моимъ милымъ другомъ. Можетъ быть теперь разговариваетъ она со мною. Въ часъ пополудни поѣхалъ я обѣдать къ Елисаветѣ Карловнѣ, которая сокрушается о молчаніи Захара Матвѣевича. Фритингофъ лежитъ боленъ. Со мною въ одно время пріѣхала Хри-

Я очень сожалѣю, что изъ писемъ Муравьева къ женѣ могъ привести здѣсь только отрывочныя фразы, — негдѣ сейчасъ опубликовать эти письма. Въ нихъ безконечно много живости, бѣглыхъ описаній Москвы, разсказовъ о скачкѣ автора по знакомымъ, которыхъ названа добрая сотня, картинки торжествъ коронаціи Павла, попутно — книжныя лавки, осмотры музеевъ, бесѣды съ видными людьми, дѣловыя хлопоты, яркое отраженіе московской жизни, милѣйшая кокетливость стиля. Интимное перемѣшано съ серьезнымъ и дѣловымъ, и если настоящаго с о д е р ж а н і я въ рукописи не такъ много, то его недостатокъ искупается очарованіемъ стиля и характера пишущаго. Для образца приведу три отрывка. Первый изъ начала рукописи:

«Марта 13 числа, прискакалъ я или притащился ко вратамъ Москвы, утромъ, въ десятомъ часу въ половинѣ. Я не удерживаю тебя, милой другъ мой, описаніемъ прекраснаго виду, въ которомъ представляется Москва пріѣзжающему, чтобъ описаніемъ моимъ не уронить природы и не смѣшать не кстати стихотворства съ Исторіею. Довольно я пріѣхалъ: не точно въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, какъ бывало ѣздилъ изъ Твери за славою писателя. Мечты сіи уступили времени. Другія привязанности отнимали у окрестностей Московскихъ волшебныя ихъ прелести. Я думалъ, какъ те-

перь, о милой и оставленной семьѣ моей. Я просилъ Бога, чтобъ онъ наставилъ Катеньку перенести съ благоразуміемъ краткую разлуку. Я просилъ его, чтобъ онъ сохранилъ жизнь и здравіе нѣжнѣйшаго изъ родителей».

Вотъ описаніе скачки по Москвѣ — обычный день автора:

«Нанялъ я карету четвернею, потому что грязное состояніе улицъ Московскихъ обижало самолюбіе мое. Нанялъ немножко дорого: но Катинька позволила мнѣ мотать. Надѣлся было по военному, чтобъ ѣхать къ обоимъ градодержателямъ Князь Долгорукову и Архарову: не засталъ ни того, ни другого, такъ какъ и Князь Куракина. Но напротивъ того былъ у Графа Николая Ивановича и сидѣлъ у Натальи Володиміровны, которая спрашивала, пріѣхалъ ли я съ моей Катинькой. Тамъ видѣлъ Князя Долгорукова. Оттуда поѣхалъ на Арбатъ къ Миколѣ Явленному, гдѣ живетъ Алексѣй Миничъ. Недовольно всѣхъ сихъ посѣщеній, отъискалъ Михайлу Матвѣевича Хераскова, который купилъ себѣ новый домъ на Вшивой Горкѣ: прозвище недостойное для жилища великаго стихотворца. Наконецъ заключилъ день мой визитомъ за Москвою рѣкою у Петра Алексѣевича Ижорина подъ Донскимъ и у Семена Савича. Жена его Аграфена Петровна приноситъ свое почтеніе».

И начало послѣдняго письма:

«Я желаю, чтобы сту часть моей жизни прочли мы вмѣстѣ съ Катинькой, или ежели етого не можно за умедлѣніемъ подорожной, чтобы Герой замѣшкался очень не долго за Романомъ и вмѣсто удивленія подвигамъ его нашелъ любовь, щастье, дружбу и прощеніе несіяющей судьбѣ его».

Въ старинномъ сафьяновомъ переплетѣ каждое такое словечко, каждая кокетливо-изысканная фраза, дышатъ и живутъ нетлѣнно въ ароматѣ эпохи — послѣднихъ годовъ позапрошлаго вѣка.

Мих. Осоргинъ

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII—XIX ВѢКА ВЪ НѢМЕЦКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ

Первый «европеецъ» среди русскихъ писателей, Кантемиръ, пріобрѣлъ извѣстность за границей раньше, чѣмъ у себя на родинѣ. Сатиры его по-русски были напечатаны лишь въ 1762 году, восемнадцать лѣтъ послѣ его смерти, французскій же переводъ ихъ вышелъ уже въ 1749 году въ Лондонѣ. На этотъ переводъ обратили вниманіе и въ Германіи: очень интересовавшійся Россіей лейпцигскій журналъ Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit въ апрѣльскомъ номерѣ 1751 года далъ очень благосклонный отзывъ о сатирахъ, сравнилъ ихъ автора съ берлинскимъ придворнымъ поэтомъ Canitz'омъ (1654—1699) и въ видѣ образца привелъ переводъ шестой сатиры. Годъ спустя вышелъ полный нѣмецкій переводъ (съ французскаго) всѣхъ восьми сатиръ «съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ другихъ поэтическихъ переводовъ и собственныхъ стихотвореній, а также трактата о происхожденіи, пользѣ и развитіи сатиръ и жизнеописанія князя Кантемира» (Берлинъ - Гауде и Шпенеръ 1752). Переводчикъ баронъ Генрихъ Эбергардъ фонъ-Шпилькеръ (Spilcker), «королевскій флигель-адъютантъ и подполковникъ». Переводъ очень вольный въ плохихъ александрійскихъ стихахъ. Журнальная критика отнеслась къ нему довольно сурово.

Вторымъ русскимъ писателемъ, имя котораго стало извѣстно въ

8

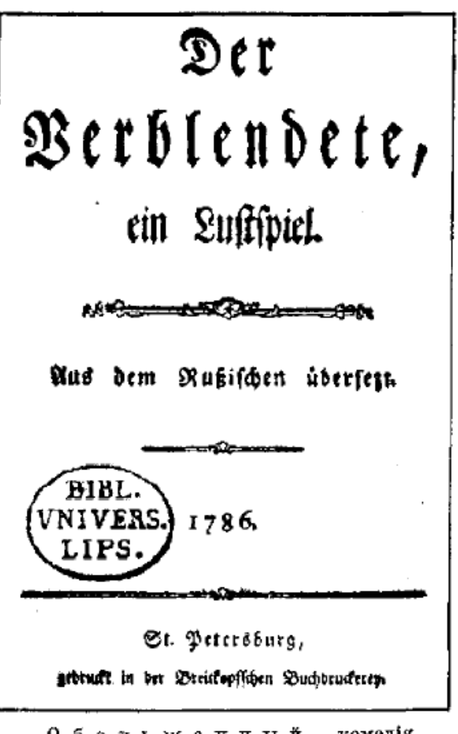
Германіи, былъ Сумароковъ. Въ 1756 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ лейпцигскаго Общества Свободныхъ Искусствъ, но уже въ 1753 году Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit (сентябрь), разбирая французскій переводъ его трагедіи Синавъ и Труворъ ставилъ его въ образецъ нѣмецкимъ драматургамъ. «Почему нѣмецкіе поэты не умѣютъ находить въ нашей собственной исторіи трагическихъ героевъ и выводить ихъ на сцену, когда этотъ русскій находитъ ихъ въ своей?» Тотъ же журналъ въ 1757 г. напечаталъ оду Сумарокова въ переводѣ «господина фонъ-Остервальда (Osterwald), капитанъ-лейтенанта при дворянскомъ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ», а въ 1762 году въ сборникѣ драмъ различныхъ авторовъ (изд. Іоганнъ Э. Майсръ, Бреславль) появился переводъ сумароковской Семиры, сдѣланный также Остервальдомъ.

SEMIRA.
Ein Trauer-Spiel
aus dem Rußischen
des
Herren Sumarokow,
Rußisch Kayserl. Brigadier, Directeur des Rußischen Theatri und der teutschen Gesellschaft zu Leipzig Mitgliede.
Ins teutsche übersetzet
durch den
Herren von Osterwald,
Capitain des adelichen Cadeten-Corps in St. Petersburg.
A

Заглавный листъ Семиры Сумарокова въ сборникѣ Schauspiele, изданномъ въ 1762 г. въ Бреславлѣ

Эпоха Екатерины II очень богата нѣмецкими переводами съ русскаго. Но любопытно, что переводчиками являются лица, проживающіе не въ Берлинѣ или Лейпцигѣ, а въ Петербургѣ, Ригѣ, Ревелѣ. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вполнѣ сознательной русской пропагандой. Сѣверная Семирамида желала показать Европѣ, «что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ россійская земля рождать», и поэтому заботилась прежде всего о томъ, чтобы ея собственныя произведенія переводились на иностранные языки. Знаменитый Наказъ 1767 года вышелъ съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ en regard, комедіи императрицы переводилъ на нѣмецкій языкъ нѣкій Арндтъ (Arndt) и получалъ (какъ видно изъ записокъ Храповицкаго) весьма приличный для того времени гонораръ въ 3000 рублей

за пьесу. По заказу самой Екатерины были переведены на нѣмецкій языкъ и ея сказки о царевичѣ Хлорѣ и Февеѣ и даже Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Комедія Обманщикъ въ 1786 была поставлена въ Гамбургѣ и имѣла большой успѣхъ. Извѣстный апостолъ «просвѣщенія», книгопродавецъ и писатель Фридрихъ Николаи (Nicolai), другъ Лессинга и заклятый врагъ всякаго мистицизма и романтизма (Гете осмѣялъ его въ образѣ Проктофантасмиста въ Вальпургіевой ночи первой части Фауста), былъ въ восторгѣ отъ анти-масонской тенденціи екатерининскихъ комедій и выпустилъ три изъ нихъ въ своемъ издательствѣ подъ заглавіемъ Три комедіи противъ фантазерства и суевѣрія (1788 г.). Сюда вошли: Обманщикъ, Обольщенный и Шаманъ сибирскій. Имя автора скрыто подъ иниціалами: *I. K. M. d. K. a. R.*, то есть: Ihre Kaiserliche Majestät die Kaiserin aller Reussen. А въ предисловіи издатель заявляетъ: «Я думаю, что эти новые плоды генія величайшей нѣмецкой женщины, первой представительницы своего пола, должны стать извѣстными во всей Германіи».

Der Verblendete, ein Lustspiel.

Aus dem Rußischen übersezt.

1786.

St. Petersburg,
gedruckt in der Breitkopfschen Buchdruckerey.

Обольщенный, комедія Екатерины II

Большимъ поклонникомъ Екатерины — хотя едва ли вполнѣ искреннимъ — былъ и пресловутый Коцебу. Живя въ Петербургѣ, онъ усердно переводилъ Державина; отдѣльными изданіями вышли его переводы: Фелицы (Ревель 1792) и Видѣнія Мурзы (С.-Петербургъ 1792), а вслѣдъ за ними цѣлый сборникъ стихотвореній Державина[1] съ портретомъ поэта, предисловіемъ переводчика и стихотворнымъ посвященіемъ «любезнымъ принцессамъ Баденскимъ», прі-

1. Leipzig, bey Paul Gotthelf Kummer 1793.

ѣзжавшимъ тогда въ Петербургъ, такъ какъ Екатерина задумала женить своего внука Александра Павловича на одной изъ двухъ сестеръ. Переводы Коцебу плохи, размѣръ не выдержанъ, риѳмы опущены; зато предисловіе и посвященіе дышатъ чисто-лакейской преданностью и лестью.

Briefe
eines reisenden Russen
von
Karamsin.

aus dem russischen
von
Johann Richter.

mit Kupfern

Erstes Bändchen

Leipzig. 1799.
bey Johann Friedrich Hartknoch.

Любопытно, что крупнѣйшій драматическій писатель Екатерининской эпохи совсѣмъ не обратилъ на себя вниманія нѣмцевъ — стараго перевода Фонвизинскаго Недоросля намъ не удалось найти; кажется, что вышедшій около 1890 года переводъ Ф. Ф Фидлера *Der Landjunker* (Leipzig. Bibliographisches Institut) — первый и единственный до сихъ поръ. Іоганнъ Рихтеръ въ любопытной книгѣ Moskwa. Eine Skizze (Лейпцигъ, 1799), въ числѣ наиболѣе любимыхъ московской публикой русскихъ пьесъ, наряду съ Аблесимовскимъ Мельникомъ и Сумароковскимъ Димитріемъ Самозванцемъ (котораго приписываетъ, однако, Хераскову) называетъ и Недоросля, но даетъ затѣмъ совершенно безтолковое, путанное изложеніе содержанія комедіи, которую онъ, очевидно, только разъ видѣлъ въ театрѣ, плохо понялъ, плохо запомнилъ и не нашелъ нужнымъ перечесть.

А между тѣмъ тотъ же Іоганнъ Рихтеръ одинъ изъ самыхъ раннихъ и самыхъ усердныхъ посредниковъ между русской и нѣмецкой литературой, прямой предшественникъ Боденштедтовъ, Вольфсоновъ и Павловыхъ XIX столѣтія. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти никакихъ біографическихъ данныхъ о немъ. По всей вѣроятности онъ въ качествѣ домашняго учителя попалъ сперва въ Лифляндію, а оттуда въ Москву, гдѣ прожилъ очень долго и познакомился между прочимъ съ Херасковымъ и Карамзинымъ, Письма русскаго путешественника котораго онъ перевелъ. Переводъ былъ сдѣланъ

подъ личнымъ наблюденіемъ самого Карамзина и поэтому отличается большой точностью. Но и помимо этого переводъ Рихтера превосходенъ потому, что переводчикъ «душой близокъ» автору, мыслитъ и чувствуетъ, какъ онъ, и благодаря этому, дѣйствительно возсоздаетъ подлинникъ. Въ недавнюю эпоху повальнаго увлеченія русской литературой въ Германіи вѣнское издательство Рикола выпустило новое изданіе Писемъ русскаго путешественника (1922) и читать ихъ было дѣйствительно наслажденіемъ: Карамзинъ заговорилъ по-нѣмецки, не языкомъ XX вѣка и не языкомъ поддѣлывающагося подъ старину новаго переводчика, а языкомъ своего времени, тѣмъ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ онъ самъ бесѣдовалъ съ Кантомъ, Платнеромъ и Виландомъ.

Иллюстрація къ Письмамъ русскаго путешественника Карамзина въ переводѣ Рихтера

Первое изданіе Писемъ русскаго путешественника на нѣмецкомъ языкѣ вышло въ 1799 г. въ шести томикахъ in 16° въ издательствѣ Johann Friedrich Hartknoch въ Лейпцигѣ, съ гравюрами, подъ заглавіемъ *Briefe eines reisenden Russen*. Въ предисловіи переводчикъ подчеркиваетъ ихъ «нѣжную чувствительность и нѣкоторую наивность изображенія, всегда являющіяся признаками прекрасной души» и выражаетъ надежду, что его земляки «охотно будутъ читать сужденія и взгляды этого юнаго Анахарсиса, который по-

кинулъ свое отечество только съ намѣреніемъ учиться у другихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ, чтобы затѣмъ споспѣшествовать, въ качествѣ писателя, облагороженію и образованію своей націи».

Рихтеръ перевелъ также повѣсти Карамзина, вышедшія въ 1800 г. у того же Гарткноха въ Лейпцигѣ, въ томъ же форматѣ, какъ Письма, и съ титульной гравюрой, изображающей сцену изъ Натальи, боярской дочери. Въ томикъ вошли четыре повѣсти: Бѣдная Лиза, Наталья, боярская дочь, Флоръ Силинъ и Юлія. Переводчикъ при этой попыткѣ «пересадить цвѣты суроваго сѣвера на отечественную почву» счелъ нужнымъ «опустить кое-что, что можетъ быть не совсѣмъ бы понравилось нѣмецкому вкусу». Поэтому — «пусть не сѣтуетъ на меня читатель, который бы вздумалъ пользоваться моимъ переводомъ для того, чтобы лучше разобраться въ подлинникѣ. Когда онъ глубже вникнетъ въ духъ обоихъ языковъ и національный характеръ обоихъ народовъ, онъ пойметъ причины, побудившія меня переводить именно такъ, а не иначе».

Серіей сборниковъ подъ заглавіемъ *Russische Miszellen* (первый вышелъ въ 1803 году опять у Гарткноха) Рихтеръ хотѣлъ создать информаціонный органъ, призванный выполнить важную культурную задачу. «Вниманіе Европы сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо обращено на Россію», говоритъ онъ въ предисловіи; «объ этомъ свидѣтельствуютъ уже многочисленныя сообщенія изъ Россіи, появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ. Но сообщенія эти большей частью таковы, что свѣдущіе люди при чтеніи ихъ не могутъ удержаться отъ улыбки. Имена почти всегда искажены, факты изложены невѣрно, и все выходитъ такъ жалко, что приходится только жалѣть издателей журналовъ, которые за неимѣніемъ лучшаго принуждены печатать такія нелѣпости, чтобы хоть чѣмъ-нибудь удовлетворить любопытство публики относительно такой, интересной во всѣхъ отношеніяхъ страны, какъ приходится жалѣть и бѣдную Россію, которая въ такомъ невѣрномъ и скудномъ изображеніи никогда не можетъ представиться въ настоящемъ своемъ видѣ».

Изданіе Рихтера прекратилось въ 1804 году на девятомъ выпускѣ; содержаніе этихъ девяти выпусковъ чрезвычайно разнообразно. Въ первомъ же выпускѣ мы находимъ переводъ первой пѣсни Россіады тайнаго совѣтника и кавалера Хераскова, поэмы, составляющей вмѣстѣ съ Владиміромъ того же автора, гордостью рус-

ской поэзіи». Переводъ сдѣланъ не алексадрійскимъ стихомъ, а гекзаметромъ, т. е. Россіада съ языка Вольтера и Буало переложена на языкъ Клопштока, и надо сказать, что она отъ этого только выиграла. Приводимъ для примѣра первыя строки:

Russlands glückliche Lösung vom fremden entehrenden Joche,
Den gebrochenen Stolz des Chans, der Horde Bezwingung,
Unsrer berühmten Ahnen beschwerliche Züge und Kämpfe,
Moskwas Sieg une Kasans Zerstörung will ich besingen.
Gleich Aurorens Glanze bestrahlte nach diesen Triumphen,
Ruhe und goldener Friede die Fluren des glücklichen Russlands.

Хераскову вообще у нѣмцевъ посчастливилось. Въ тѣхъ же *Miszellen* Рихтера мы находимъ еще отрывокъ изъ Кадма и Гармоніи, въ 1773 г. въ Петербургѣ вышелъ переводъ Битвы при Чесмѣ подъ заглавіемъ: *Die Schlacht bey Tschesma:* ein Heldengedicht in fünf Gesängen, herausgegeben von Herrn Cheraskoff. Nebst einer Rede über die russische Poesie, von ebendemselben Verfasser. Aus dem russischen übersetzt; въ 1782 въ Петербургѣ же у Брейткопфа —

Heinrich Eberhards,
Freyherrn von Spilcker,
Königl. Preuß. Flügeladjutantens und Obristlieutenants, der Königl. deutschen Gesellschaft zu Königsberg Ehrenmitglieds,
versuchte
freye Uebersetzung
der Satyren
des Prinzen Kantemir,
nebst noch einigen andern
poetischen Uebersetzungen
und eigenen
Gedichten,
auch einer Abhandlung
von dem Ursprunge, Nutzen und Fortgange
der Satyren,
und der Lebensbeschreibung
des Prinzen Kantemir.
Herausgegeben
und mit einer Vorrede begleitet
von
C. Mylius.

Berlin,
bey A. Haude und J. C. Spener,
Königl. und der Akademie der Wissenschaften privil. Buchhändlern.
1752.

Титульный листъ перваго нѣмецкаго изданія Сатиръ Кантемира

Numa Pompilius oder das blühende Rom. Aus dem Russischen des Herrn von Cheraskoff; въ 1797 въ Ригѣ — ода на коронацію Павла I въ переводѣ барона von Bellinghausen.

Слѣдуетъ отмѣтить интересъ Рихтера къ народной поэзіи; въ *Miszellen* мы находимъ переводы сказокъ, былинъ, народныхъ пѣсенъ, пересказы отдѣльныхъ эпизодовъ изъ Нестеровой лѣтописи (полный переводъ Нестора вышелъ уже въ 1774 въ Лейпцигѣ. Переводчикъ — Іоганнъ Бенедиктъ Шереръ, «бывшій членъ петербургской юстицъ — коллегіи»). Рихтеру же принадлежитъ первый нѣмецкій переводъ Слова о Полку Игоревѣ, тогда только что открытаго. Второй переводъ Слова вышелъ въ 1811 въ Прагѣ (переводчикъ Іосифъ Мюллеръ); первая попытка перевести Слово стихами (пятистопнымъ ямбомъ) была сдѣлана въ 1825 ревельскимъ пасторомъ Зедергольмомъ: *Das Lied Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslawas, Enkels Olegs.* Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt von Sederholm. Riga u. Leipzig, Hartmann.

Политическія событія 1809—1815 гг. усилили интересъ къ Россіи на Западѣ вообще, а въ Германіи особенно. Въ связи съ этими событіями находится, вѣроятно, тотъ фактъ, что трагедія Озерова Дмитрій Донской два раза была переведена на нѣмецкій языкъ — въ 1815 году нѣкіимъ Dr. I. Th. Wideburg (St. Petersburg bei W. Meyer) и въ 1823 Otto Hanson'омъ (Moskau, Seliwanosky); переводъ Видебурга даже былъ поставленъ на сценѣ въ Петербургѣ (27 іюня 1821 года; отчетъ о спектаклѣ въ журналѣ *Der Gesellschafter*, 25 авг. 1821 г.).

Но характернѣйшее явленіе второго и третьяго десятилѣтія XIX вѣка — множество антологій прозаическихъ и стихотворныхъ, составителями и издателями которыхъ являются главнымъ образомъ балтійскіе и русскіе нѣмцы. Такъ, напр., Карлъ Фридрихъ фонъ деръ Боргъ въ двухъ томахъ *Poetische Erzeugnisse der Russen* (Дерптъ — Рига, 1820 — 23) опубликовалъ около 150 стихотвореній, въ томъ числѣ Двѣнадцать спящихъ дѣвъ Жуковскаго, отрывокъ въ 15 страницъ изъ Душеньки Богдановича, отрывокъ изъ Руслана и Людмилы Пушкина, но главнымъ образомъ произведенія поэтовъ старшаго поколѣнія: Ломоносова, Дмитріева, Державина, Крылова и т. д. Переводы фонъ деръ Борга особыми художественными достоинствами не отличаются, но нѣкоторые изъ нихъ (напр., оды Ломоносова) остаются до сихъ поръ единственными.

Гораздо скромнѣе фонъ деръ Борга другой русскій нѣмецъ — Früauf,

выпустившій въ 1819 г. небольшую книжку (въ 35 страницъ) стихотворныхъ переводовъ съ русскаго: *Gedichte verschiedenen russischen Dichtern, nachgebildet* von Dr. Johann Ludwig Wilhelm Früauf. St. Petersburg, gedruckt in der Buchdruckerey der besonderen Kanzelley des Polizey-Ministeriums.

DER

BERGGEFANGENE

(КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ)

VON

Alexander Puschkin.

AUS DEM RUSSISCHEN ÜBERSETZT.

ST. PETERSBURG.

Gedruckt in der Buchdruckerei der besondern Kanzellei des Ministeriums des Innern.

1 8 2 3.

Книжка содержитъ четыре стихотворенія Жуковскаго, два — Дмитріева и двѣ басни Крылова. Всего интереснѣе въ ней предисловіе, которое приводимъ поэтому почти цѣликомъ:

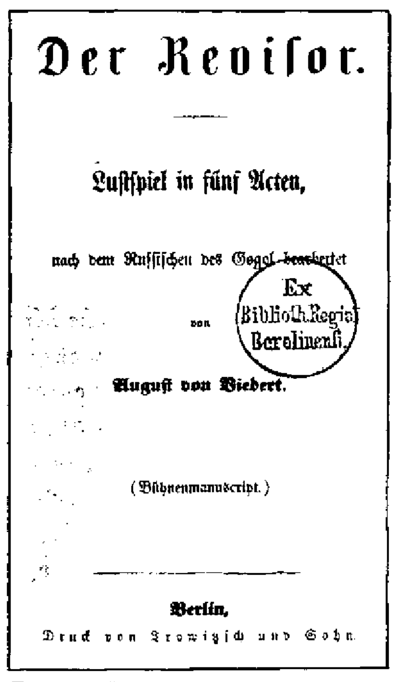
«Въ 1812, 1813 и 1814 я состоялъ на службѣ при передвижномъ военномъ госпиталѣ русской арміи, который изъ Калуги черезъ Серпуховъ, Тулу и Мценскъ былъ переведенъ въ Орелъ. Здѣсь я, пользуя многочисленныхъ раненыхъ и больныхъ заразными лихорадками, самъ занемогъ и послѣ ликвидаціи госпиталя остался больнымъ въ городѣ. Но я имѣлъ счастье познакомиться съ благородной дамой, вдовой Екатериной Афанасьевной Протасовой, которая для поправленія моего совершенно расшатаннаго частыми рецидивами горячки, одышкой и ревматизмомъ здоровья отвезла меня въ свое расположенное неподалеку имѣніе Муратово, гдѣ въ домѣ этой великодушной благодѣтельницы сталъ предметомъ самого тщательнаго ухода. Въ довершеніе счастья я здѣсь познакомился съ почтеннымъ, любезнымъ поэтомъ, господиномъ Жуковскимъ (Herr von Schukovsky), а черезъ него больше прежняго и съ русской изящной литературой. Досугъ, который я имѣлъ во время моей болѣзни, пользуясь при этомъ находившейся

тогда въ имѣніи богатой библіотекой госпожи Кирѣевской, и необходимость, чѣмъ-нибудь утѣшить и развлечь себя въ виду полной потери моего оставленнаго въ Москвѣ состоянія, коего я лишился во время моего пребыванія на службѣ вслѣдствіе пожара и разграбленія столицы, — побудили меня перевести сперва нѣсколько стихотвореній господина Жуковскаго, а затѣмъ и разныхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но я не всегда сохранялъ размѣръ подлинника, а кое-гдѣ удлинилъ строки на одинъ или нѣсколько слоговъ, такъ какъ нѣмецкій языкъ вслѣдствіе употребленія члена и вспомогательныхъ глаголовъ нуждается въ большемъ количествѣ словъ, чтобы ясно выразить мысль, чѣмъ языкъ русскій, являющійся благодаря своей гибкости, благозвучію, удобнымъ словосочетаніямъ и богатству, какъ извѣстно, однимъ изъ выразительнѣйшихъ и наипригоднѣйшихъ для поэзіи языковъ.... Печатая теперь нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, я желалъ бы только, чтобы они благосклонно были приняты почтенными лицами, которымъ я хотѣлъ бы доказать свою безконечную благодарность, и доставили бы нѣкоторое удовольствіе читателямъ».

Выборъ стихотвореній у Früauf'а, въ отличіе отъ фонъ деръ Борга, совершенно случайный и, въ сущности, не даетъ никакого представленія о состояніи тогдашней русской поэзіи. Фонъ деръ Боргъ, при всемъ своемъ тяготѣніи къ Ломоносову, Державину и Богдановичу, замѣтилъ молодого Пушкина съ его первенцемъ, и это несомнѣнно дѣлаетъ ему честь. Съ тѣхъ поръ Пушкинъ не перестаетъ занимать нѣмцевъ. Въ 1823 году вышелъ переводъ Кавказскаго плѣнника, сдѣланный Александромъ Вульффертомъ *Der Berggefangene*. St. Petersburg, gedruckt in der Buchdruckerei der besondern Kanzellei des Ministeriums des Innern. Вульффертъ, родившійся въ 1790 году въ Выборгѣ, былъ сперва учителемъ, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ, а съ 1826 года редакторомъ нѣмецкой *St. Petersburgische Zeitung*, тогда еще издававшейся Академіей Наукъ. Кромѣ Кавказскаго плѣнника, онъ перевелъ и Бахчисарайскій фонтанъ подъ загл. *Der Trauerquell* (С.-Петербургъ 1826). За переводъ Кавказскаго плѣнника онъ получилъ отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны золотые часы, но Пушкину самому этотъ переводъ пришелся не по душѣ, не потому чтобы онъ былъ плохъ, а потому, что служившій тогда въ иностранной цензурѣ Августъ (или, какъ онъ называлъ себя по-русски, Евстафій) Ольдекопъ переиздалъ переводъ Вульферта вмѣстѣ съ рус-

скимъ подлинникомъ и такимъ образомъ нарушилъ авторскія права Пушкина, который безуспѣшно протестовалъ противъ этого (ср. письмо Пушкина къ графу А. Н. Бенкендорфу отъ 20 іюля 1827 г.).

Этотъ Ольдекопъ, однако, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ русской литературы среди нѣмцевъ. Съ 1822 до 1826 онъ издавалъ журналъ *St. Petersburgische Zeitung*, имѣвшій задачей знакомить нѣмецкую публику съ Россіей и русской литературой, въ 1831 году основалъ для той же цѣли новый журналъ *Russischer Merkur*, издалъ десять томиковъ русскихъ разсказовъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ общимъ заглавіемъ *Schneeglöckchen* (1833 и слѣд.), а съ 1838 года до самой своей смерти (1845) былъ главнымъ редакторомъ *St. Petersburgische Zeitung*. Въ своихъ журналахъ онъ печаталъ переводы стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, повѣстей Марлинскаго и князя В. Одоевскаго (П о с л ѣ д н і й к в а р т е т ъ Б е т х о в е н а въ *Russischer Merkur* 1831 г.) — оба эти писателя черезъ него впервые стали знакомы нѣмцамъ; горячій поклонникъ Ѳаддея Булгарина, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ всѣ его романы: *Sämtliche Werke* 1828, 4 тома. Отдѣльно вышли: *Gemälde des Türkenkrieges im Jahre 1828*. СПБ. 1828, и *Iwan Wuischigin*. Moralisch-satirischer Roman. Лейпцигъ, 1830, 4 тома. В ы ж и г и н ъ въ томъ же 1830 г. вышелъ еще въ переводѣ А. Кайзера въ 3-хъ томахъ, а въ 1834 г. въ Лейпцигѣ появился еще: *Peter Jwanowitsch*. Russisches Charakterbild als Fortsetzung des Iwan Wischygin. Uebertragen von F. Nork. 3 тома. Какъ высоко цѣнили тогда Булгарина, видно и изъ того, что въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза 1832 года въ статьѣ *Russische Literatur* онъ названъ крупнѣйшимъ русскимъ писателемъ, тогда какъ о Пушкинѣ говорится только какъ о «многообѣщающемъ поэтѣ».

Der Revisor.

Lustspiel in fünf Acten,

nach dem Russischen des Gogol bearbeitet

von

August von Viedert.

(Bühnenmanuscript.)

Berlin,

Druck von Trowitzsch und Sohn.

Титульный листъ перваго нѣмецкаго изданія Р е в и з о р а

Очень серьезнымъ посредникомъ между русской и нѣмецкой лите-

ратурой, съ солиднымъ образованіемъ и большимъ вкусомъ, и, надо думать, съ хорошими связями въ русскихъ литературныхъ кругахъ былъ балтіецъ Карлъ Кноррингъ. Въ трехъ выпускахъ своей *Russische Bibliothek für Deutsche*, онъ далъ слѣдующія произведенія русской литературы: Симеонъ Кирдяпа Полевого, Три пояса и Марьина роща Жуковскаго, Борисъ Годуновъ Пушкина и Горе отъ ума Грибоѣдова. Комедія Грибоѣдова, такимъ образомъ, по-нѣмецки была напечатана двумя годами раньше, чѣмъ по-русски. Что Кноррингъ переводилъ съ рукописнаго экземпляра, видно, между прочимъ, по одной курьезной ошибкѣ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ: Фамусовъ названъ здѣсь *Oberforstmeister*. Объяснить это можно только тѣмъ, что переводчикъ, вмѣсто «управляющій казеннымъ мѣстомъ» прочелъ «лѣсомъ».

Нѣмецкая критика отнеслась весьма сурово къ Грибоѣдову. Въ берлинскомъ журналѣ *Der Freimüthige* (1833 г., № 30—34) нѣкій В. Альбрехтъ въ статьѣ *Poetische Morgenröte im östlichen Europa*, высказался такъ. «Мы не знаемъ, сколько процентовъ негодяевъ приходится на честныхъ людей въ остальномъ мірѣ, но что среди двадцати пяти дѣйствующихъ лицъ этой комедіи имѣется только одинъ отвѣчающій требованіямъ нравственности характеръ, да и то лишь служанка, — это столь же ново, сколь ужасно!»

Бориса Годунова Кноррингъ перевелъ вѣроятно тоже съ рукописи, такъ какъ переводъ появился почти одновременно съ подлинникомъ. Послѣ смерти Пушкина въ Германіи появилась первая серьезная критическая оцѣнка его личности и творчества, до сихъ поръ еще не потерявшая значенія — статья извѣстнаго Varnhagen von Ense, въ издававшемся имъ журналѣ *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* (Октябрь 1838 г.). Два года спустя Р. Липпертъ сдѣлалъ первую попытку дать нѣмецкому читателю все наиболѣе существенное изъ твореній Пушкина въ двухъ томахъ *Alexander Puschkins Dichtungen*, 1840. Переведены: шесть балладъ, Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Цыганы, Братья разбойники, Полтава, Графъ Нулинъ, Сказка о царѣ Салтанѣ, Борисъ Годуновъ, Каменный гость, Евгеній Онѣгинъ. Дальше его пошелъ лишь Фридрихъ Боденштедтъ, который уже въ 1843 году выпустилъ вскорѣ имъ же самымъ изъятую изъ обращенія антологію *Kaslow, Puschkin, Lermontow*, а въ 1854 году три тома *Alexander Puschkins poetische Werke*. Всѣ

переведенные Липпертомъ произведенія Пушкина переведены Боденштедтомъ вновь, прибавлено значительное число лирическихъ стихотвореній (любопытно, что одно изъ этихъ стихотвореній «О если правда, что въ ночи..» впослѣдствіи было положено на музыку Фридрихомъ Ницше!), Моцартъ и Саліери, Русалка, Египетскія ночи и большая статья (100 страницъ) *Alexander Puschkin und seine Stellung in der russischen Literatur*, въ которую включено еще нѣсколько стихотвореній.

Боденштедтъ, не въ примѣръ всѣмъ своимъ предшественникамъ, обладалъ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, поэтому не удивительно, что его переводы нашли резонансъ и въ широкихъ кругахъ Германіи, и благодаря ему Пушкинъ и Лермонтовъ стали извѣстны среди нѣмцевъ и были оцѣнены по достоинству. Правда, и его переводы далеки отъ совершенства: онъ часто не соблюдаетъ размѣръ подлинника, очень многословенъ (Сказка о царѣ Салтанѣ въ его переводѣ въ полтора раза длиннѣе подлинника), иногда вмѣсто перевода даетъ «вольный пересказъ въ стихахъ», — такъ напр., въ *Klagegesang Lermontoffs am Grabe Alexander Puschkins* лишь съ трудомъ можно узнать На смерть поэта. Но всѣ его переводы внѣшне изящны, читаются легко, и усердіе и энтузіазмъ, съ которымъ онъ пропагандировалъ русскихъ поэтовъ въ Германіи, удивительны. Еще ближе Пушкина былъ ему Лермонтовъ, личнымъ знакомствомъ, даже дружбой съ которымъ онъ очень гордился (не безъ нѣкотораго бахвальства и не всегда въ согласіи съ истиной) и котораго онъ перевелъ почти цѣликомъ: *Michail Lermontoffs poetischer Nachlass, zum erstenmal in den Versmassen der Urschrift übersetzt*. Berlin. 1852. А въ четырехъ томахъ *Russische Dichter* (Берлинъ, 1866) онъ далъ переводы стиховъ Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Давыдова, Козлова, Кольцова и др.

Лермонтову вообще посчастливилось въ Германіи. Еще при жизни поэта В. фонъ Энзе перевелъ Бэлу и помѣстилъ ее въ шестомъ томѣ своихъ *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*, въ журналѣ *Hamburger Telegraph;* въ 1841 году печатались стихотворенія Лермонтова въ переводѣ Августа Меттлеркампъ, лектора нѣмецкаго языка при Харьковскомъ университетѣ, а въ 1842 году въ журналѣ *Archiv für wissenschaftlichte Kunde Russlands* появилась обширная статья нѣкоего В. Шоттъ о Лермонтовѣ, заканчивающаяся переводомъ Пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Первое про-

изведеніе Лермонтова, вышедшее по-нѣмецки отдѣльнымъ изданіемъ, — М ц ы р и, *Der Novize*, въ переводѣ талантливаго эстляндскаго поэта, барона Р. фонъ Будбергъ-Беннингхаузена, въ Берлинѣ у В. Бессера. Переводу предпослано стихотворное (въ октавахъ) посвященіе «дорогому другу и земляку барону Борису Икскулю», датированное: «декабрь 1841», т. е. всего полгода послѣ смерти поэта, съ которымъ Икскуль, очевидно, былъ близокъ (товарищъ по полку?): «Все еще въ моихъ ушахъ звучатъ твои слова, когда ты недавно радостно показывалъ мнѣ книгу: Новый поэтъ народился у насъ, быть можетъ, второй Пушкинъ.. Станемъ же подъ его знамена, онъ смѣло проложитъ намъ путь къ славѣ.. Но увы, мой другъ, прекрасныя надежды твои не оправдались, на русскихъ поэтахъ лежитъ тяжелое проклятіе. Орелъ пораженъ смертельной стрѣлой... Ты зналъ его! Ты оплакиваешь не только погибшаго поэта, но и друга! Одинаковыя стремленія съ каждымъ днемъ тѣснѣе связывали васъ. То былъ вѣчный союзъ свободы, искусства и знанія, нынѣ расторгнутый сильной рукою смерти...»

Будберъ перевелъ еще нѣсколько стихотвореній Лермонтова и три новѣсти изъ Г е р о я н а ш е г о в р е м е н и (Т а м а н ь, К н я ж н а М е р и, Ф а т а л и с т ъ), вышедшія подъ заглавіемъ: *Aus dem Kaukasus. Nach Lermontoffschen Skizzen.* (Berlin, Buchh. des *Berliner Lesekabinetts*, 1843).

Далеко еще не оцѣнены заслуги Каролины Павловой, какъ переводчицы русскихъ поэтовъ. Она гораздо болѣе крупный талантъ, чѣмъ Боденштедтъ и, воспитанная въ русской средѣ на русскихъ поэтахъ, чувствуетъ ихъ своеобразную красоту гораздо сильнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она переводитъ очень точно, сохраняя всѣ метрическія особенности подлинниковъ. Первый сборникъ ея переводовъ, вышедшій въ 1833 году, еще до замужества съ Н. Ф. Павловымъ, подъ ея дѣвичьимъ именемъ, обнаруживаетъ уже удивительную зрѣлость и вѣрное пониманіе задачъ переводчика - художника у 23-лѣтней поэтессы. Книга ея озаглавлена: *Das Nordlicht.* Proben der neueren russischen Literatur von Karoline von Jaenisch. Erste Lieferung (первый выпускъ оказался единственнымъ). Дрезденъ и Лейпцигъ, 256 стр. Представлены: Жуковскій, Пушкинъ (переводы П р о р о к а и Э х о до сихъ поръ не превзойдены!). Дельвигъ, Языковъ, Боратынскій, Веневитиновъ. Книга заканчивается прекраснымъ сонетомъ Александру фонъ Гумбольдту, съ которымъ юная поэтесса познакомилась въ бытность его въ Москвѣ и который одобрилъ ея первые опыты.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Каролина Павлова писала только по-русски. Лишь разошедшись съ мужемъ (1852) и живя почти постоянно въ Германіи (съ 1861 г. въ Дрезденѣ), она вернулась къ нѣмецкому языку. Переводныя и оригинальныя стихотворенія ея, однако, такъ и остались разбросанными по журналамъ. Отдѣльно вышли только ея переводы изъ Алексѣя Толстого: Донъ Жуанъ (Dresden, Druck von B. Teubner, 1863; шедевръ по точности передачи и красотѣ стиха, не по заслугамъ забытый), Двѣнадцать Стихотвореній (*Zwölf Gedichte*, тамъ же 1868), Смерть Іоанна Грознаго *Der Tod Iwans des Furchtbaren* (тамъ же 1868). 30 января 1868 г. трагедія съ большимъ успѣхомъ была поставлена на сценѣ придворнаго театра въ Веймарѣ, (ср. письмо А. К. Толстого къ Б. М. Маркевичу, Полн. собр. соч. изд. Маркса, СПБ 1907, т. 2, стр. 605—617, и письма его же къ женѣ, тамъ же, т. 4, стр. 138—145), Царь Федоръ Іоанновичъ (тамъ же, 1869; Царя Бориса она не перевела, такъ какъ считала его неудавшимся).

Чтобы покончить съ стихотворными переводами, назовемъ еще одну очень милую книжку, представлявшую при своемъ появленіи уже анахронизмъ: *Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf* von dem russischen Dichter Joukowsky. Mit einem Vorwort von Justinus Kerner. (Штутгартъ, 1852). Юстиніусъ Кернеръ — извѣстный швабскій поэтъ, врачъ и мистикъ, одинъ изъ послѣднихъ могиканъ романтизма. Лѣтомъ 1851 года онъ въ Баденъ-Баденѣ познакомился съ Жуковскимъ, который очаровалъ его. Переводъ, сперва предназначавшійся только для тѣснаго круга друзей, принадлежитъ другому изъ нѣмецкихъ друзей поэта, попросившему у него и получившему разрѣшеніе на опубликованіе сказки.

Сказка Жуковскаго явилась анахронизмомъ потому, что съ конца 30-хъ годовъ интересъ нѣмецкой публики, а въ связи съ этимъ и переводчиковъ, все больше обращается къ прозѣ. Чрезвычайно многочисленны сборники русскихъ повѣстей, какъ напр., *Nordische Blüthen* (Лейпцигъ, 1837); *Historische und romantische Erzählungen* (Берлинъ, 1838); *Nordisches Novellenbuch* (Лейпцигъ, 1846-1847) и т. д. Авторы большей частью все тѣ же: Марлинскій (три отдѣльныхъ изданія въ переводѣ А. фонъ Зеебахъ, Лейпцигъ, 1837; Г. фонъ Брекель, Берлинъ 1841; Ф. Лебенштейнъ, Лейпцигъ, 1845, 4 тома), Вл. Одоевскій, Полевой, Кукольникъ, гр. Соллогубъ (облюбованный переводчиками) и наконецъ — Гоголь. Первое произведеніе его, переведенное по-нѣмецки, кажется,

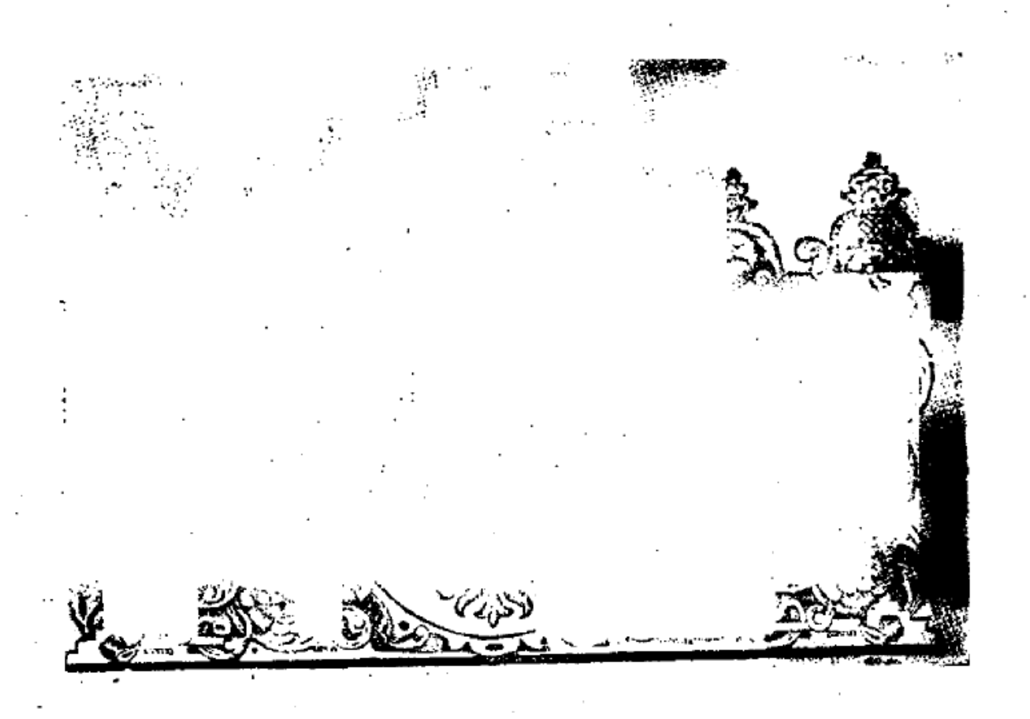
Старосвѣтскіе помѣщики, появившіеся въ журналѣ *Blätter zur Kunde der Literatur des Auslandes*, въ 1840 г. (№ 127 и слѣд.) подъ заглавіемъ: *Das Ehepaar aus der alten Zeit auf dem Lande*. Годъ спустя въ журналѣ *Europa*. Chronik der gebildeten Welt (1841, кн. 2) Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна вновь предстали передъ нѣмецкой публикой, какъ *Gutsbesitzer von altem Schrot und Korn*. (Тотъ же журналъ въ 1844 году далъ Тараса Бульбу (кн. 3) и Римъ (кн. 4), а въ 1848 году Страшную месть и Майскую ночь. Въ 1846 г. въ Лейпцигѣ вышло первое собраніе повѣстей Гоголя *Russische Novellen*, переведенныхъ, однако, не съ подлинника, а съ французскаго перевода Віардо. Въ томъ же году переведены Мертвыя души Ф. Лебенштейномъ, въ Лейпцигѣ. Въ 1851 году въ анонимной антологіи *Russisches Leben und Dichten*, Лейпцигъ, появились Шинель, Страшная месть и опять подъ новымъ заглавіемъ (четвертый переводъ за девять лѣтъ!) Старосвѣтскіе помѣщики — *Kleinrussische Landedelleute*. Замѣчательно, что Ревизоръ переведенъ былъ лишь 18 лѣтъ послѣ перваго представленія на русской сценѣ, въ 1854 году. Переводчикъ August von Viedert надѣялся на постановку Ревизора на одномъ изъ нѣмецкихъ театровъ, но тщетно; на германской сценѣ Ревизоръ появился впервые только въ 60-хъ годахъ, да и то въ крайне безцеремонной «обработкѣ» нѣкоего Альберта Юнкельмана, подъ кричащимъ заглавіемъ *Der Regierungskommissär oder das Inkognito*.

Переводчикъ Ревизора, Видертъ, перевелъ и Записки охотника Тургенева *Aus dem Tagebuch eines Jägers* (1854). Черезъ три года понадобилось уже второе изданіе, а еще нѣсколько лѣтъ спустя авторъ Записокъ охотника былъ уже однимъ изъ излюбленныхъ иностранныхъ писателей въ Германіи. Начинается новый періодъ въ исторіи русско-нѣмецкихъ литературныхъ отношеній. Русская литература получаетъ право гражданства въ Германіи и начинаетъ все сильнѣе вліять на нѣмецкую.[1]

Артуръ Лютеръ

---

1. Заканчивая свою статью, считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Э. П. Беме въ Берлинѣ, оказавшему мнѣ неоцѣнимую помощь сообщеніемъ множества библіографическихъ данныхъ. Статья эта не могла бы быть написана, если бы онъ любезно не разрѣшилъ мнѣ использовать собранный имъ огромный матеріалъ.

ЗАМѢТКИ О ЖАЛОВАННЫХЪ ГРАМОТАХЪ И ГЕРАЛЬДИЧЕСКОМЪ ХУДОЖЕСТВѢ

Красота жалованныхъ грамотъ недостаточно привлекала вниманіе любителей русской старины. Онѣ не являлись предметомъ коллекціонированія, художественное значеніе ихъ не отмѣчалось историками искусства. Богатѣйшій матеріалъ, который давалъ самый текстъ этихъ документовъ, издавна внимательно изучался историками: офиціальные и безспорные, эти памятники имѣютъ капитальное значеніе, устанавливая не только историческіе факты, но давая также цѣлый рядъ свѣдѣній бытового, правового, генеалогическаго порядка. Но настоящую замѣтку мы посвящаемъ внѣшнему виду царскихъ грамотъ, художественная цѣнность которыхъ несомнѣнна.

Трудно учесть количество жалованныхъ грамотъ, погибшихъ въ Россіи въ революціонные годы. Имѣть предковъ было предосудительно: врядъ ли были документы, болѣе компрометирующіе, нежели эти торжественные пергаменты, гдѣ рѣчь шла о родовыхъ помѣстьяхъ съ крѣпостными «душами», о гербахъ, титулахъ, гдѣ встрѣчались царскія подписи, а переплеты украшались двуглавымъ орломъ. Поэтому такіе документы пропадали не только въ общемъ порядкѣ — вмѣстѣ съ погибавшими въ огнѣ библіотеками, старинной мебелью, утварью, цѣлыми усадьбами — наслѣдіемъ «проклятаго прошлаго»; владѣльцы своими руками въ страхѣ уничтожали эти семейныя реликвіи, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Рис. 1

Тѣмъ большую рѣдкость представляютъ грамоты, оказавшіяся внѣ Россіи, и нѣкоторыя изъ которыхъ здѣсь воспроизводятся. Ихъ художественное совершенство таково, что немедленно хочется узнать, кто авторъ этихъ произведеній и въ какихъ условіяхъ они изготовлялись. Отвѣтъ на эти вопросы получить трудно. Только поиски въ недоступныхъ намъ первоисточникахъ, среди бумагъ, хранившихся въ Сенатскомъ Архивѣ Департамента Герольдіи и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, могли бы дать интересующія насъ свѣдѣнія. Надо, впрочемъ, сказать, что и эти архивы, въ значительной ихъ части, по милости нѣкоторыхъ невѣжественныхъ ихъ хранителей, были въ концѣ прошлаго вѣка просто на просто сожжены, чтобы «разгрузить по-

мѣщеніе». Такъ, по свидѣтельству Савелова[1], съ 1858 по 1890 годъ было уничтожено 78.298 дѣлъ; но этого показалось мало: въ 1895 году, при герольдмейстерѣ Шамраѣ, сожжено было 377 связокъ вѣсомъ въ 580 пудовъ! Вотъ что касается первоисточниковъ. Книгъ же или спеціальныхъ изслѣдованій по этому вопросу не существуетъ совсѣмъ, кромѣ небольшой статьи Владислава Лукомскаго въ С т а р ы х ъ Г о д а х ъ[2].

Въ засѣданіи Общества Друзей Русской Книги въ іюнѣ 1936 года намъ удалось показать рядъ документовъ, изъ которыхъ самый древній, принадлежащій Я. А. Золотницкому, б ы л ъ датированъ 1615 годомъ: это грамота на вотчину, пожалованная царемъ Михаилъ Ѳеодоровичемъ московскому дворянину Меньшому Афанасьеву сыну Стрѣшневу. Она написана скорописью на простой бумагѣ и только первая буква богато орнаментирована во вкусѣ 16-го вѣка и расцвѣчена акварелью. (Рис. 1). Двѣ другія грамоты (изъ того же собранія) выданы

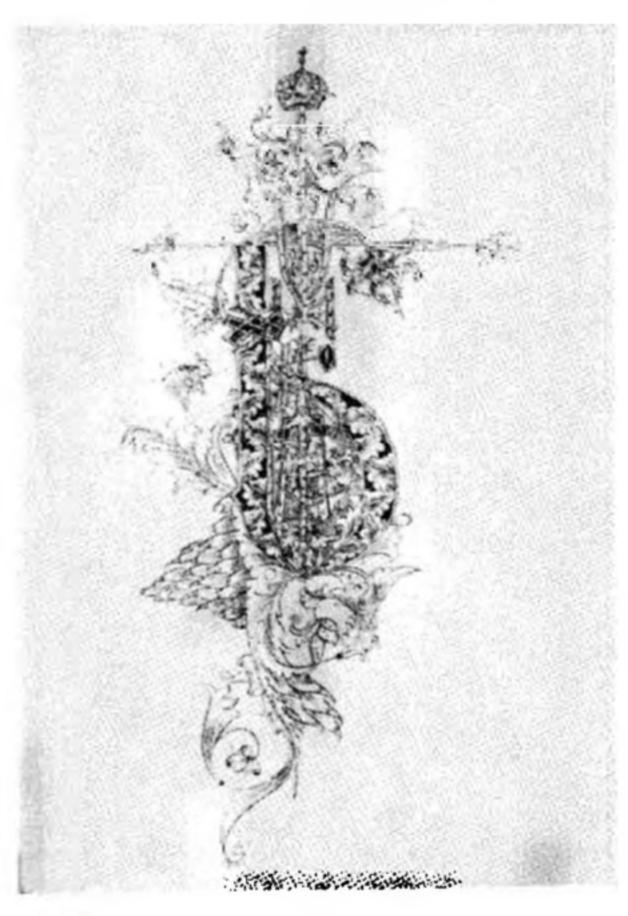

Рис. 2

1. Савеловъ, Л. М. Л е к ц і и п о р у с с к о й и с т о р і и.
2. Лукомскій, Вл. Ж а л о в а н н ы я г р а м о т ы XVII и XVIII вѣковъ. С т а р ы е Г о д ы, іюль—сентябрь 1913 г.

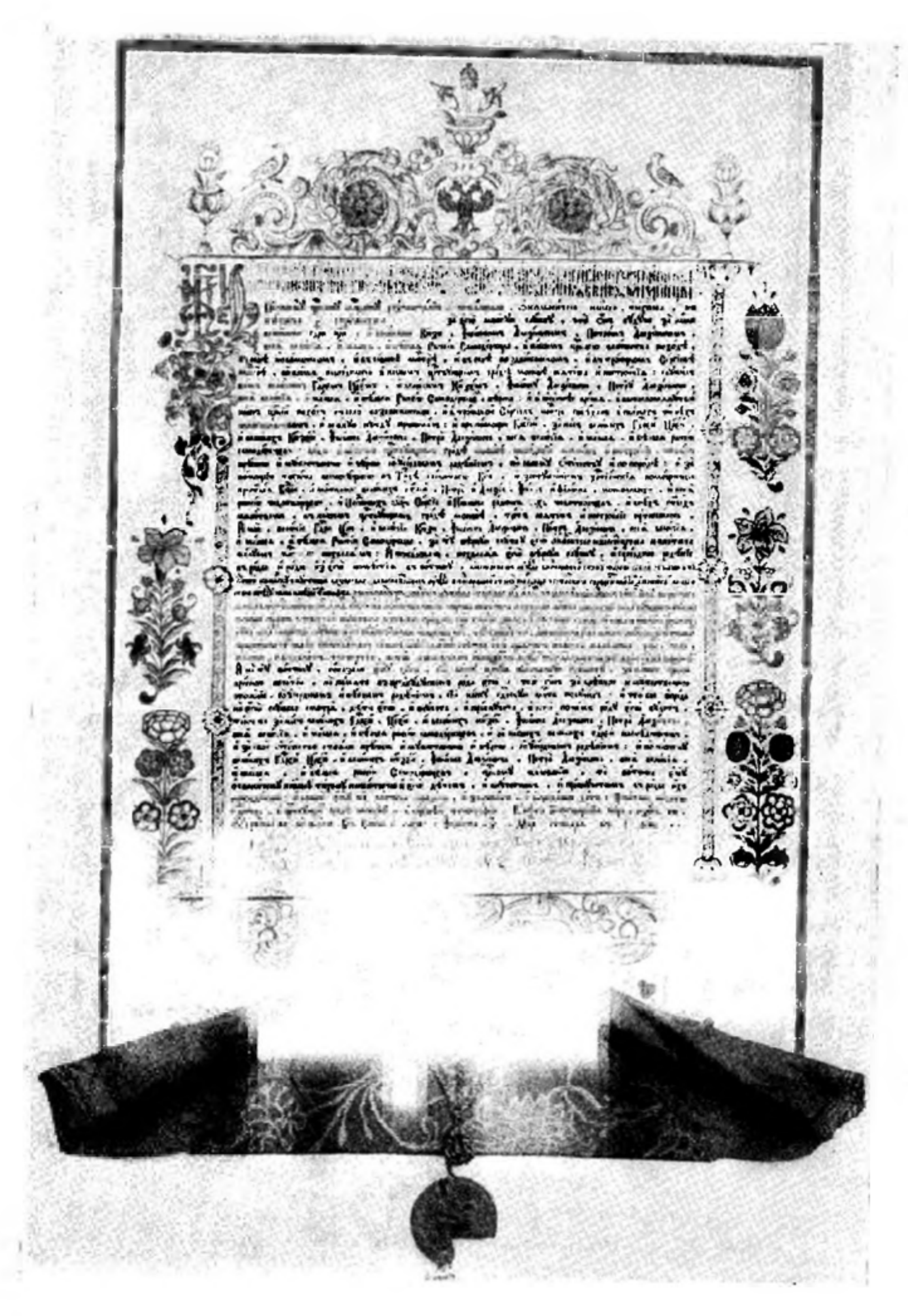

Рис. 3

тому же Стрѣшневу въ 1620 и 1626 годахъ. На нихъ первая буква принимаетъ размѣры совершенно грандіозные — 42 сантиметра, растекаясь на три четверти всего листа. (Рис. 2). Но орнаментація теряетъ при этомъ свою строгость и графическую простоту. Она расплывается въ довольно безпомощныхъ и жидкихъ узорахъ растительныхъ завитковъ.

Къ короткому царствованію Өедора Алексѣевича относится одна изъ семи исключительныхъ по богатству грамотъ, составляющихъ родовую собственность Л. Я. Лихачева, живущаго въ Марокко. Каллиграфическій текстъ этого документа окруженъ двойной живописной рамой акварельнаго орнамента изъ стилизованныхъ цвѣтовъ, птицъ и переплетающихся лентъ.

Рис. 4

Непревзойденной для этого времени роскоши достигаетъ другая грамота Лихачевыхъ, выданная въ эпоху троевластія ближнему окольничему Михаилу Тимоѳѣевичу. На нынѣшній вкусъ перегруженная украшеніями, она поражаетъ не только разноцвѣтнымъ узоромъ тройного окаймленія, но и уникальной серебряной, узорной вырѣзанной пластинкой, покрытой черневымъ растительнымъ орнаментомъ въ стилѣ Возрожденія. Пластинка эта должна была предохранить бумагу отъ поврежденій въ томъ мѣстѣ, гдѣ она прошита хитро вывязаннымъ шнуромъ для печати. Роль эту она съ успѣхомъ выполняетъ уже 250 лѣтъ: документъ въ отличной сохранности. Къ сожалѣнію, неудовлетворительныя любительскія фотографіи не позволяютъ ее здѣсь воспроизвести.

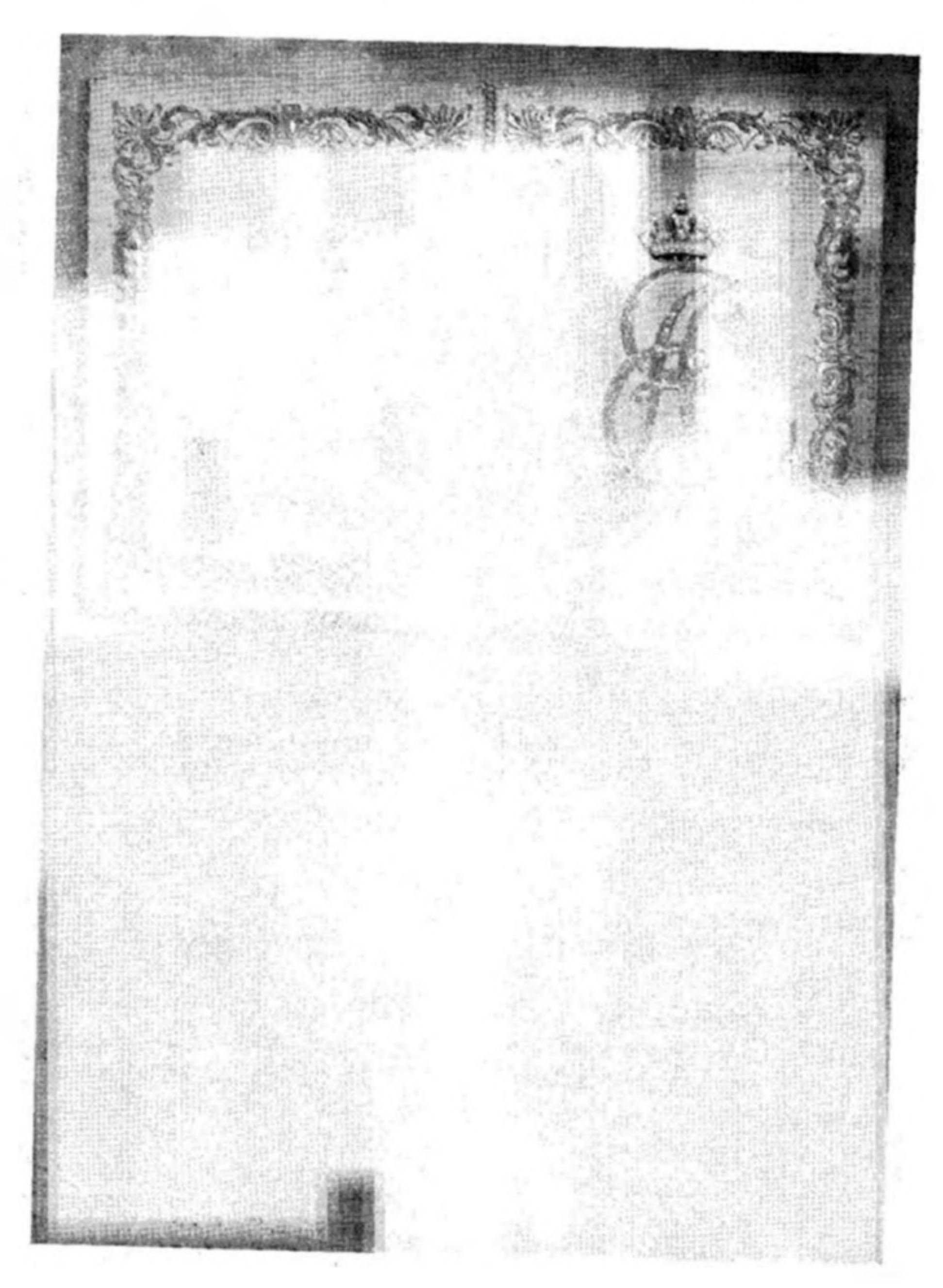

Рис. 5

Я. А. Золотницкому принадлежатъ двѣ вотчинныя грамоты, выданныя малолѣтними царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами. Одна изъ нихъ, скромная, не написана, а напечатана въ 1685 году въ «царствующемъ градѣ Москвѣ» четкимъ, красивымъ шрифтомъ и украшена печатнымъ же фронтономъ довольно грубаго рисунка. Для имени награждаемаго лица — въ данномъ случаѣ стряпчаго Іуды Давыдовича Протасова — оставлено бѣлое мѣсто, искусно заполненное отъ руки. Точно также оставлено было мѣсто для подробнаго обозначенія жалуемой вотчины. Грамота эта, полученная Протасовымъ за заслуги, оказанныя имъ во время войны «съ султаномъ турскимъ и съ ханомъ крымскимъ», переложена тяжелымъ штофомъ и красиво прошита цвѣтнымъ шнуромъ съ красной сургучной печатью. Значительно богаче выглядитъ вторая грамота, пожалованная молодыми царями окольничему Тихону Никитичу Стрѣшневу въ 1683 году. Здѣсь печатный текстъ заключенъ въ рамку, рисованную акварелью и украшенную золотомъ. Первая строчка грамоты написана золотой вязью и играетъ существенную роль въ общемъ орнаментѣ, пропорціи котораго по отношенію къ тексту умѣло выдержаны. (Рис. 3).

Рис. 6

Документъ этотъ подписанъ за малолѣтнихъ царей дьякомъ Автамономъ Ивановымъ. Размѣръ листа 72 х 46 сантиметровъ. Не всѣ грамоты этой эпохи такъ коротки. Въ Сенатскомъ Архивѣ хранилась грамота, выданная Петромъ и Іоанномъ князю Путятину. Она имѣетъ въ длину около двухъ съ половиной метровъ, а начальныя буквы въ ней

болѣе 20 сантиметровъ высоты. Почти такой же длины достигаетъ вотчинная грамота, выданная въ 1692 году Петромъ и Іоанномъ именитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строганову. Перепечатанная Устряловымъ въ его монографіи о Строгановыхъ[3], она занимаетъ 88 страницъ убористой печати!

**
*

Особенно интересными по исполненію являются грамоты на дворянское достоинство, которыя впервые стали выдаваться въ царствованіе Петра Великаго.

Царь, входившій во всѣ детали русской жизни, рѣшилъ регламентировать право пользованія гербами. По его порученію баронъ Фридерикъ Hüyssen (Гизенъ) составилъ проэкты табели о рангахъ, учрежденія Герольдіи, порядка пожалованія почетными титулами и дворянскимъ достоинствомъ; онъ же составилъ проэкты формъ грамотъ и дипломовъ. Дипломы эти, имѣвшіе видъ книги размѣромъ 50 х 35 сантиметровъ, писались каллиграфически отъ руки на листахъ бархатистаго пергамента черной тушью и накладнымъ золотомъ и начинались неизмѣнно съ титула императора, пожаловавшаго грамоту. Титулъ этотъ, занимавшій первую страницу, украшался богатой орнаментальной рамкой съ гербами русскихъ царствъ и княжествъ, иногда съ миніатюрнымъ портретомъ царя, съ символическими фигурами, трофеями и атрибутами. На слѣдующихъ страницахъ подробно излагались заслуги жалуемаго лица, описывался и изображался его гербъ, перечислялись предоставляемыя ему привилегіи и т. д. Грамота подписывалась собственноручно императоромъ скрѣплялась и вписывалась въ спеціальные реэстры. Листы пергамента перекладывались цвѣтной тафтой и переплетались въ глазетъ или парчу, иногда украшенную вышитыми вензелями императора и государственнымъ орломъ. Документъ прошивался золотымъ шнуромъ съ тяжелыми кистями и скрѣплялся сургучной государственной печатью, заключенной въ спеціальный золоченый серебряный ковчегъ или кустодію съ чеканнымъ двуглавымъ орломъ.

Сенатскій указъ, изданный въ 1772 году, предоставляя художникамъ свободу въ орнаментаціи дипломовъ, устанавливалъ ихъ внѣшній

---

3. Устряловъ, Н. Именитые люди Строгановы. СПБ., 1842, стр. 29—120.

видъ, точный размѣръ, расцвѣтку шнуровъ, кистей, а также тафты, которой перекладывались листы, и опредѣлялъ качество переплетовъ — попроще для дворянъ и бароновъ, побогаче, съ вышивкой, для графовъ и князей.

Изъ дипломовъ этой эпохи мы ограничимся воспроизведеніемъ лишь одного, пожалованнаго Императрицей Екатериной въ 1765 году Ивану Григорьевичу Орлову при возведеніи его въ графское достоинство. Грамота эта, принадлежащая князю Н. В. Орлову, относится, несомнѣнно, къ наиболѣе роскошнымъ и совершеннымъ образцамъ дипломовъ Екатерининскаго времени, великолѣпная же сохранность еще больше подчеркиваетъ качество и красоту этого замѣчательнаго документа. (Рис. 4—7). На четырнадцати страницахъ описываются исключительныя заслуги передъ Россіей семьи Орловыхъ. «Они были первые изъ тѣхъ вѣрныхъ Россійскихъ сыновъ, которые сію Имперію отъ страннаго ига и православную церковь отъ разоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія, возведеніемъ Насъ на Всероссійскій Императорскій престолъ свободили, которое преславное дѣло и подлинно ихъ прозорливостью, разумомъ, смѣлостію и мудростію къ пользѣ и благополучію отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ Сея Имперіи къ безсмертной ихъ славѣ дѣйствительно и благополучно къ совершенству приведено...»

Рис. 7

Подробное описаніе новаго графскаго герба, изображеннаго гуашью

на отдѣльномъ листѣ, кончается словами: «вышеописанный Гербъ, какъ нынѣ, такъ и впредь въ вѣчныя времена, во всѣхъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ, дѣйствіяхъ и экспедиціяхъ, такожъ въ письмахъ, въ печатяхъ, на домахъ и домовыхъ вещахъ, и вездѣ, гдѣ ихъ честь и другія, случающіяся обстоятельства того потребуютъ свободно, покойно и безпрепятственно имѣть и по своему изволенію употреблять могли». Затѣмъ перечисляются преимущества, связанныя съ графскимъ титуломъ и повелѣвается, чтобы всѣ подданные графа Орлова и потомство его «признавали, почитали и почтеніе отдавали, подъ опасеніемъ преступникамъ Нашего Императорскаго гнѣва и пени ста фунтовъ чистаго золота, изъ котораго половина въ казну Нашу, а остаточное тому оскорбленному доправлено быть имѣетъ». Дипломъ подписанъ собственноручно императрицей и вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Голицынымъ.

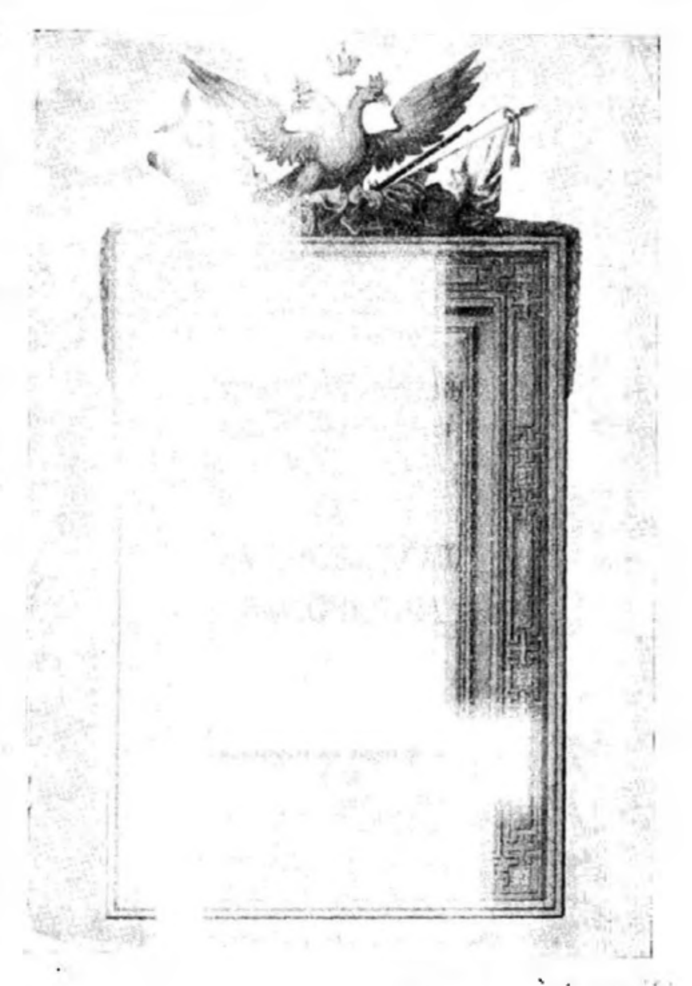

Рис. 8

Обычно титулъ монарха полностью писался на первой страницѣ

грамоты. Въ данномъ же случаѣ, чтобы разгрузить первый листъ отъ длиннаго текста, придать ему впечатлѣніе легкости и особую значительность словамъ «Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская» — художникъ разбилъ титулъ на двѣ страницы. Первая окружена золотымъ обрамленіемъ въ стилѣ Rocaille, перевитымъ голубыми гирляндами и тонкими, нѣжно нарисованными, молодыми древесными побѣгами. Вверху страницы, на облакахъ, — двѣ символическія женскія фигуры; одна — въ голубомъ одѣяніи — держитъ въ рукѣ кубокъ, излучающій свѣтъ. Другая — въ розовомъ — опирается на золотой медальонъ съ чернымъ Россійскимъ двуглавымъ орломъ. Между фигурами, въ медальонѣ изъ лавровыхъ листьевъ, увѣнчанномъ императорской короной, отлично написанная миніатюра — профильный портретъ Екатерины II-ой (типа Рокотова).

Рис. 9

Внизу страницы младенецъ приподнимаетъ горностаевую мантію и указываетъ на шифръ Императрицы. Кажущаяся на воспроизведеніи (Рис. 4) рѣзкость красокъ въ оригиналѣ не существуетъ; наоборотъ, тона при всей своей свѣжести, нѣжны и сочетанія ихъ гармоничны.

Вторая страница украшена широкимъ обрамленіемъ въ видѣ двухъ древесныхъ стволовъ зеленаго цвѣта, перевитыхъ голубой гирляндой и заканчивающихся вверху стилизованными лентообразными листьями. На стволахъ, въ картушахъ, изображены, какъ обычно, гербы княжествъ и областей Имперіи, а внизу страницу заканчиваетъ двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ на груди. (Рис. 6).

Текстъ на всѣхъ остальныхъ страницахъ окруженъ рамами того

же типа, что на рис. 7, но безъ картушей вверху и внизу. Широкая полоса — золотая, остальныя нарисованы желтой гуашью разныхъ тоновъ. Фонъ, на которомъ изображенъ гербъ — небесно-голубой съ облаками.

Дипломъ переплетенъ въ золотой глазетъ съ золотой же вышивкой — шифромъ Императрицы и орнаментальной рамой. (Рис. 5). На задней доскѣ переплета вышитъ разноцвѣтными и золотыми нитками двуглавый орелъ. Серебряный ковчегъ для печати густо вызолоченъ и отлично вычеканенъ. Единственное клеймо на немъ, воспроизводимое здѣсь въ увеличенномъ видѣ — именникъ мастера. Ни въ Указателѣ бар. Фелькерзама [4], ни въ собранныхъ нами матеріалахъ по русскому серебряныхъ дѣлъ мастерству, мы не нашли мастера, инииціалы котораго соотвѣтствовали бы буквамъ Z. B. Размѣръ ковчега больше, чѣмъ всѣ, которые намъ случалось видѣть: онъ имѣетъ 16 сантиметровъ въ діаметрѣ.

Рис. 10

Живописцы, изготовлявшіе дипломы, подписывали ихъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и только по архивнымъ документамъ можно иногда установить, кто является авторомъ той или иной грамоты. Неизвѣстно, кто исполнилъ дипломъ Орлова, но судя, съ одной стороны, по исключительному его качеству и, съ другой стороны, принимая во вниманіе высокое положеніе жалуемаго лица, можно предположить, что

4. Фелькерзамъ, бар. А. Е. Алфавитный Указатель С.-Петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, граверовъ и проч. 1714—1814. Приложеніе къ журналу Старые Годы. СПБ. 1907.

передъ нами произведенiе Ивана Токарева, который былъ до 1768 года первымъ живописцемъ Герольдмейстерской конторы [5].

∴

Описывая извѣстный Гербовникъ А. Т. Князева, который считается первымъ сборникомъ гербовъ русскаго дворянства, Вл. Лукомскiй пишетъ[6]. «Должно, впрочемъ, оговориться, что сохранилось преданiе, будто Герольдмейстеръ Талызинъ сочинилъ и поднесъ Императрицѣ Екатеринѣ II и Великому Князю Павлу Петровичу три экземпляра Государственнаго Гербовника, котораго по смерти Талызина не отыскано и Герольдiя не имѣетъ». Лукомскiй цитируетъ здѣсь найденную имъ въ Сенатскомъ Архивѣ неподписанную записку отъ 12 января 1797 года.

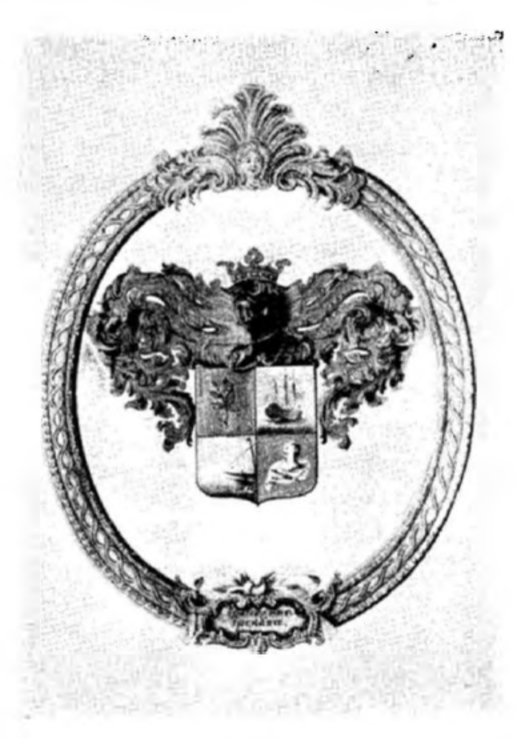

Рис. 11

Недавно, въ магазинѣ французскаго антиквара, намъ случилось неожиданно найти великолѣпный сборникъ гербовъ 18-го вѣка[7]. Находка эта отчасти подтверждаетъ правильность свѣдѣнiй, изложенныхъ въ запискѣ, упомянутой Лукомскимъ. Краткимъ описанiемъ сборника я закончу свою статью.

5. Размѣры статьи не позволяютъ намъ хотя бы кратко описать другiя извѣстныя намъ грамоты изъ собранiй г-жи Комстадiусъ, гг. Золотницкаго, Ознобишина, кн. Орлова, барона Стейна въ Брюсселѣ и др.

6. Вл. Лукомскiй. О Геральдическомъ художествѣ въ Россiи. Старые Годы, февр. 1911 г., стр. 21.

7. Нынѣ собственность Я. А. Золотницкаго, Парижъ.

**
*

Сборникъ состоитъ изъ 14-ти отдѣльныхъ листовъ пергамента размѣромъ 38 x 27 сантиметровъ. Одинъ листъ — заглавный (Рис. 8); на немъ написано: «Собраніе Гербовъ всѣхъ, находящихся при дворѣ Его Императорскаго Высочества. Рисовалъ ассесоръ Андрей Грековъ. 1769 года». Надпись окружена отлично нарисованной золотомъ на лазуревомъ полѣ рамой, увѣнчанной двуглавымъ орломъ. На остальныхъ листахъ, въ золотыхъ овальныхъ рамкахъ, изображены гуашью гербы, по одному на каждомъ листѣ. Всѣ они вложены въ красную марокеновую папку съ золотымъ тисненіемъ и вензелемъ Цесаревича Павла Петровича (Рис. 9). Въ папку эту переплетены листы бѣлой бумаги и желтаго шелка, между коими и хранятся листы пергамента.

На каждой рамѣ, окружающей гербы, имѣется картушъ съ фамиліей владѣльца герба [8]. Такъ, мы имѣемъ гербы: 1. Панина, — министръ иностранныхъ дѣлъ, Никита Ивановичъ Панинъ былъ, какъ извѣстно, воспитателемъ Цесаревича [9]. 2. «Господина Архимандрита». (Рис. 10), въ которомъ бар. Н. А. Типольтъ находитъ вензель архимандрита Платона, законоучителя и духовника Павла Петровича. 3. Тимофея Ивановича Остервальда, тайнаго совѣтника и сенатора, преподавателя Великаго Князя. 4. Эпиніуса, профессора физики, наставника Цесаревича. 5. Петра Ивановича Пастухова, д. тайнаго совѣтника и сенатора, преподававшаго молодому наслѣднику престола русскій языкъ. 6. Карла Ѳедоровича Крузе, лейбъ-медика и 7. Вилимъ Вилимовича Фузадье, лейбъ-хирурга. 8. «Господина Сакина», т. е. барона Карла Ивановича фонъ деръ Остенъ-Сакена [10], съ которымъ Павелъ былъ связанъ тѣсной дружбой и съ которымъ постоянно переписывался, когда Остенъ-Сакенъ назначенъ былъ посланникомъ при Датскомъ дворѣ. 9. Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго (1740—1811) [11], назначеннаго «кавалеромъ» къ Цесаревичу Павлу и состоявшаго при немъ до его всту-

---

8. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести ихъ подробное описаніе, любезно составленное барономъ Н. А. Типольтомъ, которому пользуюсь случаемъ выразить глубокую благодарность за кропотливый трудъ. Ю. А. Навроцкому я обязанъ за сличеніе произведеній Грекова съ гербами, опубликованными въ «Общемъ Гербовникѣ Дворянскихъ Родовъ Всероссійской Имперіи».

9. Тождественный гербъ изображенъ въ Общ. Гербовникѣ, часть I, стр. 25.

10. См. Общій Гербовникъ, часть III, стр. 5 и часть X, стр. 8. Нашъ гербъ не вполнѣ сходенъ съ изображенными тамъ гербами.

11. См. Общій Гербовникъ, часть I, стр. 5.

пленія въ бракъ. «Онъ не принималъ участія въ воспитаніи Цесаревича, но проводилъ съ нимъ часть дня, являясь веселымъ собесѣдникомъ и часто досаждая ему своими совѣтами. Павелъ I навсегда сохранилъ милостивое расположеніе къ своему бывшему кавалеру» [12]. 10. Талызина, герольдмейстера, по свидѣтельству найденной Лукомскимъ записки, поднесшаго Гербовникъ Великому Князю [13]. 11. «Господина Волчкова» [14]. 12. «Господина Крока» [15]. 13. «Господина Грекова», т. е. ассесора Андрея Грекова, живописца, талантливаго автора всѣхъ рисунковъ. Въ четвертой части герба (Рис. 11) Грековъ повидимому изобразилъ самого себя [16].

Вѣроятно, Андрей былъ сыномъ Алексѣя Ангилѣевича Грекова, о которомъ Ровинскій[17] пишетъ: «граверъ на мѣди; род. 1726 г.; боцманскій сынъ; взятъ въ ученье рисованію въ Академію Наукъ въ 1735 г. Въ 1754 году показанъ ученикомъ грыдоровальнаго дѣла, съ жалованіемъ по 120 руб... Съ 1757 г. числится подмастеромъ Шмидта. Въ 1766 г. состоялъ подмастеромъ Радига и гравировалъ видъ внутренности Петро-Павловскаго собора съ катафалкомъ». Среди работъ Алексѣя Грекова имѣются портреты Великаго Князя Павла Петровича ребенкомъ.

«Боцманскій сынъ» оправдываетъ введенныя Андреемъ Грековымъ въ свой грбъ изображенія кораблей (Рис. 11). Въ четвертой части герба Грековъ повидимому изобразилъ самого себя въ видѣ бюста, стоящаго на листѣ бѣлой бумаги, на которомъ лежатъ золотой рейсфедеръ и карандашъ. Гербъ этотъ, впрочемъ, никогда утвержденъ не былъ.

Нельзя установить, всѣ ли гербы, исполненные Грековымъ для Великаго Князя, дошли до насъ. Судя по количеству вплетенныхъ въ папку листовъ шелка (18), ихъ могло быть больше.

---

12. Вел. Князь Николай Михайловичъ. Русскіе портреты, т. IV, 14.

13. См. Общій Гербовникъ, часть I, стр. 53.

14. См. Общій Гербовникъ, часть IV, стр. 124 и у Князева, стр. 28. Намъ не удалось установить, былъ-ли изготовленъ этотъ гербъ для извѣстнаго переводчика, секретаря Академіи Наукъ или для «дѣйствительнаго статскаго совѣтника и межевой канцеляріи 1-го члена», награжденнаго въ день коронованія Павла I шестьюстами душъ. (Шильдеръ, Н. К. Императоръ Павелъ I. Историко-біографическій очеркъ. СПБ. 1901 г. стр. 570).

15. 5-го апрѣля 1797 г., въ день коронаціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крокъ награжденъ былъ орденомъ Анны 1-го класса и шестьюстами душъ (Шильдеръ, ibid., стр. 468).

16. Въ редакціи Временника имѣются фотографіи всѣхъ гербовъ Грековскаго сборника.

17. «Подробный Словарь Русскихъ Граверовъ XVI—XIX вв.». СПБ. 1895.

Опознать ихъ легко по формату и одинаковой для всѣхъ орнаментальной рамкѣ. Буду признателенъ, если кому-либо удастся дать мнѣ свѣдѣнія по этому вопросу.

Л. Гринбергъ

Заставка въ началѣ статьи воспроизводитъ деталь грамоты, пожалованной въ концѣ семнадцатаго вѣка Петромъ I-мъ Любиму Афанасьевичу Лихачеву. (Собр. Л. Я. Лихачева, Марокко).

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА

Первая русская грамматика составлена иностранцемъ, издана въ Оксфордѣ и написана на латинскомъ языкѣ. Въ Опытѣ Россiйской Библiографiи В. С. Сопикова о ней сказано: «Грамматика Россiйская, содержащая въ себѣ не только основательныя правила Россiйскаго языка, но и руководство къ Грамматикѣ Словенской, — сочиненная Генрихомъ Вильгельмомъ Лудольфомъ; на Латинскомъ и Россiйскомъ языкахъ; въ Оксфордѣ 1696». Къ этой замѣткѣ сдѣлано примѣчанiе: «очень рѣдка». Рѣдкость этой книги отмѣчена и въ болѣе раннемъ, чѣмъ «Опытъ» Сопикова, библiографическомъ французскомъ трудѣ Dictionnaire bibliographique, historique et critique des livres rares. (Paris, 1791—1802). Здѣсь находится и указанiе на цѣну: « Vendu 8 livres 19 s. chez M. Turgot en 1782 ». Въ настоящее время книга Лудольфа стала, конечно, совсѣмъ большою рѣдкостью: у продавцовъ старинныхъ книгъ ея почти никогда не встрѣтишь, да и библiотеки ее имѣютъ только немногiя.

Въ грамматикѣ Лудольфа, кромѣ заглавнаго листа, 12 ненумерованныхъ страницъ, занятыхъ обширнымъ посвященiемъ и предисловiемъ, и 97 нумерованныхъ, въ 16 долю. За титульнымъ листомъ напечатано посвященiе, помѣченное 8 мая 1696 г., со слѣдующимъ обращенiемъ:

Illustrissimo atque celsissimo
Principi ac Domino,
Domino
Borisio Alexeidi Gallitsen
S. Tzareae Majestatis
Conciliario Intimo atque inter Russici Imperii Primores
Excellentissimo.

Въ предисловіи, между прочимъ, указывается, что славянскій шрифтъ, которымъ напечатанъ русскій текстъ книги, былъ спеціально для нея заказанъ Оксфордской Академіей въ Голландіи. Вѣроятно, эти славянскія буквы были сдѣланы тѣмъ же самымъ художникомъ, который рѣзалъ греческія для московской типографіи, по порученію патріарха Адріана.

На экземплярѣ, находившемся въ рукахъ Сопикова, была слѣдующая собственноручная надпись Лудольфа:

«Пресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу.

Сей образецъ Славенскихъ типовъ по указу Оксфордскія Академіи здѣланныхъ съ всякимъ смиреніемъ положитъ ся предъ ногами Царскаго Его Величества, и умноженія Царскія славы съ возвишеніемъ, разширеніемъ и утверждаліемъ высокія державы его вседушно желаетъ.

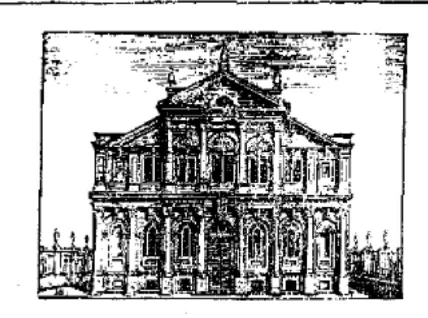
Пресвѣтлаго Царскаго Величества Его
Смиреннѣйшій рабъ
Андрушка Вилліемка Лудольфъ,
Въ лѣто отъ
Рожества Христова 1696».

Въ русской литературѣ о грамматикѣ Лудольфа впервые упоминается въ небольшой замѣткѣ Вѣстника Европы 1807 г. (часть 34, стр. 291—296). Эта замѣтка начинается слѣдующими словами, не утратившими и сейчасъ своей свѣжести: «Многимъ извѣстно, что при Царяхъ Всероссійскихъ нѣсколько разъ была напечатана Славянская Грамматика Мелетія Смотрицкаго; но не многіе знаютъ, что первую Рускую Грамматику сочинилъ иностранецъ Генрихъ Вильгельмъ Лудолфъ».

Авторъ статьи въ Вѣстникѣ Европы, слѣдуя не изжитой еще теоріи Ломоносова о трехъ «штиляхъ», естественно находитъ, что во многихъ родахъ сочиненій нельзя обойтись безъ славянскаго языка, но съ исторической точки зрѣнія видитъ въ грамматикѣ Лудольфа извѣстную заслугу. Онъ напоминаетъ, что тогда только одна книга была написана «употребительнымъ русскимъ языкомъ» — Уло-

женіе царя Алексѣя Михаиловича, однако въ ней «многія слова расположены болѣе по Славянскому синтаксису, нежели слѣдуя обыкновенному нарѣчію». Кромѣ того, Симеонъ Полоцкій издалъ псалмы Давида въ стихахъ, а также Духовный Обѣдъ, Духовную Вечерю, Многоцвѣтный Вертоградъ. Въ этихъ произведеніяхъ Симеонъ Полоцкій «по возможности избѣгалъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія; однакожь въ упомянутыхъ сочиненіяхъ довольно часто встрѣчаются рѣченія Славянскія, немногимъ изъ неученыхъ читателей извѣстныя».

HENRICI WILHELMI LUDOLFI
GRAMMATICA RUSSICA
QUÆ CONTINET
Non tantum præcipua fundamenta
RUSSICÆ LINGUÆ,
Verum etiam
Manuductionem quandam
AD
GRAMMATICAM SLAVONICAM.
Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant.
Una cum
BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM.

OXONII,
E THEATRO SHELDONIANO, A. D. MDCXCVI.

Титульный листъ грамматики Лудольфа

Попытка Лудольфа, по мнѣнію Вѣстника Европы, была важна не только для иностранцевъ, но и для русскихъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ «по многимъ правильнымъ замѣчаніямъ судить можно, прилѣжно занимался изученіемъ Славянской и Русской Словесности».

Впрочемъ, выписавъ изъ грамматики Лудольфа нѣкоторые образчики разговоровъ, авторъ не безъ ироніи замѣчаетъ: «Ничто лучше Грамматики Лудолфовой не доказываетъ, какъ трудно писать не на природномъ своемъ языкѣ». И заканчиваетъ статью словами: «И такъ Ломоносовъ былъ не первой сочинитель Русской Грамматики».

Русскіе филологи удѣляли грамматикѣ Лудольфа очень мало вни-

манія. Лишь С. Буличъ даетъ краткое описаніе ея въ своей работѣ Церковно-славянскіе элементы въ современной литературѣ и народномъ языкѣ,[1] Н. Грунскій вскользь упоминаетъ о ней въ Очеркахъ по исторіи разработки синтаксиса иностранныхъ языковъ[2] и В. Виноградовъ ссылается на нее въ своемъ изслѣдованіи о звукѣ Ѣ.[3]

Между тѣмъ, грамматика Лудольфа представляетъ большой историческій интересъ, и не только по ея библіографической рѣдкости или личности автора, но и по тому фонетическому, лексическому и фразеологическому матеріалу, который въ ней заключается. Кромѣ того, она въ свое время пользовалась, несомнѣнно, широкою извѣстностью. Такъ, напримѣръ, помѣщенныя въ ней свѣдѣнія о Россіи цѣликомъ были переведены на англійскій языкъ[4]. Въ Парижской Арсенальной Библіотекѣ хранится рукопись изъ коллекціи маркиза Paulmy D'Argenson, подъ заголовкомъ *Grammaire Russienne*, которая въ значительной части представляетъ собою буквальный переводъ на французскій языкъ грамматики Лудольфа[5]. Наконецъ, въ одной книгѣ французскаго морского инженера, путешествовавшаго по Англіи, Россіи и Швеціи въ 1775 году, читаемъ, между прочимъ: « J'achetai à Londres une grammaire latine et russe imprimée à Oxford. J'avois commencé à en prendre quelques notions pendant la traversée de mer, et après un mois ou six semaines de séjour et de voyage en Russie, je me faisais entendre

---

1. Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, ч. 32. СПБ. 1893.

2. Т. I, стр. 12.

3. Изслѣдованія въ области фонетики сѣверно-русскаго нарѣчія I. Очерки изъ исторіи звука Ѣ въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи (Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ за 1919 годъ, книга II, Петроградъ, 1923).

4. A journal of the Embassy from Their Majesties John and Peter Alexievitz, etc. etc. By Everard Ysbrand, Their Ambassador in the years 1693, 1694 and 1695. Written by Adam Brand, Secretary of the Embassy. Translated from the Original in High-Dutch. To which is added... Curious Observations concerning the Products of Russia. By H. W. Ludoff; in 8°; London, 1698. — Эта книга была переведена на многіе языки.

5. Рукопись № 8801. — Эта рукописная грамматика особенно интересна въ той части, которая отличается отъ книги Лудольфа и является попыткой составить въ первой половинѣ 18 вѣка грамматику живого русскаго языка для употребленія французовъ. Авторомъ ея, несомнѣнно, былъ тоже не русскій, такъ какъ въ ней встрѣчаются ошибки, которыхъ русскій никогда не сдѣлалъ бы. Рукопись эта до сихъ поръ никѣмъ не описана.

sur la route pour toutes les choses les plus usuelles de la vie».[1] Конечно, рѣчь здѣсь идетъ о грамматикѣ Лудольфа.

Личность Лудольфа (Генрихъ-Вильгельмъ, 1655—1710) незаурядная. Нѣмецъ по происхожденію, онъ долго жилъ въ Англіи, сначала въ качествѣ секретаря датскаго посольства, а съ 1680 г. въ должности секретаря принца Георга Датскаго, который былъ мужемъ принцессы Анны Англійской. Болѣзнь заставила Лудольфа рано покинуть службу, онъ сдѣлался свободнымъ, назначенная же за его заслуги пенсія открыла ему широкую возможность путешествовать по разнымъ странамъ. Больше всего влекла его Россія, которая оставалась для англичанъ загадочной, полной чудесъ страной, несмотря на оживленныя торговыя связи, издавна существовавшія между Англіей и Россіей. Весьма возможно, что поѣздка Лудольфа въ Россію имѣла и какую-нибудь тайную практическую цѣль: англичане, пользовавшіеся въ Россіи еще съ XVI вѣка, со времени учрежденія знаменитой Moscovity Company, исключительными коммерческими привилегіями, въ значительной мѣрѣ утратили ихъ къ концу XVII вѣка, уступивши мѣсто въ разныхъ областяхъ торговли голландцамъ и нѣмцамъ.

(51)

А положилъ на тарелку, чаю что ты уронилъ на землю, когда ты чисту тарелку взялъ.	(1)	Posui in orbem, puto tibi excidisse in terram cum orbem mundum caperes.
Пожалуй пейте кругомъ.		Quæso circumpotetis.
А пилъ къ сосѣду моему.	(2)	Propinavi vicino meo.
Буди здоровъ, на твое здоровіе.		Propino tibi, in salutem tuam.
Челомъ бью. А починалъ питъ про здоровіе хозяина.	(3)	Gratias ago, in sanitatem heri bibere incœpi.
Про здоровіе хозяйки прежде питъ было.		Oportuisset bibere in sanitatem heræ.
Она добра жена сердитъ ся, прогнѣватъ ся, не станетъ.	(4)	Bona mulier est, non irascetur.
Какъ тебѣ покажетъ ся наше пиво.		Quomodo tibi placet nostra cerevisia?

(1) Ich habe es auff den teller gelegt, ich halte ihr habt es auff die erde fallen lassen, als ihr einen reinen teller genommen. Ich bitte trincket herumb. (2) Ich habe meinem nachbar zugetruncken. Ich bringe es euch, auf euere gesundheit. (3) Ich bedancke mich, ich habe des herrn wirths gesundheit angefangen. Wir hatten sollen der frau wirthin gesundheit trincken. (4) Sie ist eine gute frau, sie wird nicht böse werden. Wie gefällt euch unser bier?

H Хоро-

Страница изъ грамматики Лудольфа

1. D. Lescallier. Voyage en Angleterre, en Russie et en Suede fait en 1775. Paris, an VIII (т. е. 1800), стр. 93. Авторъ, не знавшій передъ путешествіемъ ни слова по-русски, находитъ, что русскій языкъ простъ по своему строенію, легко можетъ быть усвоенъ иностран-

Какъ бы то ни было, Лудольфъ поѣхалъ въ Москву, и, хотя точныхъ данныхъ о продолжительности и подробностяхъ его пребыванія въ Москвѣ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ, однако мы знаемъ, что онъ совершилъ оттуда рядъ поѣздокъ по провинціи, особенно по бассейну Волги. Въ Англію онъ вернулся изъ Россіи въ 1694 г., а въ 1696 г. издалъ свою грамматику: *Grammatica Russica* quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae Linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice aeque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii. E Theatro Sheldoniano, A. D. 1696.

Лудольфъ, несомнѣнно, поѣхалъ уже съ нѣкоторымъ знаніемъ русскаго языка. Обычное русское гостепріимство всегда широко открывало двери иностранцамъ, но съ Лудольфомъ, вѣроятно, особенно охотно сближались еще и потому, что это былъ человѣкъ образованный, общительный, талантливый, любовно изучавшій русскій языкъ и русскую жизнь вообще. Знакомство съ кн. Борисомъ Куракинымъ дало Лудольфу возможность быть принятымъ не только въ высшемъ обществѣ, но и при дворѣ: Петръ любилъ въ минуты досуга побесѣдовать съ нимъ и послушать его, какъ музыканта. Повидимому, «Андрушка Вилліемка» всѣмъ пришелся по сердцу.

Общество, въ которомъ вращался Лудольфъ, было разнородно: придворная аристократія, съ одной стороны, купечество съ другой; а поѣздки по провинціи позволили ему войти въ соприкосновеніе съ народомъ. Этимъ до извѣстной степени объясняется пестрый характеръ того разговорнаго матеріала, который мы находимъ въ его грамматикѣ.

Въ концѣ грамматики Лудольфа есть небольшое приложеніе, изъ котораго видно, что онъ собиралъ свѣдѣнія о минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ богатствахъ Россіи (между прочимъ, Лудольфъ говоритъ о лѣчебныхъ свойствахъ травъ), о торговлѣ, о населеніи, о народныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ. А наиболѣе обширная глава отдѣла его грамматики, гдѣ помѣщенъ разговорный матеріалъ, названная имъ D e c u l t u d i v i n o, показываетъ, что онъ удѣлялъ большое вниманіе и церковно-религіознымъ вопросамъ, которымъ вообще не былъ чуждъ.[1]

цами, особенно французами, и въ будущемъ обѣщаетъ быть прекраснымъ, « étant maniée par des savants et des gens de goût.»

1. См. его: A Proposition for promoting the cause of religion in the Churches of the Levant, — Reflections of the present State of the Christian Church и др.

Грамматика Лудольфа была извѣстна Лейбницу. Знаменитый философъ, имя котораго связано съ петровскимъ проектомъ учрежденія нашей Академіи, находилъ, что грамматика Лудольфа нѣсколько жидковата и что лучше было бы, если бы авторъ отдалъ предпочтеніе славянскому языку, употребляемому въ ученомъ мірѣ, а не московской разговорной рѣчи.[1] Но то, что Лейбницъ ставитъ въ упрекъ Лудольфу, въ нашихъ глазахъ является большимъ достоинствомъ. Грамматики славянскаго языка существовали въ Россіи, но русской грамматики, какъ извѣстно, до Россійской Грамматики Ломоносова, т. е. до 1755 г., не было. Мало того: господствовало убѣжденіе, что церковно-славянскій и русскій языкъ не являются двумя различными языками, и, насколько трудно было разрушить убѣжденіе о тождествѣ ихъ, видно хотя бы изъ того, что даже въ 1803 г. Шишковъ въ своемъ Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ россійскомъ рѣшительно отрицалъ различіе между ними.

Для Лудольфа нѣтъ никакихъ сомнѣній, что русскій и славянскій языкъ — два самостоятельные языка: онъ живо чувствуетъ фонетическую, морфологическую и словарную разницу между ними. Онъ останавливается на формулѣ, которую ему приходилось не разъ слышать: «говорить надо по-русски, а писать по-славянски» (loquendum est Russice et scribendum est Slavonice) и всетаки считаетъ, что надо составить русскую грамматику. Онъ даже выражаетъ надежду, что его опытъ убѣдитъ русскихъ въ возможности печатать и на народномъ языкѣ, и что попытка развить свой собственный языкъ, какъ это дѣлается у другихъ народовъ, послужитъ къ украшенію русской націи и принесетъ ей пользу. Кто знаетъ: можетъ быть, идея Петра Великаго о необходимости переводить книги не высокимъ славянскимъ діалектомъ, а просторѣчіемъ, зародилась отчасти подъ вліяніемъ Лудольфа.

Въ книгѣ Лудольфа довольно много опечатокъ въ славянскихъ словахъ, что и понятно, если принять во вниманіе условія ея печатанія. Въ errata большинство опечатокъ не помѣчено. Кромѣ того, Лудольфъ постоянно смѣшиваетъ ъ и ь, *и* и *ы*, а въ разговорномъ матеріалѣ есть несомнѣнныя ошибки, естественныя у иностранца. Тѣмъ не менѣе, это не умаляетъ интереса его труда.

Останавливаясь на фонетическихъ особенностяхъ русскаго языка, отличающихъ его отъ славянскаго, Лудольфъ отмѣчаетъ полногласіе,

---

1. Письмо Спарвенфельду. Leibnitii Opera omnia, т. V, Женева, 1768, стр. 544.

соотвѣтствіе русскаго начальнаго *о* славянскому *е*, и русскаго *ч* славянскому *щ*, затѣмъ отсутствіе въ русскомъ языкѣ измѣненія гортанныхъ въ свистящіе передъ *ѣ* и *и*, переходъ *г* въ *в* въ род. пад. ед. ч. мужск. и ср. рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій.

Замѣчанія Лудольфа относительно отдѣльныхъ звуковъ не всегда вѣрны, но онъ въ данномъ случаѣ дѣлаетъ тѣ же ошибки, которыя до сихъ поръ повторяютъ многіе иностранцы, составители грамматикъ русскаго языка. Наибольшую трудность представляютъ для нихъ *ѣ* и особенно *ы*. Лудольфъ характеризуетъ *ы*, какъ дифтонгъ, сотоящій изъ *у* и *и*, а *ѣ* опредѣляетъ какъ дифтонгъ *іе*.

Конечно, нельзя дѣлать изъ этого какія либо заключенія относительно русскаго произношенія эпохи конца XVII и начала XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще встрѣчаются ученые, предполагающіе, что *ѣ* даже въ теченіе всего XVIII вѣка произносилось какъ *іе*, и готовые ссылаться на Лудольфа. Если въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ и сейчасъ можно найти произношеніе *ѣ*, какъ дифтонга *іе*, то въ литературномъ произношеніи XVII-XVIII вѣка *ѣ*, безъ всякаго сомнѣнія, ничѣмъ не отличался отъ *е*. Порукой этому прежде всего Р о с с і й с к а я Г р а м м а т и к а Ломоносова, одно же стихотвореніе XVIII вѣка опредѣленно отмѣчаетъ, что *ѣ* никогда не произносится какъ *іе:*

Межъ тѣмъ, гдѣ *ѣ* писать и *е*,
На то законъ, примѣта есть;
Труда не зритъ писатель въ этомъ.
Привыкши Россъ вѣщати с в ѣ т ъ,
Не скажетъ вѣчно онъ с в і е т ъ.
За что жъ за *ѣ* браниться съ свѣтомъ.[1]

Въ области морфологіи Лудольфъ даетъ только самыя необходимыя свѣдѣнія относительно склоненій и спряженій, при чемъ всюду указываетъ разницу между славянскимъ и русскимъ языкомъ. Особенно любопытно то, что онъ говоритъ объ употребленіи двойственнаго числа въ р а з г о в о р н о й рѣчи. Онъ отмѣчаетъ, что ему приходилось наблюдать именительный падежъ муж. рода двойственнаго числа съ окончаніемъ *а* (два глаза), а женскаго съ *ѣ* (двѣ женѣ), тво-

1. Л и р о - д и д а к т и ч е с к о е п о с л а н і е к н я г и н ѣ Е. Р. Д а ш к о в о й Н. Николева.

рительный же на **м а** : «я видалъ своема глазама»; при этомъ онъ прибавляетъ, что многіе употребляютъ вмѣсто этого окончаніе множ. числа: «я видалъ своими глазами». Въ настоящее время въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ встрѣчаются формы твор. пад. на **м а** съ значеніемъ двойственнаго и множественнаго числа, а въ сѣверно-великорусскихъ (исключительно въ именахъ прилагательныхъ) съ значеніемъ множ. числа. Изъ замѣчанія Лудольфа можно вывести заключеніе, что въ то время форма двойственнаго числа на **м а** употреблялась еще довольно часто.

Обильный разговорный матеріалъ, находящійся у Лудольфа, отличается пестротой: однѣ фразы, несомнѣнно, взяты изъ живого обихода, другія составлены искусственно. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«Поставъ штеканъ на столъ» (у Лудольфа только «штеканъ», а не стаканъ).

«Болши приготовлено неже надобе» (**н а д о** нигдѣ у Лудольфа нѣтъ).

«Высеки огонь и зажги свечу. — Еще свѣтло; когда темно будетъ, зажигать стану».

«Я послалъ по лошадь».

«Саньми ѣхать».

«Скажутъ, что пригожи, женщини во французской землѣ.— Я не водилъ ся снима, красние не глядѣли на меня, и не желалъ познатъ ся съ дурними».

«То я знаю, что всегда бутъ то дуракъ отвѣчаетъ. Луче дурачествовать неже красть. — Часто и дураки крадутъ, и хотя ты не укралъ, однакожде ты не бережешъ моя вещи».

«Хъ которой немочи ты склоненъ? — Камчугъ часто найдетъ на меня. — Совѣтовалъ мнѣ врачъ пускать кровъ по вѣснѣ. — По моему мнѣнію то болново ослабляетъ. Мои силы уже гораздо уменьшали ся».

«Изволишь чарку вотки? — вотку не уживаю».

«Нехто (т. е., никто) удоволитъ ся въ томъ, что Богъ дастъ».

«Пожалуй приди чаще къ намъ въ предки» (т. е. впредь).[1]

1. Среди фразъ встрѣчаются и злободневныя, отражающія проникновеніе новыхъ идей въ обиходъ русской жизни, напримѣръ: «Скажутъ, что ты водишъ ся съ людми всякой вѣры. — Когда я найду добраго человѣка, ево люблю и почестю, хотя онъ иной вѣры, и когда я вижу бездѣлника, ево не во что ставлю,

Изъ разговорнаго матеріала, какъ и изъ отдѣльныхъ словъ, помѣщенныхъ въ небольшомъ словарѣ и въ текстѣ, можно извлечь, при извѣстной осторожности, рядъ цѣнныхъ данныхъ. Такъ, наряду съ всегда Лудольфъ отмѣчаетъ вселды, которое до сихъ поръ встрѣчается въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ. Среди нарѣчій онъ еще упоминаетъ напраздно или напразно, совершенно теперь исчезнувшее, но употреблявшееся въ древне-русскомъ языкѣ на ряду съ напрасно и съ тѣмъ же значеніемъ (внезапно, неожиданно, вдругъ). Вмѣсто можно находимъ мочно, которое сейчасъ употребляется только въ говорахъ, но употребленіе котораго для древне-русскаго языка обычнѣе, чѣмъ можно. То же относится и къ коли, которое у Лудольфа приводится, вмѣсто когда.

Лудольфъ всюду пишетъ не отоспался, а оспался. Этого слова теперь не существуетъ, но если сопоставить его съ такими словами, какъ отрезвился, опомнился, одумался и т. п., то можно допустить, что Лудольфъ записалъ правильно и что оно находилось въ то время въ частомъ употребленіи.

Изъ другихъ словъ, встрѣчающихся въ «разговорникѣ» Лудольфа, слѣдуетъ отмѣтить камчугъ, кстины и лалъ.

Камчугъ онъ переводитъ подагра. Слово камчугъ и понынѣ употребляется, но исключительно въ народномъ языкѣ, и обозначаетъ разнаго рода болѣзни, кожныя и ревматическія. Въ языкѣ Петровской эпохи оно, видимо, было еще во всеобщемъ употребленіи.[1]

Слово кстины (крестины) тоже совершенно исчезло изъ языка образованныхъ классовъ, но осталось въ постоянномъ употребленіи въ языкѣ народномъ. Не разъ оно отмѣчено въ литературныхъ произведеніяхъ. У Державина, напримѣръ:

То въ трактиры, то въ кабакъ,
То на кстины, то на бракъ.

хотя онъ мой сродня», или: «я всегда противъ любви христіанской почиталъ, что другъ друга осужаетъ духовная то гордость всехъ инныхъ поганихъ почитатъ, потому что не согласуютъ снами. Отъ всякого народу Богу приятенъ, которой ево боитъ ся и правду здѣлаетъ».

1. Между прочимъ, это слово находится въ Софійскомъ Временникѣ 6998 (1490) г.: «А болѣлъ камчугомъ въ ногахъ». Карамзинъ, пользуясь этимъ источникомъ, писалъ въ Исторіи Государства Россійскаго, что сынъ Іоанна III въ 1490 г. «занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли камчюгою)». Карамзинъ, очевидно, не зналъ, что употребленіе этого слова въ народномъ языкѣ частое.

Встрѣчается оно и у современныхъ писателей, напр. у Бунина: «на кстинахъ былъ» (въ разсказѣ Т а н ь к а).

Слово л а л ъ толкуется въ русскихъ словаряхъ различно, а въ словарѣ Срезневскаго, несомнѣнно, ошибочно: «родъ яхонта ж е л т а г о цвѣта». У Лудольфа прямо сказано, что л а л ъ обозначаетъ р у б и н ъ. Правильность этого подтверждается не только скороговоркой «алъ лалъ, бѣлъ алмазъ, зеленъ изумрудъ», но и употребленіемъ этого слова въ литературѣ, напр. у Сумарокова: «лицо — кристалъ и лалъ» или у Ф. Соллогуба: «бѣлѣй лилей, алѣе лала».

Изъ другихъ словъ слѣдуетъ отмѣтить б а р к а н ъ, которое Лудольфъ употребляетъ вмѣсто м о р к о в ь. Теперь это слово встрѣчается, повидимому, только въ псковской, тверской и новгородской губерніяхъ. Заимствовано оно изъ языка остзейскихъ нѣмцевъ, гдѣ оно звучитъ burkane.

Въ книгѣ Лудольфа нѣтъ слова б л а г о д а р ю : вмѣсто него или с п а с и б о или еще чаще — ч е л о м ъ б ь ю. Вѣроятно, этотъ способъ выраженія благодарности былъ въ то время болѣе употребителенъ, чѣмъ б л а г о д а р ю.

Нигдѣ у Лудольфа нѣтъ слова н а д о. Вмѣсто него всегда н а д о б ѣ, исчезнувшее теперь, но въ новой нашей литературѣ не разъ отмѣченное (напр., у Тургенева въ разсказѣ С о б а к а).

В е р б л ю д ъ у Лудольфа еще въ формѣ в е л б л ю д ъ.

Слово у ж и в а ю въ значеніи у п о т р е б л я ю, встрѣчающееся у Лудольфа («вотку не уживаю»), сейчасъ осталось только въ народномъ языкѣ.

Русскій языкъ, какъ извѣстно, настолько склоненъ къ употребленію уменьшительныхъ, что соотвѣтственные суффиксы употребляются не только въ существительныхъ или прилагательныхъ (зимка, зимонька, зимочка, зимушка; маленькій, малюсенькій, малехонькій и т. п.), но даже и въ нарѣчіяхъ, напр. з д ѣ с е н ь к а, ч у т о ч к у. Это явленіе Лудольфъ отмѣчаетъ, какъ характерную особенность русской рѣчи и прибавляетъ, что изъ вѣжливости (civilitatis gratia) русскіе даже въ письмахъ подписываются уменьшительными: И в а ш к а, П е т р у ш к а.

Любопытно, что всѣ русскія фразы и словарный матеріалъ Лудольфъ снабдилъ н ѣ м е ц к и м ъ переводомъ, ссылаясь на то, что купцы изъ разныхъ странъ пользуются въ Россіи нѣмецкимъ языкомъ;

и что, кромѣ того, даже рядъ русскихъ людей изучаетъ латинскій и нѣмецкій языки.

Какъ видимъ, первая русская грамматика представляетъ большую цѣнность. На ней еще не разъ остановится историкъ русскаго языка.

Н. Кульманъ

Авторъ и редакторъ «Временника» благодарятъ профессора Jules Legras, любезно предоставившаго для воспроизведенія свой экземпляръ Грамматики Лудольфа.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВЪ

И

УСАДЬБА КН. ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ ВЪ РИМѢ

Новые матеріалы

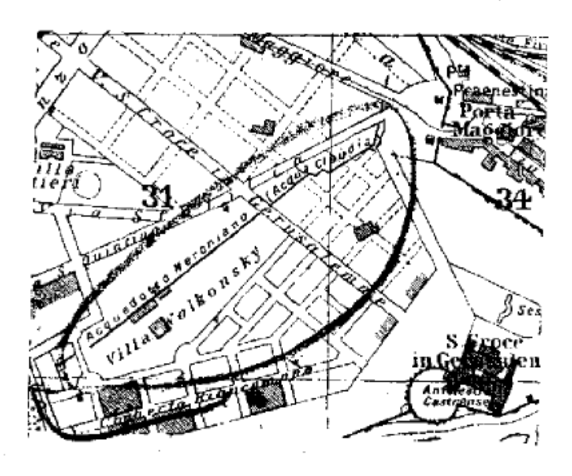
Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, неоднократно дѣлались попытки установить судьбу литературнаго наслѣдства кн. Зинаиды Александровны Волконской. Розысканія велись въ Римѣ, гдѣ много лѣтъ жила Волконская и гдѣ она скончалась, и въ Россіи. Мнѣ извѣстно, что благодаря настойчивости покойнаго изслѣдователя пушкинской эпохи П. Е. Щеголева, мин. иностранныхъ дѣлъ, поручило незадолго до войны русскому послу при Квиринатѣ выяснить, находится ли архивъ Волконской въ Римѣ и возможно ли его пріобрѣтеніе для Пушкинскаго Дома Академіи Наукъ. Однако, дѣло застряло гдѣ-то въ канцелярскихъ дебряхъ и результатовъ не дало. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, работая надъ литературными документами Архива Русскихъ Іезуитовъ въ Парижѣ[1], я нашелъ одно упоминаніе о рукописяхъ Волконской, которое давало основаніе думать, что архивъ находится въ Римѣ. Дальнѣйшіе поиски подтвердили эту догадку. Спустя нѣкоторое время я предпринялъ поѣздку въ Римъ и на мѣстѣ ознакомился съ тѣмъ, что осталось отъ богатаго архива и библіотеки.

---

1. См. Временникъ, томъ II «Книгохранилище Русскихъ Іезуитовъ» и т. III «Литературный Архивъ кн. И. С. Гагарина».

⁂

Нѣтъ такого довоеннаго путеводителя по Риму, въ которомъ не найти хотя бы нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ Villa Wolkonsky[2]. Это та усадьба съ огромнымъ паркомъ, возлѣ Порта Санъ Джіованни, въ которой поселилась въ 1830 году кн. Зинаида Александровна и гдѣ она прожила тридцать лѣтъ кряду. Небольшая площадка передъ входомъ въ паркъ носитъ названіе Piazza della Villa Wolkonsky. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ усадьба находилась во владѣніи семьи Волконскихъ. Послѣдняя ея собственница Надежда Васильевна Волконская[3] (по мужу маркиза Кампанари) проживала въ усадьбѣ до 1921 года, сохраняя тамъ въ цѣлости архивъ, библіотеку и собраніе картинъ княгини Зинаиды Александровны.

Послѣ октябрьскаго переворота въ Россіи матеріальное положеніе Волконскихъ-Кампанари значительно ухудшилось: они перестали получать доходы отъ своихъ огромныхъ русскихъ помѣстій[4]. Пришлось подумать о сокращеніи расходовъ. Какъ разъ въ это время (1921 г.) гер-

2. Вотъ одно изъ такихъ описаній: «Villa Wolkonsky, now called Villa Campanari, deserving especially in spring, when the roses are in bloom. The Aqua Claudia intersects the gardens, where also a few ancient tombs and sculptured fragments are preserved. Pretty ground. Admission on tuesday and saturday in the afternoon. Baedeker's Italy Handbook for travellers. **1904.** Впрочемъ, долженъ оговориться: въ имѣющемся у меня р у с с к о м ъ справочникѣ В. Алексѣевскаго. Р и м ъ и е г о о к р е с т н о с т и, М. 1914 — нѣтъ ни слова о знаменитой русской виллѣ.

3. Н. В. Волконская-Кампанари, хотя и состояла въ родствѣ съ Волконскими, однако не была Волконской по рожденію: сынъ Зин. Ал. Волконской удочерилъ свою родственницу Надежду Ильину, когда ей исполнилось нѣсколько мѣсяцевъ.

4. Маркизъ Кампанари былъ полурусскаго происхожденія: мать его рожд. княжна Четвертинская (по первому браку Полуэктова). Въ молодости онъ былъ кавалерійскимъ офицеромъ итальянской арміи. Отъ матери получилъ въ наслѣдство имѣнье кн. Четвертинскихъ въ Виленск. губ. Почти каждое лѣто семья Кампанари пріѣзжала изъ Италіи въ родовое имѣніе Волконскихъ «Урусово», Тульск. губ., Веневск. у. Самъ маркизъ Вл. Кампанари и его дѣти знали русскій языкъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить признательность Л. Д. Кампанари за любезно сообщенныя мнѣ свѣдѣнія.

манское посольство, особнякъ котораго былъ конфискованъ во время войны, выразило желаніе пріобрѣсть знаменитую усадьбу, и сдѣлка вскорѣ состоялась. Кампанари переѣхали на скромную городскую квартиру въ Римѣ, гдѣ въ 1923 г. Над. Васильевна скончалась. Все ея имущество, главнымъ образомъ, то, что перешло къ ней отъ Волконскихъ, было подѣлено между ея наслѣдниками[5]. Дѣленіе было произведено въ арифметическомъ смыслѣ слова: ящики, въ которыхъ находились рукописи, книги, картины были распредѣлены безотносительно къ ихъ содержимому между пятью лицами. Часть архива, библіотеки и собранія картинъ русскихъ художниковъ досталась маркизу Вл. Кампанари (скончался въ Римѣ въ 1931 году). Спустя нѣкоторое время онъ женился на своей родственницѣ, которая удалила изъ дому все, что могло напоминать о Над. Вас. въ томъ числѣ и злополучные ящики. Они были снесены въ сырое подвальное помѣщеніе, а потомъ проданы русскому антиквару въ Римѣ В. К. Лемерману. Другіе наслѣдники, повидимому, вынуждены были обстоятельствами продать то, что имъ досталось: въ теченіе нѣкотораго времени (1925 — 1929) можно было встрѣтить у римскихъ антикваровъ, а иногда и на аукціонахъ, предметы изъ собранія кн. Зинаиды Волконской. Уже по возвращеніи изъ Рима мнѣ удалось установить, что нѣкоторые документы изъ архива разными путями попали въ Бельгію, Германію и Францію. Въ Парижѣ такіе документы находятся въ коллекціяхъ Л. А. Гринберга и А. М. Ремизова.

Для того, чтобы читателю ясна была связь отдѣльныхъ документовъ съ той бытовой обстановкой, на фонѣ которой они возникли, — напомню нѣкоторые факты изъ біографіи Волконской.

***

Княжна Зенеида Бѣлосельская впервые попала въ Россію шестнадцатилѣтней дѣвушкой: она родилась въ Туринѣ, гдѣ отецъ ея занималъ постъ россійскаго посланника. По пріѣздѣ въ Россію, она была представлена ко Двору и назначена фрейлиной государыни. Даже въ блестящемъ Санктпетербургѣ того времени эта дѣвушка, почти подростокъ, обратила на себя вниманіе внѣшностью, умомъ и совершенно исключительнымъ по тому времени образованіемъ. Въ шест-

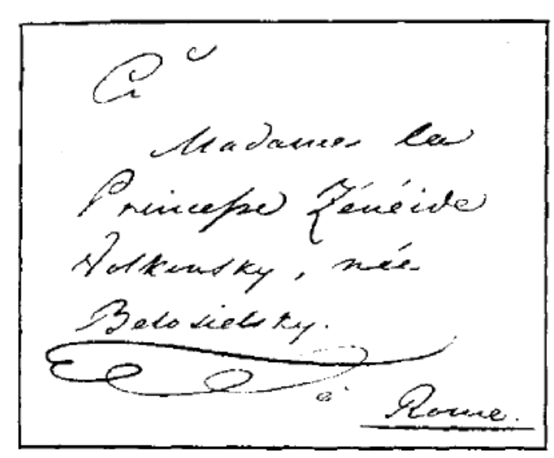
5. Мужъ, двѣ дочери (Екатерина и Зинаида) и два сына (Александръ и Владиміръ).

надцать лѣтъ она печатала въ журналахъ свои французскіе стихи, отмѣнно знала четыре европейскихъ языка (только по русски писала и говорила не совсѣмъ гладко) читала въ подлинникѣ греческихъ и латинскихъ авторовъ, была весьма начитана въ европейской литературѣ, обладала отличнымъ голосомъ и получила серьезное музыкальное образованіе. Когда ей исполнилось девятнадцать лѣтъ, она вышла замужъ (вѣрнѣе сказать: — ее выдали замужъ) за молодого флигель-адъютанта кн. Никиту Волконскаго. Партія почиталась отличной, однако, для уразумѣнія дальнѣйшихъ событій ея жизни должно отмѣтить, что въ этомъ бракѣ, какъ говорили въ Петербургѣ, les besoins du coeur n'avaient pas été consultés: княжна Зинаида, оставшись къ тому времени круглой сиротой, должна была уступить настояніямъ семьи.

Та зима (1810—1811) была отмѣчена особенно блестящими балами, всѣ только и говорили, что о красавицѣ Волконской. Императоръ, наслышанный о ней, удѣлялъ ей много вниманія, искалъ ея общества, подолгу бесѣдовалъ съ ней. Такъ завязалась ея дружба съ государемъ. Можно предполагать, что по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ между ними дѣйствительно была только дружба. Въ Петербургѣ объ этихъ отношеніяхъ пошли сплетни, о нихъ стало извѣстно Волконской, и она демонстративно перестала появляться при Дворѣ. Въ слѣдующую зиму, по настоянію мужа, она снова стала выѣзжать (говорили, что объ этомъ кн. Никиту просилъ императоръ). Началась война. Волконскій назначенъ былъ состоять въ походной свитѣ государя, и кн. Зин. Ал. сопровождала мужа — вѣрнѣе ставку — по всей Европѣ: въ то время было въ обычаѣ, чтобы дамы, мужья которыхъ состояли въ свитѣ, слѣдовали за имп. главной квартирой, тѣмъ болѣе, что путешествіе сопровождалось почти непрерывными балами и пріемами повсюду, гдѣ собиралась международная знать. Въ условіяхъ походной жизни придворный этикетъ соблюдался не такъ строго, какъ въ столицѣ, государь чаще могъ видѣть Волконскую, а въ тѣ короткіе промежутки, когда онъ лишенъ былъ ея общества (дамы предпочитали оставаться въ веселой обстановкѣ большихъ городовъ) посылалъ ей письма съ курьеромъ. Тогда Волконская снаряжала своего человѣка съ отвѣтнымъ письмомъ къ императору. Въ римскомъ архивѣ находятся пятнадцать писемъ имп. Александра I къ Волконской[6], изъ коихъ девять относятся къ описываемому

6. Только шесть изъ нихъ были опубликованы ея сыномъ въ Сборникѣ Имп. Русскаго Ист. Общества, т. III, СПБ. 1868.

времени. Не только самый текстъ ихъ, но и адреса на конвертахъ писаны рукою императора. Каждое въ томъ конвертѣ, въ какомъ оно было вручено больше ста лѣтъ тому назадъ въ руки кн. Волконской. Одни подписаны только инициаломъ государя *А*, другія полнымъ именемъ *Александръ*. Всѣ они писаны по-французски. Даты и мѣста отправленія не вездѣ проставлены полностью: Jauer, 14 may 1813; Peterswalden, 28 may 1813; Toeplitz, 21 août 1813; Schaffhouse. 1813; Dimanche matin, 1813 (мѣсто отправленія не проставлено); Leipzig, 10 octobre 1813; далѣе слѣдуютъ три письма безъ обозначенія мѣста отправленія, на одномъ изъ нихъ проставленъ только годъ (1813), на двухъ другихъ никакой даты. Приведу нѣкоторыя выдержки изъ нихъ.

Адресъ на конвертѣ рукою имп. Александра I

Въ письмѣ на четырехъ страницахъ изъ Теплица въ Прагу, гдѣ, по случаю конгресса, остановилась Волконская, государь пишетъ: « Il m'est impossible, princesse, d'attendre le départ du courrier ordinaire[7] pour vous exprimer toute ma gratitude pour votre charmante lettre.... »

Длинное, на пяти страницахъ, письмо, въ которомъ описываются результаты знаменитой «битвы народовъ», государь заканчиваетъ слѣдующими строками: « ....Recevez toute ma gratitude pour tout ce que l'ordre de la Jarretière m'a valu de si aimable, de si enchanteur de votre part. » « ....plus que jamais veuillez me croire pour la vie tout à vous de coeur et d'âme et je dirai aussi: Honni soit qui mal y pense... »[8]. Слѣдуетъ думать, что послѣдняя фраза является отвѣтомъ государя на тѣ петербургскіе слухи, о которыхъ было упомянуто выше[9].

7. Извѣстно, что государь называлъ «обыкновеннымъ курьеромъ» кн. Никиту Волконскаго, мужа кн. Зин. Ал.

8. Девизъ ордена Подвязки.

9. Съ этой фразой любопытно сопоставить слова Н. Лернера: «...Волконская не любила мужа и не была ему вѣрна... молва считала ее, быть можетъ, не безъ основанія, любовницей Ал. I». Пушкин. Письма под ред. Б. Модзалевского. Т. II, стр. 328. М.-Л. 1928.

Въ послѣдующіе годы Зинаиду Ал. можно встрѣтить въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Лондонѣ (здѣсь знакомые разжалобили ее разсказомъ о судьбѣ круглаго сироты, мальчика Павей. Она взяла его съ собой въ Россію и воспитала вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Когда онъ окончилъ ученіе, его опредѣлили на службу въ министерство иностр. дѣлъ. Въ Римѣ находится его портретъ, работы Кипренскаго. Влад. Павей изображенъ на немъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ) и, наконецъ, въ Парижѣ, гдѣ она заводитъ новыя и возобновляетъ старыя свѣтскія и литературныя знакомства. Сама Madame de Staël пишетъ ей письма, изъ коихъ одно обнаружено въ римскомъ архивѣ. Къ сожалѣнію, сохранилась только небольшаая часть переписки Волконской, относящейся къ этому періоду, въ томъ числѣ одно письмо императрицы Маріи Өеодоровны (помѣченное 3 октября 1816 года) и семь писемъ папскаго министра и дипломата, кардинала Консальви.

Изъ Парижа Зинаида Александровна пишетъ въ Россію друзьямъ и государю. Въ Римѣ сохранилось письмо императора къ ней, датированное 12/24 may 1816, въ которомъ онъ не одобряетъ ея долгаго отсутствія изъ Россіи и совѣтуетъ ей вернуться въ Петербургъ. Однако она не спѣшила слѣдовать совѣту государя и только въ 1817 году вернулась въ Россію, но такъ заскучала въ чопорномъ Петербургѣ, что вскорѣ уѣхала въ полу-итальянскую Одессу съ намреніемъ опредѣлить своего семилѣтняго Сашеньку въ Ришельевскій Лицей. Въ ту пору было въ модѣ посылать дѣтей знатныхъ фамилій въ это учебное заведеніе, имѣвшее совершенно французскій характеръ и къ основанію котораго, повидимому, имѣли отношеніе іезуиты. Въ римскомъ архивѣ сохранилась французская рукопись любопытной записки, составленной директоромъ Лицея, аббатомъ Николемъ, по порученію кн. Волконской. Въ ней подробнѣйшимъ образомъ излагается планъ воспитанія молодого Волконскаго во время его будущаго пребыванія въ Лицеѣ[10]. Потомъ она раздумала отдавать сына въ Лицей, но оставалась въ веселой Одессѣ еще годъ. «Она поселилась въ Одессѣ и всѣ у ногъ ея» — пи-

10. Мнѣ извѣстно о существованіи и второго рукописнаго экземпляра той же записки: въ бытность мою воспитанникомъ Ришельевской гимназіи (такъ переименованъ былъ впослѣдствіи Ришельевскій Лицей) я неоднократно видѣлъ въ фундаментальной библіотекѣ гимназіи французскую рукопись въ тяжеломъ кожаномъ переплетѣ съ тисненной золотомъ соотвѣтствующей французской надписью. Повидимому, одновременно было изготовлено два экземпляра: одинъ для Лицея, а другой для Волконской. Русскій переводъ Записки былъ опубликованъ въ Русскомъ Архивѣ въ 1896 году.

салъ въ Петербургъ К. Батюшковъ[11]. Въ Одессѣ она писала стихи и подготовляла къ печати книгу.

Отъ этого періода въ архивѣ сохранились шуточные стихи Зинаиды Александровны «Les Couplets sur la boue d'Odessa» («Le printemps va naître») и къ нимъ четырнадцать карикатурныхъ иллюстрацій: семь акварелью и семь перомъ. Къ тому же періоду относятся два карандашныхъ рисунка съ надписями рукою Волконской: на одномъ — Vue de l'entrée du houtor du Lycée Richelieu à cinq verstes d'Odessa. Le 19 avril 1818[12]; на другомъ — Vue du Lycée Richelieu. 1819.

Изъ Одессы она вернулась въ Петербургъ (1819). Русская иностранка, она пробуетъ стать на русскую почву, удержаться на ней и много надъ собой работаетъ, старательно изучая русскую исторію и литературу, пишетъ русскія повѣсти и подготовляетъ изданіе ихъ отдѣльнымъ сборникомъ. Литературныя занятія не позволяютъ ей появляться достаточно часто въ свѣтѣ (да она сама не очень этого желаетъ). Это вызываетъ рѣзкія и недоброжелательныя сужденія по ея адресу. Отношеніе къ ней среди людей ея круга мѣняется. Она чувствуетъ, что аракчеевская земля уходитъ изъ подъ ея ногъ и, какъ только выходитъ изъ печати ея книга Les Quatre Nouvelles, M. 1819, она рѣшаетъ ѣхать въ Италію. Впередъ она отправила туда морскимъ путемъ черезъ Одессу свою горничную, крѣпостную дѣвушку Авдотью съ багажемъ. Одесскіе друзья выправили Авдотьѣ форменный заграничный паспортъ съ орлами и подписомъ графа Ланжерона. Паспортъ, покрытый многочисленными визами, прекрасно сохранился и находится въ коллекціи А. М. Ремизова въ Парижѣ. Въ немъ прописано, что показательница его «генералъ-маіорши княгини Зенеиды Волконской, крестьянка Тульской губ., Веневскаго у., Авдотья Наумова, отправляется черезъ портъ Одесскій въ Ливорно и въ разныя мѣста Италіи, срокомъ на два года».

Въ Римѣ она стала центромъ тѣснаго кружка русскихъ художниковъ. К. Брюлловъ и Ф. Бруни пишутъ ея портреты. Съ сожалѣніемъ приходится сообщить, что портрета, писаннаго Брюлловымъ, въ римской части архива уже не оказалось: по свѣдѣніямъ, которыя мнѣ провѣрить не удалось, этотъ портретъ былъ проданъ одному лондонскому антиквару. Портретъ работы Бруни и сейчасъ находится въ Римѣ. Зинаида Ал.

---

11. К. Батюшковъ. Сочиненія. Т. III, стр. 515. СПБ. 1886.
12. Хуторомъ Ришельевскаго Лицея называлась «аренда, пожалованная Дюку де-Ришелье и предоставленная имъ въ пользу Лицея», для увеличенія его средствъ. І. Михневичъ. Сорокалѣтіе Ришельевскаго Лицея. Одесса, 1857.

попрежнему много работаетъ, пишетъ цѣлую оперу Giovanna d'Arco, даже ставитъ ее на частной сценѣ при участіи своихъ итальянскихъ друзей и сама выступаетъ въ роли Орлеанской Дѣвы. Вся рукопись этой оперы, партитура ея собственной роли, а также печатный экземпляръ написаннаго ею либретто находятся въ архивѣ.

Въ архивѣ сохранилось всего два письма имп. Александра къ Волконской въ Римъ (отъ 22/3 февраля 1821 и отъ 13/25 декабря 1822). Содержаніе и характеръ этихъ писемъ даютъ основаніе заключить, что эти два письма (первое изъ нихъ на восьми страницахъ) составляютъ только часть переписки римскаго періода.

Въ 1823 году Волконская вернулась въ Петербургъ. Ее попрежнему занимаютъ литературные и историческіе вопросы. Она вмѣстѣ съ поэтами-декабристами, Бестужевымъ, Кюхельбекеромъ, Одоевскимъ, одна изъ первыхъ очутилась, — по выраженію ея внучатнаго племянника кн. С. М. Волконскаго,— въ полосѣ какого-то страннаго славяно-готическаго патріотизма. Люди, не имѣвшіе или очень мало имѣвшіе корней въ своей странѣ, получившіе культурное развитіе съ Запада, душою все же тяготѣли къ родинѣ и желали видѣть ее культурною, равною другимъ странамъ. Этимъ желаніемъ гораздо больше, чѣмъ побужденіями внутренняго свойства, объясняются тѣ сюжеты, которые она выбирала для своихъ произведеній. Княгиня Зинаида заплатила дань этому влеченію въ своихъ писаніяхъ и музыкальныхъ занятіяхъ[13]. Она подготовляетъ къ печати и вскорѣ издаетъ историческую работу о славянахъ — Tableau slave du Ve siècle. Petersbourg. 1824. (Въ Парижѣ въ ящикѣ букиниста на набережной мнѣ случайно попался авторскій экземпляръ этой книги съ экслибрисомъ Никиты Волконскаго).

Между Царскимъ Селомъ — резиденціей государя — и Петербургомъ снова возникаетъ переписка. Напоминаніемъ о ней служитъ находящееся въ архивѣ письмо Александра I, на восьми страницахъ, съ помѣткой Zarskoyé Célo, 8 juin 1824.

Вскорѣ, однако, Зин. Ал. убѣдилась, что продолжительное отсутствіе изъ Петербурга не способствовало улучшенію ея отношеній съ чопорнымъ придворнымъ обществомъ. Ей стало ясно, что петербургскій воздухъ не для нея, и въ концѣ 1824 года она переселилась въ Москву.

---

13. Архивъ Декабриста. Т. I. П. 1918.

Старый домъ Бѣлосельскихъ, на углу Тверской и Козицкаго переулка[11], а вѣрнѣе помѣщичья усадьба съ большимъ садомъ, какихъ на Москвѣ въ ту пору было не мало, сталъ своего рода центромъ московской литературной жизни. По понедѣльникамъ Зин. Ал. устраивала «академическіе обѣды». Участниками ихъ были почти всѣ московскіе литераторы: Боратынскій, Одоевскій, влюбленный въ Волконскую Дм. Веневитиновъ, Вяземскій, Соболевскій, Погодинъ, оба Кирѣевскіе, Языковъ, Шевыревъ и даже самъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, рѣдко кому оказывавшій эту честь. Здѣсь читали запрещенное цензурой Горе отъ Ума, сообща обсуждали литературныя новинки, слушали стихи присутствовавшихъ поэтовъ. Зима 1826—1827 гг. была отмѣчена при-

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

и прочая, и прочая, и прочая.

№ [illegible]

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показательница сего Генерала Маiорши Княгини Зинаиды Волконской крестьянка, Тульской Губерніи Веневскаго уезда изъ села Урусова Авдотья Наумова отправляющейся чрезъ портъ Одесской въ Ливорно и въ разныя места Италіи срокомъ на два года. Того ради всѣ высокіе Области приглашаются по состоянію чина и достоинства, коимъ сіе представится, Нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ повелѣвается въ объявителѣ крестьянкѣ Авдотьѣ Наумовой — какъ нынѣ изъ Россіи ѣдущей — такъ и потомъ въ Россію возвращающейся не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать. Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда, данъ сей пашпортъ отъ Херсонскаго Военнаго Губернатора — съ приложеніемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА печати. Въ Одессѣ Мая 27 дня 1819 года.

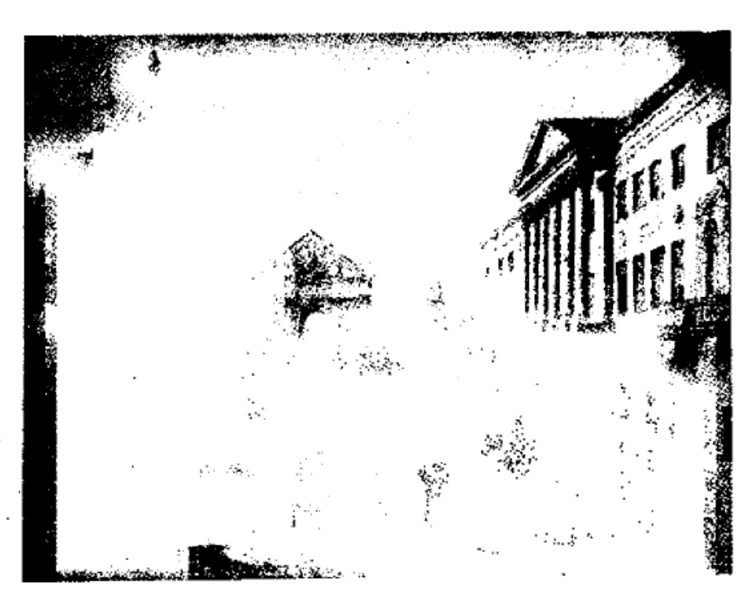
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ моего Генералъ отъ Инфантеріи и свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Херсонскій Военный Губернаторъ, управляющій по Гражданской части въ Губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Таврической, Одесскій Градоначальникъ, Черноморскихъ казачьихъ войскъ и пограничной стражи главный Начальникъ; Орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго украшеннаго бриліантами, Св. побѣдоносца Георгія большаго Креста 2й степени, Равноапостольнаго Князя Владиміра 1й степени, Св. Анны 1й степени, Австрійскаго ордена Маріи Терезіи 3го класса; Королевскаго Французскаго Св. Людовика; Прусскихъ Чернаго и Краснаго Орла большаго Креста; Королевства Шведскаго Меча 1й степени; Іоанна Іерусалимскаго и Американскаго Сына папуга Кавалеръ; имѣющій золотую Шпагу съ надписью за храбрость, Медали за штурмъ Измаильской и за 1812 годъ.

Графъ Ланжеронъ

14. Это тотъ домъ (совершенно перестроенный), въ которомъ до 1918 года помѣщался магазинъ Елисѣевыхъ, а нынѣ домъ № 40 по ул. Горькаго.

сутствіемъ въ Москвѣ двухъ поэтовъ: изъ Одессы пріѣхалъ Мицкевичъ, а въ сентябрѣ изъ псковскаго изгнанія явился Пушкинъ. Оба были желанными гостями въ домѣ на Тверской. Извѣстно, что Мицкевичъ въ восторженныхъ стихахъ описалъ «греческій салонъ» Волконской[15], укра-

Тверская въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Справа домъ кн. Бѣлосельскихъ, въ которомъ находился литературный салонъ кн. Зин. Волконской

шенный предметами древне-греческаго искусства. Теперь въ римскомъ архивѣ обнаруженъ переводъ этихъ стиховъ на французскій языкъ, сдѣланный самымъ Мицкевичемъ съ надписью его рукой: Traduit du polonais et dédié à Madame la Princesse Wolkonsky. Moscou, 1827, Novembre 4. О существованіи этого перевода до сихъ поръ не было извѣстно.

Пушкина въ домъ Волконской ввелъ Соболевскій. Здѣсь онъ въ первый же свой визитъ читалъ стихи. Послѣ его временнаго отъѣзда въ Михайловское, Зин. Ал. писала ему: «...возвращайтесь къ намъ. Московскій воздухъ легче... Великій русскій поэтъ долженъ писать въ стѣнахъ или подъ стѣнами Кремля». Нѣсколько позже, какъ бы въ отвѣтъ на эти строки, Пушкинъ, посылая Волконской экземпляръ только что вышед-

---

15. «Na Pokoj Grecki, — w domu Ksieznej Zenejdy Wolkonskiej w Moskwie». Moskwa, roku 1827.

шихъ Цыганъ, написалъ ей и о ней извѣстные стихи «*Среди разсѣянной Москвы...*».

Это стихотвореніе до сихъ поръ печаталось не съ рукописи, а по единственно извѣстному тексту, появившемуся въ Московскомъ Вѣстникѣ въ 1827 году. Въ собраніи сочиненій Пушкина, изданномъ Имп. Академіей Наукъ прямо сказано (т. 4): «*въ рукописи неизвѣстно*». Добавлю, что неизвѣстна была до сихъ поръ и точная дата написанія. Я радъ возможности сообщить, что подлинная рукопись этого посланія найдена: она находится въ римскомъ архивѣ Волконской. Это обыкновенный листъ почтовой бумаги, какіе употребляются для писемъ; на одной сторонѣ пятна не то отъ небрежнаго храненія, не то отъ времени. На немъ рукою Пушкина точная дата написанія: *6 мая 1827 года*. Считаю нужнымъ разсѣять недоумѣніе, которое можетъ возникнуть у читателя. Книга Московскаго Вѣстника, въ которой напечатано посланіе къ Волконской, носитъ помѣтку цензора *23 апрѣля 1827 года*. Здѣсь на первый взглядъ противорѣчіе въ датахъ: какъ могло случиться, что *23 апрѣля* было дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе стихотворенія, написаннаго *6 мая*? Это формальное противорѣчіе въ датахъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что обычно редакторы получали сперва разрѣшеніе на печатаніе основного, готоваго къ набору матеріала, а затѣмъ по мѣрѣ поступленія новыхъ рукописей (не надо забывать, что при тогдашнемъ состояніи типографской техники, подготовка журнала къ выходу тянулась долго), таковыя представлялись дополнительно на просмотръ цензуры[16]; естественно, что на книгѣ проставлялась только одна дата — первоначальнаго, основного цензурнаго разрѣшенія. Такъ было, несомнѣнно, и со стихами Пушкина. Написавши стихи, Пушкинъ, вѣроятно, въ тотъ же день отправилъ ихъ съ посыльнымъ на Тверскую. Черезъ три дня на очередномъ *понедѣльникѣ*[17] за академическимъ обѣдомъ посланіе къ Волконской было прочитано вслухъ. Постояннымъ участникомъ *понедѣльниковъ* былъ Погодинъ, редакторъ Московскаго Вѣстника. Онъ, конечно, не замедлилъ попросить у Пушкина эти стихи для своего журнала. Ближайшая, десятая, книга Московскаго Вѣстника въ это время уже находилась въ наборѣ (вѣдь цензурное разрѣшеніе

16. По личному опыту мнѣ извѣстно, что такая же практика въ отношеніи цензурныхъ разрѣшеній установилась въ Россіи въ 1914—1917 гг., когда была введена военная цензура для журналовъ и газетъ.

17. По календарной справкѣ 6 мая 1827 года приходится въ пятницу.

на нес было выдано 23 апрѣля), но легко догадаться, что Погодинъ не сталъ откладывать такой матеріалъ до слѣдующаго номера, съѣздилъ къ цензору Снѣгиреву, получилъ дополнительное разрѣшеніе, и стихи Пушкина, датированные *6 мая*, появились въ десятой книгѣ журнала, поступившей въ продажу 25 мая 1827 года[18].

Въ той гостиной, гдѣ велись литературныя бесѣды, лежалъ на столѣ альбомъ для дружескихъ посвященій. Такіе альбомы были въ ту пору въ большой модѣ. Купила его Зинаида Александровна еще въ Парижѣ, вѣроятно, въ одну изъ прогулокъ по большимъ бульварамъ: я видѣлъ его въ Римѣ. На внутренней сторонѣ кожанаго переплета сохранилась наклейка парижскаго магазина — Passage des Panoramas N° 7, sis à Paris. Въ этомъ альбомѣ рядомъ со стихотворнымъ поздравленіемъ, подъ которымъ стоитъ — «*сочинено для рожденія маминьки 3 дек. 1828 года*», находимъ коллективные стихи, «*сочиненные для рожденія кн. Зенеиды Волконской 3 дек. 1828 года: Друзья, теперь видѣнья въ модѣ...*» и подписанные всѣми авторами — Вяземскимъ, Боратынскимъ, Шевыревымъ, Павловымъ, Веневитиновымъ и Кирѣевскимъ.

Портретъ работы Берже (хранится въ Римѣ). Кн. Зинаида Волконская въ 1828

18. Въ померѣ Московскихъ Вѣдомостей отъ 25 мая 1827 г. помѣщено объявленіе о томъ, что десятая книга Московскаго Вѣстника «раздается господамъ подписавшимся». Синявскій и Цявловскій. Пушкинъ въ Печати. М. 1914.

Упомяну, что въ ту зиму (1828) Зин. Ал. позировала французу-художнику Берже для воспроизводимаго здѣсь впервые портрета.

⁂

Въ Петербургъ Зинаида Александровна ѣздила неохотно, не хотѣла разставаться съ полюбившейся ей Москвой. Въ апрѣлѣ 1825 года она на короткое время пріѣхала въ Царское Село, гдѣ тогда находился Дворъ. Извѣщенный о ея пріѣздѣ Государь писалъ ей: « ....il faut que je vous dise avant tout que la joie de vous savoir si près, de vous revoir dans quelques heures est extrême. C'est entre 4 et 5 que je me présenterai à votre porte avec l'impatience la plus vive de vous exprimer combien je suis touché de la manière amicale, dont vous me traitez... Zarskoyé Célo, le 2 avril 1825. » Это была ихъ послѣдняя встрѣча. Въ ноябрѣ того же года имп. Александръ Павловичъ скончался. Его кончина глубоко потрясла Волконскую. Она отправилась навстрѣчу его останкамъ и провела ночь у гроба его, въ с. Коломенскомъ, подъ Москвой. На другой день она заперлась въ своемъ московскомъ домѣ: « ...Je n'ai pas eu la courage de voir passer devant mes fenêtres cette procession déchirante... on a trouvé sur son cercueil une couronne d'immortelles et de lauriers : on a cru que c'était de moi ; non, je suis trop affligée pour payer un tel tribut... »

Свои чувства она выразила, — по ея собственнымъ словамъ, — въ кантатѣ на смерть Александра I. Это были первые въ ея жизни стихи, писанные по-русски. Московскіе поэты нашли русскіе стихи очень удачными; императорская семья была ей признательна. Тогда Зин. Ал. послала кантату въ Веймаръ, придворной дамѣ гр. Эглофштейнъ, съ просьбой передать ихъ великой герцогинѣ (вел. кн. Маріи Павловнѣ), сестрѣ покойнаго императора[19]. Отвѣтомъ на посланные стихи явилось личное письмо в. кн. Маріи Павловны, помѣченное Weimar, 15/26 mars 1827. Осенью того же года отъ нея пришло второе письмо (Weimar, 22 oct. 1827).

Послѣ декабрьскаго возстанія, Волконская одно время находилась подъ негласнымъ наблюденіемъ жандармовъ. Она имѣла мужество, при

---

19. Волконская выражала желаніе, чтобы кто-нибудь перевелъ стихи на франц. яз. «слово въ слово и сдѣлалъ ихъ извѣстными Гете». Письмо отъ 31 янв. 1826 г.; хранится въ Goethe-und Schiller Archiv въ Веймарѣ. Въ печати полностью не появлялось. Это, равно какъ и другія письма Волконской и къ Волконской, подготовляются нами къ печати.

всеобщей тогдашней растерянности, выражать сочувствіе участникамъ возстанія, среди которыхъ у нея были родственники и друзья. Напомню, что въ ея домѣ провела послѣдній вечеръ и ночь передъ отъѣздомъ въ Сибирь къ мужу Марія Ник. Волконская (Раевская). Всѣмъ извѣстно описаніе этого вечера у Некрасова въ Русскихъ Женщинахъ. Зинаида Александровна продолжала открыто заботиться о декабристѣ Волконскомъ и его женѣ, когда они уже находились въ Сибири, посылая имъ необходимыя вещи, книги, журналы. Не случайно поэтому находится въ архивѣ акварельный портретъ Маріи Николаевны. Это тотъ портретъ, который С. Г. Волконскій въ моментъ ареста взялъ съ собой въ Петропавловскую крѣпость, а передъ уходомъ съ этапомъ въ Сибирь оставилъ сестрѣ своей съ надписью: « Je confie aux bons soins de ma soeur Sophie celle qui a fait mon bonheur détruit par moi. » Не случайно также находится тамъ пара женскихъ золотыхъ запонокъ, украшенныхъ ляписъ-лазурью: ихъ признательная Марія Ник. Волконская прислала съ оказіей изъ Сибири въ Москву на память Зинаидѣ Александровнѣ.

⁂

Здѣсь мы подходимъ къ группѣ литературныхъ документовъ, связанныхъ съ окончательнымъ отъѣздомъ Волконской изъ Россіи. Къ описываемому времени относится увлеченіе Зин. Ал. католицизмомъ. Шли слухи, что она тайно перешла въ римскую вѣру. Наслышанный объ этомъ, имп. Николай I послалъ къ ней православнаго священника, чтобы вразумить ее. Когда священникъ явился, ему было сказано, что съ княгиней приключился нервный припадокъ, и она его принять не можетъ. Императоръ сдѣлалъ изъ этого соотвѣтствующій выводъ. Священникъ больше не являлся, и княгинѣ дано было понять, что государь не будетъ противиться ея переѣзду на жительство за границу. Извѣстіе объ этомъ вынужденномъ отъѣздѣ взволновало всю литературную Москву. Маленькій альбомъ, что лежалъ въ гостиной, сталъ быстро заполняться стихами.

Боратынскій вписалъ: *на случай отъѣзда кн. Зенеиды Александровны Волконской, 26 генваря 1829 г.* —

Изъ царства виста и зимы
. . . .
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,

Она спѣшитъ на югъ прекрасный,
. . . .
...Такъ сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и въ лучшій міръ.

Рядомъ другой поэтъ, Павловъ: *на отъѣздъ кн. З. А. Волконской, 23 генваря 1829 г.* —

Какъ соловей на зимнія квартиры
Подъ небо лучшее летитъ,
Такъ и она въ отчизну сладкой лиры
Воскреснуть силами спѣшитъ...

Мицкевичъ, самъ изгнанникъ, заполнилъ цѣлыхъ семь страницъ маленькаго альбома переводомъ на французскій языкъ своего же стихотворенія Le Farys (въ печати оно появилось только два года спустя, въ Парижѣ). Кромѣ того, онъ преподнесъ Зинаидѣ Ал. только что вышедшую свою книгу Konrad Wallenrod. Wydanie nakladem autora. 1828, съ надписью: « A Madame la Princesse Zénéide de Volkonsky. Hommage de la part de l'Auteur. » Дальше въ альбомѣ стихи серьезнаго и строгаго Ив. Кирѣевскаго («Средь жизни холодной, средь жизни пустой...»), слѣпого поэта Козлова («...я арфа тревоги, ты арфа любви...») и другихъ участниковъ литературныхъ понедѣльниковъ.

Весной 1829 года Зин. Ал. съ сыномъ, его воспитателемъ Шевыревымъ и многочисленной дворней выѣхала за-границу, направляясь въ Италію. Ѣхали не спѣша. Подолгу останавливались въ городахъ. Въ Лейпцигѣ къ нимъ присоединился московскій литераторъ Рожалинъ и въ началѣ мая всѣ вмѣстѣ отправились въ Веймаръ (какой просвѣщенный европеецъ того времени не мечталъ повидать веймарскаго мудреца?). «Гете стоялъ посреди своей гостиной съ важнымъ министерскимъ видомъ, но увидя нашу гурьбу, самъ испугался, и нужно было все искусство княгини[20], чтобы посадить его въ свою тарелку», — писалъ Рожалинъ[21]. Зин. Ал. представила своихъ спутниковъ и завязалась бесѣда о литературѣ.

---

20. Гете зналъ Волконскую еще съ 1813 г.: онъ встрѣчалъ ее въ Теплицѣ и даже отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ первую встрѣчу съ ней.

21. Изъ письма Рожалина въ Москву. Русскій Архивъ, 1909, № 8, стр. 585.

Черезъ пять дней послѣ этого визита, Гете записалъ въ дневникѣ — «...*отвѣтъ кн. Волконской*»; 30 января 1830 года другая запись — «...*пришло письмо отъ Волконской*». Въ Парижѣ, въ Музеѣ Адама Мицкевича, среди бумагъ Маріи Шимановской сохранилось одно письмо, изъ котораго видно, что переписка между Волконской и Гете (или, по крайней мѣрѣ, въ одномъ направленіи — изъ Рима въ Веймаръ) продолжалась и дальше[22]. Къ сожалѣнію, въ римскомъ архивѣ въ настоящее время слѣдовъ этой переписки не сохранилось.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли, наконецъ, въ Римъ. Зин. Ал. стала устраивать все на широкую ногу. Купила большую усадьбу съ

Господскій домъ въ усадьбѣ кн. Волконской въ Римѣ (нынѣшній видъ)

паркомъ на окраинѣ города, у Порта Санъ Джіованни. Домъ трехэтажный и, по тѣмъ временамъ, очень вмѣстительный. Вдоль лѣстницы, ведущей наверхъ, въ стѣну вдѣланы найденные при раскопкахъ въ паркѣ фрагменты мозаики, терракоты и античной скульптуры. Все это сохранилось въ томъ же видѣ, какъ и при Волконской, кромѣ одной скульптуры значительнаго научнаго интереса, которая передана въ германскій

22. Письмо Оттиліи Гете къ Мицкевичу въ Римъ отъ 3 марта 1830 г.

Археологическій институтъ въ Римѣ. Хотя домъ подвергся частичной перестройкѣ, однако и сейчасъ можно безъ труда признать гостиную, въ которой Гоголь, Мицкевичъ, Жуковскій читали свои произведенія. Кабинетъ и спальня Зинаиды Александровны отведены подъ рабочія комнаты посла. Въ бывшей буфетной занимается регистраторъ посольства. Въ цѣломъ же домъ почти сохранилъ свой прежній обликъ.

Зин. Ал. размѣстила привезенную изъ Россіи многочисленную челядь: повара, стряпухъ, дворовыхъ дѣвушекъ, казачковъ, лакеевъ. Потомъ занялась разстановкой книгъ: черезъ всю Европу провезла она свою богатую библіотеку. Она понимала, что ей едва ли разрѣшатъ вернуться въ Россію, и постаралась взять съ собой въ Италію все, что было дорого изъ милаго русскаго прошлаго. Вывезти библіотеку при тогдашнихъ русскихъ порядкахъ и перевозить ее на лошадяхъ по Европѣ было дѣломъ нелегкимъ, даже при даровомъ крѣпостномъ трудѣ и большихъ денежныхъ средствахъ Волконской. Хлопотали о ящикахъ съ книгами и ея московскіе литературные друзья, въ частности, кн. П. Вяземскій[23]. О составѣ библіотеки можно судить по тѣмъ немногочисленнымъ кникомнаты посла. Въ бывшей буфетной занимается регистраторъ посольщеннаго русскаго человѣка начала прошлаго вѣка. Конечно, ея составъ отразилъ личный интересъ Зин. Ал. къ русской литературѣ и исторіи. Извѣстно, что «отличная библіотека княгини представила возможность (Шевыреву) во время его пребыванія въ домѣ Волконской изучать русскую словесность»[24]. Напомню, что Шевыревъ въ ту пору готовился къ занятію кафедры русской литературы при Московскомъ Университетѣ. Волконская не только вывезла въ Италію любимыя книги, но и продолжала пополнять свою библіотеку, выписывая постоянно новыя книги изъ Россіи: такое заключеніе позволяетъ сдѣлать наличіе въ библіотекѣ книгъ, изданныхъ послѣ 1829 года. Но не только новинками пополнялось ея книжное собраніе. Еще изъ Москвы она захватила съ собой «Реэстръ россійскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, у Синяго Моста, въ Санктъ-Петербургѣ».

Въ этомъ каталогѣ противъ нѣкоторыхъ названій стоятъ карандашныя помѣтки: очевидно, Зин. Ал. отмѣчала тѣ книги, которыя хотѣла выписать отъ Смирдина. Дѣйствительно, нѣсколько томиковъ изъ числа отмѣченныхъ находятся въ Римѣ. Конечно, въ библіотекѣ были произведенія почти всѣхъ современныхъ ей писателей и поэтовъ, но сохрани-

23. Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 223.
24. Ивановскій. И. М. Снѣгиревъ. Біографическій очеркъ. СПБ. 1871, стр. 206.

лись лишь немногія. Отмѣчу: соч. Озерова 1817 г., Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова, 1817 г., двѣ книги стиховъ Пушкина 1826 г., сборникъ Боратынскаго 1827 г., Повѣсти Бѣлкина 1831 г., Борисъ Годуновъ 1831 г., соч. Дм. Веневитинова 1829 г., Дельвига 1830 г., Лермонтова 1840 г. Изъ модныхъ въ ту пору литературныхъ альманаховъ сохранились: Сѣверные Цвѣты на 1826 г. (экземпляръ съ автографомъ Дельвига), на 1828 и 1830 г.г. (въ послѣднемъ напечатаны «Путевыя Замѣтки» Волконской; экземпляръ этотъ — авторскій, онъ былъ присланъ ей редакціей); Денница на 1830 г. (въ немъ напечатаны сцены изъ «Бориса Годунова», очеркъ Зин. Ал. и стихи Дельвига), Енисейскій Альманахъ Ивана Петрова на 1828 г. (Красноярскъ), Лирическій Альбомъ на 1829 г. (въ немъ напечатаны стихи Пушкина, переложенные на музыку Віельгорскимъ — «Воронъ къ ворону летитъ» и «Черная Шаль»), альманахъ Утренняя Заря на 1840 г., Цвѣтникъ — избранныя стихотворенія въ пользу и удовольствіе юношескаго возраста, 1816 г. (книга Сашеньки Волконскаго) и нѣкоторые другіе. Сохранились и книги давно забытыхъ авторовъ — Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила, сочиненіе Масальскаго, Ямъ комич. опера Княжина и нѣкоторыя другія.

Выше было упомянуто, съ какимъ интересомъ изучала Волконская исторію Россіи. Этимъ объясняется обиліе соотвѣтствующихъ русскихъ книгъ на полкахъ ея библіотеки.

Кн. Зинаида Александровна испытала на себѣ гнетъ николаевскихъ порядковъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она интересовалась эмигрантской политической литературой, о чемъ свидѣтельствуетъ наличіе въ библіотекѣ изданій Герцена, вышедшихъ изъ Лондонской Вольной Типографіи. Добавлю, что почти на всѣхъ книгахъ принадлежавшихъ Зин. Ал. имѣется воспроизводимый здѣсь экслибрисъ Волконскихъ (собственнаго экслибриса Зин. Ал. не имѣла). Для характеристики книжной культуры, которой отличался домъ Волконской, отмѣчу, что и дворовая дѣвушка Зин. Александровны имѣла собственныя книги: на экземплярѣ Синава и Трувора Сумарокова, изд. 1786 года написано чернилами «*Искниг Марьи Белкиной*».

Ex-libris Волконскихъ

⁂

Изъ римской кампаньи входятъ въ паркъ усадьбы Волконской обвитыя плющемъ старыя арки римскаго акведука и дѣлятъ его на двѣ части. На той сторонѣ, гдѣ находится господскій домъ, Зинаида Ал. отвела одну большую аллею воспоминаніямъ о тѣхъ, чьи имена она хотѣла сохранить отъ забвенія. Эта часть парка стала извѣстна подъ названіемъ «Аллеи Сувенировъ». А. И. Тургеневъ писалъ кн. П. Вяземскому: «...я обѣщалъ ей *(т.е. кн. Волконской)* описать тебѣ ея дачу и всѣ памятники по роднымъ и милымъ ближнимъ, коими населила она римскія развалины. Я попросилъ Власову[25] списать для тебя всѣ надписи и собирался сдѣлать изъ этого статью для журнала Пушкина...»[25]. Мы знаемъ, что А. Тургеневъ своего намѣренія не осуществилъ: статья его въ журналѣ Пушкина, т. е. въ Современникѣ, не появилась. Нужно сказать, что это не единственное упоминаніе въ мемуарной литературѣ того времени объ «Аллеѣ Сувенировъ», однако, полнаго описанія ея въ печати никогда не было дано.

Вилла Волконской

На выходѣ изъ господскаго дома, узкая дорожка съ крутымъ поворотомъ налѣво ведетъ въ нижнюю часть парка. Въ концѣ ея, противъ входа въ большую аллею, находится гротъ, стѣны котораго выложены фрагментами античной скульптуры, найденной при раскопкахъ въ самой усадьбѣ. Здѣсь любилъ сидѣть и читать Гоголь. По обѣимъ сторонамъ длинной аллеи, — сворачивающей въ самомъ концѣ подъ прямымъ угломъ направо, — стоятъ римскія мраморныя плиты, колонны и урны. Каждый изъ этихъ предметовъ носитъ посвятительную надпись. Привожу эти надписи въ порядкѣ ихъ расположенія.

---

25. М. А. Власова, урожд. кн. Бѣлосельская, сестра З. А. Волконской. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Т. VI, стр. 124.

Сашинькѣ
La neige a gelé la fleur
naissante.
Ici du moins le vent glacé
n'atteindra pas les roses
que l'amitié cultive pour elle

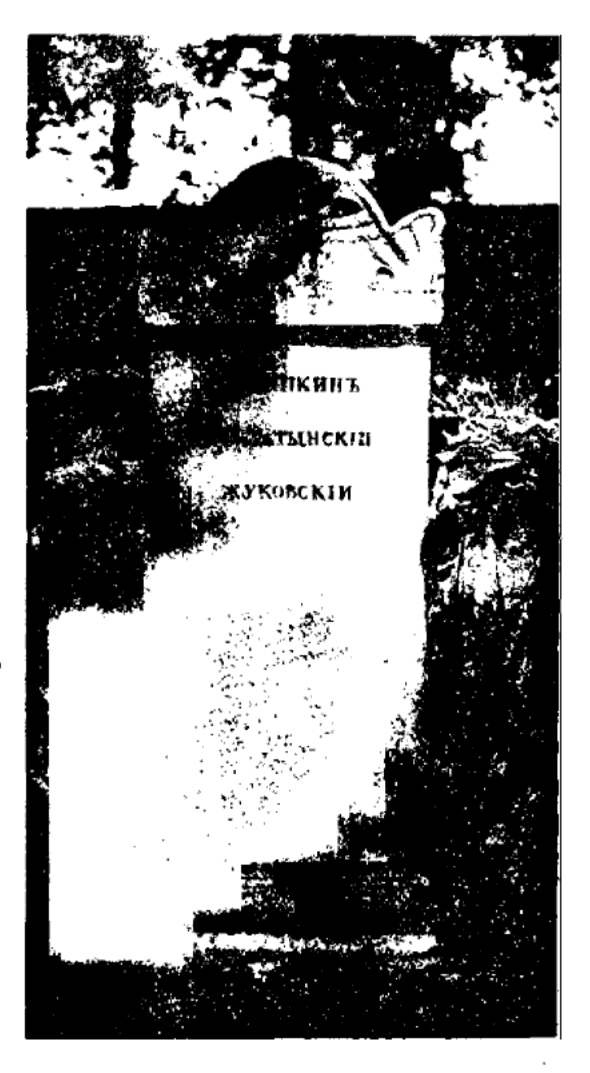
Ипполиту
Гришинькѣ, Сашинькѣ
Vous êtes de la même famille,
soyez bénis dans le ciel
et bénissez la seule des trois
mères qui prononce encore
sur cette terre vos noms chéris

Дашинькѣ
Amour, Souffrance, Repos

Сестрѣ Лизѣ Чернышевой
Однажды она видѣла нашего
Отца въ обликѣ: онъ ее звалъ
Она не замедлила
Elle essaya des amours
de la terre,
mais elles n'étaient pas assez
pures pour un ange.

Comte de Capo d'Istria
Baron Henri de Stein

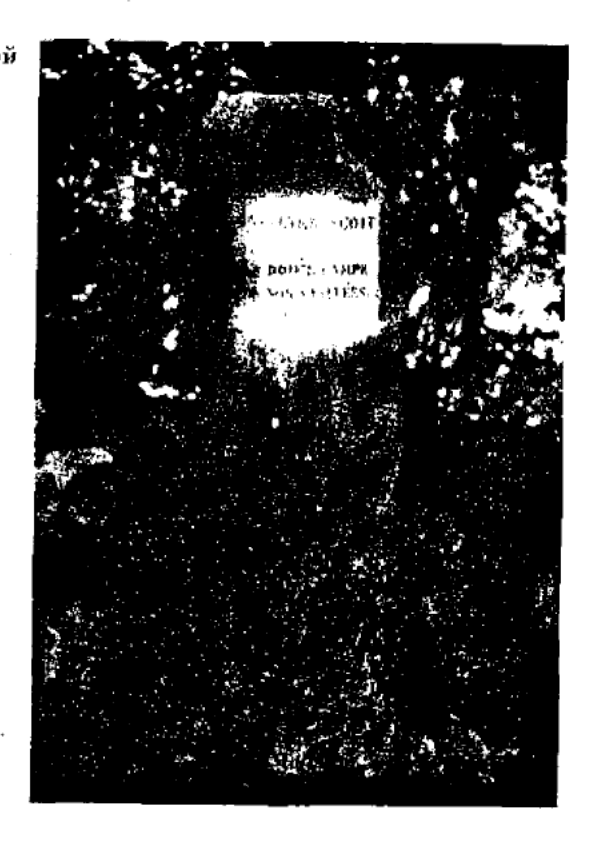
А. Пушкинъ
А. Баратынскій
В. Жуковскій.

Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ
Благодаримъ
Les jeunes filles dont elle était la protectrice
répétaient en pleurant : « qui nous mènera à notre entrée dans le monde ? »

Благодѣтельному дѣду и нѣжной бабкѣ
Якову Афанасьевичу и Марьѣ Димитріевнѣ Татищевымъ
Ils ont transmis sur nous la tendresse qu'ils avaient pour leur fille chérie

Петру Димитріевичу Еропкину[26]
Heureux le citoyen qui peut dire : j'ai sauvé ma ville natale, 1771

Княгинѣ Варварѣ Яковлевнѣ Бѣлосельской
незнакомой и обожаемой матери
Elle était belle et bonne comme les anges, mais ce n'était qu'une tradition pour nous.

Кормилицѣ Софьѣ [27]
Je me suis assise sur ses génoux. J'ai caressé ses cheveux blancs et n'ai pas connu celle qu'elle a nourrie de son lait.

Петру, Колмару, Пармену
Aux trois serviteurs fidèles de mon père

Madame Balley [28]
à la vieille amie — ses élèves reconnaissantes

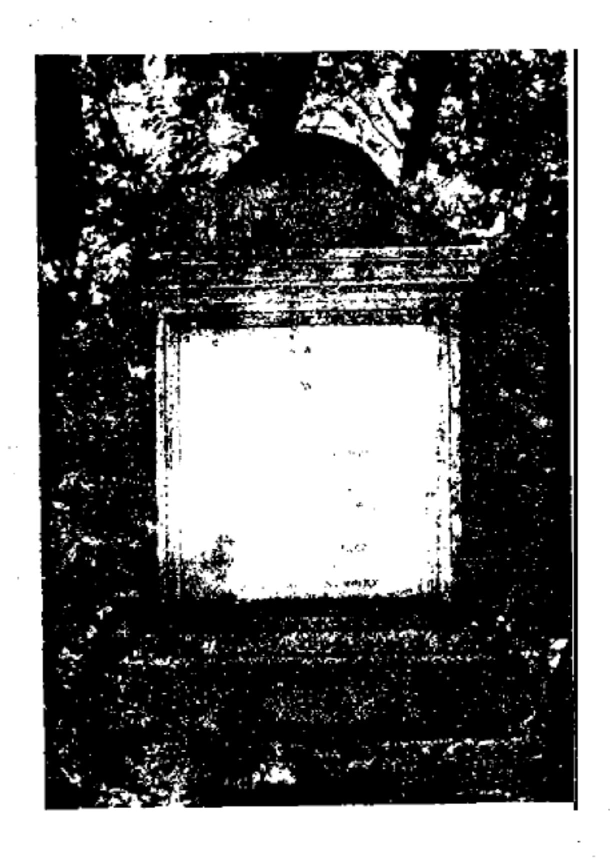
A Walter Scott
La douce lampe de nos veillées s'est éteinte

Императору Александру I
Императрицѣ Елисаветѣ Александровнѣ
И въ памятникѣ семъ Тебя не разлучили
Въ Царицахъ идеалъ: — минутная вдовица
Какъ плющемъ обвилась Тобой Его гробница,
Какъ тѣнь его — Ты улетѣла съ Нимъ.

A Byron
Implora Pacem

26. Ген.-аншефъ П. Д. Еропкинъ (бывшій въ родствѣ съ Бѣлосельскими) усмирилъ въ Москвѣ въ 1771 году во время чумы народный бунтъ.
27. Софья — кормилица матери кн. З. Волконской.
28. Гувернантка кн. Зин. Волконской.

Димитрію Веневитинову
Какъ зналъ онъ жизнь
Какъ мало жилъ[29]

A Goethe
Il fut l'auréole de sa patrie
A Boieldieu [30]

Сестрѣ и другу
Натальѣ Лаптевой
Ты и здѣсь любила гармонію, а тамъ она безсмертна, какъ душа
J'ai trop aimé, disait-elle, pour vivre longtemps et à vingt trois ans elle reposait déjà dans l'humide terre.

Въ 1863 году у самаго начала Аллеи Сувениръ появился еще одинъ, послѣдній, памятникъ, поставленный Александромъ Волконскимъ матери:

A la Princesse
Zénéide Volkonsky.
Elle dédia le souvenir de cette allée à la piété filiale,
A la reconnaissance
A l'amitié
Le même hommage reste offert à sa chère mémoire

По другую сторону античнаго акведука, раздѣляющаго паркъ на лужайкѣ стоитъ отличной работы бюстъ имп. Александра I. Постаментомъ ему служитъ часть монолита, изъ котораго сооружена Александровская Колонна, что на Дворцовой площади въ Петербургѣ: на постаментѣ надпись — Frammento della colonna monolita alta piedi 84, larga piedi 12, eretta alla memoria di Alessandro I in Pietroburgo.

29. Эти же строки вырѣзаны на могильной плитѣ Веневитинова въ Симоновомъ монастырѣ. Онѣ взяты изъ его стихотворенія «Поэтъ и другъ».
30. Boieldieu — извѣстный французскій композиторъ († 1834); кн. З. Волконская въ юности была его ученицей.

Къ сожалѣнію, невозможно установить съ точностью, всѣ ли памятники, поставленные княгиней Волконской, сохранились: какъ было сказано выше, въ печати никогда не появлялось полнаго описанія римской усадьбы.

***

Жизнь въ домѣ потекла на русскій ладъ, какъ въ помѣщичьей усадьбѣ. Домъ всегда былъ полонъ гостей. Иные устраивались въ немъ надолго. Для этихъ случаевъ были отведены комнаты наверху, съ террасой, выходившей на крышу. Здѣсь въ разное время живали Гоголь, Мицкевичъ и Віельгорскій. Многочисленныхъ гостей никто не стѣснялъ, каждый могъ заниматься своимъ дѣломъ. Особенно это нравилось Гоголю. Весь день онъ проводилъ въ паркѣ, работалъ въ гротѣ, либо взбирался на акведукъ и часами лежалъ на спинѣ, глядя на голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую кампанью.

Часто изъ города пѣшкомъ приходили веселые художники, Кипренскій, Бруни, Сильвестръ Щедринъ, Іорданъ, Ивановъ, Лебедевъ, Гальбергъ. Всѣ были молоды, по большей части бѣдны, охотники поѣсть, что не всегда удавалось дома, а усадьба извѣстна была гостепріимствомъ и обѣдами. (Не случайно, конечно, въ библіотекѣ оказались четыре толстыхъ тома въ солидныхъ кожаныхъ переплетахъ: «Новѣйшій полный и совершенный Русскій Поваръ и приспѣшникъ или Всеобщая Поваренная Книга для всѣхъ состояній, состоящая изъ 2000 правилъ съ подробнымъ наставленіемъ россійской хозяйкѣ, ключницѣ и стряпухѣ, о приготовленіи русскихъ и иностранныхъ скоромныхъ и постныхъ кушаньевъ», М. 1811). Къ обѣду готовились съ интересомъ: извѣстно, что Гоголь, напримѣръ, въ состояніи былъ толковать съ поваромъ цѣлый часъ о какой-нибудь кулебякѣ.

Послѣ обѣда иногда собирались въ нижней гостиной. Художники брались за карандаши и краски. Магдалина, сестра Зин. Ал., приносила альбомы, въ которые гости рисовали и вписывали на память. Такихъ альбомовъ въ домѣ было всегда нѣсколько, иные были привезены еще изъ Москвы: объ этомъ свидѣтельствуютъ даты записей, а на красномъ сафьяновомъ переплетѣ одного изъ нихъ сдѣлана даже надпись Moscou et Rome. Надъ Магдалиной, женщиной ограниченнаго ума, но доброй и сердечной, любили подтрунить. Гоголь вписалъ въ ея альбомъ

нѣсколько строкъ, въ которыхъ признается, что ни одного слова написать не умѣетъ и что въ этомъ онъ глупѣе и чваннаго индѣйскаго пѣтуха и даже русскаго помѣщика, пріѣзжающаго за-границу и недовольнаго отсутствіемъ тамъ русскихъ порядковъ («...какъ ни глупъ индѣйскій пѣтухъ...»). Въ томъ же альбомѣ находимъ музыкальную шутку худ. Бруни съ подписью: Duettino composto dal Signor Fedelli Bruni e dedicato alla Signora Vlasoff. Il 10 Guigno 1830.

Далѣе слѣдуетъ запись Мицкевича: « Le Départ », — fragments d'un poème de M. Odyniec, traduits du polonais pour Mme Vlasoff par A. Mickiewicz. Le 28 Juin, 1830». Другъ Мицкевича, польскій поэтъ Эдуардъ Одынецъ, бывалъ на виллѣ. Магдалина попросила написать ей стихи въ альбомъ, но Одынецъ недостаточно зналъ французскій языкъ, и Мицкевичъ пришелъ ему на помощь.

На другомъ листѣ — слегка шаржированный рисунокъ: Гоголь въ креслѣ у окна съ газетой въ рукахъ; сзади осторожно подходитъ дѣвочка въ кринолинѣ.

Всего до насъ дошло 14 альбомовъ, изъ которыхъ одни принадлежали Зин. Ал., другіе ея сестрѣ. Въ нихъ мы находимъ рисунки почти всѣхъ бывавшихъ на виллѣ русскихъ художниковъ. Особенно много работъ осталось отъ Бруни. Онъ же иллюстрировалъ подготовлявшуюся къ печати Зинаидой Ал. русскую исторію для иностранцевъ. Работа напечатана не была, и самой рукописи въ архивѣ уже нѣтъ, но иллюстраціи Бруни акварелью на большихъ листахъ сохранились (надписи по-французски): Печенѣги подъ Кіевомъ, кн. Рюрикъ и его дружина, Походъ на Царьградъ, Крещеніе Руси и т. д.

По вечерамъ, за чаемъ, въ усадьбѣ устраивались литературныя собесѣдованія, совсѣмъ, какъ въ Москвѣ; иногда читали вслухъ Гоголь, Мицкевичъ. Одну зиму (1838—1839) частымъ гостемъ въ домѣ бывалъ Жуковскій: онъ пріѣхалъ въ Римъ, сопровождая Наслѣдника въ его заграничномъ путешествіи. Въ библіотекѣ хранится экземпляръ вышедшей незадолго до пріѣзда Жуковскаго Ундины. Посвятительная надпись и дата ея свидѣтельствуютъ, что авторъ привезъ книгу съ собой изъ Россіи въ подарокъ Волконской: «*Княгинѣ Зенеидѣ Александровнѣ Волконской, на память дружбы 18/30 генваря 1839 г. В. Жуковскій*».

Пребываніе въ Римѣ Наслѣдника и его свиты привлекло туда много русскихъ; Гоголь, желая помочь нуждавшемуся юношѣ-художнику Шаповаленко, согласился читать Ревизора въ его пользу въ домѣ Волконской. Былъ устроенъ большой литературный пріемъ. Въ архивѣ

находится акварель неизвѣстнаго художника, изображающая съѣздъ приглашенныхъ: у входа швейцаръ въ красной съ золотомъ ливреѣ и треухѣ опирается на булаву; передъ домомъ много нарядной публики. «Билеты были сейчасъ же разобраны, несмотря на значительную плату (5 скудо). Съѣздъ былъ огромный. Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ и на немъ двѣ свѣчи и стаканъ сахарной воды. Несмотря на яркое освѣщеніе залы и на щедрое угощеніе на княжескій ладъ чаемъ и мороженымъ, чтеніе не вызвало ни малѣйшаго аплодисмента. Гоголь читалъ вяло, съ большими разстановками: уже съ самаго начала и тотчасъ послѣ перваго акта, гости стали уходить одинъ за другимъ. Подъ конецъ остались въ залѣ одни художники [31].

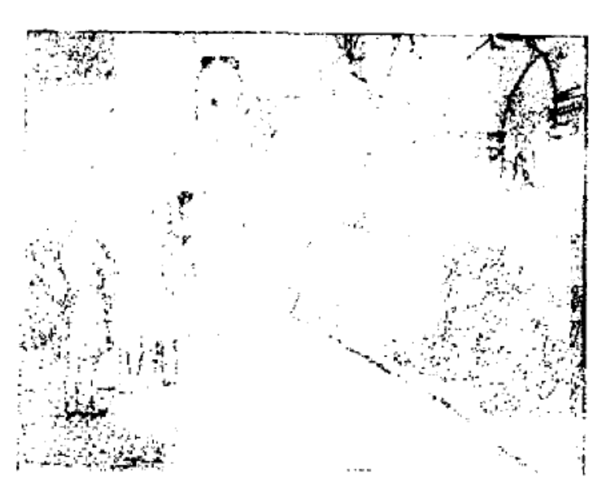

Рис. перомъ В. А. Жуковскаго: Усадьба Волконской. Стоитъ возлѣ акведука: кн. Зин. А. Волконская (въ центрѣ), разговаривающій съ ней Н. В. Гоголь (справа) и С. П. Шевыревъ

Жуковскій, во время своихъ визитовъ на виллу въ обществѣ Гоголя, сдѣлалъ нѣсколько очень удачныхъ зарисовокъ, двѣ изъ которыхъ здѣсь воспроизводятся. На одной — въ паркѣ, возлѣ акведука, Гоголь разговаривающій съ кн. Волконской, сбоку въ полъ-оборота стоитъ Шевыревъ; на другой — Гоголь съ верхней террасы дома смотритъ на Санъ Джіованни и на римскую кампанью[31].

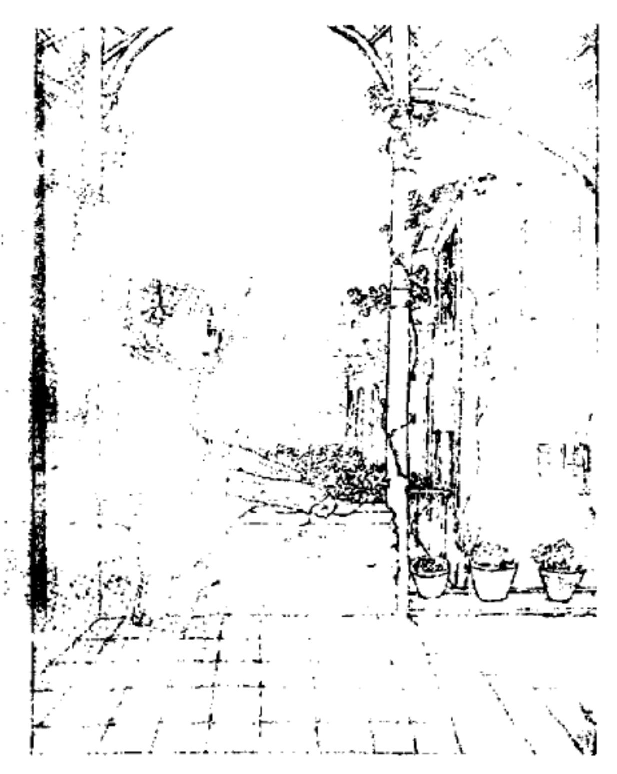
Въ эти годы Зин. Ал. продолжала свои литературныя занятія и печатала время отъ времени въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и альманахахъ свои путевыя впечатлѣнія, письма изъ Италіи, статьи по занимавшимъ ее вопросамъ. Продолжала она также и переписку съ литературными друзьями: сохранились письма къ ней Жуковскаго,

31. Ф. Іорданъ. Воспоминанія. СПБ. 1880. (Іорданъ забылъ упомянуть, что Гоголь въ ту пору былъ нездоровъ, но все-таки согласился читать. Этимъ объясняется неудача. Як. П.).

Григоровича, Одоевскаго, Вяземскаго, Ив. Кирѣевскаго, Боратынскаго.

***

Въ римскій періодъ Зин. Ал. уже открыто исповѣдывала католическую вѣру и много занималась также вопросами религіозной философіи. Своихъ убѣжденій она никому не навязывала и была очень терпима въ вопросахъ вѣры. Раза два ей разрѣшено было съѣздить въ Россію, гдѣ сынъ ея сдавалъ экзамены при университетѣ. Потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ Римѣ ея мужъ. Перешелъ въ католичество и онъ. Извѣстно, что Зин. Ал. вела регулярно съ давнихъ поръ дневникъ, однако въ римскомъ архивѣ его уже не оказалось. Остались лишь записи религіозно-мистическаго содержанія, относящіяся къ наименѣе интересному періоду ея жизни (1852—1854 гг.). Онѣ озаглавлены «Giornali, Scritti Spirituali».

Рисунокъ перомъ В. А. Жуковскаго: Н. В. Гоголь на верхней террасѣ дома Волконской въ Римѣ. Вдали видна церковь Сант Джіованни

Эти записи, сдѣланныя крупнымъ, безпорядочнымъ почеркомъ, отражаютъ смятенное состояніе ея мыслей: въ послѣдніе годы ея жизни религіозная экзальтація принимала уже болѣзненный характеръ и временами вызывала припадки, заставлявшіе опасаться за ея жизнь.

Скончалась Зинаида Александровна въ 1862 году и похоронена рядомъ съ мужемъ, въ церкви Св. Викентія и Анастасія, что у Фонтана Треви, въ первомъ придѣлѣ, при входѣ съ правой стороны. Надгробная плита украшена гербами Бѣлосельскихъ и Волконскихъ. Въ томъ же придѣлѣ похоронена и сестра ея, Магдалина Власова.

Як. Б. Полонскій

ДЯГИЛЕВЪ — БИБЛІОФИЛЪ

Всѣ знаютъ Дягилева — устроителя выставокъ, создателя «Міра Искусства», выставки историческихъ портретовъ, создателя Русскаго Балета; не многіе знаютъ о томъ, что Дягилевъ былъ библіофиломъ, и совсѣмъ уже немногіе знаютъ о томъ, какое мѣсто въ его душѣ занимало это библіофильство, какою всеизгоняющей, всеиспепеляющей страстью въ послѣдніе годы его жизни становилось его книжное коллекціонерство, уводившее его далеко отъ интересовъ его Балета и грозившее убить Русскій Балетъ.

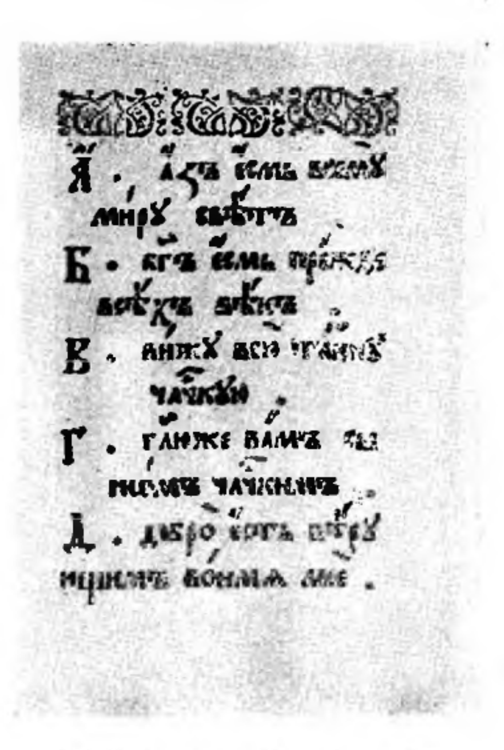
Коллекціонеры, собиратели знаютъ, что существуетъ особый микробъ коллекціонерства, и знаютъ, что этотъ микробъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ, такъ же точно проникающій въ организмъ и отравляющій кровь, какъ и микробъ азарта, карточной игры, какъ и всѣ микробы какой бы то ни было одержимости — маніи, изгоняющей всѣ другія страсти. Въ С. П. Дягилевѣ всегда былъ этотъ микробъ — тогда еще, когда онъ, 23-хлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ начиналъ, по словамъ А. Н. Бенуа, «со страстью обзаводиться нарядными вещами, покупать картины, увражи, мебель и всякія рѣдкости» и, вернувшись изъ заграничнаго путешествія съ цѣлой галлереей картинъ, писалъ Бенуа: «Заявляю, что въ будущую зиму отдаюсь въ руки Шуры и торжественно дѣлаю его смотрителемъ и завѣдующимъ музеемъ Serge Diaghileff.

Дѣло, кажется, пойдетъ не на шутку и, быть можетъ, въ нѣсколько лѣтъ мы совмѣстно и смастеримъ что-нибудь порядочное, такъ какъ фундаментъ заложенъ солидный, впрочемъ.... остальное молчаніе. Храню всѣ свои пріобрѣтенія въ тайнѣ, чтобы не умалять эффекта».

Въ наступившей послѣ этого кипучей организаторской дѣятельности Дягилеву некогда было заниматься коллекціонерствомъ — микробъ коллекціонерства мало проявился во внѣ, но онъ не переставалъ быть въ его крови и только до поры до времени притаился. Но и въ періодъ Русскаго Балета Сергѣй Павловичъ занимался собираніемъ картинъ сперва для Мясина, потомъ для меня, и отъ времени до времени покупалъ книжки для библіотеки своего секретаря, Б. Е. Кохно Болѣзнь коллекціонерства вспыхнула въ 1926 году со страшной силой и какъ будто по самому ничтожному поводу: такъ часто начинаются серьезныя болѣзни. Б. Е. Кохно пріобрѣлъ для себя граммофонъ и сталъ его иногда ставить... И вдругъ Сергѣй Павловичъ увлекся граммофономъ, но какъ увлекся! — Началось съ увлеченія граммофономъ, какъ передачей музыкальныхъ произведеній — каждый день послѣ репетицій мы собирались и часа два-три слушали музыку, а кончилось самымъ болѣзненнымъ коллекціонерствомъ дисковъ: Сергѣй Павловичъ рыскалъ по Парижу и по Европѣ (и сколько времени убилъ на это!), въ поискахъ какого-нибудь недостающаго у насъ диска — особенно коллекціонировалъ онъ пластинки Таманьо, Шаляпина, Карузо — и дрожалъ отъ радости, когда находилъ ихъ. Какъ ни серьезна была эта граммофонная болѣзнь, все же она была предвѣстіемъ болѣе серьезной болѣзни — пусть прекрасной, значительной, высокой, достойной и проч. и проч. и проч., но болѣзни. Въ томъ же 1926 году Дягилеву какъ-то попалась «книжечка», которая его заинтересовала, и началась новая полоса жизни, новая страсть, которая стала вытѣснять все, которая и стала угрожать Русскому Балету: Дягилевъ сталъ книжнымъ коллекціонеромъ. Началась новая жизнь, появились новые друзья, дягилевская балетная книжка стала заполняться адресами книжныхъ магазиновъ, антикваровъ, библіофиловъ, знатоковъ книгъ. Окруженіе Дягилева не придавало большого значенія его собиранію книгъ, а нѣкоторые и слегка подсмѣивались надъ его новой «страстью», — я съ ревностью и ужасомъ смотрѣлъ на то, какъ эта страсть начала брать верхъ въ душѣ Дягилева надъ всѣми его страстями и помыслами, и зналъ, что не далекъ день, когда червь коллекціонерства подточитъ Русскій Балетъ. И день этотъ наступилъ. Въ 1927—1928 гг. интересы Дягилева раз-

дваиваются: онъ живетъ Русскимъ Балетомъ и своими «книжечками», попеременно загораясь то темъ, то другимъ, «книжная» и «балетная» «полосы» чередуются, но по мѣрѣ того, какъ Дягилевъ начинаетъ уставать отъ жизни и старѣть (последніе два года Сергѣй Павловичъ сталъ замѣтно старѣть), его все болѣе и болѣе тянетъ къ молчаливымъ, тихимъ, вѣрнымъ, надежнымъ друзьямъ — книгамъ, подальше отъ шумной сцены съ ея сутолокой и невѣрными, измѣняющими друзьями.

Собиралъ Дягилевъ книги дилетантски — что попадетъ подъ руку, но и тутъ сказалась счастливѣйшая волшебная палочка, данная судьбою Дягилеву для открыванія кладовъ. «Попадались подъ руку» ему цѣннѣйшія и рѣдчайшія вещи: полной и прекрасной сохранности Часовникъ русскаго первопечатника Ивана Федорова (дефектный экземпляръ, безъ первыхъ страницъ, хранится въ качествѣ русской книжной святыни въ Петербургской Публичной Библіотекѣ), два экземпляра сожженнаго при Екатеринѣ II изданія книги Радищева Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, автографы Лермонтова и Глинки, автографъ Пушкина, культъ котораго былъ всегда у Дягилева, — дыханіе захватило у него и сердце забилось, когда онъ пріобрѣлъ этотъ автографъ. Коллекціонерство все расширялось и расширялось; къ собиранію книгъ прибавилось собираніе автографовъ и портретовъ, Дягилевъ началъ «заказывать» рукописи писателямъ, и ему уже рисовалось новое великое русское культурное дѣло въ крупномъ масштабѣ — въ «дягилевскомъ масштабѣ» Міра Искусства, Исторической (дѣйствительно исторической) выставки русскихъ портретовъ и русской опе-

Страница изъ Азбуки 1637 г.

ры и балета за границей. Дягилевъ уже видѣлъ громадное книгохранилище съ рукописнымъ отдѣленіемъ, которымъ будутъ пользоваться русскіе ученые за границей, и которое станетъ центральнымъ очагомъ русской культуры. Дягилевъ могъ оправдывать передъ собой свое коллекціонерство тѣмъ, что онъ сохраняетъ и спасаетъ для Россіи ея великое культурное сокровище, но онъ постепенно втягивался въ коллекціонерство для коллекціонерства.

Въ сентябрѣ 1927 года Дягилевъ былъ въ Римѣ — конечно, не для «скверной оперы» и не для Вячеслава Иванова, съ которымъ онъ проводилъ вечера, а для «книжекъ». Закрылись книжные магазины («главный книжникъ тоже запертъ до 12 октября», писалъ С. П.), въ Римѣ сразу оказалась «пустота отчаянная», и Сергѣй Павловичъ уѣхалъ во Флоренцію, откуда писалъ мнѣ: «Въ Римѣ все было удачно... нашелъ чудную, потрясающую русскую книгу и кое-что еще». Книга дѣйствительно оказалась «потрясающей», и тотъ, кто продалъ ее, не зналъ, что она представляетъ собою («славянская книга», т. е. такая же непонятная, какъ китайская) и могъ только предполагать, что она цѣнная, такъ какъ она находилась въ богатѣйшемъ собраніи изъ 30 рѣдчайшихъ изданій на разныхъ языкахъ. Эта книга была — Апостолъ первопечатника Ивана Федорова.

Изъ Флоренціи Дягилевъ поѣхалъ въ Мюнхенъ — опять удачная (въ книжномъ отношеніи, конечно) поѣздка, о которой онъ писалъ мнѣ изъ Парижа (12 октября 1927): «Въ Мюнхенѣ было очень хорошо. Объ книгахъ уже не говорю — просто залежи, я пропадалъ цѣлые дни у книжниковъ и съ дивными результатами».

30 марта 1928 года мы давали въ Ниццѣ балетный спектакль - гала, который устраивала внучка Пушкина лэди Торби. Лэди Торби была исключительно любезна съ Сергѣемъ Павловичемъ — онъ ее совершенно очаровалъ — и обѣщала ему оставить въ завѣщаніи одно изъ писемъ Пушкина къ невѣстѣ, Н. Н. Гончаровой, которыя она такъ ревниво хранила у себя и не только не опубликовывала, но и никому не показывала. Послѣ разговора съ лэди Торби Дягилевъ сталъ бредить письмами Пушкина и поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало имѣть не одинъ обѣщанный ему автографъ, а всѣ 11 писемъ Пушкина. Въ слѣдующемъ году, совсѣмъ незадолго до своей смерти, онъ добился своего: лэди Торби умерла въ томъ же 1928 году, ея мужъ великій князь Михаилъ Михайловичъ очень нуждался и ко всему относился съ полнѣйшей апатіей, дочерей его Сергѣй Павловичъ подкупилъ

173

Psalterium ad usum Eccle-
siae Graecae aliis etiam preca-
tionibus permixtum.

Literis Cyrillicis [illegible]
[illegible]

1574 [illegible]

[illegible]

Hunc librum dono dedit Casparus Hoeperus
amico suo Domino Michaeli Zernowitzkowio
Anno domini 1574
Mense 29 Martij

Erat missus ad Sacram Caesaream Mtem
Constantinus Scobeltzin Sobakinsin
a principe Moscouiae

Листъ, вклеенный въ экземпляръ дягилевскаго Часовника, съ именами его первыхъ владѣльцевъ: Константинъ Скобельцынъ Собакинъ сынъ, Casparus Hoeperus, Michaelis Zornowitzkowius

своимъ шармомъ, которому нельзя было сопротивляться, и за совершенно ничтожную сумму (чуть ли не за 30 тысячъ франковъ) Дягилевъ пріобрѣлъ это безцѣнное русское сокровище.

Дягилевъ съ каждымъ днемъ все больше и больше отходилъ отъ Русскаго Балета. Въ августѣ 1928 года мы поѣхали, какъ всегда, въ Венецію. Дягилевъ начинаетъ создавать планы — книжные и балетные. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ сентябрѣ, мы должны были ѣхать въ Грецію. Дягилевъ очень много хлопоталъ объ этой поѣздкѣ и заручился большимъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ (въ томъ числѣ и отъ Венизелоса). Сергѣй Павловичъ мечталъ объ этомъ путешествіи, готовился къ нему: конечно, не Афинскій Акрополь и Дипилонское кладбище, не Гермесъ Олимпійскій, не Микенскія Львиныя ворота влекли къ себѣ Дягилева, а Афонская гора, гдѣ могутъ найтись старыя церковно-славянскія и русскія «книжечки» и рукописи. По возвращеніи изъ Греціи Сергѣй Павловичъ мечталъ найти большую квартиру въ Парижѣ (а впослѣдствіи и отдѣльный домъ) — и уже подыскивалъ ее — устроить въ ней свое книгохранилище и заниматься книгами. А Русскій Балетъ? Большая реформа (не развалъ ли?) ожидала Русскій Балетъ: онъ долженъ былъ быть разбитъ на двѣ неравныя части. Одна, маленькая труппа, человѣкъ въ 12, во главѣ со мной, выдѣлялась для новыхъ художественныхъ исканій, должна была преслѣдовать исключительно художественно-студійныя цѣли. Дягилевъ хотѣлъ построить въ Венеціи, на Лидо, театръ для меня и для моей избранной труппы по моимъ чертежамъ и подарилъ мнѣ уже всѣ занавѣсы и декораціи Пикассо, Матисса и Дерена съ тѣмъ, чтобы я заказалъ съ нихъ копіи для него. Большая труппа, идейно питаемая маленькимъ театромъ-студіей, должна была матеріально питать и студію и книгохранилище (ничего другого отъ нея не требовалось, и никакъ иначе она уже не интересовала Дягилева); резиденціей ея должно было оставаться Монте-Карло, откуда она должна была разъѣзжать на гастроли по всему свѣту (и въ особенности по Америкѣ). Эти планы мнѣ яснѣе всего говорили, что Русскій Балетъ идетъ къ концу, къ развязкѣ, которая уже недалеко.

Съ книгами было связано много волненій: то Сергѣй Павловичъ боялся, что высылаемая ему книга пропадетъ на почтѣ или будетъ попорчена въ дорогѣ, то ему казалось, что онъ сдѣлалъ «непростительную» ошибку, не давъ той цѣны за книгу, которую съ него запрашивалъ книжникъ — «и теперь она уйдетъ, можетъ быть, уже ушла, уже

продана другому» (книжный бюджетъ былъ великъ и своей тяжестью обрушился на балетъ, но, въ качествѣ общаго правила, Дягилеву удавалось очень дешево покупать рѣдчайшія изданія). То волновался Сергѣй Павловичъ по поводу того, что скажутъ знатоки о миніатюрѣ Жуковскаго, о неизданномъ письмѣ Пушкина или новой рукописи Лермонтова (помню, какъ волновался Сергѣй Павловичъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ новую, неизданную повѣсть Лермонтова) — «а вдругъ это совсѣмъ не Пушкинъ и не Лермонтовъ?» Полученіе пакета съ книгами, въ особенности съ давно жданными книгами, стало событіемъ едва ли не болѣе важнымъ, чѣмъ балетная премьера: Сергѣй Павловичъ радостно нервничаетъ, распаковывая пакетъ и вынимая одну книжку — одно сокровище — за другимъ.

Наказаніе розгами школьника: гравюра изъ Азбуки 1637 г.

На занятія книгами уходило много времени: лежа на постели въ сапогахъ, Сергѣй Павловичъ на долгіе часы уходилъ въ изученіе книжныхъ каталоговъ и обдумывалъ путешествія не за танцовщиками и танцовщицами, не для заключенія контрактовъ, а за книгами. Какъ часто онъ «дополнялъ» рѣдкіе экземпляры, вырывая листы изъ однихъ экземпляровъ, въ томъ числѣ и изъ изданій, присылавшихся ему для просмотра и вклеивая ихъ въ другіе... Но больше всего времени уходило у него на составленіе фишекъ для каталога — онъ продѣлывалъ большую работу, представленіе о которой можетъ дать содержаніе одной изъ фишекъ, которую я для примѣра привожу ниже.

«Азбука. Напечатана Василіемъ Федоровымъ Бурцовымъ «въ царствующемъ градѣ Москвѣ», «по повеленію его царя государя и великаго князя Михаила Феодоровича» и «по благословенію... патріарха Іоасафа Московскаго и всея Россіи», въ 24-ое лѣто царствованія Михаи

ла Феодоровича, т. е. въ 1637 г. Въ послѣсловіи, дающемъ эти детали, указано еще, что была начата печатаніемъ января 29, а кончена февраля 8 того же года.

Книга въ 12-ую долю листа, имѣетъ 108 листовъ, т. е. 216 страницъ и гравюру, изображающую училище и какъ разъ сцену сѣченія ученика.

Сопиковъ (т. I стр. 57, № 160-163) указываетъ четыре изданія этой азбуки, при чемъ считаетъ первымъ то, которое было напечатано въ 1637 г. (*нашъ*[1] экземпляръ). Онъ приводитъ и точное заглавіе: Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учитися чтенію Божественныхъ писаній, съ молитвами и со изложеніемъ краткихъ вопросовъ о вѣрѣ; сочиненіе Василья Бурцова. Москва 1637 — въ 8-ую долю листа».

Въ нашемъ экземплярѣ заглавія этого нѣтъ — и это соотвѣтствуетъ описанію, которое даетъ Обозрѣніе славяно-русской библіографіи Сахарова (стр. 109, № 335), гдѣ сказано: Азбука. Печатано Василіемъ Федоровымъ Бурцовымъ. 108 листовъ. Съ изображеніемъ училища. Въ началѣ: предисловіе вкратцѣ (л. 1-10) и въ концѣ: *Сказаніе како состави святый Кириллъ философъ Азбуку*. По Сахарову нѣтъ, слѣдовательно, того заглавія, которое приводитъ Сопиковъ. Но Сахаровъ, вопреки Сопикову, считаетъ изданіе 1637 г. *вторымъ*, а первое относитъ къ 1634 г. (см. у него № 310). *Книга очень рѣдкая*, а сохранности прекрасной.».

По преданію, связанному съ этимъ экземпляромъ и о которомъ сообщалъ Дягилевъ — по этой книгѣ Петръ Великій учился чтенію.

***

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь перечисленіемъ только нѣкоторыхъ рѣдкихъ изданій, хранившихся въ библіотекѣ С. П. Дягилева и нынѣ находящихся у меня. Такъ у меня имѣются слѣдующія изданія XVI вѣка: Тріодь постная, изданія 1561 года въ Венеціи; Апостолъ (Дѣянія и посланія Апостольскія), изданный въ Москвѣ въ 1564 первопечатникомъ Ив. Феодоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ, Часовникъ, напечатанъ въ Москвѣ, «въ лѣто семь тысящъ семьдесятъ четвертое, сентября въ 2 день, — совершенъ того же лѣта октября въ 29 день, въ 31 лѣто государства царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца и во второе лѣто свя-

1. Такъ Дягилевъ называетъ въ фишкахъ свои книги.

тительства Афанасія митрополита...» До сихъ поръ считали, что до нашего времени дошли только *два* экземпляра Часовника (одинъ въ Россійской Госуд. Публичной Библіотекѣ, а другой въ Королевской Библіотекѣ въ Брюсселѣ). Въ настоящей статьѣ я *впервые* сообщаю въ печати, что въ моемъ собраніи имѣется *третій* экземпляръ этого рѣдкого изданія. Считаю нужнымъ указать, что ленинградскій экземпляръ не имѣетъ перваго листа. Дягилевскій экземпляръ моего собранія — полный и совершенно исключительной сохранности. Къ сожалѣнію, онъ въ шагреневомъ переплетѣ XIX вѣка. Часовникъ этотъ пріобрѣтенъ Дягилевымъ въ 1927 году въ Римѣ у антиквара не знавшаго о степени рѣдкости этой книги. Библіа Руска, — одно изъ рѣдчайшихъ славяно-русскихъ изданій; напечатана въ Прагѣ въ 1517—1519 году Фр. Скориною. Въ Дягилевскомъ собраніи — два листа изъ Книги Царствъ.

Страница изъ Часовника изданнаго Иваномъ Федоровымъ въ 1565 году

Въ дальнѣйшемъ даю краткое перечисленіе книгъ болѣе поздняго времени, находящихся въ моемъ собраніи.

Изъ книгъ XVII вѣка до-Петровской эпохи отмѣчу: очень рѣдкій Служебникъ, напечатанный Андронникомъ Тимофеевымъ въ Москвѣ въ 1602 году; Львовское (1636 года) Евангеліе; Полууставъ (Кіевъ, 1643); Евхологіонъ Петра Могилы (Кіевъ, 1648); Лексиконъ Словено-Россійскій, сочиненный Памвою Берындою (1653 года); Тріодь постная, напечатанная въ Москвѣ въ 1658 году; Проповѣди Григорія Назіанзина (Москва, 1665); кіевскій Синопсисъ 1674 года;

очень рѣдкое московское изданіе 1680 года стихотворныхъ переложеній псалмовъ Симеона Полоцкаго: Псалтирь риѳмотворная; Грамматика Россійская, сочиненія Генриха Вильгельма Лудольфа, Оксфордъ 1696 г.[1]. Хорошо представлена въ библіотекѣ Петровская эпоха; достаточно назвать славянскую, греческую и латинскую азбуку (Москва, 1701), знаменитую Ариѳметику Магницкаго (Московское изданіе 1703 года), Лексиконъ Треязычный (славянскій, греческій и латинскій) Ѳеодора Поликарпова (Москва, 1704), знаменитое изданіе Символы и емблемата, напечатанное въ 1705 году въ Амстердамѣ по желанію Петра Великаго; нѣсколько черниговскихъ изданій Ив. Максимовича (въ томъ числѣ Алфавитъ рифмами сложенный 1705 года, Ѳеатронъ или позоръ нравоучительный 1708 года, Богородице дѣво въ стихахъ 1707 года). Книги, напечатанныя по приказу Петра Великаго: переводъ съ латинскаго языка Общей географіи Varenius'a, Москва 1718, Земноводнаго круга краткое описаніе... Ягана Гибнера, Москва, 1719, Книга уставъ морской, Санктпетербургъ, 1720, Полидора Виргилія Урбинскаго осмь книгъ — Москва, 1720, Книга Сістіма о магометанствѣ, князя Димитрія Кантеміра — въ царствующемъ Санкпетербургѣ, 1722; особо хочется отмѣтить изданіе 1720 года Ѳеатрона, конфискованнаго по приказу имп. Елизаветы — изданіе, сохранившееся въ прекрасномъ состояніи. Изъ послѣ-петровскихъ изданій назову: Камень Вѣры Стефана Яворскаго (Кіевъ, 1730); Нѣмецко-Латинскій и Русскій Лексиконъ (С.-Петербургъ, 1731); Указы Петра Великаго съ 1714 до 1725 года (С.-Петербургъ, 1739); Указы Имп. Екатерины I и Петра II (С.-Петербургъ, 1743); очень рѣдкое изданіе Апологія или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ (Москва, 1784); запрещенное и сожженное при Екатеринѣ II въ 1792 году, Апофегмата (С.-Петербургъ, 1745); переводъ книги Дмитрія Кантемира. *The History of the Growth and Decay of the Ottman Empire Written originally in latin* (London, 1756), Московскія Вѣдомости 1758 года. Очень полно представлена Екатеринин-

1. См. въ настоящемъ томѣ Временника статьи Джона Барникота и Н. К. Кульмана.

ская эпоха — такъ полно, что я только наугадъ могу назвать нѣкоторыя изданія, какъ напр., Сатиры князя Антіоха Кантемира (СПБ. 1762); Волкова Басни политичныя и нравоучительныя переведенныя съ французскаго языка (СПБ. 1762); Сочиненія и переводы Лукина (СПБ. 1765): Нуму Помпиліуса (Москва, 1768) и Россіаду (Москва, 1786, въ типографіи Н. И. Новикова), М. Хераскова, комедія О время (СПБ. 1772), Наказъ (СПБ. 1767) и Подражаніе Шекспиру (СПБ. 1792) — Имп. Екатерины II-ой; Н. И. Новикова — Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина (Москва, 1785); Повѣствователь Древности (СПБ. 7176); Живописецъ (СПБ. 1793) и 31 томъ Древней Россійской Вивліоѳики (Москва, 1788—1791 и СПБ. 1786—1801); М. Чулкова — Азбука русскихъ суевѣрій (Москва, 1786); рѣдкое масонское изданіе Духовный вождь (Москва, 1784, въ типографіи Ив. Лопухина); Магазинъ свободно-каменьщической (Москва, 1784, въ типографіи Лопухина); Отчетъ о путешествіи фельдмаршала графа Б. Шереметева въ европейскія страны — въ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ и Мальту (Москва, 1773); Атласъ Калужской губерніи, изданіе 1782 года съ 40 прекрасно гравированными планами; Путешествіе Екатерины II по югу Россіи, предположенное на 1787-ой годъ (СПБ. 1786); Географическій словарь Россійской имперіи (изданіе Н. Новикова, Москва, 1788—1789); князя Кантеміра Описаніе историческое, географическое и политическое Молдавіи (Москва, 1789); Журналъ Петра Великаго (СПБ. 1770—1772); прекрасный экземпляръ Дѣяній Петра Великаго Голикова (30 томовъ, Москва, 1788—1797); Краткая исторія о происхожденіи русскихъ князей (Москва, 1785, въ типографіи Н. И. Новикова); полное изданіе Санкпетербургскаго Вѣстника (1778—1781); Еженедѣльникъ (Москва, 1791). Изъ болѣе позднихъ изданій отмѣчу очень рѣдкое московское изданіе 1795 года Ономатологія (словарь натуральной магіи); Ироическая Пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ

въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. Въ Сенатской Типографіи. 1800. 4°. VIII+46+1+1, табл. Въ сафьяновомъ переплетѣ (обложка сохранена). Я не перечисляю здѣсь первыхъ изданій Пушкина и поэтовъ пушкинской эпохи, равно какъ и всей литературы XIX вѣка и только упоминаю какъ объ этихъ изданіяхъ, такъ и объ обширномъ отдѣлѣ книгъ по искусству (такъ, въ моей библіотекѣ имѣется весь Ровинскій) — въ краткомъ очеркѣ невозможно исчерпать тему, къ которой я надѣюсь еще вернуться.

***

Какая судьба постигла собраніе С. П. Дягилева послѣ его смерти? Въ 1930 году я пріобрѣлъ весь архивъ Сергѣя Павловича, и такимъ образомъ вся его библіотека (болѣе 1000 названій) и рукописное собраніе стали моей собственностью; тогда же было выдано Б. Е. Кохно болѣе 135 книгъ и нѣсколько автографовъ. Въ этой части оказались значительныя вещи: достаточно назвать два автографа Пушкина (письмо и очень интересный автографъ стихотворенія Къ морю), записная книжка Жуковскаго, автографы Гоголя, изъ книгъ: Церковно-славянская грамматика, напечатанная во Львовѣ, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. П. Радищева (1790), нѣсколько первыхъ изданій Пушкина и другія рѣдкія книги.

С. Лифарь

Отъ Редакціи. Часовникъ перваго изданія изъ собранія С. Лифаря (см. стр. 191) разнится отъ экземпляра того же изданія этой книги (насколько можно судить по печатному описанію его), находящагося въ бельгійской Королевской Библіотекѣ. Для установленія съ достовѣрностью факта различія Редакція обратилась за справкой въ Королевскую Библіотеку. Къ сожалѣнію, къ моменту сдачи въ печать Временника отвѣта на запросъ еще не поступило.

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ Д. И. ОЗНОБИШИНА И ЕГО СУВОРОВСКІЙ ОТДѢЛЪ

По своимъ размѣрамъ, по разнообразію и полнотѣ отдѣловъ, изъ коихъ она состоитъ, по числу рѣдкихъ и художественныхъ экземпляровъ, библіотека ген. Д. И. Ознобишина — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ частныхъ книжныхъ собраній за рубежомъ. Она насчитываетъ около десяти тысячъ томовъ и имѣетъ, кромѣ того, два подотдѣла: кабинетъ эстамповъ, насчитывающій нѣсколько тысячъ гравюръ, литографій и оригинальныхъ рисунковъ и обширное собраніе медалей и монетъ. Имѣется при библіотекѣ также большое собраніе автографовъ.

Начало книжному собранію положено было далекими предками Д. И. Ознобишина и ихъ рукописные ex-libris'ы, изъ коихъ одинъ XVIII ст., помѣщенный на рукописномъ спискѣ Степенной Книги, нами здѣсь воспроизводится, имѣются на многихъ экземплярахъ петровскихъ, елизаветинскихъ и екатерининскихъ изданій. Но настоящимъ создателемъ библіотеки надо считать Дмитрія Петровича Ознобишина, родного дѣда теперешняго ея владѣльца.

Современникъ Пушкина (Д. П. Ознобишинъ родился въ 1804 г.), онъ принималъ, въ особенности въ молодости, самое живое участіе въ дѣятельности московскихъ литературныхъ кружковъ. «Поэтъ и поли-

глотъ», какъ назвалъ его въ 1825 г. И. М. Языковъ въ посвященномъ ему стихотворномъ посланіи, Д. П. Ознобишинъ помѣщалъ статьи и стихи въ журналахъ и альманахахъ той эпохи. Раичъ, Шевыревъ, Погодинъ, Д. Веневитиновъ, бр. Кирѣевскіе, Боратынскій, Тютчевъ, В. Ф. Одоевскій, кн. П. А. Вяземскій, И. М. Языковъ — вотъ тѣ, съ кѣмъ связана была молодость Д. П. Ознобишина, воспитанника Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, «аскультанта» его Литературнаго Общества, основаннаго Жуковскимъ.

Основатель библіотеки Д. П. Ознобишинъ

Человѣкъ широкаго образованія, много и охотно путешествовавшій, Д. П. Ознобишинъ основательно зналъ, кромѣ главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, арабскій и персидскій языки, латинскій и греческій. Въ 1820 г. вышелъ его сборникъ переводовъ съ греческаго — Гинекіонъ — греческая антологія, книга давно уже ставшая большой рѣдкостью.

Извѣстная обезпеченность и долгая жизнь (1804—1877) позволили Д. П. Ознобишину собрать въ его родовомъ имѣніи Симбирской губерніи, Троицкомъ, громадную библіотеку, около 28.000 томовъ, съ замѣчательнымъ отдѣломъ восточныхъ рукописей и книгъ по востоковѣдѣнію. Лишь небольшая часть этого драгоцѣннаго собранія перевезена была внукомъ Ознобишина въ Парижъ. Все остальное погибло во время революціи.

Эти остатки дѣдовскаго книгохранилища слились съ личной библіотекой Д. И. Ознобишина, тщательно, съ большимъ знаніемъ и вкусомъ собиравшейся имъ во время его долгаго пребыванія въ Парижѣ [1].

1. Вначалѣ (съ 1903 г.) въ качествѣ адъютанта князя Георгія Максиміліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго, а потомъ, уже во время войны, въ качествѣ замѣстителя нашего военнаго агента при посольствѣ во Франціи.

До настоящаго времени, въ значительной части своей, библіотека Д. И. Ознобишина находилась въ свернутомъ состояніи и только теперь приводится въ порядокъ и систематизируется. Она помѣщается въ одномъ изъ особняковъ парижскаго пригорода Аньеръ.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить только о той части библіотеки — главнѣйшей ея части — которая состоитъ изъ книгъ русскихъ или къ Россіи относящихся. Книги эти разбиваются на пять главныхъ отдѣловъ: 1. книги по русской исторіи и по портретамъ, мемуары; 2. книги, карты, гравюры по географіи и топографіи; 3. книги по искусству; 4. книги по русской литературѣ и по русскому фольклору, включая сюда народные нравы, обычаи и костюмы; 5. книги по военной исторіи, военному искусству и военнымъ формамъ — отдѣлъ библіотеки наиболѣе полный и наиболѣе замѣчательный.

Одна изъ комнатъ библіотеки Д. И. Ознобишина въ Аньерѣ

***

Упомянемъ прежде всего о нѣсколькихъ рѣдкихъ старинныхъ книгахъ, принадлежащихъ къ фонду дѣдовской библіотеки, вывезенному изъ Россіи. Мы говорили уже о рукописныхъ спискахъ Степенной Книги и Родословца. Они переписаны были въ XVII стол. и переплетены въ XVIII ст. въ переплеты телячьей полированной кожи съ тисненіями безъ золота. Изъ книгъ Петровской эпохи имѣются первенцы гражданской печати: Описаніе Артилеріи.... 1710 г., Новое крѣпостное строеніе... 1710 г., Введеніе въ Исторію Европейскую черезъ Самуила Пуфендорфія... 1718 г., Земноводнаго Круга краткое описаніе... 1719 г. и т. д. Изъ книгъ эпохи Анны Іоановны — которыя всѣ очень рѣдки — имѣются два изданія Академіи Наукъ: Собраніе Указовъ Петра Великаго (1739) и Военное Состояніе Отто-

манской Имперiя (1737) и два тома Меморiй или Записокъ артiллерiйскихъ (1733). Изъ Елизаветинской эпохи: Сочиненiя Тредiаковскаго (1732 г), Полибiева Военная Исторiя (1756 г.) и полный комплектъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей за 1755 г. Не мало есть книгъ Екатерининской эпохи, въ отличномъ состоянiи — и такъ же, какъ вышеупомянутыя книги — въ современныхъ эпохѣ переплетахъ: Записка путешествiя графа Б. П. Шереметева (1773 г.), Походъ боярина и большого полку воеводы Шеина къ Азову (1773 г.), О Персcкомъ царствѣ (Новиковское изданiе 1781 г.), Исторiя Петра Великаго, сочиненная Феофаномъ Прокоповичемъ (1788 г.), Описанiе перевозки камня для памятника Петру I, съ 12 гравюрами (1777 г.) и т. д.

Говоря о старинныхъ книгахъ, упомянемъ о сказанiяхъ иностранцевъ о Московiи. Всѣ главнѣйшiя *россика* этой категорiи имѣются въ библiотекѣ Д. И. Ознобишина въ современныхъ эпохѣ изданiяхъ и въ отличныхъ экземплярахъ: Герберштейнъ, Поссевинъ, Олеарiй, Майербергъ, Корбъ, Стрюисъ, Лебрэнъ и т. д.

**
*

Въ отдѣлѣ историческомъ, кромѣ Общихъ исторiй Россiи главнѣйшихъ русскихъ историковъ, въ библiотекѣ имѣются всѣ труды Шильдера, Брикнера, Бильбасова, Татищева, Шимана, Карновича, Кобеко, вел. кн. Николая Михайловича и т. д. Очень много ставшихъ теперь рѣдкими изданiй, выходившихъ въ серединѣ и во второй половинѣ минувшаго столѣтiя: Русскiя Древности Прохорова, Древняя русская исторiя до монгольскаго ига Погодина (1871), Боспорское царство Ашика (1848). Очерки русской исторiи Полевого (1879), Русская исторiя Устрялова (1849) и т. д. Отлично подобрана и доведена до сегодняшняго дня мемуарная литература. И тутъ рядъ изданiй, ставшихъ рѣдкими, какъ напримѣръ: Записки Гетмана Жолкевскаго (1871), Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца (1857 г., а не 1858, какъ указано въ Обзорѣ записокъ и дневниковъ С. Р. Минцлова). Дневникъ А. В. Храповицкаго (1874), Записки Е. Р. Дашковой (1859), Воспоминанiя Ф. Ф. Вигеля (1864), Краткiя записки адмирала А. Шишкова

(1832), Сказанія князя Курбскаго (1833 г., два тома съ портретомъ Іоанна Грознаго, грав. Уткинымъ, и прелестными заставками и концовками) и т. д.

Къ этому же отдѣлу относится богатая историческая и портретная иконографія въ увражахъ, альбомахъ и на отдѣльныхъ листахъ. Тутъ на первомъ мѣстѣ надо поставить прекрасный экземпляръ главнаго труда по русскимъ портретамъ, ставшаго большой рѣдкостью: Словаря рускихъ гравированныхъ портретовъ. Д. А. Ровинскаго (1889 г.) съ четырехтомнымъ дополненіемъ къ нему А. Морозова, а также изслѣдованіями по тому же вопросу И. Д. Орлова, И. Синягина, Адарюкова. Сюда же относятся Рускіе Портреты вел. кн. Николая Михайловича, Портреты Императорской фамиліи Беннера (1817), Портретная Галлерея А. Мюнстера (1865), Портреты Петра Великаго, собранные Фридебургомъ, каталоги главнѣйшихъ портретныхъ выставокъ и чрезвычайно большое количество отдѣльныхъ листовъ, въ прекрасномъ состояніи, такихъ мастеровъ, какъ Шхонебекъ, Пикаръ, Натье, Вортманъ, Соколовъ, Грековъ, Шмидтъ, Скородумовъ, Колпаковъ, Валькеръ, Флоровъ и т. д. Особенно богато представлена иконографія Александра I и его эпохи.

Старинный рукописный Ex-Libris одного изъ предковъ Д. И. Оанобишина, помѣщенный на рукописномъ экземплярѣ Степенной Книги

Наконецъ, говоря объ этомъ отдѣлѣ, можно упомянуть о имѣющемся въ библіотекѣ довольно большомъ числѣ книгъ, вышедшихъ во Франціи въ XVIII и началѣ XIX ст., по исторіи Петра I и Екатерины II, не имѣющихъ однако въ большинствѣ случаевъ научнаго интереса.

Чрезвычайно интересенъ отдѣлъ географіи и топо-

графіи съ обширнымъ собраніемъ географическихъ атласовъ и картъ. Особый интересъ представляютъ карты Россіи Г. Меркатора (собственно, Крамера, 1512—1594 г г.); латинскія, французскія и голландскія изданія картъ Исаака Масса, и въ особенности замѣчательная его карта Сибири 1612 г.; первая изъ достовѣрныхъ генеральныхъ картъ Россіи Жерардо 1614 г., составленная на основаніи карты, надъ которой трудился царевичъ Θеодоръ Годуновъ; карты начала 17-го вѣка въ изданіяхъ Гондіуса и Сансона; болѣе поздняя карта Ж. де Лиля (1706 г.), посвященная Андрею Артемьевичу Матвѣеву; планъ Петербурга Гаманна 1718 г. съ профильнымъ изображеніемъ Петра I, не описаннымъ Ровинскимъ; карты Н. де Фера, Ружа, Суттера, де Вогонди; рѣдчайшій, такъ называемый Сигизмундовскій, планъ Москвы, извѣстный лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ; первый русскій географическій атласъ 1745, подготовка работъ къ которому началась еще при Петрѣ I; Екатерининскій атласъ 1792 года изъ 45 картъ съ гербами всѣхъ намѣстничествъ и т. д. Атласы и карты дополняются книгами по отечественной географіи и описанію городовъ, среди которыхъ есть такія, напримѣръ, рѣдкости, какъ Описаніе Санктпетербурга Богданова (1679), Gemaehl von St. Petersburg Storch'a съ гравюрами Ходовецкаго (1794), а также большое число альбомовъ и отдѣльныхъ листовъ съ видами С.-Петербурга, Москвы и другихъ русскихъ городовъ, костюмами и бытовыми сценами. Многіе изъ этихъ гравюръ и литографій относятся одновременно къ этому отдѣлу и къ отдѣлу русскаго фольклора. Тутъ листы Ле Прэнса, Леспинаса, Саразена, де ла Барта, Дамамъ-Демартрэ, Лори, Курвуазье, Аткинсона, Адама, Раффе, Митрейтера, Карнѣева, Орловскаго, Беггрова, Тимма и т. д.

***

Хорошо также представленъ отдѣлъ книгъ по рускому искусству. Тутъ всѣ главнѣйшія русскія общія исторіи русскаго искусства, начиная съ Гнѣдича и кончая А. Н. Бенуа и Грабаремъ и главнѣйшія монографіи отдѣльныхъ русскихъ художниковъ, написанныя Грабаремъ, Дягилевымъ, бар. Врангелемъ, Верещагинымъ, и т. д.; такія монументальныя изданія, какъ Кнебелевскія: Русскій Музей Императора Александра III, Третьяковская Галлерея, Московская Румянцевская Галлерея; Сокровища въ Москвѣ Никифорова; Описаніе

Щукинскаго Музея; Памятники древняго русскаго зодчества В. В. Суслова; Орнаменты на памятниках древне-русскаго искусства Сырейщикова и Тренева и т. д. Въ отдѣлѣ этомъ имѣются комплекты лучшихъ русскихъ художественныхъ журналовъ: Художественный Листокъ Тимма, Искусство и Художественная Промышленность, Міръ Искусства, Старые Годы, Аполлонъ, Русскій Библіофилъ, Художественныя Сокровища Россіи, такъ славно начатыя А. Н. Бенуа и такъ безславно законченныя Праховымъ. Имѣются также каталоги главнѣйшихъ русскихъ художественныхъ собраній. Къ этому жее отдѣлу относится богатое музыкальное собраніе съ значительнымъ числомъ рѣдчайшихъ русскихъ нотъ. И къ тому же отдѣлу надлежитъ причислить собраніе оригинальныхъ рисунковъ, среди которыхъ особый интересъ представляютъ нигдѣ еще не описанные рисунки Орловскаго и его учителя Норблена.

СѢВЕРНАЯ ЛИРА

НА 1827 ГОДЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ

И

ЛЮБИТЕЛЯМЪ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

РАИЧЕМЪ И ОЗНОБИШИНЫМЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1827.

Сѣверная Лира — альманахъ, редактированный основателемъ библіотеки Д. П. Ознобишинымъ

Въ отдѣлѣ литературномъ прекрасныя изданія всѣхъ русскихъ классиковъ и большое число книгъ по критикѣ и исторіи литературы.

Отмѣтимъ особо литературные альманахи двадцатыхъ годовъ: Сѣверная Лира Раича и Ознобишина съ гравюрами Скотникова (1827), Погодинская Уранія (1826), Сѣверные Цвѣты Дельвига, Утренняя Заря Владиславлева, Смирдинскіе Сто русскихъ литераторовъ (3 тт.). Имѣется также не мало ставшихъ теперь рѣдкостью иллюстрированныхъ изданій: Наль и Дамаянти Жуковскаго съ рисунками Майделя,

рисунки Агина къ «Мертвымъ Душамъ» Гоголя и имъ же иллюстрированный Тарантасъ Соллогуба, Сенсаціи госпожи Курдюковой съ иллюстраціями Тимма и т. д.

Къ этому отдѣлу принадлежатъ многочисленныя въ библіотекѣ Ознобишина книги по русскому фольклору: Народныя картинки Ровинскаго; Былины въ редакціяхъ Авенаріуса и Сперанскаго; Народныя русскія сказки А. Н. Афанасьева (въ изданіяхъ 1855 и 1863 г.г.) и его же Народныя русскія легенды (1860) и Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу (1865—69); Великорусскія сказки И. А. Худякова, Снегиревскія Русскія народныя пословицы и притчи (1848) и Русскія простонародные праздники и суевѣрные обряды (1873) и т. д. О большомъ собраніи эстамповъ по обычаямъ, нравамъ и костюмамъ русскаго народа — мы уже упоминали.

***

Но самымъ значительнымъ и самымъ полнымъ отдѣломъ библіотеки Д. И. Ознобишина слѣдуетъ считать ея русскій *военный* отдѣлъ.

Кромѣ многочисленныхъ общихъ трудовъ по военной исторіи — начиная съ Военной Исторіи Россійскаго Государства въ Смирдинскомъ изданіи 1839 г. и кончая изданіями сегодняшняго дня — и полнаго комплекта исторіи русскихъ полковъ, отдѣлъ этотъ состоитъ изъ многочисленныхъ подотдѣловъ, посвященныхъ отдѣльнымъ военнымъ кампаніямъ, въ которыхъ участвовала Россія, и представляющихъ собою — каждое въ отдѣльности — драгоцѣнное собраніе книгъ, гравюръ и документовъ. Особенно интересно и богато собраніе, относящееся къ эпохѣ нашихъ войнъ съ Наполеономъ. Тутъ и два извѣстные, ставшіе рѣдкостью, альбома двухъ художниковъ, слѣдовавшихъ за войсками Наполеона въ 1812 г.: Фаберъ дю Фора и Адама. Тутъ и рѣдчайшій комплектъ за 1812 г. Сѣверной Почты или Новой Санктпетербургской Газеты и т. д.

Но было бы невозможно, въ этомъ бѣгломъ обзорѣ, даже вкратцѣ описать отдѣльныя части военнаго отдѣла библіотеки. Мы ограничимся поэтому тѣмъ, что остановимся нѣсколько подробнѣе на иконографіи русскихъ военныхъ формъ и дадимъ въ заключеніе болѣе полное описаніе самой примѣчательной части военнаго отдѣла библіотеки — Суворовскаго отдѣла.

Изъ старинной русской военной иконографіи отмѣтимъ прежде всего рѣдчайшее Изображеніе Мундировъ Россійскаго Императорскаго Войска, рисованныхъ и гравированныхъ Гейслеромъ и изданныхъ въ С.-Петербургѣ въ 1793 г. Экземпляръ, въ кожаномъ, современномъ эпохѣ переплетѣ, содержитъ, кромѣ раскрашенныхъ отъ руки гравюръ, нѣсколько оригинальныхъ акварелей. Далѣе, большой интересъ представляютъ Эбнеровская сюита гравюръ русской арміи, изданная въ Аугсбургѣ въ 1799 г.; 24 акварели Русскихъ Войскъ 1799—1808 г.г., рисованныхъ по коллекціи короля Фридриха Августа въ Дрезденѣ; 25 акварелей Киля — Русскіе военные 1809—1815 г.; сюита замѣчательныхъ гравюръ Шадова и не менѣе замѣчательныя сюиты Дебюкура, по рисункамъ К. Верне и Финара; эти послѣднія гравюры, какъ въ большихъ листахъ, такъ и въ малыхъ, съ пробными оттисками; русскія военныя формы Женти и русская кавалерія и казаки Зауверейда. Эстамповъ, посвященныхъ казакамъ, которые всегда поражали европейское воображеніе и которыхъ охотно и часто рисовали, въ библіотекѣ очень значительное число. Упомянемъ лишь поразительную по своей правдивости казачью сюиту Клейна (1818—1819) и два лондонскихъ портрета Платова, работы Филипса (1814), изъ коихъ особенно интересенъ конный, гдѣ атаманъ изображенъ на своемъ легендарномъ конѣ «Леонидѣ». Въ библіотекѣ имѣются, конечно, и лучшія работы большинства русскихъ мастеровъ этого жанра: Висковатова, Бѣлоусова, Пиратскаго, Гебенса, съ его монументальными полковыми листами, огромные листы Шварца, группы нашей гвардіи Шарлеманя. Прелестны чрезвычайно тонко выполненныя въ краскахъ и въ миніатюрной манерѣ, Таблицы мундирамъ и знаменамъ Императорской Россійской арміи (гвардія: пѣхота и кавалерія).

* *
*

Когда, въ 1794 г., подполковникъ графъ Фабриціано обратился къ Суворову за матеріалами, собираясь описать его жизнь, Суворовъ ему отвѣтилъ: «Матерьялы, касающіеся исторіи моей военной дѣятельности, такъ тѣсно связаны съ исторіей моей жизни вообще, что оригинальный человѣкъ и оригинальный воинъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, если образъ того или другого долженъ сохранить свой дѣйствительный отпечатокъ». Этими словами Суворовъ самъ себѣ даетъ

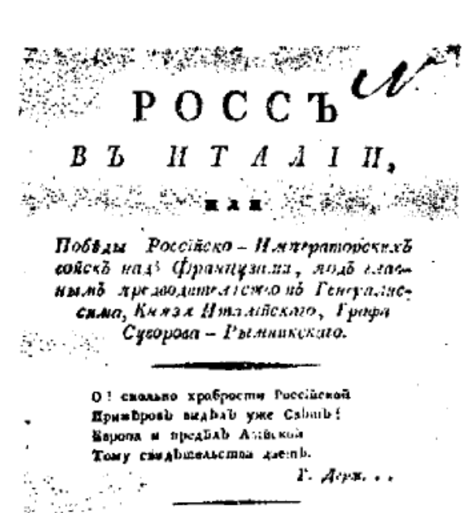
лучшую характеристику и слова эти лучше всего объясняютъ тайну особой привлекательности и, въ то же время, трудности суворовской темы и неисчерпаемость ея, несмотря на существованіе уже громадной суворовской литературы. Уже почти сто лѣтъ тому назадъ Д. А. Милютинъ говорилъ, что «писано о немъ (о Суворовѣ) множество книгъ, статей, брошюръ, и въ его время и послѣ него», а со временъ Милютина литература о Суворовѣ продолжаетъ расти, вплоть до нашихъ дней. Недавно прекрасную книгу о Суворовѣ написалъ генералъ Н. Н. Головинъ. Суворову посвящены лучшія страницы Алдановскаго Чортова Моста, — неповторимая оригинальность Суворова является прежде всего чисто русской, а потому и самой для насъ дорогой.

Исторія Суворова писалась еще при его жизни нѣмецкимъ авантюристомъ и прекраснымъ силуэтистомъ Фридрихомъ Антингомъ. Ея первую часть просмотрѣлъ и исправилъ въ 1795 году самъ Суворовъ, но со второй частью онъ этого сдѣлать не могъ и остался ею недоволенъ. «Антингъ скворца дроздомъ встрѣчаетъ, много немогузнайства и клокотни, исправь, пожалуй, солдатскимъ языкомъ, отдай каждому справедливость» поручаетъ фельдмаршалъ П. Н. Ивашеву. Однако, трудъ Антинга, выдержавъ массу изданій и переводовъ, послужилъ источникомъ безконечныхъ заимствованій, вплоть до нашего времени, и легъ въ основу Исторіи Суворова Полевого, авторитетъ котораго признавался до того времени, пока Д. Милютинъ, въ своемъ классическомъ трудѣ: Исторія войны 1799 г. не доказалъ, что историческій матерьялъ о Суворовѣ Полевымъ далеко не исчерпанъ, а Петрушевскій доказательство это подтвердилъ своимъ трехтомнымъ трудомъ Генералиссимусъ Князь Суворовъ, являющимся до сей поры наиболѣе полной общей исторіей фельдмаршала. Рядомъ съ этими основными трудами существуетъ громадная литература монографій, брошюръ и статей, основанная на изученіи архивовъ и относящаяся къ отдѣльнымъ эпизодамъ жизни и дѣятельности Суворова и къ тому, что французы называютъ la petite histoire.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, которые, конечно, всѣ имѣются на полкахъ библіотеки, укажемъ еще на нѣсколько книгъ, наиболѣе интересныхъ и рѣдкихъ, входящихъ въ составъ обширнаго Суворовскаго отдѣла библіотеки Д. И. Ознобишина.

Первой книгой, въ которой упоминается имя Суворова (дважды), является очень рѣдкое изданіе Описаніе лагеря, собранна-

го... въ Красномъ Селѣ изд. 1765 г. (экземпляръ изъ библіотеки П. А. Ефремова). Еще большей рѣдкостью надо считать Побѣды кн. Италійскаго, Графа Александра Васильевича Суворова-Римникскаго, Өедора Бунакова въ 6 частяхъ (4-хъ книгахъ), Москва, 1810. Этой книги нѣтъ въ Румянцевскомъ Музеѣ и имѣется лишь дефектный экземпляръ въ Щукинскомъ собраніи, согласно свидѣтельству авторитетнаго въ этой области Симанскаго, причемъ въ экземплярѣ, описываемомъ Симанскимъ (Суворовскій отдѣлъ въ библіотекѣ П. Н Симанскаго, СПБ. 1912) нѣтъ одной изъ гравюръ, имѣющихся въ экземплярѣ Д. И. Ознобишина («Варшавскіе депутаты приходятъ къ Суворову»). Очень рѣдка и книга, изданная въ 1801 г.: Россъ въ Италіи, съ тремя гравюрами, изъ которыхъ особенно интерессенъ «Чортовъ Мостъ». Укажемъ еще на книгу: Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, изданную въ 1819 г. въ Москвѣ Сергѣемъ Глинкой; Сочиненія Фукса (СПБ 1827) съ прелестной гравюрой Галактіонова, изображающей Суворова у вырытой для него, по его приказанію, у подошвы С.-Бернара могилы; рѣдкій Суворовъ Өаддея Булгарина 1848 г. съ мало удачными гравюрами на деревѣ по рисункамъ Тимма; спеціальные труды по иконографіи Суворова полк. Козлова (женатаго на послѣдней въ родѣ Суворова княжнѣ Александрѣ Александровнѣ), Стремоукова и Симанскаго и т. д. и т. д.

РОССЪ

ВЪ ИТАЛІИ,

или

Побѣды Россійско-Императорскихъ войскъ надъ Французами, подъ главнымъ предводительствомъ Генералиссима, Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго.

О! сколько храбрости Россійской
Примѣровъ видѣлъ уже Свѣтъ!
Европа и предѣлъ Азійской
Тому свидѣтельства даетъ.

Г. Держ...

Переводъ съ Нѣмецкаго.

Издалъ А. Ф.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Хр. Клаудія.
1801.

Короче говоря: не всѣ изъ 514 изданій, описанныхъ въ цитированной выше книгѣ Симанскаго, имѣются въ Суворовскомъ отдѣлѣ библіотеки Ознобишина, но зато въ этомъ отдѣлѣ имѣются изслѣдованія, не

упоминаемыя Симанскимъ. Такъ, напримръ, Симанскій указываетъ на Суворовскій матерьялъ въ Развѣдчикѣ только за 1896 и 1897 гг., тогда какъ въ библіотекѣ Ознобишина имѣется полный комплектъ этого журнала за всѣ годы и особенно интереснымъ является Суворовскій матерьялъ въ журналѣ за юбилейный 1900 г. Чего стоитъ только, помѣщенный въ этомъ году въ Развѣдчикѣ разсказъ донского казака, участника Итальянской кампаніи, записанный въ прошломъ вѣкѣ кн. Н.Имеритинскимъ! Не указываетъ также Симанскій имѣющихся въ библіотекѣ Ознобишина замѣчательныхъ записокъ донского атамана Адріана Денисова, любимаго Суворовымъ «Карповича» (въ Русской Старинѣ 1874 — 75 гг.) и т. д.

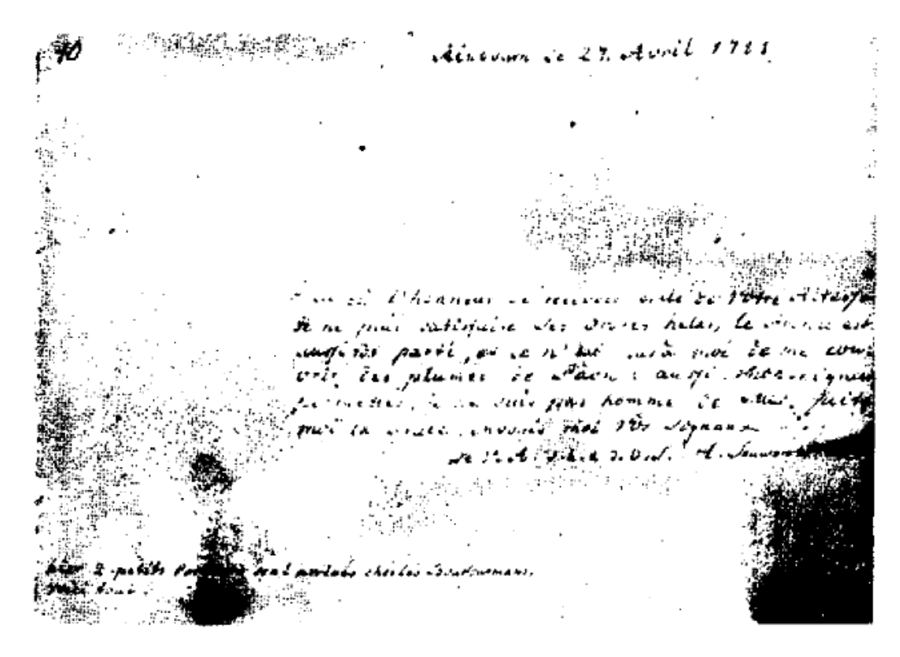

Потретъ Суворова
писанный съ натуры Шмидтомъ (пастель)

Довольно обширно въ библіотекѣ и собраніе гравюръ и медалей съ изображеніемъ Суворова. Суворовская иконографія вообще поражаетъ своимъ разнообразіемъ. У Ровинскаго описано 207 изображеній фельдмаршала и это при наличіи всего четырехъ его портретовъ, которые можно признать писанными съ натуры. Мнѣнія современниковъ о сходствѣ изображеній разнорѣчивы.

Оставляя въ сторонѣ первыя три, считающіяся подлинными изображенія Суворова, работы Бекона, Аткинсона и Крейцингера, съ ихъ многочисленными варіантами, хочется нѣсколько подробнѣе остановиться на портретѣ Суворова, писанномъ пастелью уже въ концѣ 1799 года саксонскимъ живописцемъ Шмидтомъ.

Этотъ «шмидтовскій типъ Суворова» послужилъ источникомъ для цѣлаго ряда изображеній фельдмаршала, въ томъ числѣ и для знаменитой гравюры Уткина. Но если сравнить оригиналъ съ послѣдующими изображеніями, для которыхъ онъ послужилъ прототипомъ, напримѣръ, съ гравюрами, Флорова (1812 г.), Уткина (1818 г.) и литографіей Греведона (1828 г.), то воочію убѣждаешься, какъ характерное лицо Суворова постепенно теряло свою характерность, хорошѣло и молодѣло, пока не превратилось въ изображеніе моложаваго красиваго генерала англійскаго типа, котораго, увы! мы привыкли теперь считать за подлиннаго Суворова.

Записка Суворова съ рѣдко встрѣчающейся полной подписью фельдмаршала

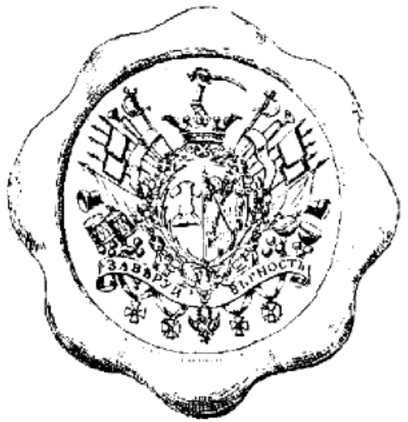
Но подлинной жемчужиной Суворовскаго отдѣла библіотеки Ознобишина надо считать 39 собственноручныхъ писемъ Суворова, написанныхъ имъ весною и лѣтомъ 1788 г. на Кинбурнской косѣ и адресованныхъ принцу Нассау-Зигенъ.

Кавалеръ Георгія 2-го класса и Андрея Первозваннаго, русскій адмиралъ и французскій маршалъ, испанскій грандъ и польскій магнатъ, принцъ Карлъ-Николай-Оттонъ Нассау-Зигенъ посвятилъ вторую по-

ловину своей необыкновенной по богатству приключеній жизни, всецѣло Россіи. Пріѣхавшій съ репутаціей d'un cerveau brulé (письмо Екатерины къ Потемкину), принцъ Нассау-Зигенъ однако скоро заслужилъ полное довѣріе Императрицы и восторженную оцѣнку Потемкина своими блестящими дѣйствіями во главѣ нашей гребной флотиліи противъ турецкаго флота. На глазахъ и съ помощью Суворова, находившагося на Кинбурнской косѣ, принцъ Нассау одерживаетъ четыре побѣды, захватывая корабль самаго капитана-паши съ его адмиральскимъ флагомъ.

Можно себѣ представить цѣнность этихъ еще неопубликованныхъ и неизслѣдованныхъ Кинбурнскихъ писемъ Суворова, замѣчательныхъ уже по своему стилю, писанныхъ по французски, съ нѣмецкими вставками, русскими приписками, съ первоначальнымъ обращеніемъ Monseigneur, превратившимся потомъ въ Nicolai Iwanowitch.

Всѣ 39 писемъ переплетены въ одинъ томъ въ полукожаный красный переплетъ съ золотымъ тисненіемъ и надписью: Correspondance de Souworow. Первое письмо датировано 1 Апрѣля 1788 г., послѣднее 6 Іюля того же года, четыре письма безъ датъ. Полная подпись Суворова имѣется только на трехъ письмахъ, остальныя подписаны De V. A. t.-h. et t.-o. S. A. S. (что слѣдуетъ расшифровать: De Votre Altesse très humble, très obéissant Serviteur A. Souvorov) или просто A. S. Писаны письма на одной сторонѣ двойныхъ четвертушекъ, оборотная сторона послѣдней страницы которыхъ служила конвертомъ и на ней писался адресъ — например̂ъ, «Его Свѣтлости Принцу Нассау-Зигенъ. На флотѣ». Письма запечатывались суворовской печатью, здѣсь воспроизводимой, и сургучный отпечатокъ которой въ большинствѣ случаевъ прекрасно сохранился. Одно письмо написано на голубоватой бумагѣ, а остальныя на бѣлой, очень плотной съ водяными знаками: Pro Patria надъ коронованнымъ львомъ (21 письмо) или корона въ овальномъ вѣнкѣ надъ буквами G. P. (6 писемъ), остальныя на бумагѣ безъ водяныхъ знаковъ. Всѣ письма въ прекрасной сохранности. Д. И. Ознобишинъ пріобрѣлъ ихъ въ началѣ девятисотыхъ годовъ въ Парижѣ у потомка принца Нассау графа Гунольштейна.

Печать фельдмаршала Суворова

Николай Туровѣровъ

ТРУДЪ ЗАХАРІИ ОРФЕЛИНА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ЕГО ПЕТЕРБУРГСКОЕ ИЗДАНІЕ

Въ 1772 году вышло въ Венеціи двухтомное сочиненіе подъ заглавіемъ: Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго, Самодержца Всероссійскаго, съ предположеніемъ краткой Географической и политической Исторіи о Россійскомъ Царствѣ, нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана. Часть перьвая (-вторая). Въ Венеціи, въ Типографіи Димитрія Θеодозія (въ первой части 17 ненум. и 400 стр., во второй — 364 стр.).

Уже самый фактъ появленія въ XVIII вѣкѣ въ Венеціи русской книги не можетъ не возбудить любопытства русскаго читателя, особенно, если эта книга исторія Петра Великаго: какъ извѣстно, въ самой Россіи въ это время подобнаго труда еще не существовало. Анонимность изданія способна лишь повысить наше любопытство, а обозначеніе языка книги, при явно русскомъ заглавіи, какъ «славенскаго», выдвигаетъ еще одинъ вопросъ: дѣйствительно ли мы имѣемъ дѣло съ русской книгой? При всемъ томъ интересѣ, который несомнѣнно представляетъ Житіе, оно еще совсѣмъ не изучено въ русской библіографіи.

Въ отношеніи автора Житія русская библіографія продолжаетъ до сихъ поръ бродить въ потемкахъ, хотя заграницей вопросъ этотъ былъ окончательно разрѣшенъ уже около пятидесяти лѣтъ то-

му назадъ. Т. к. посвященіе *Житія* (императрицѣ Екатеринѣ II) подписано именемъ типографа, грека Димитрія Өеодози, то Өеодози и фигурируетъ обыкновенно, какъ авторъ во всѣхъ описаніяхъ русскихъ книгъ XVIII вѣка, начиная съ библіографіи Сопикова[1]. Между тѣмъ, еще въ 1776 году венгерскій ученый Хораньи, составитель замѣчательнаго для своей эпохи біографическаго словаря, считалъ авторомъ этого труда извѣстнаго сербскаго писателя и гравера Захарію Орфелина (1726—1785)[2]. Къ утвержденію Хораньи, считавшемуся гипотетическимъ, относились съ недовѣріемъ вплоть до конца XIX вѣка, когда сербскому историку Д. Руварацу удалось установить съ очевидностью авторство Орфелина. Дѣло въ томъ, что въ *Житіи* встрѣчаются ссылки на приложенные гравюры и планы, хотя никакихъ гравюръ въ книгѣ не имѣется[3]. Руварацу посчастливилось однако найти случайно экземпляръ съ гравюрами, въ которомъ имѣлся также гравированный титульный листъ, съ нѣсколько отличнымъ заглавіемъ и съ полнымъ именемъ автора — Захаріи Орфелина[4]. Въ этомъ иллюстрированномъ изданіи находилось и другое посвященіе Екатеринѣ отъ имени самого Орфелина, болѣе восторженное, чѣмъ печатное посвященіе, подписанное Өеодози[5]. Иллюстраціи, титульный листъ и посвященіе были собственноручно гравированы Орфелиномъ.

Однако, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что Д. Руварацъ открылъ совершенно неизвѣстное до той поры изданіе: если прочесть внимательно, что говоритъ о трудѣ Орфелина Хораньи, то становится

1. Послѣднее по времени упоминаніе о Өеодози, какъ авторѣ *Житія*, находимъ въ статьѣ Б. Сильверсвана, *Русскія книги* гельсингфорскаго университета, Временникъ Общества друзей русской книги, III, 1932, стр. 86.

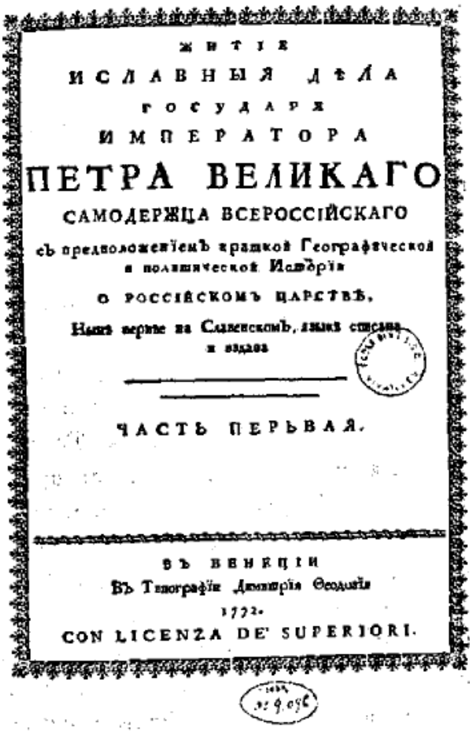
2. Memoria Hungarorum et provincialium scriptis editis notorum quam excitat Alexius Horanyi, Hung. Budensis de C C. R R. scholarum piarium, pars II, Viennae, 1776, стр. 707. Объ Орфелинѣ существуетъ большая литература, главнымъ образомъ на сербскомъ языкѣ. Монографію о немъ написалъ Т. Остоичъ, *Захариjа Орфелин, живот и рад му*, Бѣлградъ, 1923.

3. Встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко экземпляры этого изданія съ портретомъ Петра Великаго, исполненнымъ Орфелиномъ по извѣстной гравюрѣ А. Колпашникова (Петръ Великій въ латахъ и съ лентой черезъ плечо): см. Бинтовтъ, *Рѣдкія русскія книги и летучія изданія XVIII вѣка*, Москва, 1905, стр. 329, № 1750. Этотъ портретъ воспроизведенъ въ сербскомъ журналѣ *Гласник Историског друштва у Новом Саду*, VI, 1933, стр. 267.

4. *Гласник Српског ученог друштва*, томъ 72, Бѣлградъ, 1891, стр. 193—200.

5. Оно приведено въ указанной статьѣ Руварaца, стр. 197—199.

совершенно яснымъ, что Хораньи имѣлъ въ виду именно изданіе съ гравюрами, о которыхъ онъ отзывается съ большой похвалой [1]. Заглавіе труда у Хораньи тоже приближается больше къ титульному листу экземпляра Руварца, чѣмъ къ заглавію анонимнаго изданія [2]. Такимъ образомъ, авторство Орфелина является у Хораньи не простой гипотезой, а совершенно опредѣленнымъ утвержденіемъ, основаннымъ на знакомствѣ съ неанонимнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ. Это обстоятельство непонятнымъ образомъ ускользнуло отъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кто занимался біографіей и библіографіей Орфелина (повидимому, ссылка на Хораньи дается обыкновенно изъ вторыхъ и третьихъ рукъ).

ЖИТІЕ
И СЛАВНЫЯ ДѢЛА
ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
съ предположенїемъ краткой Географической и политической Исторїи
О РОССІЙСКОМЪ ЦАРСТВѢ,
Нынѣ первые на Славенскомъ, языкѣ списана и издана

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ.

ВЪ ВЕНЕЦІИ
Въ Типографїи Димитрїя Өеодосїя
1772.
CON LICENZA DE' SUPERIORI.

Титульный листъ венеціанскаго изданія Житія

Итакъ, существовало два изданія Житія: одно аномное и безъ гравюръ, и другое, на иной бумагѣ, съ именемъ автора и съ гравированными титульнымъ листомъ, посвященіемъ Екатеринѣ II и иллюстраціями, короче «роскошное» изданіе, выпущенное, судя по его чрезвычайной рѣдкости, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Что же побудило Орфелина сдѣлать два различныхъ изданія? Обыкновенно полагаютъ, вслѣдъ за Д. Руварцемъ, что Орфелинъ,

1. «Operi huic praemisit celeberrimus Auctor Geographico-Politicam Imperii Russici notitiam, cui insigne conciliant decus atque ornamentum complures numi, icones et geographicae mappae, quae omnia ipse sua manu, utpote chalcographiae peritissimus, aeri eleganter incidit» (II, стр. 707).

2. Титульный листъ по Руварцу: Исторія о житіи и славныхъ дѣлахъ великаго государя Императора Петра Перваго, самодержца великаго всероссійскаго...»; у Хораньи: Istoria o Zechij j slawen'üch dielach' Imperatora Petra Welikagho Samoderzchtza Wserossyskagho.

будучи венгерскимъ подданнымъ, считалъ небезопаснымъ поставить свое имя на сочиненіи, прославлявшемъ Россію Петра Великаго: вѣнское правительство, въ эпоху Маріи-Терезіи, довольно косо смотрѣло на всякую связь венгерскихъ сербовъ съ Россіей; тѣмъ болѣе неумѣстнымъ должно было ему показаться столь открытое проявленіе симпатіи къ Россіи, какимъ являлось Ж и т і е. Отсюда было недалеко до заключенія, что иллюстрированное изданіе съ полнымъ именемъ автора предназначалось исключительно для распространенія въ Россіи, или же въ турецкой Сербіи. Между тѣмъ, именно въ Россіи иллюстрированнаго изданія, какъ будто и не имѣется; во всякомъ случаѣ, оно неизвѣстно русской библіографіи (возможно впрочемъ, что болѣе тщательные поиски и обнаружатъ это изданіе въ какой нибудь русской библіотекѣ, хотя бы тотъ экземпляръ, который Орфелинъ, по всей вѣроятности, поднесъ императрицѣ). Съ другой стороны, оба экземпляра этого изданія, описанные Руварацемъ, находились въ XVIII вѣкѣ во владѣніи одной сербской семьи въ Земунѣ, т. е., какъ разъ въ предѣлахъ Габсбургской монархіи. Такъ или иначе, уже четыре года спустя послѣ выхода Ж и т і я, авторство Орфелина было раскрыто въ латинскомъ біографическомъ словарѣ Хораньи, чрезвычайно распространенномъ именно въ Венгріи; и нужно прибавить, что это обстоятельство въ политическомъ отношеніи Орфелину нисколько не повредило. А т. к. венгерскому біографу извѣстно даже о готовящихся трудахъ Орфелина, то не исключена возможность и того, что Орфелинъ самъ и сообщилъ Хораньи свѣдѣнія о себѣ.

Возможно, что Орфелинъ собирался все изданіе выпустить съ гравюрами (на это указываютъ ссылки на нихъ въ текстѣ книги), но по какимъ то причинамъ основное изданіе вышло въ Венеціи въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ теперь извѣстно, т. е. безъ имени автора и безъ гравюръ[1]. Возможно также, что и посвященіе анонимнаго изданія, подписанное Өеодози, дѣйствительно не было составлено Орфелиномъ:

1. Сербскій писатель Павелъ Соларичъ, служившій въ началѣ XIX вѣка въ типографіи Өеодози, издалъ въ 1810 году каталогъ славянскихъ книгъ, выпущенныхъ этой типографіей (П о м и н а к ъ к н ь и ж е с к і й . . .): въ этомъ каталогѣ упоминается лишь анонимное Ж и т і е, изъ чего можно заключить, что иллюстрированнаго изданія не имѣлось въ Венеціи, ни среди типографскихъ экземпляровъ Өеодози, ни въ библіотекѣ Св. Марка, въ которую однако поступалъ обязательный экземпляръ всѣхъ печатавшихся на территоріи Венеціанской республики книгъ (какъ извѣстно, венеціанское правительство однимъ изъ первыхъ, уже въ 1608 году, ввело у себя обязательный экземпляръ).

языкъ этого посвященія свободенъ отъ сербизмовъ, и тѣмъ существенн, отличается отъ подлиннаго стиля Орфелина въ остальной части труда и въ гравированномъпосвященіи[1]. Во всякомъ случаѣ, Житіе представляетъ въ настоящее время, какъ видимъ, цѣлый рядъ еще неразрѣшенныхъ загадокъ.

Трудъ Орфелина имѣетъ несомнѣнную цѣнность, какъ первая оригинальная исторія царствованія Петра Великаго на русскомъ языкѣ. Правда, Орфелинъ былъ лишенъ возможности пользоваться русскими архивами; но зато онъ изучилъ почти всю тогдашнюю литературу о Петрѣ Великомъ: приведенная въ концѣ второго тома бібліографія («Записка писателей, съ которыхъ сія Исторіа на Славенской языкъ списана и сочинена») содержитъ 46 названій, изъ нихъ 14 на русскомъ языкѣ[2]. Орфелинъ не особенно довѣрялъ иностраннымъ писателямъ, такъ какъ они писали «по большой части изъ публичныхъ газетовъ, коимъ вѣрити не всегда причину имѣемъ, а паче потому, что оныхъ временъ писателіе такихъ газетъ, будучи со Шведами одного закону, другіежъ и завидяще щастію новаго Россійскаго оружія, старались отводити Европу отъ обоженія преславнаго Монарха Россійскаго» (1, предисловіе). Поэтому Орфелинъ избралъ довольно своеобразный, но, увы, весьма сомнительный способъ контроля иностранныхъ авторовъ: «и такъ списывалъ я изъ иностранныхъ все то, что подтверждалось, или по послѣдней мѣрѣ не уничтожалось Россійскими извѣстіями» (тамъ же). Особенно недовѣрчиво относился Орфелинъ къ французамъ, въ частности къ Вольтеру. Вотъ какъ онъ отзывается, напримѣръ, объ историкѣ Лакомбѣ, по поводу его описанія кампаніи 1702 года: «Лакомбе имѣя духа Францусскаго, самъ не зналъ что писалъ; онъ первую баталію премолчалъ, а другую описалъ безпорядочно. Французы отъ большой части въ Писаніи Исторіи самовольны» (1, стр. 288, примѣчаніе). Орфелинъ, по собственному признанію, больше всего пользовался извѣстнымъ Разсужденіемъ Шафирова (Спб., 1717) и девятитомной Sammlung russischer Geschichte историка Миллера (Спб., 1732—1765). Изъ иностранныхъ сочиненій слѣдовалъ онъ главнымъ образомъ труду аббата Ant. Catiforo, Vita di Pietro il grande Imperador della

1. См. ниже.
2. Объ исторической цѣнности Житія, см. статью (на сербскомъ языкѣ) Н. Радойчича: «Захариjа Орфелин као историчар», Гласник Историског друштва у Новом Саду (VI, стр. 264—280), а также цитированную книгу Т. Остоича, стр. 137—180.

Russia, estratta da varie memorie pubblicate in Francia e in Olanda (Венеція, нѣсколько изданій, начиная съ 1736 года)[1].

Орфелинъ написалъ свое сочиненіе прежде всего для сербовъ, какъ онъ самъ это подчеркиваетъ въ предисловіи. Для сербскихъ же читателей предназначались очень обстоятельныя описанія сношеній южныхъ славянъ съ Россіей, подробности о переселеніи сербовъ въ Новороссію, и т. д. На стр. 82-84 второго тома приведена даже черногорская народная пѣсня, сочиненная по случаю извѣстной прокламаціи Петра Великаго къ сербамъ во время Прутскаго похода.

На какомъ же языкѣ написанъ этотъ трудъ, имѣвшій въ виду сербскаго читателя? Въ заглавіи языкъ названъ «славенскимъ», что въ сущности ничего не означаетъ. Но въ предисловіи находятся болѣе подробныя свѣдѣнія: «Сего-то преславнаго Императора, несравненаго Героя, нынѣшняго Царства Россійскаго Основателя, Просвѣтителя и Отца Житіе и славныя дѣла описаны почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, единъ только Славенской былъ по сіе время таковаго утѣшенія лишенъ, затѣмъ что народы того языка на Югозападу обитающіе самы того учинить средства не имѣли, а отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились, и такъ остались всегда въ одномъ только напрасномъ желаніи, въ которомъ и я съ нимижъ находился, и которымъ единственно возбужденъ выдать настоящую о высокопомянутомъ Императорѣ Исторію на нашемъ Славенскомъ языкѣ». Такимъ образомъ, въ пониманіи Орфелина, «славенскій» языкъ былъ литературнымъ языкомъ общимъ русскимъ и сербамъ. Для 70-хъ годовъ XVIII вѣка это приблизительно и соотвѣтствовало дѣйствительности: идеаломъ литературнаго языка былъ для сербовъ въ эту эпоху чаще всего языкъ русскихъ духовныхъ писателей, т. е. русскій, но съ сильной примѣсью церковно-славянскаго. Въ нѣкоторыхъ сербскихъ историческихъ трудахъ языкъ былъ почти тождественъ съ языкомъ соотвѣтствующей русской литературы, отличаясь отъ него лишь извѣстнымъ количествомъ сербизмовъ, неизбѣжныхъ у авторовъ иностранцевъ. Такимъ нѣсколько сербизированнымъ стилемъ и написано Житіе, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ мною отрывковъ[2]. Правда, въ печатномъ посвященіи

---

1. Книга Катифоро была переведена Стефаномъ Писаревымъ на русскій языкъ съ греческаго изданія и вышла въ Петербургѣ въ томъ же 1772 году, что и Житіе Орфелина.

2. О литературномъ языкѣ сербовъ въ XVIII вѣкѣ, см. мою книгу: **Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes**, Paris, 1935; въ частности, о языкѣ Житія, стр. 47-48.

говорится, что книга написана на «Иллирическомъ (такъ здѣсь именуемомъ) діалектѣ»; но это только лишнее доказательство того, что посвященіе написано не Орфелиномъ, которому вообще не свойственъ терминъ «иллирическій» для обозначенія его собственнаго литературнаго языка.

Итакъ, по языку Житіе вполнѣ можетъ считаться русской книгой; русскіе библіографы не имѣли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній и неизмѣнно включали трудъ Орфелина въ описанія русскихъ изданій XVIII вѣка. Но самъ Орфелинъ является одной изъ блестящихъ фигуръ сербскаго возрожденія XVIII вѣка, и Житіе занимаетъ поэтому почетное мѣсто и въ исторіи сербской культуры (между прочимъ, съ чисто внѣшней, типографской, стороны Житіе, несомнѣнно, лучшая сербская книга XVIII вѣка). Естественно поэтому, что изученіемъ Орфелина и его труда о Петрѣ Великомъ занимались почти исключительно сербскіе ученые. Въ Россіи объ Орфелинѣ упоминаютъ лишь нѣкоторые слависты, библіографы же и историки упорно продолжаютъ считать авторомъ Житія типографа Өеодози.

Одновременная принадлежность сербской и русской культурѣ характерна не только для одного разбираемаго труда Орфелина. Она вообще свойственна очень многимъ изданіямъ XVIII вѣка, печатавшимся для сербскихъ читателей въ венеціанской типографіи Өеодози (съ 1759 года) и вѣнской Курцбека (съ 1770 года; въ 1792 году эта типографія перешла въ руки Ст. Новаковича, а въ 1796 была продана примасу Венгріи Батяньи и слилась съ типографіей университета въ Пештѣ). Өеодози перепечатывалъ иногда русскія церковныя книги безъ всякаго измѣненія, и даже съ обозначеніемъ Москвы, какъ мѣста изданія. Дѣлалъ онъ это изъ чисто коммерческихъ соображеній, чтобы легче продавать свои изданія православнымъ сербамъ, склоннымъ недовѣрчиво относиться къ церковной книгѣ, напечатанной въ католической Венеціи. Распространенію католицизма типографія Өеодози никогда не служила (какъ служила ему, напримѣръ, славянская типографія въ Трнавѣ, въ Словакіи), хотя римская Пропаганда и пыталась использовать ее въ этомъ направленіи. Но попытки эти наткнулись на сопротивленіе самого венеціанскаго правительства, которое нисколько не желало въ угоду Святѣйшему Престолу, портить отношеній со своими многочисленными православными подданными въ Далмаціи, а одновременно и съ Россіей, которая имъ покровительствовала[1]. Изданія Өеодози

1. Исторія основанія типографіи Өеодози изложена сербскимъ историкомъ

представляютъ, слѣдовательно, несомнѣнный интересъ для русской библіографіи. Но роль ихъ и мѣсто въ ней еще совершенно не выяснены, и въ русскихъ библіографическихъ трудахъ имѣются на эти и подобныя имъ изданія лишь случайныя ссылки.

ЖИТІЕ
И
СЛАВНЫЯ ДѢЛА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи
О РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,
Первѣе на Славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ Славено-сербскихъ словъ на Россійской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Печатано иждивеніемъ купцовъ: Санктпетербургскаго Сергея Копнина, и Иркуцкаго Ивана Байбородина.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ
1774 года.

Титульный листъ петербургскаго изданія Житія.

Книга Орфелина имѣла успѣхъ не только у сербовъ, но и въ Россіи. Два года послѣ ея появленія вышло въ Петербургѣ новое изданіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ, первѣе на Славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ Славено-сербскихъ словъ на Россійской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Томъ первый — второй. Печатано иждевеніемъ купцовъ: Санкпетербургскаго Сергея Копнина, и Иркуцкаго Ивана Байбородина. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ, 1774 года.[1] Какъ видно уже изъ заглавія, издатели украсили Житіе цѣлымъ рядомъ иллюстрацій и плановъ, обстоятельство, которое заставило предположить біографа Орфе-

I. Томичемъ въ Гласѣ Сербской королевской академіи, CXXXIII, 1929, стр. 29—73.

1. Это изданіе считается болѣе рѣдкимъ, чѣмъ венеціанское. Я пользовался экземпляромъ, любезно предоставленнымъ мнѣ А. К. Семенченковымъ.

лина, Т. Остоича, что это петербургское изданіе воспроизводитъ иллюстрированный варіантъ венеціанскаго[1]: на самомъ же дѣлѣ оно восходитъ къ анонимному изданію, и его иллюстраціи не находятся ни въ какой связи съ гравюрами Орфелина[2]. Вообще, отличія петербургскаго изданія отъ венеціанскаго еще совершенно не изучены, если не считать тѣхъ бѣглыхъ и не совсѣмъ точныхъ замѣчаній, которыми ограничился Губерти.

Фронтиспись петербургскаго изданія Житія

Новое изданіе начинается хронологической таблицей царствованія Петра Великаго (на пяти страницахъ), которой нѣтъ въ венеціанскомъ изданіи. За ней помѣщено «Предувѣдомленіе отъ трудившихся въ напечатаніи сей книги», подписанное купцами Коппинымъ и Байбородинымъ. Для насъ въ этомъ «предувѣдомленіи» представляетъ интересъ изложеніе причинъ, сдѣлавшихъ необходимымъ новое изданіе Житія. Мы узнаемъ, что изъ этихъ причинъ «первая и главнѣйшая есть та, что въ перьвомъ ея изданіи, вышедшемъ въ 1772 годѣ въ Венеціи, во многихъ мѣстахъ сочинитель ея и издатель за неимѣніемъ достовѣрныхъ къ намѣренію своему извѣстій погрѣшилъ противъ самыя историческія истинны; а второю и не меньше важною полагается та, что какъ сія книга печатана единственно для Славяно-сербскаго народа, то и слогъ въ ней, коимъ она написана, употребленъ болѣе тому народу, а

1. Указанное соч., стр. 144.
2. Иллюстраціи петербургскаго изданія подробно описаны Н. Губерти въ его Матеріалахъ для русской библіографіи, вып. I, стр. 332—342.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НАЧАЛО ВЕЛИКИХЪ ПРЕМѢНЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Государь учреждаетъ регулярную армію, и установляетъ чтобъ Боярскимъ самимъ служить при арміи Сухопутной и Морской; Отходитъ во Азовъ; Перемиріе съ Турками, учиненное въ Карловицѣ Сремскомъ; Кончина и славное погребеніе Любимца Государева, Генерала Лефорта; Отправленіе Посла въ Царьградъ; Государь возвращается изъ Азова въ Воронежъ, а изъ Воронежа въ Москву; Установляетъ годичное счисленіе лѣтъ съ 1 Генваря; Повелѣваетъ носить Нѣмецкое платье и брить брады; Даетъ женскому полу обхожденіе съ людьми свободное; Указъ, чтобъ женихамъ и невѣстамъ прежде сочетанія свидаться, и одному у другаго соизволенія персонально требовать; О собираніи контрибуціи отъ подданныхъ; Заключеніе мира съ Турками на тридесять лѣтъ.

1698 годъ. Истребивъ Царь ПЕТРЪ съ такою жестокостію (нужною въ такой земли, где народъ въ суровости находится) непріятелей Своего правленія, получилъ удобнѣйшій случай къ заведенію въ своемъ Государствѣ всего того, чему Онъ въ путешествіи своемъ учился, и что съ крайнимъ примѣчаніемъ въ Европейскихъ Государствахъ собиралъ. Самое первое стараніе принялъ Онъ о заведеніи въ Россіи регулярнаго войства, разсуждая что безъ таковаго ни какое Государство въ совершенной безопасности быть не можетъ; а сіе Россія и испытала не единократно въ свой вредъ,

Начало шестой главы въ венеціанскомъ изданіи

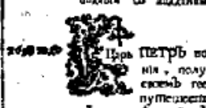

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАЧАЛО ВЕЛИКИХЪ ПРЕМѢНЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Государь учреждаетъ регулярную армію, и установляетъ, чтобъ боярскимъ дѣтямъ служить при арміи сухопутной и морской; отъѣзжаетъ въ Азовъ; перемиріе съ Турками учиненное въ Карловицѣ Сремскомъ; кончина и славное погребеніе любимца Государева, Генерала Лефорта; отправленіе посла въ Царьградъ; Государь возвращается изъ Азова въ Воронежъ, а изъ Воронежа въ Москву; установляетъ счисленіе лѣтъ съ 1 Генваря; повелѣваетъ носить Нѣмецкое платье и брить бороды; даетъ женскому полу обхожденіе съ людьми свободное; указъ, чтобъ женихамъ и невѣстамъ прежде сочетанія свидыватися, и одному у другаго соизволенія персональнаго требовать; о собираніи податей съ владѣльцовъ; заключеніе мира съ Турками на тридцать лѣтъ.

[illegible] Царь ПЕТРЪ по истребленіи неприятелей своего правленія, получилъ удобнѣйшій случай къ заведенію въ своемъ государствѣ всего того, чему онъ въ путешествіи своемъ учился, и что съ крайнимъ прилѣжаніемъ въ Европейскихъ государствахъ собиралъ. Самое первое стараніе принялъ онъ о заведеніи въ Россіи регулярнаго войска, разсуждая, что безъ такового

Начало шестой главы въ петербургскомъ изданіи

не Россійскому свойственный, такъ что многія въ ней находятся не токмо такія слова, но и самыя выраженія, которыхъ знаменованія не токмо не упражнявшіеся въ свободныхъ наукахъ Россіане, но и тѣ самые, кои довольное въ оныхъ препроводили время, не зная Славенскаго языка, съ великимъ трудомъ разумѣть совершенно могутъ. Третіе, что и самыхъ книгъ сея исторіи вывезено въ Россію столь мало, что многіе любители исторіи своего отечества, напослѣдокъ ни за какія деньги получить оныя не могли».

Итакъ, тотъ «славенскій» языкъ, который Орфелинъ считалъ общимъ русскимъ и сербамъ, оказался непріемлемымъ для русскаго читателя. Ссылка на чрезвычайно трудное пониманіе этого языка несомнѣнно преувеличена издателями; но, съ чисто эстетической стороны, большое количество сербизмовъ конечно должно было раздражать неподготовленнаго читателя.

Издатели поставили себѣ, какъ мы видимъ, двѣ задачи: во первыхъ, исправить языкъ книги, и, во вторыхъ, устранить нѣкоторыя фактическія неточности.

Первая задача, исправленіе слога, была возложена на коллежскаго секретаря Василія Алексѣевича Троепольскаго (біографическихъ свѣдѣній о немъ мнѣ не удалось найти). Нельзя сказать, чтобы онъ справился съ ней особенно успѣшно. Ошибки Орфелина въ русскихъ словахъ исправлялъ онъ, правда, довольно добросовѣстно, мѣняя, напримѣръ, «столѣтствіе» на «столѣтіе», «подданикъ» на «подданный», «неустрашность» на «неустрашимость», «желилъ» на «желалъ», и т. д. То же самое можно сказать и о чисто сербскихъ словахъ, которыя Троепольскій обыкновенно замѣнялъ русскими; такъ, напримѣръ, находимъ мы у него «наказывать» вмѣсто «каштиговати» Орфелина, «лапти» вмѣсто «опанки», и т. д. Но познанія Троепольскаго въ сербскомъ языкѣ не шли повидимому очень далеко, и текстъ его содержитъ еще довольно много сербизмовъ: переведя, напримѣръ, правильно слово «опанки», онъ, въ той же фразѣ, оставляетъ сербскую конструкцію и пишетъ «отъ липовой коры лапти» (I, стр. 294; вмѣсто «изъ...»); онъ переноситъ изъ оригинала выраженіе «предрагими своими трудами» (стр. 293; вмѣсто «драгоцѣнными...»); оставляетъ фразу: «въ своемъ дивьемъ обычаѣ» (стр. 294; вмѣсто ... «дикомъ»...). Вообще, Троепольскій старался проявить какъ можно меньше инициативы въ «исправленіи» Житія. Къ своей задачѣ онъ отнесся настолько механически, что счелъ даже нужнымъ сохранить всѣ замѣчанія Орфелина, относящіяся спеціально

къ читателямъ-сербамъ и совершенно безсмысленныя въ русскомъ изданіи. Вотъ нѣсколько подобныхъ замѣчаній изъ перваго тома: «каменные утесы (или низбердице)» (стр. 13, прим.), «землянымъ валомъ (или какъ Сербы говорятъ эндекомъ)» (тамъ же), «въ шалашахъ (что лучше по сербски сказать, въ колебахъ или чергахъ)» (стр. 26, прим.), и т. д. Дѣло доходитъ до того, что на страницѣ 25 при словѣ «товаръ» имѣется сноска, поясняющая, что «товаръ разумѣется по нашему хеспапъ»: это нелѣпое примѣчаніе могло вызвать у русскаго читателя лишь раздраженіе[1].

Житіе съ «исправленнымъ» стараніями Троепольскаго слогомъ было затѣмъ представлено издателями историку кн. М. М. Щербатову для исправленій по существу, что онъ и сдѣлалъ, какъ сказано въ предувѣдомленіи, «единственно изъ любви къ исторіи Россійской и изъ желанія оказать и въ семъ случаѣ новые опыты усердія своего къ отечеству». Такая формулировка заставляетъ предполагать, что кн. Щербатовъ взялся за порученное ему дѣло безъ особаго энтузіазма. Въ самый текстъ Житія не внесъ онъ никакихъ измѣненій, если не считать нѣкоторыхъ перестановокъ въ географическомъ описаніи Россіи. Онъ даже не потрудился замѣнить подлинными текстами тѣ многочисленные указы и документы, которые Орфелинъ, по собственному признанію, даетъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Задачу свою кн. Щербатовъ ограничилъ извѣстнымъ количествомъ критическихъ замѣчаній на казавшіеся ему неправильными утвержденія Орфелина. Въ части, касающейся собственно исторіи Петра Великаго, замѣчанія эти основаны главнымъ образомъ на Журналѣ Петра Великаго, изданномъ кн. Щербатовымъ въ 1770-1772 годахъ и оставшемся неизвѣстнымъ Орфелину. Критическія замѣтки кн. Щербатова касаются почти исключительно деталей. Онѣ не послужили для исправленія текста, а были включены въ книгу въ сыромъ видѣ, въ качествѣ примѣчаній внизу страницы. Въ результатѣ получилась довольно своеобразная книга, содержаніе которой во многихъ мѣстахъ оспаривается или прямо опровергается примѣчаніями. Утвержденіе Орфелина, напримѣръ, что въ Россіи имѣется три полка гвардіи, сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: «не знаю, почему авторъ написалъ только три полка гвардіи, конной и пѣхотной, ибо до 1762 году уже было четыре полка...» (I, стр. 47). На стр. 265 перваго тома говорится, что рус-

1. Для сербовъ это примѣчаніе имѣло смыслъ, т. к. слово «товар» имѣетъ въ сербскомъ языкѣ лишь значеніе «груза» или «вьючнаго животнаго» (т. е. «осла»).

скія войска понесли въ битвѣ подъ Гуммельсгофомъ уронъ въ 4000 человѣкъ; примѣчаніе кн. Щербатова заявляетъ: «на сей баталіи Россійскихъ войскъ побито 411 человѣкъ». Не было бы проще исправить цифры и обойтись безъ примѣчаній? Орфелинъ говоритъ, что Кій, Щекъ и Хоревъ были славянскими князьями; по Щербатову «можно сумнѣваться Славянскаго ли поколѣнія были сіи три Князя; ибо по крайней мѣрѣ имена ихъ болѣе сходствуютъ на Гунскія или Татарскія, нежели на Славянскія» (I, стр. 58). Когда Орфелинъ обвиняетъ кн. Долгорукова въ зависти, Щербатовъ за него энергично вступается: «Клевета сія на князя Якова Θеодоровича Долгорукова есть совсѣмъ не справедлива; ибо онъ былъ человѣкъ духу твердаго усердной сынъ отечества и вѣрной подданной своему Государю...» (I, стр. 247). Эти примѣры даютъ намъ достаточное понятіе о томъ, чѣмъ были примѣчанія кн. Щербатова.

Въ томъ, какъ были использованы замѣчанія кн. Щербатова, сказывается главный недостатокъ петербургскаго изданія Житія: отсутствіе редактора, который смогъ бы объединить усилія издателей-купцовъ и обоихъ привлеченныхъ ими сотрудниковъ. Такимъ редакторомъ могъ бы, конечно, явиться кн. Щербатовъ, но онъ повидимому не захотѣлъ взять на себя этого труда. Возможно впрочемъ, что самъ Щербатовъ пожелалъ рѣзко отдѣлить свои примѣчанія отъ текста Орфелина: этимъ, съ одной стороны, сохранялъ онъ за собой авторство примѣчаній, а съ другой, не бралъ на себя отвѣтственности за Житіе въ цѣломъ.

Каковы бы ни были мотивы, которыми руководился кн. Щербатовъ, они, въ соединеніи съ неопытностью Троепольскаго, въ значительной степени парализовали добрыя намѣренія издателей. Петербургское изданіе Житія вышло не такимъ, какимъ оно должно было и легко могло быть; по сравненію съ венеціанскимъ оно представляетъ лишь незначительный шагъ впередъ.

Борисъ Унбегаунъ

И. Д. СЫТИНЪ — ИЗДАТЕЛЬ

И. Д. Сытинъ былъ не только издателемъ книгъ, онъ былъ одержимъ страстью къ книгѣ. Неизвѣстную ему книгу онъ разсматривалъ, какъ коллекціонеръ разсматриваетъ унику. Осторожно перелистывалъ, щупалъ переплетъ, взвѣшивалъ на руку, всматривался въ печать, воспринималъ книгу всѣми чувствами. Тутъ же по какой то интуиціи опредѣлялъ *судьбу* книги: пойдетъ или не пойдетъ.

Откуда въ крестьянинѣ, учившемся на мѣдные гроши, неумѣвшемъ до конца дней грамотно писать, родилась эта благороднѣйшая страсть къ книгѣ? Любовь къ книгѣ своеобразно сочеталась у него съ морально-религіозными исканіями. Расчетливый купецъ, человѣкъ большой практической складки, онъ былъ всю жизнь мечтателемъ, ищущимъ смысла жизни. Эта мечта о праведной жизни гнала его къ людямъ, у которыхъ онъ думалъ найти вершины человѣческой правды: и въ Ясную Поляну къ Толстому, и къ Іоанну Кронштадскому, и къ Горькому на Капри, и къ схимнику въ Троице-Сергіево. Книга для И. Д. Сытина опредѣленно связывалась съ мыслями о жизни *праведной*. На книгу онъ смотрѣлъ, какъ на силу, ведущую народъ въ міръ, къ улучшенію жизни, къ пониманію ея смысла.

Съ четырнадцати лѣтъ онъ былъ приставленъ къ народной книж-

кѣ. Въ лавку Шарапова онъ былъ отданъ, какъ мальчикъ на побѣгушкахъ: стоялъ за прилавкомъ, ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги. Здѣсь, у Шарапова онъ вошелъ въ міръ офеней, деревенскихъ книгоношъ, костромскихъ и владимірскихъ крестьянъ, разносившихъ по деревнямъ лубочныя картины и народныя книжки — Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, Кидриллу-Обжору, Прекрасную магометанку умирающую на гробѣ мужа. Этому міру народной книги Сытинъ оставался вѣренъ всю жизнь. За пятьдесятъ лѣтъ своей издательской дѣятельности, онъ выпустилъ колоссальное количество лубочныхъ картинъ и книгъ. По изслѣдованіямъ Н. В. Чехова, настоящая лубочная картина русской работы появилась у насъ не ранѣе второй половины XVII вѣка, хотя съ самаго начала XVII вѣка имѣются указанія на существованіе въ Москвѣ торговли картинами въ листахъ, но это былъ привозный иностранный товаръ. Въ началѣ лубочныя картины русской работы (русскіе мастера гравировальнаго искусства появились въ Россіи еще въ XVI вѣкѣ) были только копіями съ иностранныхъ образцовъ, но съ русскимъ текстомъ. Коллекціи такихъ картинъ были въ молодости у Царевича Алексѣя Михайловича, ими пользовался и дьякъ Зотовъ, первый учитель Царевича Петра Алексѣевича. Постепенно мастера, изготовлявшіе картины, стали обращаться къ русскимъ оригиналамъ и источникамъ. Сначала сюжетомъ брались только отдѣльныя фигуры или сцены, затѣмъ появились лубочныя картины, содержаніе которыхъ раскрывалось въ рядѣ сюжетно между собой связанныхъ рисунковъ, сопровождавшихся краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Лубочная книга родилась изъ этой лубочной картины.

Свѣтскія повѣсти и сказанія были первыми не набранными, а рѣзанными на доскахъ народными книгами, ведущими свое происхожденіе отъ литературы XVI и XVII вѣковъ. Таковы Бова Королевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ и Шемякинъ Судъ.

Къ этимъ классическимъ образцамъ лубочной литературы присоединились впослѣдствіи полюбившіеся народу разсказы о Шутѣ Балакиревѣ, Какъ солдатъ спасъ жизнь Петру Великому, Бабушка Марфа (гдѣ фигурируетъ Александръ I), Битва русскихъ съ кабардинцами, Ермакъ — покоритель Сибири, Раз-

бойникъ Чуркинъ, Турецкій наѣздникъ Янанча. Впослѣдствіи на лубочныя изданія стала вліять и общая литература. Вій Гоголя выходитъ подъ названіемъ Три ночи у гроба въ вольномъ пересказѣ.

По этому пути и шло издательство Сытина, постепенно превращавшееся изъ чисто народнаго лубочнаго издательства въ издательство культурное, но не порывавшее связей съ лубочной книгой и ея потребителемъ.

Лубокъ, изображающій имп. Вильгельма II

Въ 1914 году Сытинъ сдѣлалъ попытку измѣнить характеръ лубка, привлекъ къ работѣ надъ нимъ видныхъ художниковъ во главѣ съ Н. К. Рерихомъ, издалъ нѣсколько новыхъ сюжетовъ, но старый, исторически сложившійся, лубокъ не поддался модернизаціи и лубочныя картины продолжали издаваться въ милліонахъ экземпляровъ по стародавнимъ образцамъ. Изъ модернизированныхъ лубочныхъ изданій успѣхъ имѣла только картина Н. К. Рериха Врагъ рода человѣческаго. Вильгельмъ II изображенъ на ней въ видѣ дьявола съ копытами и длиннымъ хвостомъ. Рисунокъ выдержанъ въ стилѣ средневѣковыхъ миніатюръ.

Сытинъ любилъ народный лубокъ и съ гордостью заявлялъ, что лубочныя картины одобрялъ самъ А. С. Пушкинъ. Дѣйствительно, у Пушкина есть замѣчаніе о лубкѣ, занесенное имъ въ свои путевыя замѣтки въ Мысляхъ въ дорогѣ. Въ ожиданіи лошадей Пушкинъ на стѣнѣ станціонной комнаты увидѣлъ народныя картинки: Погребенье мышами кота и Споръ краснаго

носа съ сильнымъ морозомъ и записалъ: «Картинки эти заслуживаютъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи вниманія образованнаго человѣка».

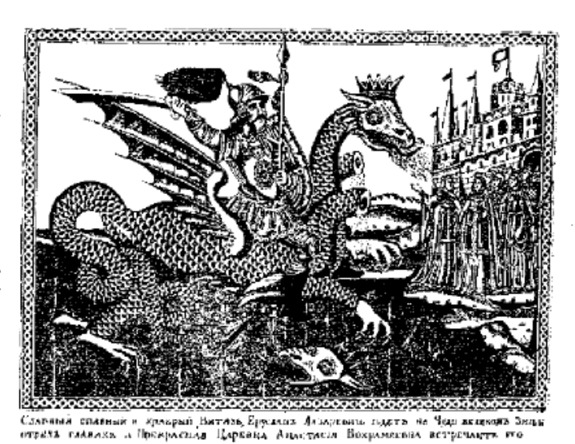
Одновременно съ лубочными картинами И. Д. Сытинымъ издавались, тоже въ милліонахъ экземпляровъ, его отрывные календари, гдѣ на оборотной сторонѣ каждаго листка давались на каждый день краткія свѣдѣнія по сельскому хозяйству, историческія справки, занимательныя замѣтки, поученія. До Сытина существовалъ въ Россіи единственный дешевый календарь Гатцука. Расходился онъ почти исключительно среди городского населенія. Деревня календаря не знала. Сытинъ первый пустилъ календарь въ народъ. По этому календарю народъ узнавалъ «праздники и замѣчательныя событія, знакомился съ картой звѣзднаго неба, сколько какихъ людей живетъ на свѣтѣ, какія государства и города на землѣ».

Отъ лубочной картины, народной сказки и календаря Сытинъ постепенно сталъ переходить къ книгѣ вообще. Свою собственную торговлю онъ открылъ 1-го января 1883 г. Шараповъ поддержалъ его на первыхъ порахъ товаромъ на 5.000 рублей. Лавка помѣщалась у Ильинскихъ воротъ на Старой площади.

Сытинъ горѣлъ настоящимъ издательскимъ азартомъ. Ему бы издавать рѣшительно все, начиная отъ Библіи и распоряженій правительства и кончая прокламаціями революціонеровъ. Въ его издательскомъ хаотическомъ царствѣ наступилъ порядокъ и опредѣлилась твердая линія въ сторону культуры въ значительной степени благодаря Московскому Комитету Грамотности, съ которымъ онъ сблизился въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Комитетъ грамотности, основанный при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, состоялъ изъ лицъ общественныхъ и представителей администраціи. На засѣданіяхъ его бывали одновременно и Л. Н. Толстой и московскій цензоръ Рахманиновъ. Комитетъ заботился о распространеніи полезныхъ книгъ среди населенія. Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ предоставили Комитету право выбрать и издать, что онъ найдетъ нужнымъ изъ ихъ произведеній. Рѣшено было напечатать Севастопольскіе разсказы Толстого и Муму Тургенева. Былъ поставленъ вопросъ о способахъ распространенія изданій въ народѣ и о количествѣ необходимыхъ экземпляровъ. На это засѣ-

даніе, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ К. Мазингъ, былъ приглашенъ И. Д. Сытинъ, только что начинавшій тогда свою самостоятельную издательскую дѣятельность. Въ отвѣтъ на предложеніе издавать 3600 экземпляровъ каждой книги, Сытинъ впервые изложилъ публично свой взглядъ на задачи народнаго дѣла. Онъ говорилъ, что поле распространенія народныхъ книгъ въ Россіи безгранично, но способы распространенія, которыхъ придерживаются просвѣтительныя общества, не обезпечиваютъ широкаго сбыта книги. Книга должна быть дешева и находиться въ продажѣ тамъ, гдѣ народъ покупаетъ всякій иной товаръ. Она должна быть на рынкѣ, на ярмаркѣ, въ мелочной лавкѣ, въ узлѣ всякаго разносчика, ибо нельзя ждать, пока крестьянинъ самъ придетъ за книгой. И тогда надо будетъ печатать не три тысячи, а сотни тысячъ экземпляровъ.

Лубокъ изданія И. Д. Сытина

Это первое выступленіе Сытина сблизило его съ Комитетомъ Грамотности и въ дальнѣйшемъ дало огромный толчокъ его издательской дѣятельности. Онъ создалъ Товарищество И. Д. Сытина съ капиталомъ въ 36.000 рублей и сразу поставилъ дѣло широко и по новому. И до него были попытки приблизить книгу къ народу, но всѣ онѣ не имѣли успѣха, вслѣдствіе непрактичности лицъ, бравшихся за это дѣло. Сытинъ первый довелъ стоимость народной листовки до 80 коп. за сотню: дешевле одной копейки за книжку. Это былъ настоящій переворотъ на книжномъ рынкѣ. Его роль въ исторіи русской книги заключается въ томъ, что онъ создалъ массового русскаго читателя. Когда кончался срокъ авторскихъ правъ на Гоголя, Сытину его контора представила проектъ изданія полнаго собранія сочиненій писателя въ количествѣ 5.000 экземпляровъ по 2 рубля за экземпляръ. Сытинъ выслушалъ, надвинулъ очки на лобъ, сталъ мусолить карандашъ, что-то высчитывать на бумажкѣ и твердо заявилъ: «Не годится

Издадимъ двѣсти тысячъ по полтиннику». Въ своемъ разсчетѣ онъ оказался, конечно, правъ.

Крупнымъ этапомъ въ развитіи издательской дѣятельности Сытина было дѣло Посредника.

Иниціаторомъ Посредника былъ самъ Левъ Николаевичъ Толстой. Онъ часто бывалъ на Никольскомъ рынкѣ, заходилъ въ книжныя лавки, бесѣдовалъ съ торговцами, разспрашивалъ объ условіяхъ торговли. Это было въ 1884 году, когда Толстой страстно интересовался вопросами школы и свободнаго образованія русскаго народа. Выборъ его палъ на И. Д. Сытина, какъ издателя, и П. Бирюкова, какъ одного изъ редакторовъ; идейное руководство было въ рукахъ В. Г. Черткова.

Лубокъ изданія И. Д. Сытина

Успѣхъ совмѣстнаго дѣла Посредника и Товарищества **И. Д. Сытина** превзошелъ всѣ ожиданія и доставилъ И. Д всероссійскую извѣстность. Въ первые же четыре года было распространено свыше 12 милліоновъ брошюръ. До Сытина не знало такихъ тиражей русское книгопечатаніе. Въ этомъ сказался его геній, геній русскаго человѣка, повѣрившаго въ русскій народъ.

Въ 1915 году оборотъ Сытина превышалъ уже 13 милліоновъ рублей.

Здѣсь умѣстно будетъ привести нѣкоторыя цифры изъ исторіи русской книги. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія до 1600 года въ Россіи было напечатано только 11 книгъ, при Михаилѣ Федоровичѣ — 180, при Алексѣѣ Михайловичѣ — 187, при Петрѣ Великомъ — 600.

До 1770 года въ Россіи не существовало ни одного частнаго книжнаго магазина. За весь XVIII вѣкъ въ Россіи печаталось въ среднемъ всего только 125 книгъ въ годъ.

Въ XIX вѣкѣ книжное дѣло сравнительно быстро развивалось до 1825 года (Николай I), затѣмъ кривая рѣзко понижается вплоть до 1855-го года (Крымская Кампанія). По даннымъ Павленкова и Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати было издано:

Въ	1887	году	7	тыс.	названій въ	количествѣ	24	милл.	экземпляровъ.
»	1888	»	7	»	»	»	23	»	»
»	1889	»	8	»	»	»	24	»	»
»	1890	»	8	»	»	»	24	»	»
»	1891	»	9	»	»	»	29	»	»
»	1892	»	9	»	»	»	30	»	»
»	1893	»	10	»	»	»	33	»	»
»	1894	»	10	»	»	»	32	»	»
»	1895	»	11	»	»	»	42	»	»
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
»	1912	»	34.630		»	»	134	»	»

Въ этомъ ростѣ русскаго книгопечатанія замѣтную роль сыгралъ И. Д. Сытинъ. Годовая производительность его фирмы до 1910 г. была около 70 милліоновъ оттисковъ, съ 1883 года до 1910 г. имъ было издано 300 милліоновъ экземпляровъ или 2 милліарда оттисковъ книгъ и картинъ.

Въ 1915 году И. Д. Сытинъ пріобрѣлъ «Товарищество А. Ф. Маркса» и журналъ Н и в а, годовые подписчики котораго въ теченіе ряда лѣтъ получали въ видѣ преміи полныя собранія сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей.

Пятидесятилѣтіе своей самостоятельной книжной дѣятельности, въ концѣ 1916 года, Сытинъ ознаменовалъ основаніемъ Д о м а К н и г и. По мысли учредителей этотъ домъ долженъ былъ явиться низшей, средней и высшей школой всѣхъ отраслей книжнаго производства. При Д о м ѣ К н и г и открывались курсы для подготовки работниковъ печатнаго дѣла, классы художественнаго рисованія, намѣчалось устройство опытныхъ мастерскихъ и лабораторій, постояннаго книжнаго музея, періодическихъ выставокъ и т. д. Революція пріостановила это начинаніе.

Такой же размахъ, какъ и въ области книжнаго дѣла, Сытинъ проявилъ и въ области газетнаго издательства.

Его газета Р у с с к о е С л о в о, начатая имъ по совѣту

А. П. Чехова, въ первый годъ (въ 1898 году) разошлась въ количествѣ 13.600 экземпляровъ, въ концѣ же 1916 года тиражъ газеты превысилъ уже одинъ милліонъ экземпляровъ въ день. [1]

Русское Слово онъ ставилъ также по *сытински*. Гонораръ газетныхъ работниковъ онъ поднялъ до неслыханныхъ въ Россіи размѣровъ, петербургское отдѣленіе Русскаго Слова (которымъ я завѣдовалъ съ 1905 по 1917 г.) превратилось въ цѣлую редакцію, на газетную информацію онъ тратилъ милліоны рублей. Считая, что газета должна базироваться на телеграфномъ матеріалѣ, Сытинъ вошелъ въ переговоры съ агентствомъ Рейтера, съ газетами Матэнъ и Корріере делла Сера, чтобы создать газетно-телеграфный союзъ, ѣздилъ для этихъ переговоровъ въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ нѣсколько встрѣчъ съ владѣльцемъ Таймса лордомъ Нортклифомъ. Велъ переговоры съ правительствомъ о разрѣшеніи создать свою собственную телеграфную сѣть и собственный телефонный проводъ между Петербургомъ и Москвой. Намѣчалъ созданіе провинціальныхъ газетъ, связанныхъ съ основной газетой въ Москвѣ, и одновременно пріобрѣталъ лѣса и фабрики бумаги. «Я хочу, говорилъ онъ, чтобы мы получали изъ собственныхъ лѣсовъ древесину, изъ которой дѣлали бы для себя бумагу, чтобы наша бумага шла въ наши типографіи и чтобы всѣ наши изданія печатались на нашихъ машинахъ».

Онъ былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что эта система практикуется въ Америкѣ, и что она называется *концерномъ* или *трестомъ:* онъ и словъ этихъ не зналъ.

А. Румановъ

---

1. По поводу газетнаго тиража могу привести нѣкоторыя цифры, случайно сохранившіяся у меня, какъ директора Товарищества А. М. Марксъ (Нива).

Контора Нивы располагала данными о количествѣ подписчиковъ «по почтѣ» разныхъ газетъ и журналовъ. Эти данныя интересны въ томъ отношеніи, что онѣ далеко не соотвѣтствуютъ обычному представленію о почтовомъ тиражѣ русскихъ газетъ до революціи. Къ 20-му января 1917 года почтовыхъ подписчиковъ имѣли:

Рѣчь (40.121); Современное Слово (44.939); Новое Время (32.173); Биржевыя Вѣдомости (2-ое изданіе) (58.152); Петроградская Газета (18.535); Копѣйка (18.576); Русская Воля (14.624); День (13.615); Свѣтъ (16.999); Колоколъ (3.712); Земщина (3.937); Русское Знамя (1854); Нива (108.317); Природа и Люди (17.508); Огонекъ (6.626); Синій Журналъ (861).

О розничной продажѣ этихъ изданій у меня нѣтъ данныхъ.

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ АЛЯСКѢ И ДЛЯ АЛЯСКИ

Предлагаемая статья не притязаетъ на полноту: недоступность архивныхъ матеріаловъ, отсутствіе въ Парижѣ ряда книгъ, трудность сношеній съ русскими въ самой Аляскѣ, позволили мнѣ дать только краткій очеркъ состоянія русской культуры въ бывшихъ Россійско-Американскихъ колоніяхъ. Свѣдѣніями, которыми я располагалъ, я въ значительной мѣрѣ обязанъ друзьямъ нашего Общества: проф. Александру Александровичу Васильеву, протоіерею о. Андрею Кашеварову, ветерану русскаго дѣла въ Аляскѣ, Хефзибѣ М. Менюхиной и ея сестрѣ Ялтѣ М. Менюхиной, которыя предоставили редакціи Временника фотографіи Alaska Herald и сдѣлали для меня выписки изъ разныхъ изданій, наконецъ, послѣднему по времени моему корреспонденту, преосвященному Алексію, епископу Алеутскому и Аляскинскому. Всѣмъ имъ — искренняя благодарность. Я также признателенъ С. Г. Сватикову, подѣлившемуся со мной своими библіографическими данными, и Н. Р. Родіонову, завѣлующему Славянскимъ отдѣломъ Вашингтонской библіотеки Конгресса, любезно сообщившему цѣнныя справки.

* * *

30 марта 1867 г. былъ подписанъ договоръ, на основаніи котораго Россійское правительство уступало Соединеннымъ Штатамъ за 7.200.000 долларовъ всѣ свои американскія владѣнія: полуостровъ Аляску, Алеутскіе острова и Прибыловы острова въ Беринговомъ морѣ.

18 октября того же года въ Ново-Архангельскѣ состоялась передача власти американскому военному начальству. Русское населеніе колоній имѣло право въ теченіе трехъ лѣтъ вернуться на родину, или же принять американское гражданство: туземцы подпали подъ дѣйствіе американскихъ законовъ о краснокожихъ. Политическая и экономическая исторія Аляски подъ русскимъ владычествомъ достаточнс изучена. За послѣдніе годы эти славныя и печальныя страницы русской экспансіи были воскрешены П. П. Гронскимъ[1]; въ его работахъ читатель най-

1. Нѣсколько фельетоновъ въ газетѣ Послѣднія Новости, «Русскіе въ Калифорніи въ началѣ XIX столѣтія» (Сборникъ въ честь П. Н. Милюкова, Прага, 1929,

деть исторію русскаго владычества на американскомъ побережьѣ Тихаго океана, а также богатую библіографію, русскую и иностранную. Я ограничусь вопросомъ о культурномъ состояніи колоній, которому, насколько мнѣ извѣстно, не посвящено ни одного спеціальнаго изслѣдованія, хотя матеріалы разсѣяны повсюду.

Территорія Аляски была продана вмѣстѣ со всѣмъ «мертвымъ инвентаремъ» правительства и Русско-Американской Компаніи. Спрашивается: что сталось съ «проданными» людьми, которые не выѣхали въ Россію, а остались на насиженныхъ мѣстахъ? Судьбой ихъ мало кто интересовался, словно отъ русскихъ въ Аляскѣ не осталось и слѣда; даже о работѣ русскихъ миссіонеровъ до широкой публики доходило очень мало. Поэтому чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ прозвучали слова А. А. Васильева, когда онъ, проѣздомъ въ Парижѣ въ 1931 году, разсказалъ о своей экскурсіи въ Аляску лѣтомъ предыдущаго года. По моей просьбѣ, онъ резюмировалъ свои впечатлѣнія для Временника:

«Въ августѣ 1930 года я подъѣзжалъ на пароходѣ американской компаніи къ Juneau, оффиціальной столицѣ американской Аляски. Я зналъ, что тамъ есть прекрасный музей мѣстныхъ индѣйскихъ древностей, такъ что прямо съ парохода я направился по главной улицѣ въ музей. Музей оказался, дѣйствительно, очень полнымъ и прекрасно устроеннымъ. Взявъ печатный каталогъ, я, къ удивленію, увидѣлъ, что онъ составленъ кураторомъ музея, отцомъ Кашеваровымъ (Rev. Kashevaroff). Я сейчасъ же спросилъ служащую при музеѣ, могу ли я увидѣть куратора. Оказалось, что онъ сидѣлъ у себя въ Office. Я вошелъ туда и увидѣлъ передъ собою пожилого человѣка средняго роста, съ большой сѣдиной. Это былъ самъ о. Кашеваровъ, говорившій по-русски, какъ коренной русскій. Я никогда до тѣхъ поръ не думалъ о живучести русскаго языка въ этой отдаленной части прежней Россіи, и поэтому былъ крайне пораженъ, когда Кашеваровъ мнѣ сказалъ, что ни онъ, ни его жена никогда не бывали въ Россіи, никогда не переѣзжали Великаго океана по направленію къ Сибири и являлись, такимъ образомъ, живымъ преданіемъ русскаго владычества въ Аляскѣ. «Мы съ матушкой дома и теперь говоримъ по-русски», сказалъ мнѣ Кашеваровъ. «А вотъ дѣтки наши уже по-русски не говорятъ». О. Кашеваровъ и теперь еще является центромъ русскихъ пережитковъ въ Аляскѣ, знаетъ тамъ всѣ русскія семьи по именамъ и фамиліямъ. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ интересное свѣдѣніе, что въ западной части Аляски есть еще до сихъ поръ деревни съ русскимъ населеніемъ, говорящимъ по-русски, гдѣ дома сохранили архитектуру русскихъ хатъ. Позднѣе, на обратномъ пути изъ Аляски въ Seattle, я самъ встрѣтилъ одну женщину изъ такой деревни, ѣхавшую въ Ситку къ мужу-американцу. Она очень хорошо говорила по-русски и такъ же, какъ Кашеваровъ, никогда не была въ Россіи. Съ нею ѣхалъ братъ, мальчикъ, лѣтъ 12—13, понимавшій и говорившій, но медленно, по-русски. Между собой они говорили по-англійски. Когда я спросилъ сестру, почему она говоритъ съ братомъ по-англійски, а не по-русски, она мнѣ объяснила: «Мой братъ ѣдетъ теперь въ Ситку, въ американскую школу, и поэтому долженъ практиковаться въ англійскомъ языкѣ». Когда на обратномъ пути я снова посѣтилъ Juneau, то встрѣтился съ Кашеваровымъ, какъ со старымъ знакомымъ... Центръ русскаго прошлаго въ Аляскѣ теперь находится на о. Ситкѣ, гдѣ есть православный соборъ со знаменитой иконой Богоматери византійскаго письма. Русская церковь есть и на удаленномъ островѣ Кодіакъ, извѣстномъ своими громадными медвѣдями. Мнѣ говорили, что тамошній русскій священникъ живетъ въ суровой бѣдности и плохо говоритъ по-англійски. Самъ я въ западной Аляскѣ и на Кодіакѣ не былъ».

стр. 375—404) и «Русскіе на Гавайскихъ островахъ въ началѣ XIX столѣтія» (Труды IV Съѣзда Русскихъ Академическихъ Организацій за границей, часть I, Бѣлградъ, 1929, стр. 451—466).

Разсказы А. А. Васильева побудили меня обратиться къ самому о. А. Кашеварову[1] съ просьбой сообщить, не существовало ли въ Аляскѣ какихъ-либо печатныхъ произведенiй на русскомъ языкѣ, изданныхъ для мѣстнаго населенiя при русскомъ владычествѣ или послѣ. Отъ почтеннаго куратора музея въ Джуно поступилъ слѣдующiй отвѣтъ:

«...Насколько мнѣ извѣстно по историческимъ источникамъ, нѣтъ русской печати въ самой Аляскѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось встрѣчаться ни съ книгами, ни съ газетами, ни съ другими какими-либо печатными выпусками. Были газеты на русскомъ языкѣ объ Аляскѣ и для Аляски, но онѣ печатались въ Санъ-Франциско. Будучи воспитанникомъ при богословской школѣ въ Санъ-Франциско, я видѣлъ Русскiй шрифтъ и печатные станки, которые были привезены изъ Ситхи. Употреблялись ли эти станки для печати въ Ситхѣ, я не знаю.

«Послѣ же продажи территорiи, я знаю лишь одинъ журналъ, который вышелъ въ Ситхѣ на Русскомъ языкѣ и то лишь два раза. Это было въ 1916 году. Въ этомъ журналѣ я участвовалъ». (Письмо изъ Juneau, 11 августа 1933 года).

По моей просьбѣ, самый молодой членъ Общества Друзей Русской Книги, Хефзиба М. Менюхина изъ Америки снеслась съ о. А. Кашеваровымъ и получила отъ него дополнительныя свѣдѣнiя по интересовавшему меня вопросу (письмо отъ 7 декабря 1934 года):

«Написавъ г-ну Лозинскому о томъ скудномъ матерiалѣ о книгопечатанiи въ Аляскѣ, который имѣется у насъ въ библiотекѣ, я никакъ не могъ приступить къ этому дѣлу (т. е. написать очеркъ для Временника), ибо, по правдѣ сказать, въ Аляскѣ не было ничего достовѣрнаго о книгопечатанiи. Мы выпустили лишь два журнала Православная Аляска въ 1916 году. Въ Территорiальной Библiотекѣ имѣется лишь по одной копiи этого журнала, и я никакъ не могу послать ихъ Вамъ. Въ 1870 году выходилъ журналъ Свобода и Alasca Appeal, печатаемый въ Санъ-Франциско. Можно ли получить этотъ и другой въ настоящее время, я не знаю».

Предстояло раздобыть указанныя о. Кашеваровымъ изданiя. Фотографiи первой русской газеты, издававшейся для Аляски съ 1867 года, удалось получить, благодаря любезности Х. М. Менюхиной. Что касается до Православной Аляски, то ни въ Нью-Iоркской Государственной Библiотекѣ, ни въ Библiотекѣ Конгресса въ Вашингтонѣ, не оказалось ни одного экземпляра этого журнала, и только осенью 1936 года съ острова Уналашки прибылъ номеръ второй этого рѣдчайшаго изданiя, присланный преосв. Алексiемъ.

Предлагаемую ниже сводку приходилось, такимъ образомъ, вести на основанiи неполнаго матерiала: но, можетъ быть, онъ побудитъ какого-нибудь американскаго ученаго написать исчерпывающую исторiю русской культуры въ Новомъ Свѣтѣ.

* * *

Въ первую очередь, нѣсколько данныхъ о составѣ и численности населенiя. Оно дѣлилось на «служащихъ по условiямъ», «колонiальныхъ гражданъ», которые «водворялись въ Америкѣ по собственному желанiю», «креоловъ» и «осѣд-

1. Объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ мнѣ пишутъ изъ Америки: «Онъ въ Аляскѣ родился и отлично владѣетъ языками: русскимъ, англiйскимъ, колошенскимъ, алеутскимъ и сербскимъ; имѣетъ много друзей и знакомыхъ въ Аляскѣ и извѣстенъ по всей Америкѣ».

лыхъ инородцевъ»; всѣ они пользовались покровительствомъ властей, какъ россійскіе подданные[1].

Къ 1 января 1819 г. въ колоніяхъ числилось: русскихъ — 391 (изъ нихъ 13 женщинъ), креоловъ 244 (111 ж.), туземцевъ 8384; изъ нихъ въ Ново-Архангельскѣ проживало русскихъ 209 (11 ж.) и креоловъ 204 (111 ж.), на о. Кадьякѣ 73 русскихъ и 39 креоловъ. Данныя за 1827 годъ: русскихъ 734, креоловъ 1295, туземцевъ 8532. Въ 1834 г. русскихъ насчитывалось 677 (76 ж.). Къ 1 января 1863 г.: русскихъ 637 (51 ж.), въ томъ числѣ нѣкоторое количество иностранцевъ, креоловъ 1990 (1046 ж.), а въ 1867 г. 483 русскихъ, 150 американцевъ и 200 другихъ иностранцевъ, 1421 креолъ и 26.843 туземца[2]

Къ 1860 г. по церковнымъ спискамъ числилось около 12.000 православныхъ, среди нихъ, конечно, немало фиктивныхъ; для ихъ нуждъ Р.-Ам. Компанія строила церкви и часовни. Первая церковь была освящена въ 1794 г. на Атхѣ; постепенно возникали новыя: на о. Уналашкѣ, на Кадьякѣ и въ Ново-Архангельскѣ (1816 г.). Въ 1842 г. была основана миссія на Квихпакѣ (туземное названіе рѣки Юконъ, воспринятое русскими). На мѣсто приходившихъ въ ветхость зданій воздвигались новыя, и къ 1859 году на всей территоріи имѣлся прекрасный каѳедральны соборъ въ Ново-Архангельскѣ, 9 церквей и 35 часовенъ[3], которыя поддерживались Компаніей и Святѣйшимъ Синодомъ; въ 1849 г. была устроена особая церковь для туземцевъ въ Ново-Архангельскѣ. Если первые русскіе миссіонеры не всѣ оказались на высотѣ[4], то въ двадцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія въ этихъ заброшенныхъ мѣстахъ, куда почта изъ Россіи приходила разъ въ годъ, оказалось нѣсколько замѣчательныхъ священниковъ, которые сумѣли подойти къ туземному населенію и привлечь его на свою сторону. Работой этихъ піонеровъ православія и объясняется та крѣпкая связь, которая сохранилась между мѣстнымъ населеніемъ и Россіей послѣ продажи Аляски. Наиболѣе выдающимися миссіонерами были Іаковъ Нецвѣтовъ (сначала на Атхѣ, потомъ въ Нушегакѣ)[5] и особенно Іоаннъ Веніаминовъ (въ 1824 г. на Уналашкѣ, съ 1834 г. въ Ново-Архангельскѣ), впослѣдствіи — Иннокентій, митрополитъ московскій. Здѣсь не мѣсто пересказывать біографію этого замѣчательнаго человѣка[6]. Достаточно указать

---

1. П. Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской Компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. 2 тома, СПБ., 1861—1863. См. т. II Приложенія, стр. 11 слл.: «Уставъ Россійско-Американской Компаніи» (Высочайше утвержденный 10 октября 1844 года); глава VIII, стр. 52 слл.: «О правахъ лицъ, обитающихъ въ мѣстахъ, предоставленныхъ компаніи»; § 236 (стр. 55) говоритъ о креолахъ: «Родившіеся отъ европейца или сибиряка и американки, или американца и европейки либо сибирячки, причисляются къ сословію креоловъ наравнѣ съ дѣтьми сихъ послѣднихъ и о нихъ ведутся особые списки».

2. Цифровыя данныя, въ сокращеніи, почерпнуты у Тихменева, у к. с о ч., т. I, стр. 252, 296, т. II, стр. 244; для 1834 г. въ Ж у р н а л ѣ М и н и с т е р с т в а Н а р о д н а г о П р о с в ѣ щ е н і я, томъ VIII (1835), стран. 211 и для 1867 г. у Jeannette Paddock Nichols, Alaska. A History of its administration, etc., during its first half century under the rule of the United States; Cleveland, 1924, p. 38. Эта писательница приводитъ слѣдующія цифры, относящіяся къ 1884 году (введеніе гражданскаго управленія): 1000 бѣлыхъ, 5.000 креоловъ и 25.000 туземцевъ (стр 87).

3. О распространеніи православія въ Америкѣ см. Тихменевъ, у к. с о ч., т. I, стр. 295 слл.; т. II, стр. 252. О церкви для колошей въ Ново-Архангельскѣ, гдѣ служба велась на мѣстномъ языкѣ, см. тамъ же т. II, стр. 263. О пополненіи духовенства изъ среды креоловъ и новокрещенныхъ туземцевъ, тамъ же т. I, стр. 310.

4. Т и х м е н е в ъ, II, Приложеніе второе, стр. 214—215.

5. По свидѣтельству Тихменева, 1, 257, Нецвѣтовъ былъ креолъ.

6. Родился 26 августа 1797 г., скончался 31 марта 1879 г. О немъ, см. Иванъ Барсуковъ. И н н о к е н т і й, м и т р о п о л и т ъ м о с к о в с к і й и к о л о м е н с к і й. Москва, 1883. Путешественники, посѣтившие русскія колоніи въ бытность

на громадную и плодотворную работу, которую этотъ священникъ, лингвистъ-самоучка и естествоиспытатель, продѣлалъ за 15 лѣтъ своего пребыванія на Алеутскихъ островахъ и на Ситхѣ, ставъ воистину апостоломъ алеутовъ и колошей. Въ этотъ забытый Богомъ и людьми край о. Веніаминовъ пріѣхалъ съ идеями, казалось бы, мало соотвѣтствовавшими духу времени; самъ онъ прожилъ дѣтство и молодость въ условіяхъ, близкихъ къ нищетѣ, учился на мѣдныя деньги, а потому особенно цѣнилъ просвѣщеніе. Уже ставъ первымъ епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ[1], Веніаминовъ такъ излагалъ въ письмѣ оберъ-прокурору Св. Синода Протасову свое педагогическое credo: «Учить и учить съ начала, съ основанія, т. е. начать учить дѣтей съ самаго малаго возраста, даже съ двухъ лѣтъ. Учить всѣхъ дѣтей простого народа, вотъ мысль, которая меня занимаетъ» (1845). Едва ли эта мысль могла быть осуществлена въ николаевской Россіи. Въ свое время иркутское духовенство, къ которому принадлежалъ Веніаминовъ, отнеслось къ подобному его проекту враждебно. Но на Алеутскихъ островахъ о. Іоанну никто не мѣшалъ заниматься дорогимъ ему дѣломъ, и онъ, дѣйствительно, принялся «учить и учить» и русскихъ и туземцевъ. «И если алеуты любили и любятъ меня, то единственно за то, что я ихъ училъ», писалъ онъ тому же Протасову[2].

Правда, не онъ положилъ основаніе просвѣщенію въ ново-пріобрѣтенныхъ русскихъ владѣніяхъ. На Кадьякѣ уже въ 1803 году главный правитель колоній Барановъ организовалъ школу для туземцевъ и креоловъ, при 30 ученикахъ, но въ 1804 году наставникъ умеръ, и тамъ практиковалось «взаимное обученіе»[3]. Въ 1805 г. камергеръ Резановъ возстановилъ училище для мальчиковъ, безъ различія происхожденія; 10 изъ ихъ числа должны были отправляться для пополненія образованія въ Европейскую Россію; на томъ же островѣ существовала съ 1805 г. школа для дѣвушекъ. Недалеко, на о. Еловомъ, монахъ Германъ въ теченіе 30 лѣтъ училъ дѣтей у себя дома[4]. Но особенный расцвѣтъ образованія начался съ 1824 года, когда на Уналашкѣ поселился Веніаминовъ и сталъ заниматься съ дѣтьми въ устроенной имъ школѣ. Онъ продолжалъ преподаваніе въ Ново-Архангельскѣ, обучая, кромѣ того, колошей русскому языку. Когда въ 1840 г. постановленіемъ Синода на Ситхѣ было открыто «Духовное училище для дѣтей духовен-

---

тамъ Веніаминова, въ одинъ голосъ хвалятъ его; напр., Ф. Литке, впослѣдствіи графъ и президентъ Академіи Наукъ, встрѣтившійся съ нимъ на островѣ Уналашкѣ въ 1827 году (F. Lütke, Voyage autour du monde 1826—1829, Paris, 1835, I, 228 sqq.), командиръ англійскаго фрегата Belcher, видѣвшій его въ Ново-Архангельскѣ въ 1837 г., и не называющій его по имени: «a very powerful athletic man, about forty - five years of age...., quite Herculean and very clever.... Notwithstanding he only spoke Russian, of which I knew nothing, we managed to become great allies.». (Sir Edward Belcher, Narrative of a voyage round the World, Vol. I, London, 1843, p. 98.

1. Каѳедра была учреждена въ 1840 г. (2-ое П. С. З. т. XV, ч. 1-ая, стр. 842, № 14.073).

2. Барсуковъ, ук. соч., стр. 222-224.

3. О школахъ см. у Тихменева, т. I, стр. 117 сл., 306 сл., ч. II, стр. 252 сл., 271 сл.

4. Тихменевъ, т. I, стр. 296: «Сверхъ вышеупомянутыхъ духовныхъ лицъ находился на о. Еловомъ, до кончины своей въ 1837 году, принадлежавшій къ первой духовной миссіи монахъ Германъ, посвящавшій труды свои воспитанію нѣсколькихъ дѣтей алеутовъ и назиданію въ христіанскомъ ученіи приходившихъ къ нему туземцевъ». Американскій изслѣдователь Elliott, объѣхавшій Аляску въ началѣ 80-хъ годовъ, упоминаетъ, что въ то время на о. Еловомъ (рядомъ съ о. Лѣснымъ) еще живо было преданіе о Германѣ «a soul-like man», учившемъ сосѣднихъ дѣтей грамотѣ, огородничеству и т. под. На хижину Германа жители указывали «съ гордостью и воодушевленіемъ». (Henry W. Elliott, An Arctic Province. London, 1886, p. 105). О немъ см. брошюру Жизнь валаамскаго монаха Германа, американскаго миссіонера, СПБ., 1893, 24 стр., 8°.

ства и мірянъ, особенно новокрещенныхъ племенъ», преобразованное въ 1841 г. въ семинарію, епископъ Иннокентій продолжалъ занятія съ дѣтьми у себя на дому[1]. Священникамъ было предписано повсемѣстно заводить домашнее начальное обученіе. Въ 1844 году въ епархіи обучалось 400 дѣтей; существовали двѣ школы для дѣвочекъ и особая школа для колошей. Впослѣдствіи при всѣхъ церквахъ были устроены классы. Въ 1859 году, въ виду перевода епископской каѳедры, а вмѣстѣ съ нею и духовнаго училища, въ Якутскъ, Р.-Ам. Компанія учредила въ Ново-Архангельскѣ «Общее училище Россійско-Американскихъ колоній на правахъ уѣзднаго училища третьяго класса»[2], въ которомъ обучалось 19 дѣтей; одновременно былъ возстановленъ существовавшій раньше пансіонъ для дѣвицъ. За время съ 1849 по 1860 годъ общая картина представлялась такъ: обученіе грамотѣ происходило въ 14 приходахъ. Въ Ново-Архангельскѣ, по архивнымъ даннымъ, въ 1853 г. обучалось 33 дѣтей, въ 1853 — 26, въ 1860 — 27; при Нушегакской миссіи (гдѣ миссіонеромъ состоялъ зять о. Веніаминова, И. И. Пѣтелинъ) — отъ 13 до 25; въ Уналашкѣ и на Атхѣ были возстановлены школы при содѣйствіи мѣстнаго населенія; въ Уналашкѣ въ 1860 г. числилось учениковъ — 93, мальчиковъ и дѣвочекъ[3]. Сохранились любопытные отчеты о дѣятельности Ново-Архангельскаго училища за 1856 и 1862 годы[4].

Культурная жизнь русской Америки не ограничивалась занятіями въ школѣ и хожденіемъ въ церковь. Путешественники единогласно воздаютъ должное русскому гостепріимству и свидѣтельствуютъ, что въ Ново-Архангельскѣ общественная жизнь не заглохла, какъ въ какой-нибудь провинціальной трущобѣ. Въ городѣ былъ клубъ, основанный гл. правителемъ колоній А. К. Этолинымъ[5], въ которомъ встрѣчались офицеры и служащіе компаніи; въ честь проѣзжихъ иностранцевъ устраивались пріемы и балы, ставились спектакли, даже на французскомъ языкѣ; въ городѣ еще со временъ Резанова существовала библіотека, которая, согласно Врангелю, въ 1835 году насчитывала около 1700 томовъ и 400

---

1. Барсуковъ, 207.

2. 2-ое П. С. З., т XXXIV (1859), стр. 212, № 34.258.

3. **Hubert Howe Bancroft, History of Alaska (1730—1885). San Francisco**, 1886, p. 709. Свѣдѣнія эти почерпнуты авторомъ у капитанъ-лейтенанта Головина, Морской Сборникъ, т. 57, январь 1862 г., часть неоффиціальная, стр. 19—192. Вообще настроенный недружелюбно къ Р.-Ам. Компаніи Головинъ отдаетъ должное ея заботамъ объ образованія (стр. 83 сл.) и упоминаетъ о цвѣтущемъ состояніи школы въ Уналашкѣ.

4. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, XCVII (1858), отд. VII, стр. 103—104 и т. CXXI (1863), отд. VIII, стр. 104—107. Смотрителемъ училища былъ Свѣшниковъ. Въ 1862 г. воспитывалось 25 учениковъ. Къ 1 января 1862 г. выбыло двое за выѣздомъ изъ колоній; исключенъ одинъ за дурное поведеніе и лѣность, двое за неоказаніе никакихъ успѣховъ въ наукахъ; вновь поступило два ученика: всего 22, въ возрастѣ отъ 11 до 19 лѣтъ, раздѣленныхъ на два класса. На торжественномъ экзаменѣ въ присутствіи главнаго правителя колоній и другихъ лицъ, два ученика были удостоены похвальныхъ листовъ, а третій, Николай Черновъ, награжденъ подаркомъ отъ Компаніи за особенное прилежаніе и отличное поведеніе. Преподавателей числилось пятеро. Средній баллъ за успѣхи былъ 3—4 по пятибальной системѣ, при чемъ хуже всего были успѣхи у учителя англійскаго языка Люгебиля (въ среднемъ двойка). Уроки происходили отъ 8 часовъ утра до 4-хъ пополудни, а затѣмъ отъ 5 до 7 были вечерніе классы, «принимая во вниманіе затруднительность для учениковъ въ приготовленіи уроковъ въ семействахъ своихъ». Лѣтнія каникулы продолжались отъ 1 іюля по 16 августа. По праздникамъ смотритель училища собиралъ воспитанниковъ и велъ съ ними бесѣды «для развитія ихъ понятій». Для поддержанія здоровья дѣтей устраивались игры на чистомъ воздухѣ и прогулки.

5. См. Тихменевъ, II, 244. Этолинъ былъ «креолъ» и получилъ образованіе въ мѣстныхъ школахъ (см. **John L. Underwood, Alaska. London, 1913**, p. 303).

періодическихъ изданій и брошюръ и цѣнное собраніе картъ. Книгъ имѣлось 600 на русскомъ языкѣ, 300 на французскомъ, 130 на нѣмецкомъ, 35 на англійскомъ, 30 на латинскомъ и т. д.[1].

***

Существовала ли мѣстная печать для аляскинскаго населенія, русскаго и туземнаго? Какъ видно изъ писемъ о. А. Кашеварова, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Не сохранилось, повидимому, никакихъ слѣдовъ русской типографіи, которая печатала бы хотя бы оффиціальныя распоряженія для обитателей территоріи или церковные листки для разноплеменной паствы[2]. Но если русскіе колонисты могли пользоваться книгами, издававшимися въ Россіи (см. выше о библіотекѣ), то для вновь обращенныхъ алеутовъ, эскимосовъ и колошей русская литература и даже русская духовная письменность не могла представлять интереса. Это отлично понялъ о. Веніаминовъ, и одной изъ первыхъ просвѣтительныхъ задачъ, которыя онъ себѣ поставилъ, было изданіе книжекъ на мѣстныхъ языкахъ. Слѣдуя примѣру славянскихъ первоучителей, онъ принялся за изученіе мѣстныхъ языковъ, начиная съ алеутскаго нарѣчія Уналашкинскаго прихода[3], и плодомъ этой работы были книги, посвященныя никѣмъ до него не изученнымъ языкамъ Русской Америки; онъ ихъ напечаталъ во время своего пребыванія въ 1839 и 1840 гг. въ Европейской Россіи, откуда онъ вернулся въ Америку епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ. Эти книги, не замедлившія стяжать ему репутацію филолога и этнографа[4], слѣдующія:

1) Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, составленныя И. Веніаминовымъ, 2 тома. Издано иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи. СПБ. 1840. Стр. IX + 365 и 409, 8°. Таблицы.

2. Записки объ Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ. И. Веніаминова. СПБ. 1840. Стр. 155, 8°. (Составляетъ т. III предыдущаго изданія). Тексты на туземныхъ языкахъ въ №№ 1 и 2.

3) Замѣчанія о Колошенскомъ и Кадьякскомъ языкахъ и отчасти о прочихъ Россійско-Американскихъ съ присовокупленіемъ Россійско-Колошенскаго словаря, содержащаго болѣе 1000 словъ, изъ коихъ на нѣкоторыя сдѣланы поясненія. Составилъ Иванъ Веніаминовъ въ Ситхѣ, СПБ., въ Типографіи Имп. Академіи Наукъ, 1846. Стр. 81 + II (опечатки) и таблица къ стр. 30. (Содержитъ опытъ перевода на колошенскій языкъ Евангелія, ситхинскаго толмача Димитрія, и изреченія, переведенныя на кадьякскій языкъ Г. Терентьевымъ).

4) Опытъ грамматики Алеутско-Лисьевскаго языка. Священника И. Веніаминова въ Уналашкѣ. СПБ. 1846. Стр. XV + 87 (грамматика) + III + 120 (словари алеутско-русскій и русско-алеутскій) + V (опе-

---

1. О библіотекѣ и общественной жизни, см. **Bancroft, o. c.**, p. 677 (въ 1853 г. Уордъ видѣлъ въ Ново-Архангельскѣ **«a good-sized library of Slavonic and Russian books»**: рукопись подъ заглавіемъ **«Three weeks in Sitka»), p. 707; Lütke, o. c., p. 119; Duflot de Mofras,** Exploration du territoire de l'Orégon. Paris, 1844, t. II, p. 105; **F. W. Whymper,** Travel and adventure in the territory of Alaska; (London, 1868, pp. 79, 167, о гостепріимствѣ); Elliott, o. c., p. 32).

2. **Bancroft, o. c., p. 677, note 12,** подтверждаетъ это предположеніе: **«Of any printed local literature before the purchase we have no records.».**

3. Еще Резановъ распорядился, чтобы члены православной миссіи знали «американскій языкъ». (Письмо директорамъ Р.-А. Компаніи, 8 ноября 1805 г.: Тихменевъ, II, Приложеніе, стр. 215).

4. См. напр. **A. Krause, Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 65: «Seine thatsächlichen Angaben haben wir fast überall, wo wir sie zu prüfen Gelegenheit hatten, bestätigt gefunden.».**

чатки), 8°. — Ср. резюме на французскомъ языкѣ Langues de l'Amérique russe par Ivan Venjaminov (Nouvelles Annales des voyages, tome I, 1850, p. 359-364).

Я упомянулъ объ этихъ книгахъ для полноты характеристики Веніаминова, какъ ученаго, который помѣстилъ также рядъ статей въ журналахъ. (О нихъ см. у Барсукова, у к. с о ч.). Онѣ писались не спеціально для Америки, хотя грамматическіе очерки, словари и тексты имѣли въ виду также и русское населеніе Аляски[1]. Насъ здѣсь гораздо больше интересуютъ изданія Веніаминова, предназначавшіяся спеціально для его туземной паствы. Опять-таки, какъ и свв. Кирилъ и Меѳодій, онъ для своихъ будущихъ читателей изобрѣлъ азбуку, вѣрнѣе, приспособилъ для нихъ кириллицу, пополнивъ ее особыми знаками для звуковъ, присущихъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Остается, конечно, подъ вопросомъ, не затруднилъ ли онъ изученіе грамоты столь сложнымъ шрифтомъ, и не лучше ли было бы приспособить русскій гражданскій шрифтъ, какъ черезъ полстолѣтія послѣ него поступили его преемники по просвѣщенію американскихъ туземцевъ. Возможно, что онъ хотѣлъ подчеркнуть для алеутовъ самостоятельность ихъ языка, независимость его отъ русскаго, которому они одновременно обучались въ церковныхъ школахъ, а также сблизить ихъ грамоту съ грамотой церковныхъ книгъ, съ ихъ новой религіей. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ начинанія о. Веніаминова среди туземцевъ былъ необычайный. Авторъ писалъ впослѣдствіи: «Когда они (т. е. алеуты) увидѣли книжки на своемъ языкѣ, т. е. катехизисъ, переведенный мною и напечатанный первымъ изданіемъ, то даже старики начали учиться грамотѣ для того, чтобы читать по-своему, и потому теперь умѣющихъ изъ нихъ читать болѣе, чѣмъ шестая часть»[2]. На островѣ св. Павла «всѣ, кромѣ малолѣтнихъ, умѣютъ читать по-своему»[3]. Мы увидимъ, что эта приверженность къ чтенію не исчезла и послѣ уступки Аляски американцамъ.

Перечислимъ книги, изданныя по почину Веніаминова и составленныя имъ или его сотрудниками[4]:

1) Указаніе пути въ Царствіе небесное, поученіе на Алеутско-Лисьевскомъ языкѣ, сочиненное священникомъ Іоанномъ Веніаминовымъ. 1833 года. Москва. Въ Сунодальной Типографіи, 1840. 69 стр., 8°. На обложкѣ заглавіе по-русски, на титульномъ листѣ повторено кириллицей по-алеутски. (На русскомъ языкѣ это сочиненіе выдержало съ 1839 до 1881 годъ 22 изданія; Барсуковъ, у к. с о ч. стр. 116).

2) Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и краткій христіанскій катехи-

1. До Веніаминова Резановъ «принялъ на себя собраніе туземныхъ словъ для словаря, которое онъ и представилъ впослѣдствіи въ главное правленіе съ просьбою напечатать» (Тихменевъ, I, 142). Въ книгѣ Хвостова Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова писанное симъ послѣднимъ, СПБ., 1812, были помѣщены краткіе словари русско-колюжскій (колошенскій) и русско-кинайскій, 28 страницъ.

2. Тихменевъ, 1, 301.

3. Тихменевъ, II, 270. — Еп. Иннокентій (свящ. Веніаминовъ) въ своемъ отчетѣ Св. Синоду къ 1 мая 1850 г., сообщалъ, что на о. св. Павла изъ 163 жителей умѣютъ читать 87, въ Атхинскомъ приходѣ изъ 704 креоловъ и туземцевъ читающихъ 190 (Барсуковъ, стр. 272). Съ уничтоженіемъ компанейскихъ конторъ на Уналашкѣ и Атхѣ были закрыты и школы, но онѣ возродились по иниціативѣ священниковъ, въ виду особеннаго желанія населенія учиться послѣ появленія книгъ на алеутскомъ языкѣ; даже старики были захвачены общимъ порывомъ. Съ этого времени само населеніе стало заводить и поддерживать школы (тамъ же, стр. 277).

4. Веніаминовъ указываетъ въ Замѣчаніяхъ о колошенскомъ и кадьякскомъ языкахъ (стр. 5—7), что на алеутско-лисьевскомъ нарѣчіи (Уналашка) въ его время говорило только 2200 человѣкъ, на кадьякскомъ 2850, на кенайскомъ 510 семей, на колошенскомъ 4500; именно для этихъ племенъ и были предприняты первые опыты перевода съ русскаго.

з и с ъ. Съ Русскаго языка на Алеутско-Лисьевскій перевелъ Священникъ Іоаннъ Веніаминовъ. 1827 года, и въ 1837 году исправилъ; а Священникъ Іаковъ Нецвѣтовъ, разсматривая оныя, своими поясненіями сдѣлалъ ихъ понятными и для Атхинцовъ, имѣющихъ свое нарѣчіе. Санктпетербургъ, въ Сунодальной Типографіи, 1840. Стр. XIX + 24 + 104 + 51, 8°. Обложка кириллицей (по-алеутски), титульный листъ на обоихъ языкахъ, фронтиспісъ по-русски. Предисловіе, параллельный текстъ на двухъ столбцахъ по-алеутски и по-русски.

2 bis) Т а ж е к н и г а, переизданная въ Петербургѣ въ 1893 г. Стр. I—XXIII — предисловіе (на четныхъ страницахъ, начиная со второй, русскій текстъ, на нечетныхъ алеутскій), состоящее изъ двухъ частей: первая, Веніаминова, для уналашкинцевъ, вторая, Нецвѣтова, для атхинцевъ (для послѣднихъ къ основному тексту книги сдѣланы примѣчанія, и объяснены непонятныя слова). Въ предисловіи указано, что Веніаминовъ пригласилъ себѣ въ помощь тоэна (туземнаго начальника) Ивана Панькова, и что, несмотря на старанія, «книжки изъ печати вышли съ ошибками. Но таковыя ошибки при первомъ опытѣ были неизбѣжны» (имѣется въ виду, вѣроятно, изданіе 1840 г.). Поэтому Веніаминовъ опять исправилъ ихъ въ Ситхѣ съ помощью знающихъ оба языка и лично смотрѣлъ за изданіемъ. Дата предисловія, 25 іюня 1839 года, СПБ. относится, повидимому, къ первому изданію. Дальнѣйшій составъ книги: стр. 1—104 — священная исторія, стр. 1—51 — катехизисъ.

ТУМА́НИНЪ АГУ́ГУМЪ

ЙИСУ́СЪ ХРИСТУ́САМЪ

ТУНУСАЧХИ́САЛИГИНЪ

АПУ́СТУЛАМЪ МАТѲЕ́ЙКЪ

Й̃ЛАХТА́ГАНЪ А́ЛЮХТАСАКА́НГИНЪ.

Кáмга – тýнусумъ Іоáннъ Веніамúновъ и̃лахтáганъ Кадáкамъ тýнуганъ кýнгинъ Ухнáгамъ тýнуганъ иáннъ 1828 тýламачисалиисъ, кáюхъ 1836 алюлаганъ иланъ атхагусакáнгинъ;

Тáга Кáмга - тýнусумъ Іáковъ Нецвѣтовъ и̃лахтáганъ атхагусагусалиисъ кáюхъ Нигýгимъ, тýнумъ ннанахтá матанáганъ, áдагия кангимадусигинъ атхáгнехъ.

Титульный листъ книги
И. Веніаминовъ. Е в а н г е л і е отъ М а т ѳ е я (на алеутскомъ языкѣ)

3) Г о с п о д а н а ш е г о І и с у с а Х р и с т а Е в а н г е л і е, н а п и с а н н о е а п о с т о л о м ъ М а т ѳ ѣ е м ъ. Съ Русскаго языка на Алеутско-Лисьевской перевелъ Священникъ Іоаннъ Веніаминовъ, 1828 года, и въ 1836 году исправилъ; а Священникъ Іоаннъ Нецвѣтовъ, разсматривая его окончательно, своими поясненіями сдѣлалъ понятнымъ и для Атхинцовъ, имѣющихъ свое нарѣчіе. Москва (1848?). XIV стр. предисловія, стр. 15—237 — переводъ Евангелія, стр. 1—21 — пасхальное богослуженіе и главы I и II Евангелія отъ Луки. Какъ и въ № 2, имѣется два предисловія, Веніаминова и Нецвѣтова, параллельно на русскомъ и алеутскомъ языкахъ, на двухъ столбцахъ; текстъ Евангелія тоже на двухъ языкахъ.

4) А л е у т с к і й б у к в а р ь. Москва, въ Сунодальной типографіи, 1846. Стр. 30, 8°. Безъ имени автора.

4 bis) А л е у т с к і й б у к в а р ь. Санктпетербургъ, Сунодальная типографія, 1893. Стр. 32, 8°. Нумерація страницъ и примѣчаній славянская. Азбука русская, славянская и алеутская; склады — тоже. Послѣднія три страницы заняты цифрами отъ 1 до 100.000, славянскими, арабскими и римскими, съ соответствующими обозначеніями на алеутскомъ и русскомъ языкахъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка Илія Тыжновъ, о личности котораго у

меня свѣдѣній не имѣется, приготовилъ рядъ книжекъ для другой части аляскинскаго населенія, для кадьякцевъ и обитателей редута Святого Михаила (?):

5) Начатки христіанскаго ученія Веніаминова (№ 2). СПБ., 1847. Стр. 96, 8°. (Заглавіе по-алеутски).

ХИИШТНАНАТЪ

ЛЮКУДАХЧИЧАДА АУАГИГА.

АЛХАКЪ

АИКИАНГУКЪ ТАНЦИШКАКЪ

ИШТУАИЖАКЪ

ЧАЛИ

АИКИАНГУКЪ КАТИХИШИШАКЪ.

Ильямъ Тыжновамъ вилья.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Шинудамъ Типуглаучижини.

1847.

Титульный листъ книги И. Тыжновъ. Начатки христіанскаго ученія

6) Отъ Матѳея святое Благовѣствованіе. На алеутско-кадьякскій языкъ перевелъ И. Тыжновъ. СПБ. Въ Сунодальной Типографіи, 1848. Стр. 217, 8°. Текстъ на двухъ столбцахъ, алеутскій и церковно-славянскій.

7) Алеутско-кадьякскій букварь. Состав. Илья Тыжновъ. С.-Петербургъ. Въ Сунодальной Типографіи, 1848. Стр. 52, 16°. (Заглавіе по-алеутски и по-русски).

8) Другое изданіе букваря, на 33 страницахъ, сходное съ предыдущимъ до середины восьмой страницы.

Мнѣ удалось ознакомиться только съ №№ 2 bis, 4 bis, и 6, имѣющимися въ Парижскомъ Географическомъ Обществѣ. Остальныя книги этой группы мнѣ извѣстны по фотографіямъ и не всегда достовѣрнымъ описаніямъ, помѣщеннымъ въ Proof Sheets of a Bibliography of the Languages of the North American Indians, by James Constantine Pilling. Washington, 1885. (Smithsonian Institute. Bureau of Ethnology)[1].

Если издательская дѣятельность русско-американскаго духовенства ограничилась указанными книгами, то намъ извѣстно, что до продажи Аляски были приготовлены къ печати и другія сочиненія. Около 1859 г. Ив. Надеждинъ, бывшій воспитанникъ Ново-Архангельской семинаріи, перевелъ на колошенскій языкъ Евангеліе отъ Матѳея[2], а уналашкинскій священникъ Иннокентій Шаятниковъ (впослѣдствіи назначенный на островъ св. Георгія)[3] на алеутскій нѣсколько книгъ Новаго Завѣта.

***

18 октября 1867 года русскій флагъ былъ спущенъ надъ Ново-Архангельскомъ, переименованнымъ американцами въ Ситху, по имени острова, на которомъ по-

1. Въ 1883 году въ Парижѣ распродавалась библіотека Альфонса Пинара, извѣстнаго путешественника, этнографа и лингвиста. Въ составъ ея входилъ комплектъ газетъ Alaska Herald (№№ 1—95), книги Веніаминова и Тыжнова. Судьба ихъ мнѣ неизвѣстна.

2. Барсуковъ, стр. 468. Это о немъ, вѣроятно, говорится у Тихменева, II, 263: «изученіемъ колошенскаго языка и переводомъ на него нѣкоторыхъ книгъ занимался одинъ изъ учениковъ семинаріи старшаго класса, который... уже свободно объяснялся съ колошами о вещахъ даже отвлеченныхъ». (Изъ письма преосв. Иннокентія). Списокъ его рукописныхъ работъ приведенъ у Пиллинга (№ 2691) на основаніи оставшагося для меня недоступнымъ Доклада Комитета объ устройствѣ Россійскихъ Американскихъ колоній за 1863—1864 г.

3. Барсуковъ, стр. 467.

строилъ его Барановъ. Все русское, «креольское» и туземное населеніе было подчинено военному управленію новыхъ хозяевъ, а съ 1877 г. Департаменту Казначейства. На основаніи статьи 3-ей договора, русскіе имѣли право въ теченіе трехъ лѣтъ выѣхать на родину, или же принять американское подданство; креоламъ было обѣщано покровительство властей, а туземцы были приравнены къ прочимъ американскимъ аборигенамъ. Даже въ американской литературѣ не слышно голосовъ въ защиту режима, продолжавшагося до 1884 года[1]. Послѣ какого-то порядка, установленнаго русскими и поддерживавшагося по традиціи, наступилъ произволъ. Ново-Архангельскъ сталъ быстро пустѣть[2]; на мѣсто прежняго населенія стали стекаться новые, подчасъ весьма подозрительные элементы. Не знаю, скоро ли извѣстіе объ уступкѣ Аляски дошло до самыхъ заброшенныхъ угловъ Территоріи; по различнымъ свѣдѣніямъ, населеніе продолжало жить по-старому, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы считали, что ими правитъ русскій царь[3]. Когда въ 1882 г. положеніе стало критическимъ, вслѣдствіе волненій среди колошей, возникла даже мысль обратиться за заступничествомъ въ Петербургъ, при чемъ этотъ проектъ исходилъ не только отъ русскаго населенія, но и отъ американскихъ гражданъ. Командиръ одного русскаго военнаго судна, находившагося въ началѣ 80-хъ годовъ въ тихоокеанскихъ водахъ, сообщилъ даже американскимъ властямъ, что, если русскому населенію не будутъ обезпечены права, признанныя за нимъ по договору 1867 года, онъ явится наводить порядокъ[4]. Правительство Соединенныхъ Штатовъ забезпокоилось. Въ 1883 г. сенаторъ Гаррисонъ внесъ соотвѣтствующій законопроектъ, и съ 5 мая 1884 г. вступилъ въ силу законъ, установившій гражданское управленіе Аляски.

Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ вашингтонское правительство не особенно заботилось о поддержаніи тѣхъ начатковъ культуры, которые были внесены въ край русскими. Ново-Архангельскія школы закрылись, и на мѣсто ихъ до 1877—78 гг. даже не подумали объ открытіи школы американской[5]. Само русское

---

1. J. Paddock Nichols, o. c., p. 86 : « Up to 1884 Alaska was managed far better by Russians than by the United States. » См. также Bancroft, o. c., p. 609: « Notwithstanding all that has been said against the régime of the Russian American Company, it must be admitted that there were more troubles with the natives in the ten years during which American troops were stationed in Alaska than in any decade of the Russian occupation. » О контрастѣ между русскимъ и американскимъ режимомъ см. т а м ъ ж е, стр. 601—603, 605—606. (Очень неодобрительно о русскихъ порядкахъ высказывается впрочемъ нѣкій М. И. Вавиловъ, Р у с с к а я С т а р и н а, 1887, т. 49, стр. 549). О полномъ равнодушіи американцевъ къ вновь пріобрѣтеннымъ ими владѣніямъ говоритъ Elliott въ своей работѣ The Seal Islands of Alaska, Вашингтонъ, 1884 (впослѣдствіи переработанной въ соотвѣтствующія главы упомянутой выше книги An Arctic Province), стр. 25: Ко времени уступки Аляски: — «it was made painfully apparent that nobody in this country knew anything about the subject of Russian America. Every schoolboy knew where it was located, but no professor or merchant, however wise or shrewd, knew what was in it.»

2. О контрастѣ между оживленіемъ, царившемъ въ Ново-Архангельскѣ, и даже нѣкоторой пышностью этого колоніальнаго центра, и впечатлѣніемъ полнаго упадка американской Ситхи черезъ десять лѣтъ послѣ уступки Аляски, см. Elliott, An Arctic Province, p. 32-34.

3. John L. Underwood, An Empire in the making; London, 1913, p. 398.

4. Тамъ же, стр. 395—398. Противорѣчитъ всему высказанному американскими писателями, а также фактамъ, извѣстнымъ по русскимъ источникамъ, голословное заявленіе F. A. Golder'a, Russian Expansion on the Pacific, 1641-1850; Cleveland, 1914, p. 266: «Russia... subdued the natives but did not enlighten them.» Впрочемъ, и Голдеръ называетъ исторію русской экспансіи «thrilling and fascinating» (тамъ же).

5. Bancroft, o. c., p. 709.

населеніе впало въ апатію и въ первые годы не заботилось о поддержаніи школьнаго дѣла[1]. Синодъ, сохранившій за собою наблюденіе за русскими приходами, не сразу справился съ создавшимся положеніемъ, и русское духовенство, бывшее главнымъ проводникомъ просвѣщенія, осталось безъ руководительства. Послѣднему епископу аляскинскому, преосв. Павлу, предложено было вернуться на родину. На его мѣсто былъ назначенъ еп. Іоаннъ, но съ пребываніемъ въ Санъ-Франциско[2]. Однимъ словомъ, русское правительство, поторопившись съ продажей Аляски, обнаружило большую непредусмотрительность въ отношеніи населенія, говорившаго на русскомъ языкѣ и православнаго. Въ результатѣ получился чрезвычайный уронъ для русскаго дѣла, уцѣлѣвшаго только благодаря тѣмъ глубокимъ корнямъ, которые оно успѣло пустить, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, въ сознаніи не только креольскаго, но и туземнаго населенія[3].

Alaska Herald.

VOL. I SAN FRANCISCO, MARCH 1, 1868 No. 1

THE ALASKA HERALD

Издатель Пресвитеръ Агапій Гончаренко.

PRINTING OFFICE OF CUBERY & CO.

SAN FRANCISCO, CALIFORNIA.

THE CONSTITUTION OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Къ русскимъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки

INTRODUCTORY

Первая страница № 1 Alaska Herald

Этимъ положеніемъ пожелалъ воспользоваться Агапій Гончаренко, о которомъ ниже пишетъ С. Г. Сватиковъ. Я ограничусь указаніемъ, что Гончаренко первый задумалъ изданіе, предназначавшееся для русскаго населенія бывшей Русской Америки; но у него были и болѣе честолюбивые замыслы, о которыхъ разсказываетъ

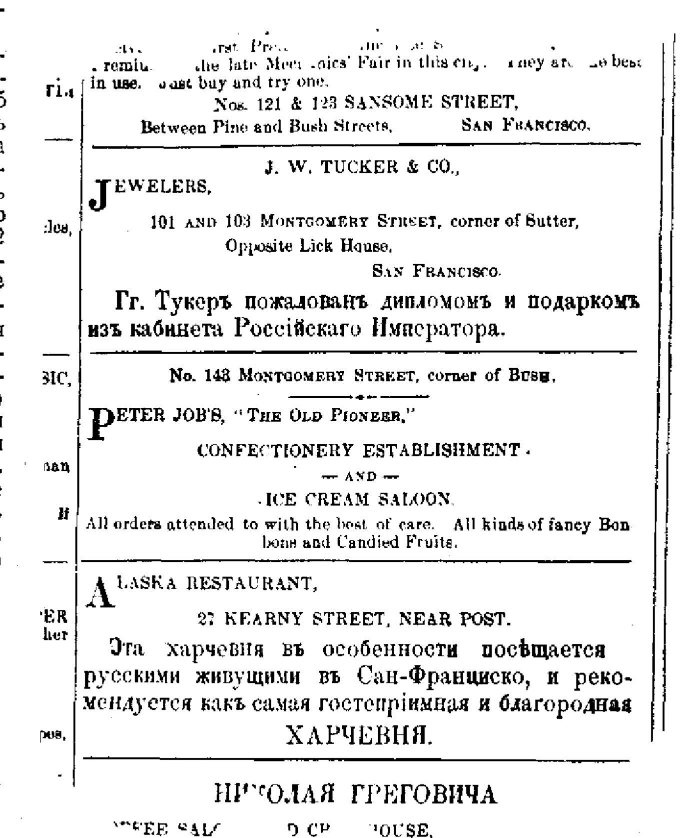
---

1. См. Н. Огородниковъ Въ странѣ свободы (второе, значительно пополненное и передѣланное изданіе книги: Отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и обратно въ Россію, 2 тома. СПБ., 1882; 1-ое изданіе -- 1872 года). Авторъ этой довольно легкомысленной книги былъ въ 1869 году въ Санъ-Франциско, куда перебралась часть населенія Ново-Архангельска, и даетъ хлесткое описаніе нравовъ мѣстной русской колоніи, члены которой, по словамъ Аг. Гончаренка (см. ниже), съѣзжаются туда «со всѣхъ концовъ міра, чтобъ вредить другъ другу въ устройствѣ жизни и подличать другъ противъ друга, на срамъ русскому имени. Удивительная нація!....» (I, 35). Огородниковъ сообщаетъ (т. II, стр. 31), что въ концѣ марта 1868 г., по призыву протоіерея Ново-архангельскаго собора К., было собрано 800 долларовъ на устройство русскаго православнаго училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, но дальнѣйшаго примѣненія эти деньги не получили, бывшее колоніальное училище было сдано американцамъ, а всѣ учителя разъѣхались.

2. О раскассированіи аляскинской епархіи см. у Барсукова, стр. 690 сл.

3. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ снова стали заботиться о бывшихъ русскихъ подданныхъ. Въ книгѣ **Frank A. Golder'a, Guide to Materials for American History in Russian Archives, Washington, 1917,** перечисляются документы Св. Синода и другихъ вѣдомствъ, касающіеся Аляски. Уже въ 1872 году было ассигновано 5.000 рублей на постройку новой церкви на Кадьякѣ (стр. 10). По словамъ **J. P. Nichols, o. c.,** въ 1884 году русское правительство тратило ежегодно 40.000 долларовъ на церкви, а на школы въ Аляскѣ и на другія культурныя нужды 20.000 долларовъ. Въ 1888 году ассигнованіе на школы достигло будто бы 45.000 долларовъ. Двѣ школы на Прибыловыхъ островахъ (св. Георгія и св. Павла) содержались на средства **Alaska Commercial Company (p. 102** и примѣчаніе 169).

С. Г. Сватиковъ. Въ первую очередь онъ сталъ издавать на американскія деньги двухнедѣльную русско-англійскую газету Alaska Herald, претерпѣвшую различныя метаморфозы за время своего довольно продолжительнаго существованія. Я воспроизвожу первую и послѣднюю страницы перваго номера, по которымъ можно судить и о стилѣ самого Гончаренки и о характерѣ русской жизни въ Санъ-Франциско, отражающейся въ любопытныхъ объявленіяхъ[1]. Первый номеръ вышелъ въ свѣтъ 1 марта 1868 года. № 4 (15 апрѣля) появился съ подзаголовкомъ на 3-ьей страницѣ: Свобода, съ русскимъ текстомъ вплоть до 8-ой страницы. Съ 2 мая газета переименовывается въ The Free Press and Alaska Herald, становится еженедѣльною, и начинается новая нумерація. Въ № 1 (5) 6-ая и 7-ая страницы напечатаны по-русски съ подзаголовкомъ Свобода. То же самое въ № 2 (6) отъ 9 мая; въ № 3 (7) отъ 16 мая Свобода занимаетъ только одну шестую страницу. (Описанія № 4, 23 мая, и № 5 у меня не имѣется). 1 іюня 1868 года — новое превращеніе: появляется двухнедѣльная газета съ заглавіемъ Alaska Herald — Свобода; помѣчена она № 10, и имѣется ссылка, что основана она 1 марта. Подписная плата, которая для первыхъ двухъ варіантовъ была 4 доллара въ годъ, понижается до 2 д. 50. Въ № 10, со стр. 6 до стр. 8 идетъ русскій отдѣлъ. Банкрофтъ указываетъ, что русскія статьи часто повторялись въ трехъ и даже четырехъ номерахъ. Въ маѣ 1872 года газета перешла во владѣніе A. A. Stickney[2].

in use.

Nos. 121 & 123 SANSOME STREET,

Between Pine and Bush Streets, SAN FRANCISCO.

J. W. TUCKER & CO.,

JEWELERS,

101 AND 103 MONTGOMERY STREET, corner of Sutter,

Opposite Lick House.

SAN FRANCISCO.

Гг. Тукеръ пожалованъ дипломомъ и подаркомъ изъ кабинета Россійскаго Императора.

No. 143 MONTGOMERY STREET, corner of BUSH.

PETER JOB'S, "THE OLD PIONEER,"

CONFECTIONERY ESTABLISHMENT

— AND —

ICE CREAM SALOON.

All orders attended to with the best of care. All kinds of fancy Bon bons and Candied Fruits.

ALASKA RESTAURANT,

27 KEARNY STREET, NEAR POST.

Эта харчевня въ особенности посѣщается русскими живущими въ Сан-Франциско, и рекомендуется какъ самая гостепріимная и благородная

ХАРЧЕВНЯ.

OUSE,

Alaska Herald. Столбецъ страницы объявленій

1. Пространныя выдержки изъ этой газеты имѣются въ книгѣ Огородникова (см. выше).

2. Bancroft, o. c., p. 677, note 14. Кромѣ газеты Гончаренки, въ 1868 г. и сл. годахъ печатались газеты на англійскомъ языкѣ для Аляски: Alaska Coast Pilot,

Одновременно съ первыми номерами этой первой аляскинской русской газеты, Гончаренко издалъ, опять-таки съ благословенія американцевъ, русско-англійскій словарчикъ, преимущественно для военныхъ, командируемыхъ въ бывшія русскія колоніи:

Agapius Honcharenko. Russian and English phrase book for traders, travellers and teachers. San-Francisco, Roman et Co, 1868, in-12. Цѣна 1 долларъ.

**
*

Между тѣмъ русское правительство ассигновывало суммы на поддержаніе церковно-школьной жизни въ бывшихъ колоніяхъ, и съ теченіемъ времени достигло нѣкоторыхъ результатовъ. О нихъ мы судимъ по оффиціальнымъ отчетамъ о переписяхъ 1880 и 1890 годовъ, по замѣткамъ путешественниковъ, вплоть до начала текущаго вѣка.

Въ 1871 г. на островахъ Уналашка (600 душъ), св. Павла (240) и св. Георгія (125) «всѣ взрослые, какъ креолы, такъ и алеуты, хорошо говорили по-русски; многіе читали церковную грамоту весьма удовлетворительно, а нѣкоторые были свѣдущи даже въ гражданской грамотѣ»[1] Путешественники Alphonse Pinart (1871) и A. Krause (начало 80-хъ годовъ) подтверждаютъ приверженность алеутовъ и колошей православному культу[2]. Мрачно на судьбу русскаго дѣла смотритъ Иванъ Петровъ[3], но и по его словамъ, на Кадьякѣ, въ Бельковскомъ, на Уналашкѣ, и въ Аѳогнакѣ отъ 50 до 75% населенія знаютъ грамотѣ, русской, туземной, а нѣкоторые даже той и другой. Онъ же свидѣтельствуетъ, что въ 1879 г. американское правительство открыло въ Ситхѣ школу для русскихъ дѣтей, родители которыхъ не довѣряли иновѣрческой американской школѣ; такое же недовѣріе царило и среди туземцевъ: грамотные и набожные алеуты сами обучали своихъ дѣтей. На Уналашкѣ была англійская школы съ преподаваніемъ русскаго языка. Петровъ отмѣчаетъ на Кенайскомъ полуостровѣ, въ Нинильчикѣ, поселеніе бывшихъ «колоніальныхъ гражданъ», воздѣлывающихъ огороды, и занимающихся скотоводствомъ (53 креола). Elliott (o. c., p. 86) очень одобрительно говоритъ о хозяйственныхъ способностяхъ потомковъ служащихъ Р.-Ам. Компаніи на Кенайскомъ полуостровѣ и на о. Аѳогнакѣ, гдѣ жило 330 б. колоніальныхъ гражданъ, содержавшихъ школу (стр. 105). Охотники на моржей селенія Бельковскаго на свои средства выстроили церковь въ 1880—1882 гг., истративъ на нее 7.000 долларовъ; населеніе грамотно, читаетъ главнымъ образомъ по-алеутски; тоже самое на Уналашкѣ, гдѣ діаконъ учитъ дѣтей сначала по-алеутски, а затѣмъ по-русски (стр. 173). Населеніе Прибыловыхъ острововъ чрезвычайно предано своей вѣрѣ, а также русскимъ обычаямъ, вплоть до вальса подъ гармонику и самовара (стр. 241); здѣсь, на островахъ св. Павла и св. Георгія, Alaska Commercial Company устроила, рядомъ съ англійской Энциклопедической библіотекой въ 1000 томовъ, по небольшой библіотечкѣ русской: населеніе неохотно учится по-англійски, такъ какъ боится отойти отъ вѣры отцовъ (стр. 244). По словамъ

Sitka Times, Alaska Times, Alaska Appeal, Alaska Tribune. (См. Bancroft, o. c., p. 677; J. P. Nichols, o. c., p. 425 sqq.). По возвращеніи въ Петербургъ Огородниковъ (у к. с о ч., II, 64) узналъ, что въ Санъ-Франциско прибылъ шрифтъ, и будетъ выходить русская газета четыре раза въ мѣсяцъ подъ редакціей о. Николая Ковригина, для борьбы съ Гончаренкомъ. Изъ задуманнаго предпріятія ничего не вышло, но не этотъ ли шрифтъ видѣлъ въ молодости о. А. Кашеваровъ (см. выше)?

1. Б а р с у к о в ъ, стр. 762.

2. Alph. Pinart, Bulletin de la Société de géographie, t. VI (1873), p. 564 A. Krause, o. c., p. 341.

3. Ivan Petroff, Report on the Population..... of Alaska. Washington, 1884. Я ссылаюсь особенно на стр. 41, 42, 20, 27. Про Нинильчикъ на Кенайскомъ полуостровѣ см. также Bancroft, o. c., p. 680. Иванъ Петровъ былъ начальникомъ кадьякской таможни (H. W. Seton Karr, Shores and Alps of Alaska, London, 1887, p. 229).

J. P. Nichols [1], въ 1884 году въ Аляскѣ уже было 17 русскихъ школъ. Но какъ разъ въ этомъ году американское правительство ассигновало 25.000 долларовъ на обученіе дѣтей школьнаго возраста въ Аляскѣ, и дополнительно 15.000 на воспитаніе туземныхъ дѣтей[2]: начинается неравная борьба за подчиненіе населенія американской культурѣ. Идетъ именно борьба. По даннымъ переписи 1890 года[3], болѣе подробнымъ и тщательнымъ, чѣмъ данныя Петрова, черезъ 20 лѣтъ послѣ уступки Аляски русское правительство и Синодъ тратили крупныя средства на содержаніе церквей и школъ въ бывшихъ колоніяхъ. Авторы очерковъ постоянно упоминаютъ о handsome church или handsome chapel, изъ которыхъ многія содержатся исключительно на средства населенія, преданнаго православной вѣрѣ. Тамъ, гдѣ часовня расположена слишкомъ далеко отъ приходской церкви, обряды совершаетъ и молитвы читаетъ мѣстный причетникъ; такъ, въ эскимосскомъ селеніи Паквикъ священника замѣняетъ престарѣлый начальникъ изъ туземцевъ Петръ. Населеніе сѣверныхъ деревень дѣлитъ людей на русскихъ и не-русскихъ: «Amerikansk». Многіе православные туземцы даже не знаютъ, что Аляска перешла къ Соед. Штатамъ, и человѣкъ, не понимающій по-русски, вызываетъ презрѣніе (стр. 96). На о. св. Павла — самая красивая церковь Аляски, выстроенная на средства населенія, съ субсидіей отъ Alaska Commercial Co; она обошлась въ 20.000 долларовъ. Однако, по свѣдѣніяхъ той же переписи 1890 года, русскій языкъ у ж е вытѣснялся англійскимъ; только 3,16 0/0 всего населенія говорило по-русски (стр. 198).

ШКАХАКА́ХХИ

ТЛИНГИТЪ-ХЕ́НАХЪ,

КА АНУ́ШИ

СИ́ТХА.

Е́вусинiа Си́тха Инхуатляхсичъ Владимиръ Іонской

1895 тоу.

Молитвы на колошинскомъ нарѣчіи. Титульный листъ

Расцвѣта русская миссіонерская и просвѣтительная дѣятельности достигла на рубежѣ XX-го вѣка. Это «Возрожденіе» сопровождалось появленіемъ ряда церковныхъ книжекъ для туземнаго населенія, въ память столѣтія основанія первой русской миссіи въ Америкѣ. Изъ ихъ числа я выдѣлилъ для воспроизведенія одну, мѣстомъ изданія которой обозначена Ситха (хотя напечатана она, какъ и всѣ другія, въ Нью-Іоркѣ). Отличительная ихъ особенность, что печатались онѣ уже не кириллицей, а русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, приспособленнымъ для фонетическаго строя мѣстныхъ нарѣчій. Напомнимъ, что въ ту же пору, въ 1893

1. J. P. Nichols, o. c., p. 102: До 1884 года существовало нѣсколько американскихъ миссіонерскихъ школъ, ассигнованіе которымъ было положено только въ 1877--1878 гг. Авторъ указываетъ, что первое бюджетное ассигнованіе осталось неиспользованнымъ, «for lack of ideas as to how best to apportion it.» Такимъ образомъ, сами американцы въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оказались въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ русскіе.

2. Органическій законъ 17 мая 1884 года. См. также Rules and Regulations regarding the Alaska School Service for the Natives of Alaska, Washington, 1911: Section 24 настаиваетъ на томъ, чтобы все преподаваніе велось на англійскомъ языкѣ. Резановъ и Веніаминовъ были болѣе либеральны, чѣмъ американцы XX-го вѣка.

3. Report on Population and Resources of Alaska at the Eleventh Census: 1890. Washington, 1893.

году въ Петербургѣ были переизданы Алеутскій букварь и Начатки христіанскаго ученія Веніаминова и Нецвѣтова.

1) Молитвы на Колошинскомъ нарѣчіи. Изданіе преосвященнаго Николая, епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, въ память столѣтняго юбилея Православной миссіи въ Америкѣ. Ситха, 1895.—Перевелъ Ситхинскій священникъ Владиміръ Донской. 23 стр., 16°. На оборотѣ обложки: Типографія Гр. Вайнштейна, 131, Bowerym. N. Y.

2) Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій на Колошинскомъ нарѣчіи. Изданіе и т. д. 1896 года, 25 апрѣля. Санъ-Франциско. 51 стр., 8°. — Переводъ Ив. Надеждина. Типографія Братьевъ Бруксъ, 151 Истъ Бродвей. Нью-Іоркъ.

3) Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій на Колошинскомъ нарѣчіи. Изданіе и т. д. 1896 года 25 марта. С.-Франциско. 60 стр., 8°. (Та же типографія, что № 2). — Другой выборъ пѣснопѣній, чѣмъ въ № 2. На стр. 60 только русскій текстъ, безъ перевода.

4) Молитвы и Пѣснопѣнія на Квихпакско-Кускоквимскомъ нарѣчіи. Изданіе и т. д. 1896 года. 88 стр., 16°. — Переводъ Миссіонеровъ Квихпакской миссіи Протоіерея Іакова Нецвѣтова и Священника Захарія Бѣлькова. Та же типографія.

5) Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій на агломютско-кускоквимскомъ нарѣчіи. Изданіе и т. д. 1896 года 25 марта. С.-Франциско. 60 стр., 16°. (Безъ имени переводчика. Та же типографія)[1].

Судя по даннымъ, сообщеннымъ прот. Мальцеву изъ Нью-Іорка въ 1904 году[2], къ началу текущаго столѣтія «русская акція» въ Аляскѣ стояла лучше, чѣмъ можно было ожидать послѣ многихъ лѣтъ развала. По этимъ даннымъ, епархія, центръ которой находился въ Санъ-Франциско, насчитывала 17 церквей и 59 часовенъ. Къ прежде существовавшимъ церквамъ прибавилась церковь въ новой столицѣ Аляски, Джуно, гдѣ теперь проживаетъ о. А. Кашеваровъ. Имя этого почтеннаго дѣятеля въ книгѣ Мальцева упоминается подъ Ситхой, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ онъ былъ настоятелемъ. Нѣсколько его однофамильцевъ одновременно съ нимъ служили въ разныхъ приходахъ: въ Нушегакѣ (Н. К-въ), на Уналашкѣ (В. П. К-въ), на о. св. Георгія (П. К-въ); на островѣ Унга состоялъ псаломщикомъ Л. Кашеваровъ, въ Ситхѣ учительствовалъ П. Кашеваровъ; мы, такимъ образомъ, имѣемъ дѣло съ настоящей династіей русскихъ дѣятелей, посвятившихъ себя просвѣщенію, духовному и умственному, бывшаго русскаго края[3]. При перечисленныхъ церквахъ были школы: въ Ситхѣ, на Кадьякѣ и въ Уналашкѣ. Лѣтомъ 1905 г. изъ Веніаминовской миссіонерской школы на послѣднемъ островѣ въ Петербургскую Духовную семинарію были отправлены два воспитанника, И. П. Хорошевъ съ острова Атхи, знакомый практически съ рус-

---

1. Всѣ эти книжки имѣются въ Парижской Національной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ Географическаго Общества.

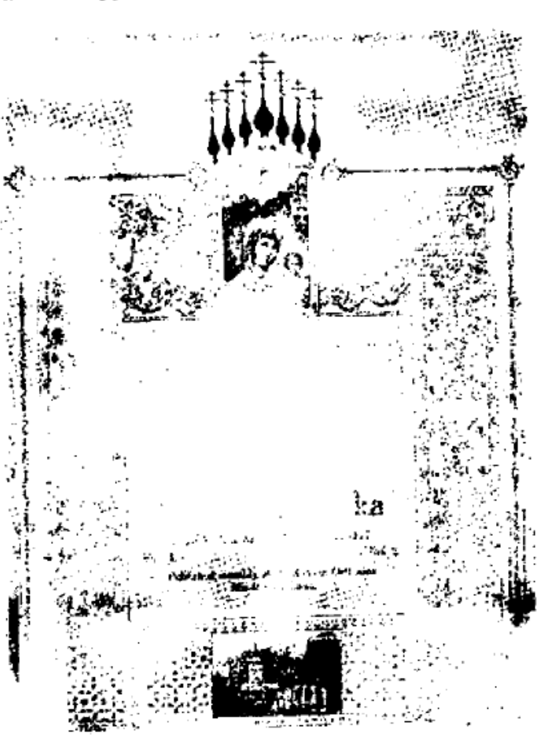
2. Прот. А. П. Мальцевъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границею, СПБ. 1906; сл. ч.II, Берлинъ,1911.

3. Въ 1838 году экспедицію въ Сѣверную Аляску организовалъ поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ А. Ф. Кашеваровъ (см. отчетъ о ней въ СПБургскихъ Вѣдомостяхъ за 1845 годъ, №№ 190—193). Тихменевъ, II, 29, упоминаетъ о капитанъ-лейтенантѣ Кашеваровѣ, начальникѣ Аянскаго порта (на Охотскомъ морѣ) въ 1852 г. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о томъ же лицѣ. Въ Морскомъ Сборникѣ, т. 58 (1862), № 4, стр. 86—92, помѣщена статья «креола А. Ф. Кашеварова» «Что такое запускъ и промыселъ пушныхъ звѣрей въ Россійско-Американскихъ колоніяхъ», въ которой авторъ выступаетъ, между прочимъ, въ защиту правъ мѣстнаго населенія: «Мы такіе же люди, какъ и «всѣ наши строгіе цѣнители и судьи».

скимъ, англійскимъ и алеутскимъ языками, и Н. Е. Аввакумовъ съ острова Атту, знавшій, кромѣ этихъ трехъ языковъ, и эскимосскій [1].

⁂

Со второго десятилѣтія XX-го вѣка русское дѣло въ Аляскѣ пошло на убыль. Изъ приводимаго ниже письма епископа Алексія Алеутскаго и Аляскинскаго видно, что школы закрылись наканунѣ или во время Великой войны. Сама война и послѣдовавшая за нею революція нанесли русскому просвѣщенію, можетъ быть, непоправимый ударъ. Къ этой эпохѣ относятся немногочисленныя бывшія для меня доступными свидѣтельства путешественниковъ. John L. Underwood (o. c., p. 125, 128, 296), пересѣкшій Аляску въ 1912 г., еще отмѣчаетъ русскую церковь въ б. редутѣ св. Михаила, церковь въ Russian Mission (на р. Юконъ) и старинныя русскія зданія на островѣ Кадьякѣ. Черезъ четыре года, во время войны, Hudson Stuck (Voyages on the Yukon and its tributaries, London, s. a.) посѣтилъ ту же Russian Mission (такъ мѣстность обозначается и понынѣ на картахъ) [2], «единственный слѣдъ владычества русскаго царя въ этихъ мѣстахъ», и воспроизводитъ фотографію внушительныхъ размѣровъ церкви «живописной византійской архитектуры». Стэкъ указываетъ, что Православная Церковь умираетъ въ Аляскѣ, въ глубинѣ страны несомнѣнно, но вѣроятно и на побережьѣ, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ она оставалась безъ епископскаго наблюденія (стр. 194).

Обложка журнала
Православная Аляска

Однако, именно во время Великой войны русскіе дѣлаютъ попытку оживить свое воздѣйствіе на населеніе, и памятникомъ этого движенія служитъ журналъ Православная Аляска, первый номеръ котораго, посвященный столѣтію Ново-Архангельской (Ситхинской) церкви, вышелъ въ концѣ 1916 года; къ сожалѣнію, я не могъ съ нимъ ознакомиться, но преосвященный Алексій былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ для описанія въ Временникѣ второй и послѣдній, тоже рѣдчайшій, номеръ журнала. Въ изящной рамкѣ, работы

1. Мальцевъ, ук. соч., стр. 407.
2. General Information regarding the Territory of Alaska, Washington, 1930, p. 12: Russian Mission village -- 90 душъ въ 1920 году.

E. W. Merrill, вверху которой изображена Икона Ситхинской Божьей Матери, а внизу каѳедральный соборъ, стоитъ: Православная Аляска. **Orthodox Alaska. Sitka, Alaska, February, 1917. Vol. 1. № 2. Published monthly at the Russian Orthodox Mission of Alaska.** 28 страницъ, in-4. На стр. 28-ой указано, что подписная цѣна на журналъ въ годъ 3 доллара, и что онъ печатался въ типографіи Аляскинской Православной Миссіи.

Содержаніе. Четныя страницы 2—24 заняты англійскимъ текстомъ, нечетныя 1—27 и 26 русскимъ. Только по-русски привѣтствіе Филиппа, епископа Аляскинскаго, паствѣ къ предстоящей Пасхѣ и сообщеніе, что онъ предпринимаетъ въ маѣ миссіонерское путешествіе по Аляскѣ и островамъ. «Затѣмъ убѣдительно прошу Аляскинское духовенство при пріѣздѣ моемъ заботиться не столько о моемъ покоѣ, сколько о томъ, чтобы быть намъ побольше съ паствой въ молитвѣ и благовѣстіи. Горячо желалъ бы и просилъ бы пастырей и псаломщиковъ устроить такъ, чтобы посѣтить мнѣ самыя отдаленныя селенія и уголки нашей разбросанной паствы, гдѣ еще не ступала нога епископа и гдѣ рѣдко приходится бывать даже миссіонеру....» (2-15 марта 1917 года; стр. 1—3). Статьи: «Празднованіе столѣтія существованія православной церкви въ Ситхѣ» (безъ подписи; стр. 3—9). «Представленіе студентами Догласской Высшей Школы передачи Аляскинской Территоріи во владѣніе Америки» (впечатлѣнія очевидца), свящ. А. Кашеварова (стр. 9—11). «Русь и православіе на Аляскѣ и Алеутскихъ островахъ. I. Русская колонія въ Америкѣ» (б. п.; стр. 11—17). «Мученикъ за православіе алеутъ Петръ» (б. п.; стр. 17—21). «Первый походъ (Хуна, Килисно, Ангунъ)», епископа Филиппа (стр. 21—25 и 26). Стр. 27. Оффиціальный отдѣлъ: Маршрутъ поѣздки еп. Филиппа по Аляскѣ. Списокъ дѣятелей церкви (псаломщиковъ, переводчиковъ, ктиторовъ и т. д.), получившихъ архипастырское благословеніе съ грамотами; среди нихъ немало эскимосскихъ именъ: Василій Акльківха, Меркурій Анатляхъ и т. под. Двѣ фотографіи hors texte изображаютъ епископа Филиппа съ духовенствомъ въ день столѣтняго юбилея и того же епископа съ духовенствомъ и представителями братствъ св. Архистратига Михаила и св. Архангела Гавріила: большинство — туземцы.

Третій номеръ Православной Аляски не вышелъ. Продолженіе начатыхъ статей не появилось. Съ 1917 года типографія Аляскинской православной миссіи, повидимому, перестала работать, и число лицъ, читающихъ по-русски, все уменьшалось. Свидѣтельствомъ этого печальнаго факта служитъ то, что въ издающемся въ г. Сіаттлѣ на русскомъ языкѣ журналѣ Русскія поля (передо мною №№ 39 и 40, отъ сентября 1936 г.) имѣется отдѣлъ подъ заглавіемъ «Православный Вѣстникъ Аляски», Alaska Orthodox Messenger, но текстъ его сплошь англійскій (переводы молитвъ и мѣстная хроника)[1].

Ослабленіе русской просвѣтительной дѣятельности сопровождалось расширеніемъ дѣятельности американцевъ, принявшихся энергично за воспитаніе мѣстныхъ жителей. Обязательное обученіе въ американскихъ школахъ захватило и потомковъ русскихъ поселенцевъ и туземцевъ. Программы направлены не только на обученіе дѣтей (и взрослыхъ) грамотѣ и ремесламъ, но и на образованіе изъ нихъ полезныхъ гражданъ ихъ маленькой родины, Аляски. Учителя стара-

---

1. О русскихъ въ послѣ-военной Аляскѣ встрѣчается упоминаніе у нѣкоего Серебровскаго, спеціалиста по золотопромышленности въ СССР: А. П. Серебровскій, На золотом фронте, Москва—Ленинград, 1936, стр. 78 слѣд. Авторъ былъ въ 1927 году отправленъ въ казенную командировку въ Соединенные Штаты и посѣтилъ Аляску. Для курьеза приведу цитату о пребываніи его въ Ситхѣ (стр. 82): «С архиепископом «Всея Аляски» (sic) мне пришлось иметь беседу вот по какому случаю. Он явился ко мне с визитом, а затем пригласил осмотреть знаменитую картину Венецианова и другие русские древности. Епископ был уже очень стар, хорошо говорил по-русски. Я постарался быть вежливым с ним и не дать ему заметить, что вся эта история очень была смешна».

ются создать изъ школы центръ общественной жизни[1], и несомнѣнно, что тамъ, гдѣ рядомъ съ американской школой, щедро всѣмъ обезпеченной, стояла русская школа, существованіе послѣдней надо было разсматривать, какъ пережитокъ слишкомъ крѣпко укоренившихся привычекъ и приверженностью къ религіи или религіознымъ обрядамъ, неотдѣлимымъ отъ церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Впрочемъ, американцы не стремятся стереть всякое воспоминаніе о русскомъ владычествѣ въ Америкѣ. Въ программу по исторіи введено нѣсколько главъ весьма любопытныхъ. Такъ, третья ступень включаетъ жизнеописаніе слѣдующихъ великихъ людей: Альберта Великаго, Ричарда Львиное Сердце, Роберта Бернса, Вильгельма Телля, Жанны д-Аркъ, П е т р а В е л и к а г о, Флоренсъ Найтингель. Четвертая ступень. Великія открытія: испанцы въ Аляскѣ, р у с с к і е в ъ А л я с к ѣ. Пятая ступень. Разсказы о великихъ изслѣдователяхъ Аляски и о ея колонизаціи: а) А л е к с а н д р ъ Б а р а н о в ъ и Р о с с і й с к о - А м е р и к а н с к а я К о м п а н і я ... Седьмая ступень. Вопросъ 20-ый: Почему 1867 годъ важная дата американской исторіи[2].

* *
*

E pur si muove! Въ заключеніе позволяю себѣ перепечатать письмо епископа Алексія, который такъ внимательно отнесся къ моей просьбѣ, обращенной къ анонимному «священнику русской церкви въ Уналашкѣ»[3]. За присланныя свѣдѣнія я выражаю ему глубочайшую благодарность. Если представить себѣ карту и тѣ мѣста, гдѣ затеряны Уналашка и другія гнѣзда русской культуры, то невольно испытываешь удивленіе при мысли о живучести русскаго языка и русской національности, устоявшихъ, несмотря на, казалось, непреодолимыя препятствія въ теченіе семидесяти лѣтъ. Письмо владыки помѣчено 12 мая 1936, Уналашка, Аляска.

> «Русскія семьи до сихъ поръ сохранились въ Ситхѣ, Кадьякѣ, а особенно въ Нениньчикѣ, гдѣ даже дѣти школьнаго возраста всѣ говорятъ по-русски, несмотря на то, учатся въ американской школѣ[4].
>
> «До русской революціи существовали въ Аляскѣ русскія школы и пріюты. Въ Ситхѣ существовалала русская семинарія съ промежутками до 1909 г., а также русскій пріютъ для мальчиковъ. Въ Кадьякѣ былъ русскій пріютъ для дѣвочекъ до 1915 г. Въ Уналашкѣ до 1910 г. существовала второклассная церковно-приходская школа и пріютъ для мальчиковъ.

---

1. The Work of the Bureau of Education for the Natives of Alaska. Bulletin 1921, № 35. Washington, 1921, p. 3.

2. Department of the Interior. Bureau of Education. A course of Study for United States Schools for natives of Alaska. Washington, 1926, pp. 93-98.

3. О моемъ почтенномъ корреспондентѣ упоминается вскользь въ интересныхъ статьяхъ Isobel Hutchinson (лондонскій Times, 15, 16 и 27 февраля 1937 г.), посѣтившей Алеутскіе и Прибыловы острова. Когда авторъ подарилъ женѣ туземнаго начальника острова Атту, Mike Hodiakoff, — онъ же псаломщикъ мѣстной церкви, гдѣ служба ведется на туземномъ языкѣ, фотографію епископа Алексія «who had been a charming fellow-traveller on my way to Unalaska», та приняла подарокъ съ почти суевѣрнымъ трепетомъ. Та же путешественница бесѣдовала на островѣ св. Павла съ женою русскаго священника и упоминаетъ о встрѣчѣ съ «charming Russian refugees».

4. Я не могъ остановиться подробно на проникновеніи русскаго языка въ туземную толщу. Объ этомъ единогласно говорятъ путешественники по Аляскѣ и островамъ. О русскихъ именахъ, см. Elliott, o. c., p. 239 (Стпанъ Бѣлоглазовъ, Осипъ Безъязыковъ; нѣкоторые носятъ фамиліи русскихъ губернаторовъ и адмираловъ) и его же The Seal Islands of Alaska, p. 158 sqq. Seton Karr, o. c., p. 182, описываетъ вече-

«Русскій языкъ до сихъ поръ сохранился среди туземцевъ во многихъ мѣстахъ Аляски, благодаря Церкви. Богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ. Конечно, американцы стараются ввести англійскій языкъ. Съ этой цѣлью вездѣ открыты Public Schools, и русскій языкъ исчезаетъ.

«На сѣверѣ Аляски, по рѣкамъ Кускоквиму и Юкону, существуютъ наши православные приходы, состоящіе исключительно изъ эскимосовъ. Этотъ край особенно нуждается въ самоотверженныхъ миссіонерахъ....»

Дѣти школьнаго возраста селенія Нинильчикъ, потомки бывшихъ «колоніальныхъ гражданъ», сохранившіе свой языкъ въ американскомъ и эскимосскомъ окруженіи, это похоже на чудо[2].

Г. Лозинскій

Пергаментный рубль Россійско-Американской Компаніи (изъ собранія Н. В. Шнейдера, Парижъ)

рінки въ Нучекѣ у мѣстнаго тоэна Павла, его помощника Петра и брата послѣдняго Вани. — О языкѣ прибрежныхъ жителей залива принца Вильгельма читаемъ у Seton Karr, o. c., p. 160: «The Indian jargon here consists of a mixture of Chilcat, Russian and Chinook». Слово chainik вошло въ алеутскій языкъ. Pinart, Bulletin de la Société de géographie, t. VI (1873), p. 564. Whymper, o. c., p. 165, разсказываетъ, какъ въ одномъ поселеніи на Юконѣ мѣстный эскимосскій начальникъ «an old stareek» оказалъ ему гостепріимство.

2. Желающіе помочь русскому населенію Аляски классиками, книгами по исторіи и религіи, дѣтской литературой и т. под., могутъ отправлять ихъ на адресъ владыки: His Grace Bishop Alexis, Unalaska, Alaska, U. S. A. Все будетъ принято съ благодарностью и распредѣлено между нуждающимися.

АГАПІЙ ГОНЧАРЕНКО

основатель русской печати въ Сѣверной Америкѣ

Весьма своеобразнымъ человѣкомъ былъ о. Агапій Гончаренко, на долю коего выпало — поставить первый русскій печатный станокъ и основать первый русскій періодическій органъ въ Сѣверной Америкѣ: россійскій іеродіаконъ, невольный политическій эмигрантъ, сотрудникъ Колокола, наборщикъ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, другъ Огарева, корреспондентъ Бакунина, греческій священникъ, мужъ итальянской патріотки, казакофилъ и украинскій патріотъ, недурной граверъ, издатель русской газеты для обитателей русской Америки, только что перешедшей подъ власть Соединенныхъ Штатовъ, а потомъ борецъ за права этихъ обитателей и за независимость Аляски и отъ Соединенныхъ Штатовъ, и отъ Россіи.

До принятія монашества подъ именемъ Агапія, Гончаренко звался Андреемъ Онуфріевичемъ. Родился онъ 19 августа 1832 г. въ с. Кривинь, Кіевской губерніи, въ семьѣ священника изъ малороссійскихъ казаковъ, о. Онуфрія, питомца Кіевской Духовной Академіи. Гончаренко учился въ Кіевской «бурсѣ» (духовномъ училищѣ и семинаріи) въ теченіе 13 лѣтъ. Дѣтство и отрочество воспитали въ немъ три чувства: національное самосознаніе, ненависть къ крѣпостному праву и аскетизмъ. Причиною тому были слѣдующія обстоятельства: помѣщиками въ краѣ были поляки, крѣпостными — украинцы; польскій языкъ господствовалъ среди правящихъ, настолько, что даже въ домѣ отца его говорили по-польски («стыдились мужицкаго языка»); формы крѣпостного права были жестоки. Созерцаніе природы, жизнь на пасѣкѣ, чтеніе житій святыхъ влекли его къ уходу отъ міра.

Въ 21 годъ окончивши семинарію со званіемъ «совершеннаго богослова» (1853 г.), Гончаренко отдался своему душевному влеченію и тотчасъ постригся во іеродіаконы. Митрополитъ Филаретъ взялъ его къ себѣ во «книгодержцы» при богослуженіи.

Близость къ Лаврѣ, консисторіи, митрополичьему окруженію, поѣздки по монастырямъ открыли ему глаза на пороки лаврской жизни, алчность консисторскихъ чиновниковъ, жалкую судьбу «штатныхъ монастырскихъ» крестьянъ, на безсиліе митрополита предъ Синодомъ и императорской властью. Мысли объ

освобожденіи Церкви отъ ига гражданской власти, о возрожденіи идеальнаго, монашескаго общежитія, объ освобожденіи крестьянъ и о политической свободѣ овладѣли юнымъ монахомъ.

12 іюля 1857 г., въ Кіевѣ, онъ встрѣтился съ вернувшимся изъ Сибири декабристомъ кн. С. П. Трубецкимъ и бесѣдовалъ съ нимъ. Впослѣдствіи ему казалось, что рукопожатіе Трубецкаго было своего рода «хиротоніею», и въ глазахъ его онъ увидѣлъ благословеніе на продолженіе борьбы, начатой декабристами[1].

Осенью 1857 г. Св. Синодъ запросилъ митрополита о достойнѣйшемъ изъ молодыхъ монаховъ для посылки іеродіакономъ въ церковь при россійской миссіи въ Аѳинахъ. Гончаренко, знавшій языки ближняго Востока и пользовавшійся благоволеніемъ митрополита, получилъ это назначеніе. Въ ноябрѣ 1857 г., онъ уже отплылъ изъ Одессы въ Аѳины.

*

Въ Греціи Гончаренко былъ далекъ отъ посольскихъ круговъ, изучалъ новогреческій языкъ, цѣлые дни проводилъ на Акрополѣ, рисуя развалины храмовъ для своихъ гравюръ. Охваченный ощущеніемъ величія Божія, выраженнаго въ творчествѣ античныхъ архитекторовъ, онъ, прерывая свое рисованіе, молился иногда Богу, то въ Парѳенонѣ, то въ Эрихтейонѣ, то въ храмѣ Зевса.

Именно на Акрополѣ познакомился онъ съ представителемъ одесскаго пароходнаго общества, Давыдовымъ, который, увидя на столѣ у Гончаренки изданія Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ, сказалъ, что бывалъ въ Англіи у Герцена и Огарева, и обѣщалъ разсказать имъ о Гончаренкѣ. Вскорѣ Гончаренко сталъ посылать въ *Колоколъ* свои статьи о русскомъ духовенствѣ.

15 февраля 1860 г. Герценъ, въ язвительной статьѣ[2], сообщилъ, что россійскій посланникъ въ Аѳинахъ Озеровъ «тѣснитъ дьякона, имѣвшаго неосторожность найти православно несовмѣстимымъ должность послушника и Антиноя», и пояснилъ, что «россійскій архимандритъ въ Аѳинахъ предается восточнымъ и античнымъ страстямъ». Въ листѣ 65-66-мъ появилась вторая статья, въ которой Герценъ запрашивалъ канцлера Горчакова, «предписывалъ ли онъ посланникамъ покровительствовать, изъ свѣтски-дипломатическихъ или церковно-православныхъ интересовъ, ретроградныхъ нѣжностямъ пастырей и архипастырей». Онъ выражалъ негодованіе, что «Императорская мантія служитъ... прикрытіемъ такихъ право-не-славныхъ грѣшковъ»...

2 февр. 1860 г. Озерову донесли, что Гончаренко опустилъ въ почтовый ящикъ письмо въ Лондонъ. Посланникъ не погнушался лично пріѣхать къ Гончаренкѣ въ каретѣ и пригласить его ѣхать «на обѣдъ» на русскій стаціонеръ въ Пиреѣ *Русалку*. Взойдя на бортъ военнаго судна, А. П. Озеровъ вручилъ Гончаренкѣ заготовленный имъ приказъ объ арестѣ и отправкѣ въ Россію, «въ распоряженіе духовнаго вѣдомства». Судьба предстояла Гончаренкѣ тяжелая: заточеніе въ тюрьму Соловецкаго или Суздальскаго монастыря. «Броситься въ Босфоръ было лучше», — полагалъ Герценъ, сообщая объ арестѣ. Пока посаженный по просьбѣ россійскаго генеральнаго консула въ турецкую тюрьму Гончаренко ожидалъ въ Константинополѣ прихода парохода *Олегъ*, шедшаго въ Одессу, ему пришли на помощь царьградскіе эмигранты-украинцы и донскіе казаки. Знаменитый атаманъ казаковъ-«некрасовцевъ» Осипъ Гончаръ органи-

---

1. Часть бесѣдъ съ Трубецкимъ въ 1857 г. Гончаренко опубликовалъ потомъ въ своей *Свободѣ*, остальное же завѣщалъ опубликовать послѣ своей смерти.

2. **For gentlemen only**, *Колоколъ*, листъ 63-й.

зовалъ побѣгъ Гончаренки изъ тюрьмы (16 февр. 1860 г.). «Втік на вічну і святу волю, — вспоминалъ позже Гончаренко, — козакувати на ввесь мій вік! Слава Богу!»[1].

*

4 марта 1860 г. Гончаренко былъ уже въ Лондонѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Герценомъ и Огаревымъ и вошелъ въ окруженіе Колокола. Чтобы быть независимымъ, онъ давалъ уроки русскаго языка грекамъ, ведшимъ торговлю съ Одессой, Ростовомъ и Таганрогомъ. Работалъ въ Британскомъ Музеѣ по классификаціи монетъ, въ отдѣлѣ нумизматики. Съ 8 апр. 1860 г., когда открылась типографія Людвика Чернецкаго, сталъ въ ней наборщикомъ. Эмигрантъ Кельсіевъ, не взлюбившій Агапія, отмѣчаетъ все же въ своихъ мемуарахъ, что Гончаренко и кн. Н. П. Трубецкой «были отличные наборщики и бывали приняты у Герцена». Однако, — добавляетъ Кельсіевъ, — «войти въ нашъ тѣсный кружокъ ему не удалось по его тяжелому мнительному и скрытному характеру».

III-е Отдѣленіе Собств. Е. В. Канцеляріи сообщило имп. Александру II о побѣдѣ Агапія въ глухой формѣ, что онъ, «поссорившись съ архимандритомъ, бѣжалъ въ Лондонъ и присталъ къ Герцену» (Всеподд. отчетъ за 1860-й годъ). «Думаютъ, — добавлялъ шефъ жандармовъ, — что онъ участвовалъ съ Кельсіевымъ въ переводѣ Библіи на русскій языкъ».[2]

Гончаренко не только набиралъ Колоколъ, но и писалъ въ немъ. Мы можемъ теперь утверждать, что имъ напечатаны у Герцена слѣдующія статьи: **Иноки Михайловскаго монастыря** (л. 47); **Кіево-печерскіе подвижники** (л. 57—58); Монастырское крѣпостное право (л. 86); замѣтка о смерти Кобзаря (Шевченко) л. 96.[3]

Не довольствуясь этимъ, Гончаренко предпринялъ и самостоятельное изданіе книги, которая казалась ему необходимой для Россіи, въ особенности же для православной церкви. Онъ проредактировалъ, а Трюбнеръ издалъ: Стоглавъ. Соборъ, бывшій въ Москвѣ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ въ лѣто 7059 г. Лондонъ. Trübner & Co. Вольная Русская Типографія, 1860, XVI + 283 с.

Въ предисловіи, за подписью «I (іеродіаконъ) А (Агапій), Лондонъ, 19 авг. 1860 г.», Гончаренко писалъ: «Уложеніе сего собора сдѣлалось свѣтильникомъ, горящимъ подъ спудомъ, рукописною тайною нѣкоторыхъ библіотекъ... Въ духовныхъ книгахъ въ Россіи являлись нѣкоторыя главы сего собора, согласныя съ эгоизмомъ деспотовъ Россійской церкви, представителей постояннаго собора Петербургскаго; обижающія-же своею наивною простотою лицемѣріе Христіанства XIX столѣтія, — считались запрещенными». Гончаренко считалъ своимъ долгомъ сдѣлать постановленія собора доступными всякому патріоту.

Давая отзывъ объ этомъ изданіи, эмигрантъ кн. П. Вл. Долгоруковъ, въ своемъ зарубежномъ журналѣ Будущность, сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Гончаренкѣ и отмѣтилъ, что «изданіе Стоглава — прекрасное».[4]

---

1. Аѳинскій періодъ жизни Г. освѣщенъ въ Колоколѣ (лл. № 63, 65—69, 71). См. также *Герценъ* П. С. С., т. X, с. 182, 211, 262, 263, 315, 480, 481. Автобіогр. свѣдѣнія въ **Alaska Herald, Dec. 15,** 1868; «Свобода» 1873, № 1 (2 февр.), с. 4; Прогрессъ (Чикаго) № 15, March, тоже № 18, Vol. II, 1893 June, Народъ, Коломия, 1894, № 6.

2. Библія. Переводъ съ евр. Вадима. Лондонъ, тип. Л. Чернецкаго, 1860, кн. I, II, III-IV, V. Это было личное предпріятіе Кельсіева, и Г. не имѣлъ къ нему никакого отношенія.

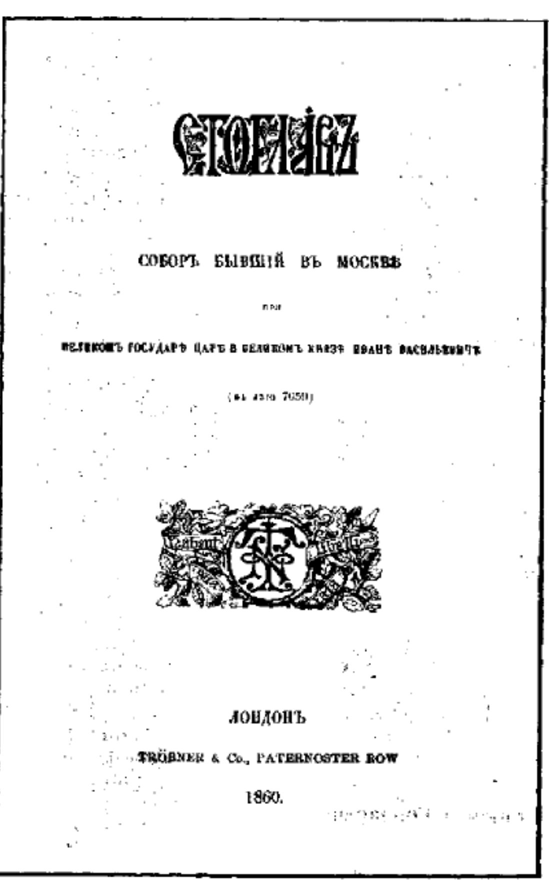
3. Повидимому, имъ были даны Герцену и другія замѣтки.

4. № 3-4, 6 дек. 1860 г., стр. 31.

И, дѣйствительно, изданъ былъ Стоглавъ на рѣдкость изящно, съ типографской точки зрѣнія. Что касается политическаго эффекта, то онъ былъ совершенно уничтоженъ разрѣшеніемъ напечатать Стоглавъ полностью въ спеціальныхъ богословскихъ журналахъ уже черезъ годъ послѣ лондонскаго изданія, — рѣдкій актъ правительственнаго благоразумія.

На заработокъ отъ Стоглава Гончаренко организовалъ квартиру и питаніе для русскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, число коихъ начало возрастать несмотря на печатныя предостереженія Герцена. Самъ Гончаренко не жилъ на коммунальной квартирѣ, но воскресенья проводилъ тамъ всегда, организуя лекціи и небольшіе спектакли. Ибо, — пояснялъ онъ, — воскресенье это великій день для «втікача» (эмигранта-бѣженца)... Квартира продержалась, пока у Гончаренки были деньги. «Денегъ не стало, и овцы разбрелись на съѣденіе волкамъ»...

5 апр. 1861 г. Гончаренко присутствовалъ на знаменитомъ собраніи у Герцена по случаю манифеста 19 февраля. Тутъ онъ познакомился съ Джузеппе Мадзини, который далъ ему, впослѣдствіи, адресъ своихъ друзей въ Сѣв. Америкѣ. Въ томъ же 1861 г. Гончаренко покинулъ Лондонъ и вернулся на Ближній Востокъ.[1]

СТОГЛАВЪ

СОБОРЪ БЫВШІЙ ВЪ МОСКВѢ

при

ВЕЛИКОМЪ ГОСУДАРѢ ЦАРѢ И ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ИОАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ

(въ лѣто 7050)

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW

1860.

Стоглавъ, изданный подъ редакціей А. Гончаренко

⁂

Свой отъѣздъ 1 сент. 1861 г. изъ Лондона въ Грецію Гончаренко объясняетъ въ своихъ мемуарахъ вѣстями о движеніи противъ короля Оттона въ Греціи: «Я любилъ грековъ, больше всѣхъ другихъ имѣлъ съ ними дѣло въ Лондонѣ, — кровь закипѣла въ моемъ сердцѣ...» Были, кромѣ того, столкновенія кое съ кѣмъ изъ эмигрантовъ. (Кельсіевъ пишетъ о Гончаренкѣ: «надѣлалъ кучу подлостей въ Лондонѣ и уѣхалъ на Востокъ»).

Герценъ было встревожился и написалъ (27 сент. 1861 г.) кн. П. Вл. Долго-

---

1. О лондонскомъ періодѣ жизни Г., сверхъ статей, упомянутыхъ въ предыдущей главѣ, см.: *Кельсіевъ*, «Арх. Русск. Рев.», т. XI, с. 190, 196; его же Пережитое и передуманное; *Герценъ*, т. XI, с. 29, 240; Народъ, Коломия, 1894, № 7-8. Неопублик. отчеты III-го Отдѣленія за 1860 и 1861 г. Архивъ III-го Отд. С.Е.В. Канц. (теперь Центр. Архивъ).

рукову: «*A propos*, Аѳинскій діаконъ бросилъ типографію и надѣлалъ здѣсь разныхъ сплетенъ...» Писалъ онъ и И. С. Тургеневу, но затѣмъ (4 февраля 1862 г.) самъ же успокоилъ его: «По строжайшему слѣдствію (*style Wiatka & Chancellerie*) оказалось, что нашъ діаконъ не виноватъ, а просто болтунъ и сплетникъ, какъ всѣ монахи...» Что касается Огарева, то онъ ни на минуту не усомнился въ Гончаренкѣ.

Мы не будемъ подробно излагать скитаній Гончаренка по Востоку. Въ Гермуполисѣ, на о. Сирѣ, онъ держалъ корректуру латино-греческаго лексикона для проф. Перидиса. Потомъ попалъ въ Смирну, гдѣ польскіе эмигранты устроили въ честь его обѣдъ. Январь 1862 г. онъ провелъ на Аѳонѣ, гдѣ епископъ Мелетій Ловцу рукоположилъ его во іереи. Въ Іерусалимѣ, по почину русскаго епископа Кипріана и россійскаго консула, его едва не арестовали, но, благодаря рекомендаціи русскаго католика кн. Ив. Гагарина, его защитилъ католическій патріархъ Калерги. До пріѣзда въ Сирію кн. Ив. Гагарина Гончаренко замѣнялъ его въ школѣ, организованной іезуитами для болгарскихъ дѣтей въ Газырѣ, въ Ливанскихъ горахъ. (Кельсіевъ жестоко порицаетъ его за это «угодничество католикамъ»).

Сэръ Самюэль Бэкеръ помогъ Гончаренкѣ устроиться въ Александріи. Но 22 февр. 1863 г. о. Агапій подвергся вооруженному нападенію іонійскаго грека, ударившаго его ножемъ въ грудь. (Гончаренко полагалъ, что это было сдѣлано по наущенію россійскаго консула Лаговскаго). Аѳинскіе друзья звали его въ Аѳины, обѣщая ему защиту отъ россійскихъ властей и греческое подданство. Дѣйствительно 6-го іюня 1863 г. онъ сталъ гражданиномъ г. Аѳинъ, чѣмъ очень гордился, и подписывался Agapios Goncharenko, Athenaïos.

Русскимъ посланникомъ былъ уже не Озеровъ, а гр. Блудовъ, бывшій въ Лондонѣ первымъ секретаремъ посольства во время пребыванія тамъ Гончаренка. Онъ не только не требовалъ высылки Гончаренка въ Россію, но даже попросилъ его (въ маѣ 1864 г.) сопровождать въ поѣздкѣ по Мореѣ профессоровъ Ламанскаго и Перцева, пріѣхавшихъ искать тамъ остатки славянскихъ элементовъ.

Вслѣдъ за этой ученой поѣздкой Гончаренко окончательно рѣшилъ ѣхать въ Сѣв. Америку. Еще въ дѣтствѣ онъ невольно сравнивалъ острова и заливы русской Америки съ греческимъ Архипелагомъ. О русскихъ на Аляскѣ и въ Калифорніи онъ много бесѣдовалъ въ Лондонѣ съ Огаревымъ и Кельсіевымъ. Послѣдній, какъ извѣстно, ѣхалъ на службу въ Россійско-Американской компаніи на о. Ситху и застрялъ въ 1859 г. въ Лондонѣ. Герценъ имѣлъ въ Нью-Юркѣ и въ Калифорніи друзей, участниковъ революціи 1848—1849 гг. въ З. Европѣ. Первая жена Огарева, Марія Львовна, еще въ 1853 г. ѣздила въ Калифорнію. Интересъ Герцена къ этой странѣ возросъ послѣ разсказовъ о ней послѣдняго правителя форта и колоніи Россъ А. Г. Ротчева и его жены. Наконецъ, Бакунинъ, бѣжавшій изъ Сибири черезъ Японію, пробывъ, въ октябрѣ 1861 г., недѣлю въ Калифорніи, «нашелъ въ Америкѣ такую повсемѣстную и безусловную симпатію къ Россіи и вѣру въ русскую народную будущность, что уѣхалъ оттуда самымъ рѣшительнымъ партизаномъ Соединенныхъ Штатовъ».

Еще въ Лондонѣ, въ бесѣдахъ съ Огаревымъ, Гончаренко создалъ планъ мощной русской организаціи въ Санъ-Франциско для воздѣйствія на Аляску и Сибирь. Бакунинъ, имѣвшій собственный планъ создать «Русское Дѣло», т. е. русскую революціонную организацію въ Америкѣ и связать ее съ Сибирью, горячо откликнулся на письма Гончаренка и торопилъ его съ исполненіемъ задуманнаго.

Оба они — и Огаревъ, и Бакунинъ — продолжали дружескую переписку съ Гончаренкомъ и въ 1870-хъ гг. Единственная размолвка между ними возникла лишь тогда, когда Гончаренко не пожелалъ открыть имъ, какими именно путя-

ми посылалъ онъ свои изданія въ Аляску, Камчатку и на Амуръ, но и она была кратковременной.[1]

⁂

1 янв. 1865 г. Гончаренко пріѣхалъ въ Бостонъ съ эллинскимъ паспортомъ іерея Агапія изъ Аѳинъ. Онъ оказался первымъ православнымъ священникомъ, поселившимся на территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Немедленно же онъ организовалъ домовую церковь въ квартирѣ греческаго консула въ Нью-Іоркѣ, Ботасси. По приглашенію греческой колоніи въ Нью-Орлеанѣ онъ съѣздилъ туда освятить мѣсто для будущей церкви, но уже въ началѣ мая 1865 г. россійскій посланникъ Стекель предложилъ грекамъ своего, поставленнаго отъ Синода православнаго священника, о. Николая Бьерринга.

Въ Нью-Іоркѣ Гончаренко жилъ уроками греческаго языка (между прочимъ, онъ преподавалъ его студентамъ богословія епископальной церкви въ *St John's School*), рѣзалъ по дереву и гравировалъ на мѣди. Бралъ у него уроки, не зная, что Father Agapios и есть крамольный Гончаренко, самъ россійскій консулъ бар. Остенъ-Сакенъ. Члены Библейскаго Общества Ванъ Дайкъ и Лонгъ привлекли Гончаренка къ изданію: первый — арабской Библіи, второй — церковно-славянскаго Новаго Завѣта. Это дало ему возможность за три года скопить три тысячи долларовъ.

Еще въ Элладѣ онъ сошелся съ «прогрессивными реформатами» — греками, сторонниками брака для епископовъ. Поэтому Гончаренко, будучи іеромонахомъ, но не очень считаясь съ канонами, женился (въ меріи) на Альбинѣ Читти (*Citti*) изъ Филадельфіи, большой красавицѣ.

Въ домѣ ея отца бывали выдающіеся итальянскіе патріоты-эмигранты: де-Рудіо, товарищъ Орсини, Авеццана, Фарретти, Гарибальди, да и самъ Гончаренко явился съ личной рекомендаціей Дж. Мадзини.

Накопивши достаточно денегъ для покупки шрифтовъ, Гончаренко затратилъ на это 1.600 долларовъ, 4 октября 1867 г. онъ двинулся въ Санъ-Франциско основывать русскую типографію, «щобъ Сібіряки слухали, через Тихий Океан, вільну і тиху пісню из вільної Америки...»

Пока Гончаренко плылъ въ Санъ-Франциско, русскій флагъ въ Ново-Архангельскѣ былъ спущенъ, и Аляска стала (18 окт. 1867 г.) владѣніемъ Соединенныхъ Штатовъ.

⁂

Гончаренко пріѣхалъ въ Санъ-Франциско 6 ноября 1867 г. По пути на Дальній Западъ, онъ мечталъ сперва поставить свой станокъ въ г. Ново-Архангельскѣ на о. Ситхѣ[2], но затѣмъ правильно сообразилъ, что тамъ онъ попалъ бы подъ власть и цензуру американскаго военнаго управленія. Не прочь былъ онъ переѣхать на полуостровъ Аляску, на материкъ, и обосноваться въ селеніи на р. Нушагакъ. Но онъ понялъ, что всѣ люди и всѣ свѣдѣнія съ Аляски, Алеутскихъ острововъ и изъ района Ситхи (бывшаго русскаго административнаго центра) будутъ теперь стекаться прямо въ Санъ-Франциско, которое и раньше, съ средины 1850-хъ годовъ стало однимъ изъ главныхъ поставщиковъ товаровъ для русской Америки.

---

1. *Герценъ*, т. VII, с. 314; т. XI, с. 346; «Былое», 1906, № 7, с. 186; *Павликъ* «Еще про О. Агапія Г.», Народъ, 1894, № 2; остальное въ Споминахъ Г-а.

2. Американцы переименовали Ново-Архангельскъ въ Ситку, а островъ Ситху въ Барановъ-Эйландъ.

Поэтому, сойдя съ парохода, онъ обосновался въ Санъ-Франциско и сразу же принялся за наборъ первой своей книги. Это была *Russian and English Phrase Book*, разговорная книжка для американскихъ солдатъ, отправляемыхъ въ Ситку для занятія новоприсоединенныхъ къ Штатамъ земель. Издана была эта книга за американскій счетъ, по заказу статсъ-секретаря Сюарда, главнаго иниціатора покупки у Россіи Аляски. Сюардъ пригласилъ къ себѣ Гончаренко изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ и не только заказалъ справочникъ, но и обѣщалъ субсидію будущей его газетѣ при условіи, чтобы онъ занялся въ ней регулярнымъ ознакомленіемъ на русскомъ языкѣ гражданъ Аляски, какъ съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ, такъ и съ распоряженіями новыхъ властей. Гончаренко согласился, оговоривъ независимость своихъ политическихъ взглядовъ. Независимость эту, какъ мы увидимъ дальше, онъ и поддержалъ на практикѣ въ полной мѣрѣ. Замѣтимъ, что республиканскія убѣжденія Гончаренка не могли никого пугать въ Америкѣ, а его пресвитерское званіе внушало къ нему полное довѣріе.

Споминки

Агапія Гончаренка,

Українського козака-священника

Видав М. Павлик.

КОЛОМИЯ 1894.

З друкарні М. Білоуса.

Вслѣдъ за разговорной книжкой Гончаренко сталъ издавать намѣченный имъ уже давно періодическій органъ печати, первый на русскомъ языкѣ въ предѣлахъ Америки. Первый номеръ появился въ свѣтъ 1-го марта 1868 г. съ англійскимъ заголовкомъ *Alaska Herald*, и съ русскимъ подзаголовкомъ: «Издатель Пресвитеръ Агапій Гончаренко». Подписка принималась въ типографіи, которая печатала наборъ, сдѣланный Гончаренко (**Printing Office of Cubery and Comp., 536, Market Street, San Francisco**). Цѣна была назначена за номеръ — 20 центовъ, на годъ — 4 доллара.

Въ видѣ motto Гончаренко поставилъ латинскую цитату:

> Jussio, consilium, concursus, palpa, recursus,
> Participans, mutus, non obstans, non manifestans...

Первые три номера вышли съ однимъ англійскимъ названіемъ (1-го, 15-го марта и 1-го апрѣля 1868 г.). Въ № 4-мъ (15 апр. 1868 г.) надъ русскимъ текстомъ появился русскій же заголовокъ — С в о б о д а. Газета печаталась на англійскомъ и русскомъ языкахъ, но содержаніе статей было въ подавляющемъ большинствѣ различное. Въ англійскихъ статьяхъ Гончаренко освѣдомлялъ американцевъ объ Аляскѣ, а въ русскихъ печаталъ тексты изъ американской конституціи въ переводѣ и замѣтки о жизни аляскинцевъ и мѣстной русской колоніи въ Санъ Франциско.

«Свободная Америка и Сибирь, — объяснилъ цѣль своего органа Гончаренко, — это два юные силача, обращенные другъ къ другу спиной.»

Время настало «чтобы понять другъ друга и работать вмѣстѣ на общую пользу...

«Понимая это, мы поставили у себя русскій станокъ, который есть первый въ Америкѣ, для напечатанія торговыхъ картъ, циркуляровъ, памфлетовъ, грамматикъ для изученія русскаго и англійскаго языковъ и всякаго рода работъ, споспѣшествующихъ благоденствію народа. Объявляя о семъ публикѣ, мы надѣемся вызвать здравое пониманіе нашего дѣла...»

Въ этомъ проспектѣ не чувствовалось никакихъ политическихъ замысловъ, кромѣ, развѣ, желанія печатать «памфлеты» и работы «для благоденствія народа». Сравненіе Америки и Сибири было заимствовано у Герцена, мысли котораго объ Америкѣ и Россіи Гончаренко повторялъ неоднократно и впослѣдствіи.

«Цѣль учрежденія нашего русскаго станка въ Санъ-Франциско, — объяснялъ далѣе Гончаренко, — состояла въ томъ, чтобы нашимъ соотечественникамъ, отдаленнымъ отъ центра великаго племени, доставить возможность встрѣтить русское слово въ далекой отдаленности. Для Алеутскихъ и Аляскинскихъ единоязычниковъ, нашъ станокъ необходимъ для изъясненія на русскомъ языкѣ правительственныхъ распоряженій совершенно новаго правительства, торговыхъ отношеній съ новыми товарищами въ торговомъ обращеніи, имѣющими другіе обычаи и другія цѣны, отличныя отъ старыхъ ихъ русскихъ обладателей...

«При этомъ замѣчаемъ, что мы не имѣемъ ничего общаго съ лакеями (стараго режима), и ворами, бѣжавшими изъ родины отъ заслуженнаго наказанія. Мы жмемъ руку и даемъ наше сердце только истиннымъ и святымъ труженикамъ за (sic!) свободу и прогрессъ Россіи.

«Наше слово истины не замолкнетъ, потому что для публикаціи мы не нуждаемся ни въ чьемъ пособіи; мы — издатель, типографъ и разнощикъ нашего журнала».

Довольно быстро начались у Гончаренка тренія съ военнымъ управленіемъ, которому была непріятна его критика поведенія американцевъ на Аляскѣ. Гончаренко пожелалъ подчеркнуть свою независимость, и далъ своему органу новое имя, а именно: *The Free Press and Alaska Herald.* Органъ названъ «еженедѣльной независимой газетой» (*independent weekly paper*). Редакція обѣщала, что въ болѣе широкомъ размѣрѣ продолжить работу А л я с к а Г е р а л ь д а. Русская часть сохранила тотъ же заголовокъ С в о б о д а. Нумерація была установлена новая (*Volume I, N° 1, May 2, 1868*).

Усиленные выпуски (еженедѣльные, вмѣсто двухнедѣльныхъ) продолжались весь май 1868 г. (№ 1—5, отъ 2, 7, 16, 23 и 30-го мая). Затѣмъ Гончаренко отказался отъ мысли издавать еженедѣльный органъ, посчиталъ № 1—5-й еженедѣльника за № 5 9-й *Alaska Herald* и, съ опозданіемъ, выпустилъ № 10 своего органа, вновь измѣнивши его названіе на *Alaska Herald* С в о б о д а. Онъ назвалъ себя уже «собственникомъ» (proprietor) — адресъ: *room* 8, 611, *Clay Str.* — и обѣщалъ выпускать журналъ каждыя 2 недѣли.

1-го іюля Гончаренко опубликовалъ въ *Alaska Herald* призывъ къ Алеутамъ и Русско-Американцамъ не работать на американцевъ меньше, чѣмъ за пять золотыхъ долларовъ въ день, такъ какъ эту цѣну получали за свой трудъ бѣлые рабочіе въ Калифорніи. Этотъ совѣтъ очень не понравился американцамъ, жестоко эксплоатировавшимъ трудъ бывшихъ русскихъ колонистовъ въ Аляскѣ: онъ показался революціоннымъ. Заговорили, что Гончаренко — полякъ (тогда революціонерами по преимуществу считали поляковъ). Хуже того, онъ показался «агитаторомъ», посягающимъ на прибыли торговой компаніи Гутчинсонъ, смѣнившей подъ американскимъ флагомъ — Россійско-Американскую Компанію. Къ тому же онъ рѣзко протестовалъ противъ насилій надъ аляскинцами. Тутъ подоспѣли протесты россійскаго посланника въ Вашингтонѣ Катакази, и генералъ В. Галлекъ (*W. Hallec*) начальникъ войскъ въ Санъ-Франциско лишилъ Гончаренка его субсидіи.

Но это лишь обострило желаніе Гончаренка продолжать борьбу, и онъ сталъ издавать свой органъ полностью за свой собственный счетъ. Безъ большой акку-

ратности онъ продолжалъ свое изданіе въ 1869—1871 году, причемъ въ маѣ 1872 г. продалъ англійскій отдѣлъ американцу A. A. Stickney.

Лѣтомъ 1872 г. Гончаренко сталъ издавать чисто русскій органъ подъ названіемъ «Свобода, — простая рѣчь, издаваемая Агапіемъ Гончаренко». Всего вышло этого органа пять номеровъ.[1]

***

Здѣсь невозможно дать подробную характеристику Аляска Геральда: этотъ органъ заслуживаетъ особаго изслѣдованія и, въ виду его куріозности, быть можетъ, даже перепечатки полностью. Но для этого необходимо ѣхать въ Америку, гдѣ въ рядѣ библіотекъ имѣются неполныя коллекціи Аляска Геральда, или въ Москву, въ библіотеку Ленина и въ Музей Революціи С.С.С.Р., гдѣ можно найти другіе номера этой рѣдчайшей газеты. Коллекція Свободы 1872—1873 гг. изъ библіотеки Л. П. Меньшикова была еще недавно въ Парижѣ, въ распоряженіи автора, и о ней можно сказать нѣсколько словъ.

Огаревъ поддержалъ бывшаго сотрудника «Колокола» посылкою ему своихъ стихотвореній, которыя Гончаренко поспѣшилъ напечатать. Такъ какъ они остались неизвѣстными издателямъ огаревскихъ произведеній, мы приведемъ ихъ здѣсь. Первое изъ нихъ интересно въ томъ отношеніи, что Огаревъ избралъ для него въ качествѣ motto стихи, которые обычно приписываются Пушкину, и приписалъ ихъ Рылѣеву. Съ другой стороны свое собственное стихотвореніе, шедшее вслѣдъ за этимъ motto, Огаревъ посвятилъ идеѣ, которую онъ обсуждалъ не разъ въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Гончаренкомъ, идеѣ «племенъ соединенья», т. е. всероссійской федераціи[1]. Вотъ эти стихи:

Издателю СВОБОДЫ въ Санъ-Франциско.

«Товарищъ, вѣрь — взойдетъ она —
Звѣзда общественнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Сдружатся наши племена».
Рылѣевъ

Хотя я стихъ перемѣнилъ немного,
Но смыслъ теперь, пожалуй, что яснѣй,
Союзъ племенъ для насъ одна дорога,
Свободы путь и проще, и вѣрнѣй.
Да будетъ же твоя Свобода, другъ,
Еще разъ кличемъ русскаго движенья
И, указавъ общественный недугъ,
Укажетъ путь племенъ соединенья.

Н. Огаревъ

1 сент. 1872 г.

---

1. Въ 1872 г.: № 1 (1-го сент.), № 2 (28 сент.), № 3 (14 дек.); въ 1873 г. — № 4 (2 февр.) и № 5 (1-го іюня). Пятый номеръ оказался и послѣднимъ. Эти номера, впослѣдствіи, въ 1890-хъ годахъ, когда вновь явился спросъ на Свободу, были Гончаренкомъ перепечатаны безъ малѣйшихъ измѣненій.

Какъ указалъ самъ Огаревъ, онъ «перемѣнилъ немного» вторую и пятую строку пятистишія[1].

Въ этомъ же номерѣ С в о б о д ы (№ 2) было напечатано и другое стихотвореніе Огарева, посвященное Чернецкому, типографу К о л о к о л а, другу Герцена.

ПАМЯТИ ЧЕРНЕЦКАГО

Мы съ нимъ работали, то было годы,
Во имя будущей свободы,
Но умеръ онъ еще въ всей силѣ лѣтъ.
Не выдержало сердце лжи и гнета.
И вотъ еще, Искандеру во слѣдъ,
Сгибъ честный труженикъ переворота.

Н. Огаревъ

Гончаренко опубликовалъ въ С в о б о д ѣ часть писемъ къ нему декабриста С. П. Трубецкого, письмо Кропоткина. Въ № 5 онъ перепечаталъ цѣликомъ свою скорбную замѣтку о смерти Шевченка (К о б з а р я), писанную по украински, изъ К о л о к о л а (отъ 15 апр. 1861 г.). И устно, и письменно, и печатно онъ рѣзко порицалъ россійское самодержавіе и представителей русской власти въ Америкѣ, свѣтскихъ и духовныхъ. Доставалось отъ него и россіянамъ на чужбинѣ, не способнымъ приспособиться къ новой жизни, враждовавшимъ между собою. «Въ теченіе нашей 12-лѣтней рефюжье - жизни, мы встрѣчали, писалъ онъ въ № 1-мъ С в о б о д ы (1872 г.), — только украинцевъ и поляковъ, на чужбинѣ, изъ всего славянскаго племени, совершенно доросшими къ *(sic!)*) самоуправленію и демократической жизни. Въ Турціи, Греціи, Англіи и Египтѣ, между многими политическими рефюжье, мы не встрѣчали ни одного украинца бѣдствующимъ внѣ родины...»

Украинская стихія въ немъ начинала одерживать верхъ надъ общерусской и свой призывъ къ сородичамъ на чужбинѣ (въ № 3, 1872 г.) онъ адресовалъ уже прямо по украински: «Земляки моі, родаки моі на чужині! кохайтэся, братайтэся, — подивитця — въ якому благу и добрі живуть другі людэ — Влохи, Французи, або лукава Німота — чому би и намъ въ братерстви не жити!...»

Моментами въ немъ прорывался озлобленный украинскій націоналистъ. Такъ, въ № 4 (1872 г.) онъ напечаталъ статью «Украïна моя ненько»: «козакуючи по світу вже скілько роківъ, межъ всякимъ людомъ, я не бачивъ щэ нічого краще, якъ тебэ, украïнська земле. Ой, любо моя, мама моя! Я не пиду жити съ тобою; бо тамъ Москаль сквернивець пануе. Вінъ скажений вже запоганивъ всіхъ дітэй Славенськихъ, тильки щэ не вкусить ему Казацькихъ дітэй своими червивими зубами, бо вони дуже міцьни (слишкомъ крѣпки) для Москаля»...

Но, наряду съ такими выходками, Гончаренко и устно, и печатно поддерживалъ именно всероссійскую, общерусскую культуру. Изобличая старый порядокъ на Руси, онъ служилъ дѣлу р у с с к о й свободы; сражаясь за права и благосостояніе гражданъ бывшей россійской колоніи съ новыми хозяевами, онъ дѣлалъ о б щ е е р у с с к о е дѣло.

---

1. Стихи эти напечатаны въ С в о б о д ѣ. 1872 г., 28 сент., № 2. Я указалъ на нихъ въ 1923 г. М. Л. Гофману и онъ въ сборникѣ Н ѣ д р а, т. V, высказалъ мнѣніе, что стихи дѣйствительно рылѣевскіе.

❦

Дѣятельность Гончаренка въ Санъ-Франциско не ограничилась работою типографскаго станка. Онъ основалъ и первую русскую библіотеку, въ которой были полные комплекты Колокола, Полярной Звѣзды, изданія Герцена, Трюбнера, кн. Долгорукова; книги о Сѣв. Америкѣ на русскомъ и англійскомъ языкахъ, географическія карты Сѣверной Азіи и Америки и т. под. Библіотека эта просуществовала до ликвидаціи Гончаренкомъ его Свободы, когда онъ подѣлилъ свои историческіе и географическіе матеріалы между библіотеками — Банкрофта, Механическаго Института и Mercantile Library. Лондонскія и женевскія русскія изданія онъ постепенно передавалъ во вновь открывавшіяся въ Америкѣ (какъ онъ выразился) «библіотеки нигилистическихъ кружковъ», но всѣ эти коллекціи исчезли по мѣрѣ исчезновенія эфемерныхъ библіотекъ.

Совершеніе Гончаренкомъ требъ для славянъ и грековъ повело къ тому, что и россійскіе дипломатическіе представители въ Штатахъ и Синодъ вспомнили, что въ Санъ-Франциско образуется русская колонія, не считая православныхъ грековъ и славянъ. Въ авг. 1868 г., съ помощью Синода, была открыта въ Санъ-Франциско русская православная церковь, отвлекшая отъ Гончаренки большинство его прихожанъ.

Довольно быстро организовалъ Гончаренко «вольную общину» — «Панславянское общество въ память декабристовъ», куда вошли и немногіе политическіе русскіе эмигранты, и нѣкоторые колонисты бывшей русской Америки, и бѣглые изъ Сибири (уголовные) и просто выходцы изъ Россіи, которыхъ оказалось больше, чѣмъ предполагалъ самъ Гончаренко, наконецъ, славяне и греки. Цѣлью общества Гончаренко поставилъ моральную и матеріальную помощь русскимъ людямъ въ Калифорніи, но не забылъ и мысли о «борьбѣ противъ царя и кнута».

Президентомъ выбрали коренного аляскинца, широко извѣстнаго въ Русской Америкѣ, капитана Илларіона Архимандритова, казначеемъ Н. Греговича, секретаремъ — бывшаго студента Харьковскаго университета А. Ростовцева. Однако, выписанному консуломъ изъ Ситхи священнику Ковригину удалось привлечь на свою сторону Ростовцева и Греговича. Немного времени прошло съ 14-го декабря 1867 г.; когда Общество торжественно чествовало память декабристовъ, а уже въ мартѣ 1868 г. оно же исключило изъ числа членовъ своего основателя — Гончаренка за то, что «онъ не уважаетъ святынь дорогихъ всякому русскому человѣку; царя и православія». Архимандритъ и революціонно-настроенное меньшинство покинули Общество и «ушли въ подполье» Потомъ Архимандритовъ исчезъ, какъ въ воду канулъ, и Гончаренко рѣшилъ, что онъ похищенъ агентами самодержавія и увезенъ въ Сибирь. Оказалось, что Архимандритовъ сталъ агентомъ компаніи Гутчинсонъ и жестоко эксплуатировалъ туземцевъ, въ чемъ его и сталъ изобличать Гончаренко.

Само же «Русское и Панславянское Общество» было замѣнено въ сентябрѣ 1869 г., при содѣйствіи посланника Катакази и прибывшаго изъ Россіи епископа Іоанна, «Славяно-греческо-русскимъ православнаго каѳолическаго исповѣданія благотворительнымъ обществомъ».

На нѣкоторое время квартира Гончаренка стала сборнымъ пунктомъ всѣхъ, пріѣзжавшихъ съ сѣвера аляскинцевъ, алеутовъ и колонистовъ. Онъ усиленно опрашивалъ всѣхъ о промышленныхъ и торговыхъ возможностяхъ ихъ края и публиковалъ собранныя свѣдѣнія, что создало ему славу знатока Аляски (Alaska-man) и принесло немало пользы устремившимся туда дѣльцамъ.

Довольно быстро узналъ Гончаренко не только о томъ, какъ безобразно ликвидировала свои предпріятія Россійско-Американская Компанія, но и о томъ, какъ безпощадно эксплуатировали жителей Аляски агенты Гутчинсона, и какъ безцеремонно вели себя военные изъ оккупаціоннаго американскаго отряда. Гончаренка глубоко возмутило, что «колоніальныхъ гражданъ» американцы

третировали, какъ «дикихъ», съ которыми можно обращаться такъ, какъ обращались въ Штатахъ съ ихъ собственными индѣйцами. Услыхавъ объ участіи сибирскаго казачества въ занятіи Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ и Аляски, а также о чисто - казачьей общинной организаціи рыболовныхъ артелей въ русской Америкѣ, Гончаренко рѣшилъ, что казаки, осѣвшие въ Америкѣ, были запорожцами.[1]

Поэтому съ усиленной энергіей онъ сталъ доказывать американскимъ властямъ, что русскіе и креолы на Аляскѣ это — казаки, вольные люди, прирожденные республиканцы, имѣющіе всѣ права на самоуправленіе. Когда Луи Шлоссъ, отъ имени компаніи Гутчинсона поѣхалъ въ Вашингтонъ хлопотать о монополіи на Аляскѣ на 30 лѣтъ, то Гончаренко собралъ подъ протестомъ, посланнымъ въ Вашингтонъ, болѣе 100 подписей американскихъ гражданъ.

Удаленія изъ Аляски военныхъ отрядовъ, присутствіе которыхъ отягощало мѣстное населеніе, Гончаренкѣ и сочувствовавшимъ ему американцамъ удалось добиться довольно быстро. Но второе требованіе — организація Аляски на правахъ «территоріи», защита коренного ея населенія отъ наѣзжихъ эксплуататоровъ, признаніе правъ креоловъ на полноправное гражданство и сохраненіе русской культуры — все это пришло лишь черезъ 18 лѣтъ, въ срединѣ 80-хъ годовъ.

Нѣкоторое время Гончаренко служилъ инспекторомъ федеральной таможни въ Санъ-Франциско, но онъ вскорѣ покинулъ эту службу, увидѣвъ тѣ злоупотребленія, которыя тамъ царили. Онъ сталъ изобличать ихъ съ большимъ жаромъ, и знаменитый журналистъ Горасъ Грили (который вскорѣ сталъ соперникомъ ген. Гранта на президентскихъ выборахъ) горячо поддержалъ Гончаренка въ его борьбѣ (*New-York Tribune*, January 21, 1869). Нѣкоторое время Гончаренко былъ агентомъ крупной лондонской фирмы и отлично зарабатывалъ, удѣляя немало денегъ на изданіе своей газеты.

Въ 1872 г. съ нимъ вошли въ сношенія представители новой политической эмиграціи изъ Россіи, члены т. н. «кружка американцевъ», рѣшившихъ заняться практической пропагандой коммунизма въ Новомъ Свѣтѣ путемъ устройства примѣрныхъ коммунистическихъ колоній. Это были И. Л. Линевъ, Романько, Рѣчицкій, Мачтетъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, и др. Хотя колонія вскорѣ разсыпалась, но по ея заказу Гончаренко напечаталъ брошюру, нынѣ рѣдкость, подъ названіемъ: Русская Община *Cedar Vale, Hovard County, Kansas*, Вольная Русская типографія А. Гончаренко въ Санъ-Франциско (б. д.)[2]. Но ему было не по пути съ коммунистами, хотя бы и идеалистическими, и онъ не поддержалъ ихъ въ редактированіи и изданіи ихъ газеты *The Progressive Communist*[3].

***

Въ 1873 г. Гончаренко прекратилъ изданіе Свободы, покинулъ городъ, купилъ въ 50 акровъ въ горахъ, за хребтомъ, отдѣлявшимъ его имѣніе отъ Тихаго

---

1. Ссыльнаго поляка Беніовскаго, поднявшаго въ 1770 г. на Камчаткѣ бунтъ и уплывшаго съ сообщниками на Мадагаскаръ, Гончаренко искренно принялъ за «малороссійскаго козака Беняка, борца за свободу малороссовъ»!

2. Брошюра содержала уставъ общины. П. Л. Лавровъ перепечаталъ ее въ III томѣ своего сборника Впередъ! — Forward, отд. 1, с. 143-145. (Русск. подпольн. и заруб. печать; М. 1935).

3. О періодѣ жизни Г. въ Санъ Франциско: *П. И. Огородниковъ* Отъ Нью-Іорка до С.-Франциско и обратно, СПБ. 1872; второе изданіе подъ заглавіемъ Въ странѣ свободы, СПБ. 1882, 2 т.; *Гр. Лелива* (Е. Н. Матросовъ). Заокеанская Русь, Ист. Вѣстн., 1897, № 4; *Вильчуръ* Русскіе въ Америкѣ, Нью-Іоркъ, 1918; Каторга и ссылка, № XII (1924, № 5); *Венгеровъ*, Источники словаря русскихъ писателей, т. II; украинскія статьи Г-а изъ №№ 1-5 Свободы перепечатаны въ Народѣ, 1893, № 19-20.

Океана. Имѣніе это онъ назвалъ Украïна, усадьбу Свобода. Лежало оно въ «княжестві» (county) Аламеда, въ 26 миляхъ отъ Санъ-Франциско и въ 5 миляхъ отъ города Haywards. Причины, почему Гончаренко «сѣлъ на землю», были троякія: матеріальная — необходимость питаться отъ своей пасѣки и отъ своего огорода; соображенія здоровья — тяжкое увѣчье, полученное при ломкѣ камней, осложненное развивающейся чахоткой; моральная — отсутствіе активной сочувствующей среды и усталость отъ шестилѣтней тяжкой борьбы, въ которой его враги не очень стѣснялись въ средствахъ, а друзья зачастую оказывались совсѣмъ не тѣми людьми, которыхъ жаждало его сердце.

По преданіямъ, на землѣ, которую пріобрѣлъ Гончаренко, русскіе жили уже съ конца XVIII столѣтія. Здѣсь въ уединеніи онъ провелъ послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни. И ранѣе недовѣрчивый и мнительный Гончаренко сталъ почти маньякомъ: ему всюду мерещились враги, замышлявшіе извести его: царь, консулы, синодальные священники. Кельсіевъ, разочаровавшійся въ революціи и «сдавшійся» русскимъ властямъ, хотѣлъ, по мнѣнію Гончаренка, пріѣхать въ Калифорнію — бороться съ нимъ, увѣряя III-е Отдѣленіе, что «Гончаренко съ поляками въ Санъ-Франциско вооружаетъ суда, чтобы плыть въ Сибирь и сдѣлать тамъ революцію». Ему казалось, что и Синодъ ему «підіславъ шатанинську роботу» (священниковъ, которые вели съ нимъ борьбу). Но, отвлекаясь отъ своей подозрительности, Гончаренко былъ не только неустаннымъ труженикомъ, но и горячимъ защитникомъ всѣхъ россіянъ въ Калифорніи, неустаннымъ борцомъ за права русскихъ — эмигрантовъ и аляскинскихъ обитателей.

Въ 1872 г. онъ продалъ свой англійскій шрифтъ Генри Джорджу для печатанія его произведеній, а въ 1873 г., по совѣту D-r W. H. Dall'a, полярнаго путешественника, Гончаренко «рѣшилъ увѣковѣчить первую русскую печатню въ Новомъ Свѣтѣ» и раздѣлилъ русскій шрифтъ на три части: одну отдалъ въ типографію Конгресса, другую въ Смитсоновскій Институтъ въ Вашингтонѣ, а третью въ Bancroft Printing Office — эта часть сгорѣла въ пожарѣ 1880 года. Передъ тѣмъ, однако, Гончаренко пытался выписать изъ Нью-Іорка, для продолженія дѣла типографіи, нѣкоего М. С. Бетонелли, но тотъ не пріѣхалъ. Но и послѣ этого Гончаренко не отказывался отъ содѣйствія новой эмиграціи. Съ основателемъ одного изъ новыхъ кружковъ, Варгафтигомъ, Гончаренко выпустилъ нѣсколько брошюръ на англійскомъ языкѣ, въ Денверѣ (Колорадо), подъ общимъ заглавіемъ «Житія нашихъ мучениковъ», т. е. русскихъ революціонеровъ.

Гончаренка знали и мнѣніе его цѣнили многіе американцы: путешественникъ Dalle, знаменитый писатель Генри Джорджъ, выдающіеся журналисты съ міровой славой, какъ Горасъ Грили и Джорджъ Кеннанъ, администраторы — A. P. Swineford, первый губернаторъ «территоріи Аляски», инспекторы школъ на Аляскѣ Sheldon Jackson и Dawson и мн. др.

Послѣ смерти Огарева и Бакунина стали рваться связи съ Европой и русскими людьми. Особенно тяжело было въ 1880-хъ гг., когда Гончаренко «був дуже одинокий в чужих землях и од тяжкої праці (работы) мало чого чув» о Россіи, о родной Украинѣ. Однако заведенная его женою еще въ 1871 г. школа, превратившаяся въ воскресную русско-славянскую школу, продолжала существовать и въ эти годы, поддерживая русскую культуру среди русскихъ дѣтей на далекой чужбинѣ.

Не забывала о Гончаренкѣ русская политическая полиція. Одинъ изъ «секретныхъ сотрудниковъ» Заграничной Агентуры Департамента Полиціи сообщилъ въ 1889 г. нью-іоркскому *World'y*, а тотъ, ничто же сумняшеся, напечаталъ, что около Санъ-Франциско живетъ какой-то «архимандритъ, котораго нигилисты считаютъ своимъ». А такъ какъ «по русскому закону всякій россіянинъ долженъ разъ въ году исповѣдоваться, то нигилисты и ѣздятъ на исповѣдь, а архимандритъ выдаетъ довѣренныя ему нигилистическія тайны русской полиціи». Это сообщеніе было воспроизведено (безъ комментаріевъ!) въ русской Рабочей Газетѣ Знамя (Нью-Іоркѣ, 1889, 15 іюня, № 16).

Благодаря этой замѣткѣ разыскалъ Гончаренка и списался съ нимъ украин-

скій эмигрантъ В. П. Жукъ (настоящая фамилія Масловъ-Стокозъ, онъ же и «Батуринскій»), сотрудникъ Свободной Россіи В. Л. Бурцева и галицкой «часописи Народ», изданія Павлика и Драгоманова. Въ 1892-3 гг. Жукъ, редактировавшій съ Исааакомъ Гурвичемъ въ Чикаго «литературно-политическое обозрѣніе» Прогрессъ, могъ уже напечатать въ этомъ органѣ «Автобіографію редактора первой русской газеты въ Америкѣ» (1893 г., № 15 и 18).

М. Павликъ написалъ Гончаренкѣ рядъ писемъ изъ Коломыи. «Я точно ожилъ, получивъ изданія Народа», откликнулся Гончаренко.

— «Вы — правы, — писалъ онъ Павлику, — назвавши меня «поступовцемъ...» «Я — смиренный evolutionist, эн revolutionist »... Корреспондентъ *San Francisco Chronicle* отправился къ нему въ 1892 г. и писалъ, что Гончаренко — «не нигилистъ и не анархистъ. Не вѣритъ въ динамитъ и въ насильственные способы. Его универсальное средство противъ земного зла: просвѣщеніе народа...» Вспомнили о Гончаренкѣ и нью-іоркскія *Herald, World, Tribune* и др. газеты, написавшія о немъ много правды, но не меньше и вздора.

Представители новой эмиграціи въ Санъ-Франциско вошли съ нимъ въ связь и искали его поддержки въ борьбѣ съ представителями оффиціальнаго православія въ Калифорніи и на Аляскѣ, бывшими, увы! не всегда на высотѣ.[1]

По просьбѣ Павлика, Гончаренко далъ для коломыйскаго Народа не только рядъ писемъ и статей, но и расширенную свою автобіографію (Народъ, 1894, №№ 6—9), написанную уже по-украински. Павликъ выпустилъ затѣмъ эти воспоминанія подъ заглавіемъ: Споминки Агапія Гончаренка, українського козака - священника, Коломия, 1894 р. Брошюра эта вскорѣ стала библіографической рѣдкостью. Д. Л. Мордовцевъ поспѣшилъ воспроизвести въ газетѣ Новости (1894, № 82) главнѣйшія данныя изъ этой автобіографіи.

⁂

Послѣднія 20 лѣтъ жизни Гончаренка были ознаменованы усиленіемъ въ немъ украинскаго національнаго чувства, возвратомъ революціонныхъ настроеній и мечтаніями о превращеніи Аляски въ мощную казацкую державу, независимую отъ Соединенныхъ Штатовъ.

Гончаренко и самъ увѣровалъ и другихъ увѣрялъ, что Аляска — это казацкій край въ С.-Америкѣ («Країна Козаків у Північній Америці»), что казаки еще въ концѣ XVIII в. пытались укрѣпиться въ теперешнихъ Санъ-Дієго и Мендосино (въ Калифорніи) и въ Асторіи (въ штатѣ Орегонъ); что жители острововъ (Алеутскихъ и архипелага Баранова) отвѣчаютъ американскимъ властямъ: «мы казаки - Алеуты, мы не Русскіе...» Гончаренко ставилъ знакъ равенства между казаками и украинцами и писалъ о «нашихъ братьяхъ, которыхъ 20.000 на островахъ Аляски».

О своей родинѣ онъ писалъ: «моя Ненька (Мать) Україна і джерело (источникъ) козацтва, яко же финиксъ, воскресне на добро людям, на вічну правду і волю...» Онъ надѣялся на великое возстаніе, когда съ лица земли будетъ стерто «і имя московське — варварів-людоморів...»

Въ 1911 г. авторъ этого очерка обмѣнялся съ Гончаренкомъ нѣсколькими письмами. Гончаренко писалъ о необходимости отторженія отъ Штатовъ всей бывшей русской Америки и превращенія ея въ мощную казачью державу. Заселеніе Уссурійскаго края полтавцами и черниговцами приводило его въ восторгъ; по его мнѣнію, Украина укрѣплялась на берегахъ Тихаго Океана. Отторгнувъ отъ Россіи этотъ край и соединивъ его подъ общей властью съ Аляской, можно бы было укрѣпить Тихоокеанскую Украину.

Этой идеѣ онъ придалъ даже графическую форму, изобразивъ на своей визитной карточкѣ восточный и западный берегъ Тихаго океана, Приморскій и Ус-

1. Докторъ Руссель (Н. К. Судзиловскій) въ Прогрессѣ, (1891, №№ 1, 2, 4, 9 и слл.); *Е. Е. Лазаревъ* «Гавайскій сенаторъ», статья въ Наканунѣ, Лондонъ, 1900, № 26-32; потомъ брошюра въ Женевѣ и статья въ Быломъ, 1907, № 6.

сурійскій края Россійской Имперіи и Аляску. Создавая (на бумагѣ) свою Тихоокеанскую «неньку», Украину, Гончаренко забывалъ даже въ 1911 г., послѣ войны 1904—1905 гг., о существованіи... Японіи. Какъ видно, онъ все еще жилъ, въ своихъ мысляхъ, въ той эпохѣ, когда съ Японіей не считались. Впрочемъ, Гончаренко не думалъ также о томъ, захочетъ ли разстаться съ Аляской Америка, а съ Приморской Областью — Россія.

AGAPIUS HONCHARENKO

UKRAINA, HAYWARD,

CALIFORNIA, U. S. A.

Визитная карточка А. Гончаренки 1911 года

Понемногу ферма «Украïна» Гончаренки, вмѣстѣ съ нимъ самимъ, стали мѣстной достопримѣчательностью графства Аламеда. Мѣстное населеніе относилось къ нему съ симпатіей. Это обстоятельство оказалось очень кстати въ 1911 г., когда гейварской «Украïнѣ» угрожала продажа за долги съ молотка. Мѣстная печать обратилась къ населенію съ горячимъ призывомъ спасти стараго общественнаго дѣятеля отъ этого несчастья, и населеніе немедленно откликнулось. Ферма осталась за Гончаренкомъ. Въ 1913 г. въ *Русскомъ Словѣ* (13-го марта) появилась большая статья о Гончаренкѣ. Умеръ онъ въ 1916 году, въ возрастѣ 84 лѣтъ.[1]

На вопросъ объ его архивѣ и его судьбѣ могли бы, быть можетъ, отвѣтить лучше всего русскіе американцы и, особенно, калифорнійцы.

Дѣйствительно, интересъ къ прошлому русской Америки и къ исторіи русской иммиграціи въ Соединенные Штаты не ослабѣваетъ. Русская пресса за океаномъ помѣщаетъ статьи и замѣтки, посвященныя этимъ вопросамъ. Отмѣчу отчетъ о засѣданіяхъ парижскаго Общества Друзей Русской Книги, помѣщенный въ *Новой Зарѣ* (Санъ-Франциско, 27 января 1937 г.), статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (Нью-Іоркъ, 1 іюля 1937), статьи и замѣтки въ *Новомъ Русскомъ Словѣ* (Нью-Іоркъ) и *Разсвѣтѣ* (Чикаго). Талантливыя работы опубликовалъ за послѣдніе годы проф. Анат. Мазуръ (о Завалишинѣ въ Калифорніи, о д-рѣ Егорѣ Шефферѣ на Гавайскихъ островахъ). О Резановѣ писали А. Ярмолинскій и Лангздорфъ, а въ 1924 г. изданъ пе-

1. *Р. М. Бланкъ*, *Америка*, Парижъ, 1928, с. 194-195.

реводъ описанія путешествія Резанова. О рѣкѣ Славянкѣ въ Калифорніи писалъ Холвэй. О Суттерѣ, купившемъ въ 1841 г. у Росс.-Американской Компаніи фортъ Россъ въ Калифорніи, вышелъ рядъ работъ Э. Чапмэна, А. Клауда, Эд. Сабина, Джервиса и др. По исторіи Аляски есть новыя книги Генри Кларка, Мэри Дэвисъ, Эндрьюза, а также статьи въ изданіяхъ Аляскинскаго Историческаго Музея (напримѣръ, А. П. Кашеварова). Наконецъ, въ Санъ-Франциско работаютъ по исторіи Русской Америки г-жа Таисія Баженова, Ал. П. Фарафонтовъ, В. П. Аничковъ. Отъ этихъ американскихъ историковъ и русскихъ американцевъ мы и ждемъ статей о Гончаренкѣ и его жизни въ Калифорніи.

С. Сватиковъ

Оборотная сторона российско-американскаго рубля (бумажнаго)

КНИГИ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ ВЪ СПА

Библіотека Альбэна Боди

Живописный бельгійскій городокъ Спа, «гавань спасенія», какъ называли его въ старину, «жемчужина Арденнъ», какъ именуютъ его теперь путеводители по Бельгіи, долгое время — начиная съ XVIII стол. и кончая второй половиной XIX-го — славился, какъ самый модный, аристократическій курортъ Европы.

Его природныя красоты, его живописныя окрестности; его художественная мѣстная промышленность (деревянная рѣзьба тонкой раскраски) [1]; его рулетка, скачки, театры, балы и празднества; воспоминанія о знаменитостяхъ, пріѣзжавшихъ пользоваться его водами (портретная «золотая книга» Спа насчитываетъ 96 монарховъ, знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, музыкантовъ); спаданскій фольклоръ и наивныя арденскія легенды; наконецъ, связанныя съ мѣстами этими историческія событія вплоть до нѣмецкой оккупаціи въ послѣднюю войну, пребываніе въ Спа германскаго генеральнаго штаба, бѣгство отсюда въ Голландію германскаго императора и созывъ въ Спа междусоюзническаго совѣщанія, предшествовавшаго Версальской мирной конференціи — все это породило богатую книжную, брошюрную и журнальную литературу и стало источникомъ мѣстной библіофиліи: коллекціонированія книгъ, документовъ, графики, относящихся къ исторіи и жизни Спа.

---

*) Среди рѣдкихъ старинныхъ деревянныхъ издѣлій Спа цѣнятся коробочки съ картинкой, изображающей Великаго Князя Николая Павловича въ экипажѣ съ русскимъ кучеромъ и русской упряжкой, пущенныя въ продажу въ 1821 г. въ память его посѣщенія Спа.

Архиварiусъ и историкъ Спа, Альбэнъ Боди, посвятилъ пятьдесятъ лѣтъ своей жизни составленiю обширной библiотеки, спецiально посвященной родному городу и въ 1917 г. подарилъ свою богатую коллекцiю городу. Библiотека насчитываетъ около двухъ съ половиной тысячъ названiй книгъ и брошюръ (разбитыхъ по каталогу на 41 отдѣлъ), большое количество альбомовъ, всякой графики, портретовъ, фотографiй, документовъ, рукописей, писемъ, автографовъ. Это одна изъ богатѣйшихъ сокровищницъ мѣстной библiофилiи, посвященной одному, опредѣленному городу. Муниципалитетъ предоставилъ библiотекѣ Альбэна Боди спецiальное помѣщенiе въ великолѣпномъ курортномъ зданiи. Библiотека открыта для работы по нѣсколько часовъ въ день и находится въ вѣдѣнiи ученаго библiотекаря А. Тэнтилеръ, любезности котораго мы обязаны подробнымъ ея осмотромъ.

Зданiе, въ которомъ помѣщается библiотека Альбэна Боди

Въ историческомъ отдѣлѣ библiотеки Альбэна Боди собраны всѣ книги, относящiяся къ пребыванiю въ Спа Петра Великаго. Спа выдѣляетъ русскаго царя изъ всѣхъ многочисленныхъ монарховъ, посѣщавшихъ этотъ курортъ: привлекшее къ себѣ вниманiе Европы пребыванiе здѣсь Петра I, его излѣченiе, шумъ, произведенный этимъ событiемъ въ медицинскомъ мiрѣ — все это послужило въ значительной мѣрѣ основанiемъ благосостоянiя и славы Спа. Благодарный городъ назвалъ именемъ Петра Великаго главный источникъ и одну изъ площадей Спа.

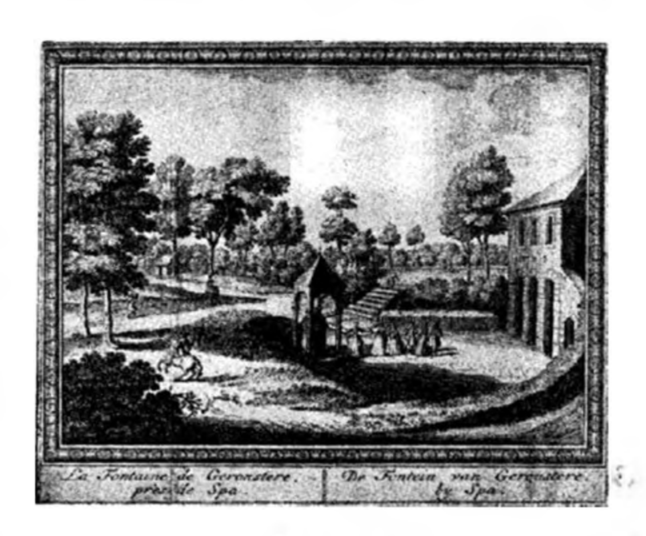
**
*

Во время второго своего путешествiя за границу Петръ, выѣхавъ 20-го iюня 1717 г. изъ Парижа, направился въ Спа. Еще послѣ Прутскаго похода пользовался онъ карлсбадскими водами, недомоганiе усилилось

въ Парижѣ и по совѣту Парижскаго Факультета и лейбъ-медика Арескина царь рѣшилъ испробовать воды Спа.

Еще изъ Парижа, черезъ ближняго своего боярина Петръ извѣстилъ письмомъ Іосифа Климента Баварскаго князя-епископа Люттихскаго о желаніи своемъ провести нѣсколько недѣль въ Люттихскомъ княжествѣ и весь путь царя по княжеству обставленъ былъ торжественно, встрѣчами, пріемами, парадными обѣдами и т. д.

Въ Спа царь прибылъ со свитой въ 40 человѣкъ, между которыми было двѣнадцать вельможъ: князь Куракинъ, князь Долгорукій, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Толстой, капитанъ Александръ Романцевъ, лейбъ-медикъ Арескинъ, секретарь Иванъ Черкесовъ и т. д. Вся личная прислуга царя состояла изъ лакея, швейцара и четырехъ гайдуковъ, а экскортъ, приставленный къ нему княземъ епископомъ — изъ 200 человѣкъ конницы и пѣхоты.

Источникъ Жеронстеръ
(съ гравюры XVIII ст.)

Спа былъ въ то время маленькимъ городкомъ-деревушкой съ деревянными домами и мазанками и размѣстить въ нихъ всю свиту царя было невозможно — для нея построены были бараки, царь же проводилъ большую часть дня въ палаткѣ, сооруженной по его приказанію на площади, теперь носящей его имя. Такъ же, какъ и во время пребыванія своего въ Парижѣ, царь привлекалъ населеніе своей простотой и ласковостью, удивлялъ поведеніемъ и обычаями, казавшимися дикими. Надо однако имѣть въ виду, что о пребываніи Петра въ Спа знаемъ мы, главнымъ образомъ, изъ донесеній Іосифу Клименту Баварскому бургомистра и приставленныхъ къ царю особъ, многое, вѣроятно, преувеличивавшихъ, чтобы позабавить князя-епископа.

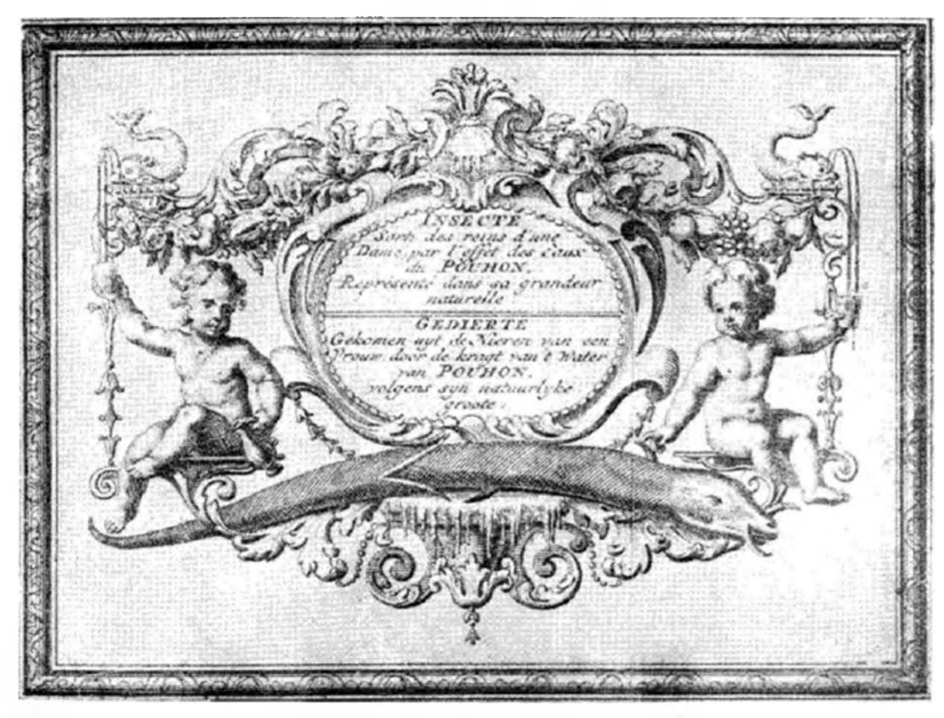
Такъ, разсказывали, напримѣръ, что царь выпивалъ за одинъ разъ

по двадцать одинъ стаканъ воды; что сильно размѣшивалъ онъ воду водкой: что — не обращая вниманія на запрещеніе врачей, ѣлъ онъ сырые фрукты и, будто бы, видѣли какъ однажды, выпивъ воды, онъ сейчасъ же съѣлъ шесть фунтовъ вишенъ и порядочное количество фигъ.

Но особенно въ этомъ смыслѣ занятно письмо, которое бургомистръ де Ла Нэй написалъ 27-го іюля 1717 г. секретарю князя-епископа, описывая обѣдъ, на который пригласилъ его русскій царь.

«Надо сознаться, писалъ де Ла Нэй, что монархъ этотъ довольно страненъ. Графъ д'Аржанто, который долженъ былъ вчера пріѣхать въ Боннъ (мѣсто пребыванія князя-епископа), будетъ потѣшать его свѣтлость разсказами о странныхъ вещахъ, которыхъ былъ онъ здѣсь свидѣтелемъ. Но такъ какъ онъ обѣдалъ у Его Величества только въ торжественныхъ случаяхъ, я долженъ описать будничный обѣдъ русскаго царя. Прибывъ въ четвергъ, 22-го іюля, въ Спа, я засталъ царя въ палаткѣ и преподнесъ Его Величеству корзину фруктовъ изъ моего сада. Его Величество сдѣлалъ мнѣ честь принять ихъ и пригласить меня къ обѣду. Меня предупредили, что это обыкновенный обѣдъ Его Величества. Столъ былъ накрытъ на восемь человѣкъ, но немедленно прибавили 4 прибора. Царь сидѣлъ безъ галстука и въ шапочкѣ. Мы всѣ сидѣли бокомъ и на значительномъ разстояніи отъ стола. Два солдата изъ почетнаго караула подавали блюда и миски съ бульономъ и говядиной. Каждый бралъ одну изъ нихъ и ставилъ за тарелкой, такъ что чтобы взять ложку бульона нужно было вытягивать руку, какъ для отдачи чести ружьемъ. Съѣвши бульонъ, если Вамъ еще хочется, Вы можете черпнуть изъ миски Вашего сосѣда, какъ это и дѣлалъ Его Величество, черпая изъ миски канцлера. Адмиралъ, не имѣя аппетита, сидѣлъ кусая ногти. Вдругъ вошелъ какой то человѣкъ и поставилъ на столъ шесть бутылокъ вина. Царь взялъ одну изъ нихъ и налилъ по стакану каждому. Канцлеръ, около котораго я сидѣлъ, замѣтилъ, что я ѣлъ говядину безъ соли и такъ какъ единственная солонка находилась на другомъ концѣ стола, сказалъ мнѣ очень любезно: милостивый государь, если Вамъ угодно соли, надо взять себѣ. Я, чтобы не казаться сконфуженнымъ, вытянулъ руку черезъ столъ передъ царемъ и взялъ себѣ соли на цѣлый обѣдъ. Почти всѣ миски были вывернуты на скатерть, а также и вино. Поэтому, когда сняли приборы, скатерть была пропитана жиромъ и виномъ. Второе кушанье подано было слѣдующимъ образомъ: блюдо принесъ солдатъ, случайно проходившій мимо кухни. На блюдѣ находилось два куска телятины и четыре цыпленка.

Его Величество, замѣтивъ, что одинъ цыпленокъ больше другихъ, взялъ его пальцами, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и бросилъ на мою тарелку, сдѣлавъ знакъ, что онъ хорошъ. Блюдо буквально скользило отъ одного къ другому, по скользкой жирной скатерти. Обѣдъ кончился десертомъ изъ пирожковъ, которыми славится Спа. Когда встали изъ за стола,

«Паразитъ (въ натуральную величину), изгнанный изъ почекъ больной дѣйствіемъ водъ Спа»
(съ гравюры XVIII ст.)

царь приблизился къ окошку и щипчиками вычистилъ себѣ ногти. Я долженъ былъ думать о самыхъ печальныхъ вещахъ, чтобы воздержаться отъ смѣха во все время обѣда. Пришедши домой, сталъ я читать молитвы, вспомнивъ, что не постился».

Альбэнъ Боди, изъ книги котораго взятъ этотъ разсказъ, замѣчаетъ, что Нэй обѣдалъ у царя въ четвергъ, а не въ постный день и что этимъ измѣряется общая правдивость разсказа, главная цѣль котораго, очевидно, позабавить князя-епископа.

Во время пребыванія своего въ Спа Петръ любилъ, чтобы его смѣ-

шивали съ остальными больными, носилъ простое платье, безъ шпаги. Окрестные крестьяне толпами приходили въ Спа, чтобы посмотрѣть на царя и Петръ охотно выходилъ къ нимъ.

Царь посвящалъ большую часть своего времени прогулкамъ по лѣсамъ и холмамъ Спа, и по настоящее время составляющимъ главную прелесть этого мѣста. Онъ игралъ съ придворными въ шахматы и въ голландскую карточную игру гравіасъ и много проводилъ времени въ токарныхъ мастерскихъ, которыя тогда уже славились своими издѣліями, часто самъ становясь за токарный станокъ. Петръ близко присматривался къ организаціи водолеченія и къ дѣйствію водъ и, вернувшись въ Россію, пытался устроить курортъ на подобіе Спа, неподалеку отъ города Олонецка, гдѣ найденъ былъ цѣлебный источникъ, построилъ тамъ церковь, учредилъ тамъ токарныя мастерскія, по примѣру тѣхъ, въ которыхъ самъ работалъ въ Спа, рекомендовалъ придворнымъ туда ѣздить лечиться и самъ подалъ примѣръ, пріѣхавъ съ царицей въ февралѣ 1719 г.

Не забывалъ царь и дѣлъ государственныхъ. Городомъ Спа помѣчено письмо отъ 16-го іюля 1717 г. къ царевичу Алексѣю, требовавшее возвращенія его въ С.-Петербургъ.

Послѣ почти мѣсячнаго пребыванія, чувствуя себя совершенно здоровымъ, царь рѣшилъ покинуть Спа и приказалъ лейбъ-медику Арескину выдать спаданскимъ властямъ слѣдующее удостовѣреніе:

«Я, нижеподписавшійся, тайный совѣтникъ и главный врачъ Его Величества Императора Всероссійскаго, свидѣтельствую симъ, что Е. В., отправившись въ Спа, страдалъ потерею аппетита отъ ослабленія желудочныхъ фибръ, имѣлъ опухоль ногъ, желчные камни и блѣдность лица. Пользуясь водами Спа, Е. В. сталъ поправляться со дня на день. Е. В. взялъ на себя трудъ отправляться къ источнику Жеронстеръ, отдаленному на 3/4 мили отъ города, зная, что воды полезнѣе на мѣстѣ. Хотя Е. В. пользовался въ прежнее время водами въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ не нашелъ такихъ, которыя бы ему принесли столько пользы, какъ воды Спа. Дано въ Спа, Іюля 24 дня 1717 г. Р. Арескинъ».

Царь покинулъ Спа 25 іюля 1717 г. Накапунѣ его отъѣзда городъ устроилъ въ его честь иллюминацію и толпы мѣстныхъ жителей и окрестныхъ крестьянъ, съ зажженными плошками на длинныхъ палкахъ собрались у помѣщенія Петра, съ радостными кликами и пѣснями.

Уѣзжая, царь пожаловалъ много медалей и денежныхъ суммъ, а для города заказалъ черную мраморную меморіальную доску съ золотой

надписью и большое бѣлое, изъ алебастра, изображеніе Россійскаго герба. И доска и гербъ прикрѣплены были въ 1718 г. надъ источникомъ Пугонъ, получившимъ названіе источника Петра Великаго.

Вотъ переводъ курьезной латинской надписи на меморіальной доскѣ, курьезной, если вспомнить, что доска поднесена была городу самимъ Петромъ:

«Петръ Первый, милостью Божьей, Императоръ Всероссійскій, благочестивый, благополучный и непобѣдимый, возстановившій дисциплину среди своихъ войскъ, содѣйствовавшій расцвѣту на своей родинѣ всѣхъ наукъ и искусствъ, единственно силою своего просвѣщеннаго ума вооружившій могучій флотъ и умноживши почти до безконечности свои войска, оградивъ отъ всякой опасности, даже въ самый разгаръ войны, свое государство и завоеванныя земли, покинулъ свое царство для путешествія среди иностранцевъ и изучивъ нравы различныхъ народовъ, направился, черезъ Францію, Намюръ и Льежъ, къ водамъ Спа, какъ къ гавани спасенія, гдѣ пользуясь цѣлительными водами, въ особенности источника Жеронстеръ, возстановилъ свои первыя силы и совершенно выздоровѣлъ 22 іюля 1717 г. Вернувшись черезъ Голландію въ свою Имперію, онъ водрузилъ въ 1718 г. этотъ памятникъ своей вѣчной признательности».

Потомки Петра неоднократно посѣщали Спа.

Въ 1782 г. мѣста эти посѣтилъ Павелъ Петровичъ съ супругой, «графъ и графиня Сѣверные» съ многочисленной свитой. Въ 1818 г. Александръ I, послѣ Аахенскаго конгресса прожилъ въ Спа нѣсколько дней. Въ 1820 г., на средства дочери Павла I, вел. кн. Анны Павловны, пріѣзжавшей въ Спа со своимъ супругомъ, принцемъ Оранскимъ, надъ меморіальной доской поставленъ былъ бюстъ Петра Великаго. Въ 1821 г. Спа посѣтилъ будущій императоръ, вел. кн. Николай Павловичъ съ супругой. Въ 1872 г. городъ праздновалъ двухсотлѣтіе дня рожденія Петра Великаго.

**
*

Слѣдующія книги, относящіяся къ пребыванію Петра Великаго въ Спа, находятся въ библіотекѣ Альбэна Боди:

Description du magnifique présent que S. M. l'Empereur de Russie a fait au Magistrat de Spa. En reconnaissance de ce que par le secours de leurs Eaux il a obtenu l'entier recouvrement de sa santé en 1717. A Liège, chez Jean François de Milst s. d. (1718) in 8°

Albin Body. Pierre le Grand aux eaux de Spa, Bruxelles. Vanderauwera s. d. in 16.

Русскій переводъ этой книги, сдѣланный М. Поповскимъ подъ заглавіемъ Петръ Великій въ Спа, помѣщенъ въ Журналѣ Старой и Новой Россіи. С.-Петербургъ 1880 г.

Другой русскій переводъ К. Н. В. Пребываніе въ Спа русскихъ государей. Историческій Вѣстникъ. Іюнь 1884 г.

Gachard M. Voyage de Pierre le Grand dans les Pays Bas Autrichiens 1717. Bruxelles, F. Hayez, 1878. in 8°.

Bourguignon J. Un empereur de Russie dans les Ardennes. Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717. Sedan. E. Laroche 1902. in 8°.

Свѣдѣнія о пребываніи Петра Великаго въ Спа можно найти также въ различныхъ общихъ описаніяхъ и сборникахъ, посвященныхъ этому курорту, начиная съ выпущенныхъ во многихъ изданіяхъ на всѣхъ языкахъ въ XVIII ст., теперь рѣдкихъ книжкахъ съ прелестными гравюрками, подъ названіемъ Забавы Спа (Les amusements de Spa).

П. Апостолъ

П. П. ГРОНСКІЙ

(1883 - 1937)

2 мая 1937 года, послѣ долгой и тяжкой болѣзни скончался первый предсѣдатель Общества Друзей Русской Книги Павелъ Павловичъ Гронскій. Эта преждевременная смерть (Павлу Павловичу было всего 54 года) явилась большой потерей не только для нашего Общества, но и для многочисленныхъ учрежденій и организацій, въ которыхъ работалъ покойный. Разнообразіе интересовъ, отзывчивость, общественный духъ отличали П. П. Онъ родился и выросъ въ средѣ, гдѣ эти свойства могли найти себѣ очень раннее примѣненіе, въ семьѣ тверскихъ помѣщиковъ, близкихъ къ Петрункевичамъ и Родичевымъ, лидерамъ земскаго либерализма. Въ петербургскомъ университетѣ студентъ Гронскій занимался не только своей спеціальностью, юридическими науками, но и исторіей, интересъ къ которой сохранялся у него всю жизнь. Онъ былъ оставленъ при университетѣ по кафедрѣ государственнаго права; изъ научной командировки вывезъ ма-

П. П. Гронскій

теріалы для своей магистерской диссертаціи о мѣстныхъ финансахъ въ Германіи, читалъ лекціи по государственному праву въ качествѣ приватъ-доцента въ Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ административнаго права въ Петербургскомъ Политехническомъ институтѣ.

Научную работу П. П. соединялъ съ общественной, сначала въ Тверскомъ земствѣ, затѣмъ въ четвертой Государственной Думѣ, куда былъ выбранъ очень молодымъ — всего 27 лѣтъ — по списку Партіи Народной Свободы. Во время войны онъ былъ уполномоченнымъ Думы на юго-западномъ фронтѣ, при Временномъ Правительствѣ состоялъ одно время комиссаромъ по дѣламъ печати. Послѣ октябрьскаго переворота П. П. уѣхалъ на югъ Россіи и занялъ постъ тов. министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ паденія ген. Деникина онъ обосновался въ Парижѣ. Здѣсь протекла вся эмигрантская полоса жизни П. П., если не считать четырехъ зимъ, проведенныхъ въ Ковно, гдѣ онъ читалъ лекціи въ университетѣ. Преподавательская дѣятельность П. П., къ которой у него былъ недюжинный талантъ, сочетавшійся съ рѣдкимъ умѣніемъ привлекать къ себѣ молодежь, сосредоточивалась на русскомъ юридическомъ факультетѣ, во Франко-русскомъ институтѣ и въ парижской русской гимназіи, гдѣ онъ читалъ исторію.

Не оставлялъ П. П. и чисто научной работы. Онъ напечаталъ рядъ статей, связанныхъ съ вопросами совѣтскаго права, во французскихъ и англійскихъ спеціальныхъ изданіяхъ, написалъ для фонда Карнеги книгу о центральномъ управленіи въ Россіи во время Великой войны (1929) и нѣсколько главъ для трехтомной *Исторіи Россіи* на французскомъ языкѣ, подъ редакціей П. Н. Милюкова. Рядъ интересныхъ очерковъ, посвященныхъ русской колонизаціи въ Аляскѣ и Калифорніи, былъ помѣщенъ имъ въ газетѣ *Послѣднія Новости* и другихъ изданіяхъ. П. П. мечталъ переработать ихъ въ книгу, но болѣзнь помѣшала этому.

Газетной работѣ П. П. отдавалъ много времени и силъ. За этой работой и застигла его нервная болѣзнь, такъ мало вязавшаяся съ его жизнерадостной, бодрой, кипучей натурой. Онъ болѣлъ долго, и почти до послѣднихъ недѣль временныя улучшенія давали и ему самому, и его близкимъ надежду на выздоровленіе, къ сожалѣнію не оправдавшуюся. Павелъ Павловичъ Гронскій похороненъ въ Медонѣ, подъ Парижемъ.

Н. Калишевичъ

АБРАМЪ ЮРЬЕВИЧЪ ДОБРЫЙ

Смерть Абрама Юрьевича Добраго, скончавшагося въ Парижѣ въ минувшемъ 1936 году — чувствительная утрата для Общества Друзей Русской Книги. Членъ Общества съ самаго его основанія, А. Ю. Добрый проявлялъ къ нему много дѣятельнаго вниманія и симпатіи.

А. Ю. Добрый

Культурнымъ интересамъ, книгѣ и искусству А. Ю. Добрый всегда удѣлялъ часть своего, казалось бы, цѣликомъ заполненнаго банковской, промышленной и широкой благотворительной дѣятельностью времени. Это не было только проявленіемъ меценатства, желаніемъ оказать содѣйствіе тому или другому интересному и полезному начинанію, тому или другому лицу. Устремленія эти отвѣчали культурнымъ запросамъ человѣка, жившаго не только практическими, дѣловыми но и постоянными духовными интересами.

А. Ю. Добрый не былъ *коллекціонеромъ*, не былъ зараженъ страстью собирательства и библіофильства. Онъ былъ культурнымъ человѣкомъ, любившимъ культурное и красивое окруженіе, а средства, вкусъ и пониманіе позволяли ему широко удовлетворять эту потребность. При этомъ умѣлъ онъ чутко прислушиваться къ голосу знато-

ковъ и специалистовъ, съ которыми поддерживалъ дружескія, близкія отношенія.

Интересная библіотека, оставленная А. Ю. Добрымъ, не носитъ систематически библіофильскаго характера; это все книги, которыя онъ читалъ, альбомы которые постоянно перелистывалъ: всѣ русскіе классики въ отличныхъ изданіяхъ, обширная коллекція мемуарной литературы, новѣйшія совѣтскія изданія по исторіи литературы, большое число — иногда рѣдкихъ — книгъ и альбомовъ по исторіи искусства — описаній частныхъ собраній и государственныхъ галлерей, монографій отдѣльныхъ художниковъ, художественныхъ описаній городовъ, лучшихъ образцовъ русской книжной графики и т. д.

Но особенно интересно оставленное А. Ю. Добрымъ собраніе картинъ, среди которыхъ есть полотна музейныя, высокаго достоинства. Таковы два портрета Боровиковскаго: сестры Куракины и сибирскій промышленникъ Яковлевъ; два портрета дочерей императора Павла I работы чешскаго художника Квадаля; портреты работы Левицкаго и Кипренскаго. Отмѣтимъ еще прекрасные пейзажи, эскизы къ декораціямъ и цѣлое собраніе рисунковъ А. Н. Бенуа; чудесный стѣнной декоративный ансамбль пано С. В. Чехонина, предназначавшійся для Юсуповскаго дворца, и его же восхитительныя миніатюры цвѣтовъ; «портретъ неизвѣстной» Петрова; пейзажи Левитана; акварели Бакста; цвѣты Григорьева и Анненкова и т. д. Идя въ собирательствѣ своемъ по тому же пути, А. Ю. Добрый, если бы смерть не прервала его дѣла, создалъ бы, вѣроятно, лучшее собраніе русской живописи за рубежомъ — осуществленіе чрезвычайно важное, если вспомнить, насколько рѣдки произведенія русскихъ художниковъ въ иностранныхъ картинныхъ галлереяхъ.

П. Апостоль

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧЕХОНИНЪ

(1878—1936)

Въ мартѣ 1936 г. скончался въ Берлинѣ пріѣхавшій туда на короткое время изъ Парижа С. В. Чехонинъ.

Русское искусство книги потеряло въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ мастеровъ.

Діапазонъ дарованій С. В. Чехонина былъ чрезвычайно обширенъ. Онъ работалъ и выдвинулся на первое мѣсто въ разнообразныхъ областяхъ искусства: началъ онъ съ сотрудничества съ архитекторами по внѣшнему и внутреннему украшенію зданій, былъ отличнымъ театральнымъ декораторомъ; писалъ большіе портреты и очаровательныя акварели цвѣтовъ; былъ лучшимъ изъ современныхъ русскихъ миніатюристовъ; мастеромъ эмали и однимъ изъ лучшихъ русскихъ художниковъ по фарфору; много въ послѣднее время работалъ надъ украшеніемъ тканей, въ связи съ изобрѣтеннымъ имъ способомъ печатанія въ нѣсколько красокъ съ одной доски.

С. В. Чехонинъ
съ портрета Ю. Анненкова

Но область, въ которой творчество С. В. Чехонина достигло кульминаціоннаго развитія, была графика, и какъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ графиковъ войдетъ онъ въ исторію русскаго искусства.

Изящный, изысканнѣйшій, всегда ювелирно-четкій рисунокъ Чехонина такъ оригиналенъ, носитъ такой яркій характеръ индивидуальности, что узнается безошибочно, съ перваго взгляда. За этотъ рисунокъ, за нѣжныя, особыя, *чехонинскія* краски, за богатую выдумку и фантазію въ придумываніи новыхъ, невиданныхъ формъ, графику Чехонина называли иногда *магическимъ начертаніемъ*, а его самого *чародѣемъ*. Чехонинъ былъ знатокомъ стилей, въ особенности русской старины и русскаго стиля, который онъ чрезвычайно своеобразно претворялъ въ своихъ произведеніяхъ. Незабываемы его стилизованные букеты и вѣнки полевыхъ цвѣтовъ, выразительность его трагическихъ масокъ, изощренная каллиграфія и неожиданность комбинацій, нарисованныхъ имъ алфавитовъ и отдѣльныхъ буквъ. Чехонинъ рисовалъ для всѣхъ русскихъ издательствъ, и здѣсь невозможно, конечно, дать даже самый краткій перечень его работъ: рисунковъ, книжныхъ обложекъ, иллюстрацій для дѣтскихъ книгъ, ex-libris'овъ и другой мелкой графики. Нѣкоторыя изъ его книжныхъ обложекъ — шедевры, непревзойденные ни въ русской, ни въ западно-европейской графикѣ.

Напомнимъ хотя бы его обложки къ сочиненіямъ Лермонтова, Данте, Гауптмана, Вальтеръ-Скотта, къ біографіи Вагнера, къ Россіи XVIII ст., къ Театру для Дѣтей, къ Человѣку въ его прошломъ, къ Бенгальскимъ Огнямъ Аверченко, къ журналамъ Мысль и Аполлонъ и т. д.

С. В. Чехонинъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ относился къ работѣ Общества Друзей Русской Книги. Онъ сдѣлалъ прелестный многоцвѣтный фронтиспись для особыхъ роскошныхъ выпусковъ 3-го тома нашего Временника и для настоящаго, 4-го тома готовилъ черную литографію, оставшуюся незаконченной.

П. А.

Б. П. СИЛЬВЕРСВАНЪ

(1883—1934)

Въ ноябрѣ 1934 г. скончался сотрудникъ Временника Общества Друзей Русской Книги Борисъ Павловичъ Сильверсванъ.

Онъ былъ интереснымъ и талантливымъ человѣкомъ и всю свою жизнь вѣрнымъ и преданнымъ другомъ книги. Происходилъ онъ изъ стариннаго шведскаго дворянскаго рода, часть членовъ котораго уже давно переселилась въ Финляндію и въ Россію. Родился въ 1883 г. въ Петербургѣ, гдѣ его отецъ, обрусѣвшій шведъ, служилъ на Обуховскомъ заводѣ. Среднее образованіе Б. П. получилъ въ С.-Петербургской седьмой гимназіи, а высшее — въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и въ Археологическомъ Институтѣ. Въ университетѣ онъ занимался подъ руководствомъ академика Александра Ник. Веселовскаго и проф. Ѳ. А. Брауна. Послѣдній въ письмѣ къ автору этихъ

Б. П. Сильверсванъ

строкъ пишетъ о Б. П.: «Я очень любилъ его и считалъ однимъ изъ самыхъ одаренныхъ моихъ учениковъ»... Будучи оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессурѣ, Б. П. много работалъ въ Германіи и Скандинавіи, главнымъ образомъ, надъ вопросомъ о вліяніи древне-скандинавскихъ (варяжскихъ) правовыхъ понятій и обычаевъ на древне-русскіе. Въ 1910 г. онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ въ званіи приватъ-доцента по каѳедрѣ романо-германской филологіи. Позднѣе онъ также преподавалъ въ Александровскомъ Лицеѣ исторію русской литературы. Читалъ онъ лекціи по тому же предмету и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Большое значеніе въ жизни Б. П. имѣлъ театръ. Его увлеченіе театральнымъ искусствомъ было такъ велико (онъ и самъ выступалъ на любительской сценѣ), что одно время онъ намѣревался бросить научную дѣятельность и сдѣлаться профессіональнымъ актеромъ. Еще будучи студентомъ, онъ началъ писать по вопросамъ искусства въ извѣстномъ петербургскомъ журналѣ А. Кугеля Театръ и Искусство и оставался его сотрудникомъ до его закрытія совѣтской властью. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности дать перечень статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ Б. П. въ этомъ журналѣ, такъ какъ онѣ были напечатаны тамъ безъ его подписи.

Съ 1918 по 1921 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ издательствѣ «Всемірная Литература», гдѣ завѣдывалъ скандинавскимъ отдѣломъ. Въ 1921 г. онъ бѣжалъ въ Финляндію. Здѣсь началась для него очень тяжелая жизнь, полная лишеній. Физическимъ трудомъ онъ не могъ и не хотѣлъ заниматься, а другая работа была ему трудно доступна, изъ-за незнанія имъ финскаго языка. Послѣ долгихъ мытарствъ, Б. П. посчастливилось, наконецъ, устроиться въ Русскомъ отдѣлѣ Гельсингфорсской университетской библіотеки. При содѣйствіи извѣстнаго финскаго слависта, проф. И. Миккола, Б. П. получилъ также работу и въ Государственномъ архивѣ. Казалось, что судьба, наконецъ, улыбнулась Б. П., и онъ теперь твердо станетъ на ноги. Но неожиданная болѣзнь (перитонитъ) обрушивается на этого всегда здороваго, полнаго силъ человѣка. Для насъ, друзей Б. П., эта смерть была тяжелымъ ударомъ. Она вырвала изъ нашихъ рядовъ талантливаго, богато одареннаго, обаятельнаго человѣка.

Свой трудъ онъ цѣнилъ ни во что и всегда готовъ былъ рыться ча-

сами въ книгахъ и тратить время на отысканіе какихъ-нибудь справокъ, которыя просили у него совершенно незнакомые ему люди.

Книги всю жизнь были страстью Б. П., и онъ зналъ въ нихъ толкъ. У него была задумана интересная работа о внѣшности книги. Онъ прекрасно зналъ гельсингфорсскую университетскую библіотеку и могъ, не заглядывая въ каталогъ, найти огромное количество книгъ.

Изъ приводимаго списка трудовъ Б. П. видно, какъ широки и разнообразны были его интересы, и какого отличнаго работника лишилась въ его лицѣ русская наука.

СПИСОКЪ РАБОТЪ Б. П. СИЛЬВЕРСВАНА

1. Нѣсколько словъ объ одной диссертаціи (И. Шаровольскій, Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ, I—III. Кіевъ, 1906). Напечатано въ Запискахъ Неофилологическаго Общества при Имп. СПБ. Университетѣ, вып. IV, СПБ. 1910.

2. Замѣтки о новыхъ книгахъ. Новый журналъ романо-германской филологіи. (Germanisch-romanische Monatsschrift, 1. Jahgang, 1909). Тамъ же.

3. Въ области скандинавскаго язычества. (Записки Неофилологическаго Общества при Имп. Петроградскомъ Университетѣ, вып. VIII, Петроградъ, 1915. — Въ концѣ статьи говорится о болѣе пространной работѣ на ту же тему, начатой въ то время авторомъ).

4. и 5. Король Лиръ Шекспира и Театръ и сцена эпохи Шекспира въ ихъ вліяніи на тогдашнюю драму. (Сборникъ историко-театральной секціи Нар. Комиссаріата по Образованію, томъ I. Петроградъ, 1918).

6. Русскія книги гельсингфорсскаго университета. (Временникъ Общества Друзей Русской Книги, томъ III, Парижъ, 1932).

7. Статьи и замѣтки въ петербургскомъ журналѣ Театръ и Искусство за 1909—1918 гг.

8. Статьи въ Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона; наиболѣе крупныя изъ нихъ: Аріосто, Баллада, Нибелунги.

9. Статьи и замѣтки въ Русской Энциклопедіи, изд. Т-ва «Дѣятель».

10) Eräs poliittinen haavelija 1600-luvulla. («Политическій мечтатель XVIII-го вѣка»), статья, помѣщенная въ финскомъ журналѣ Historiallinen Aikauskirja, 1934, № 3.

11. Мелкія статьи въ періодической прессѣ, русской и финляндской (газеты Руль, Helsingin Sanomat, Suomen Kuvalehti, Hufvudstadsbladet, и др.).

Основной трудъ Б. П. Сильверсвана, которымъ онъ занимался тридцать лѣтъ, и который остался незаконченнымъ — работа о кровосмѣшеніи, занимающая громадное количество тетрадокъ. Другія работы, оставшіяся не напечатанными: Методъ описанія старинныхъ и рѣдкихъ книгъ, Опись рукописей Русскаго Отдѣла Гельсингфорской университетской библіотеки, переводъ трактата Данте О монархіи, и др.

Некрологическія замѣтки о Б. П. Сильверсванѣ: А. Амфитеатрова въ рижской газетѣ Сегодня, 2 января 1935 г. Проф. И. Миккола въ гельсингфорсской газетѣ Uusi Suomi, декабрь 1934. Неизвѣстнаго автора, Bortgängen svensk-rysk vetenskapsman (Скончавшійся шведско-русскій ученый) въ Svenska Dagbladet. Стокгольмъ, 5 декабря 1934.

Юрій Григорковъ

В. П. КАТЕНЕВЪ

(1864—1937)

11 августа 1937 г., въ Парижѣ, скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества Друзей Русской Книги, членъ Правленія Общества, Вячеславъ Павловичъ Катеневъ.

В. П. Катеневъ родился въ 1864 г., въ г. Вольскѣ, Саратовской губ. Въ молодые еще годы онъ оставилъ Россію, куда, однако, наѣзжалъ регулярно, и съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія обосновался въ Парижѣ. Его притягивали въ Европу европейская культура, любовь къ искусству, коллекціонерство и страсть къ путешествіямъ. Обладая очень крупнымъ состояніемъ, онъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе и подолгу и десятки разъ живалъ въ странахъ, куда влекли его мѣстная жизнь и музеи: въ Италіи, въ Египтѣ и т. д.

В. П. Катеневъ.

Коллекціонерство В. П. Катенева было столь же разнообразно, какъ и его эрудиція: книги и картины, переплеты, медали и монеты, автографы. Но была одна область,

въ которой онъ былъ особенно компетентенъ: французская книжная иллюстрація XVIII вѣка: В. П. Катеневъ собралъ замѣчательную библіотеку иллюстрированныхъ книгъ французскаго XVIII вѣка, въ которой не было пропусковъ, и въ которой были исключительные по качествамъ экземпляры: въ марокэнахъ эпохи, съ гравюрами перваго тиража и со всякими библіофильскими тонкостями: estampes découvertes, estampes refusées и т. д. Разорившая его большевистская революція заставила В. П. Катенева разстаться съ этимъ прекраснымъ собраніемъ.

В. П. Катеневъ обладалъ совершенно исключительными знаніями въ области исторіи Парижа и его окрестностей, событій и воспоминаній, связанныхъ съ его зданіями, улицами, памятниками, хранилищами. Послѣ войны В. П. Катеневъ организовалъ при содѣйствіи Народнаго Университета экскурсіи по Парижу и его окрестностямъ, экскурсіи, имѣвшія большой успѣхъ у русской эмиграціи.

Послѣ смерти Харламова В. П. Катеневъ сталъ Предсѣдателемъ Тургеневскаго Общества и прочелъ въ немъ цѣлый рядъ докладовъ по литературнымъ и художественнымъ вопросамъ.

Друзья В. П. Катенева возбудили вопросъ объ изданіи оставшагося послѣ него литературнаго наслѣдства.

А.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ
1933 — 1937

Предсѣдатель Правленія: П. Н. Апостолъ.

Товарищъ Предсѣдателя: Г. Л. Лозинскій.

Генеральный Секретарь: Я. Б. Полонскій.

Казначей: Л. А. Гринбергъ.

Члены Правленія: А. Н. Бенуа, В. П. Катеневъ († 1937), Рауль Лабри, Л. С. Полякъ, Жанъ Порше, Б. Г. Унбегаунъ, А. П. Струве.

Ревизіонная Комиссія: Б. А. Дуровъ, Н. В. Калишевичъ, М. Л. Канторъ, Е. К. Ловель

Казначей: 18, Faubourg St-Honoré, Paris (VIIIe).

Секретаріатъ: 18, Faubourg St-Honoré, Paris (VIIIe).

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА:

Адлербергъ Н. А., гр.
Акивисонъ В.
Алдановъ М. А.
Апостолъ О. М.
Апостолъ П. Н.

Балаховскій Д. Г.
Барникотъ Дж. (Оксфордъ).
Бенуа А. Н.
Берлинъ С. А.
Билингъ К. В. (Амстердамъ).
Блохъ Я. Н. (Берлинъ).
Брусиловъ К. (Мадридъ).
Буркевичъ В. (Ковно).
Бурышкинъ П. А.
Бутчикъ В. В.

Вейдле В. В.

Вельцъ Б. Ф.
Винаверъ Р. Г.
Виноградскій А. А.
Волькенгеймъ С. В.
Вольфсонъ М. К.

Гальперинъ А. В.
Гальпернъ А. Я. (Лондонъ).
Гинзбургъ Е.
Гинзбургъ П. А.
Гинзбургъ С. С.
Гласбергъ В. Н.
Гликбергъ Д. Л.
Гнучева Л. В.
Гордонъ Б. А.
Горлина Р. Н.
Горлинъ М. Г.
Гринбергъ Л. А.
Гринбергъ С. М.
Громовъ (Гельсингфорсъ).
Гроссеръ Б. Н.

Даніель-Бекъ П. А.
Демидовъ И. П.
Денъ В. Е.
Добринъ С. О. (Лондонъ).
Добужинскій М. В. (Лондонъ).
Дуровъ Б. А.

Елисѣевъ С. Г.

Зайцевъ Б. К.
Зарѣцкій Н. В. (Прага).
Зеликинъ М.
Зелюкъ О. Г.
Зензиновъ В. М.
Значко-Яворская О. Н.
Изюмовъ А. Ф. (Прага).

Каганъ А. С. (Берлинъ).
Калишевичъ Н. В.
Калугинъ А. (Кибарты).
Канторовичъ А.
Канторъ М. Л.
Капланъ М. С.
Керножицкій И. Н.
Клинксикъ Ф. К.
Кноррингъ Н. Н.
Коварскій И. Н.
Конюсъ Б. Ю.
Кулаковскій С. Ю. (Варшава)
Кульманъ Н. К.
Кенэ Шарль.

Лабри Рауль.
Легра Жюль (Дижонъ).
Либъ Ф. (Базель).
Лифарь С. М.
Лифшицъ Е. И.
Ловель Е. К.
Лозинская М. С.
Лозинскій Г. Л.
Лунцъ Г. М.
Люръ-Салюсъ, маркизъ (Бордо).
Лютеръ А. Ф. (Лейпцигъ).

Маковскій С. К.
Михельсонъ А. М.
Меркушова.
Миллеръ В. А.
Миллеръ К. К.
Милюковъ П. Н.
Миркинъ-Гецевичъ Б. С.
Мищенко А. Л.

Михайлова-Бреше В. М. (Базель).

Менюхина Х. М.

Монго Анри.

Моргулевъ А. Б.

Навроцкій Ю. А. (Нью-Іоркъ).

Николаевскій Б. И.

Нольде Б. Э., бар.

Ознобишинъ Д. И.

Орловъ Н. В., кн.

Осоргинъ М. А.

Пети Е. Ю.

Поволоцкій Я. Е.

Полонская Л. А.

Полонскій Я. Б.

Полякъ Е. С.

Полякъ Л. С.

Поличъ С. Г.

Порше Жанъ.

Прибыловскій А. И.

Ремизова-Довгелло С. П.

Ремизовъ А. М.

Рихтеръ В. Г. фонъ (Гродно).

Розенбергъ А. Ю.

Румановъ А. В.

Сватиковъ С. Г.

Сиклеръ Н. Л.

Солнцевъ К. И.

Соловейчикъ Н. Д. (Лондонъ).

Стеллецкій Д. С.

Струве А. П.

Ступницкій А. Ф.

Туровѣровъ П. Н.

Унбегаунъ Б. Г. (Страсбургъ).

Флаксъ Г. Р.

Цетлинъ М. О.

Чернышева М. Н., гр.

Чижовъ Г. В.

Шикъ А.

Шифринъ Я. С.

Элькинъ Б. И.

Эпштейнъ С. Е.

Яблоновскій С. В.

Яницкая В. С.

За отчетный періодъ Обществомъ былъ устроенъ рядъ открытыхъ собраній, на которыхъ были сдѣланы доклады на слѣдующія темы: *А. Н. Бенуа* — Иллюстрированныя дѣтскія книги времени моего дѣтства; *П. Н. Апостолъ* — Отдѣлъ «Россика» Россійской Публичной Библіотеки; *Г. Л. Лозинскій* — Русская печать въ Аляскѣ; *Я. Б. Полонскій* — Архивъ кн. З. Волконской въ Римѣ; *Н. К. Кульманъ* — Грамматика Лу-

дольфа; *Л. А. Гринбергъ* – О русскихъ жалованныхъ грамотахъ XVIII ст.; *П. Н. Апостолъ* — Кто изобрѣлъ книгопечатаніе: Гутенбергъ или Костеръ?; *А. В. Румановъ* — Воспоминанія объ И. Д. Сытинѣ; *П. Н. Милюковъ* — Первопечатникъ Иванъ Федоровъ; *С. П. Ремизова-Довгелло* — Русскія рукописныя книги; *С. Г. Сватиковъ* — Агапій Гончаренко. Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ легли въ основу печатаемыхъ въ настоящемъ томѣ статей.

Общество Друзей Русской Книги, въ лицѣ П. Н. Апостола и Л. А. Гринберга, приняло участіе въ организаціи книжнаго отдѣла на Выставкѣ Русскаго Искусства въ Лондонѣ въ іюнѣ-іюлѣ 1935 года. На Выставкѣ было представлено русское книгопечатаніе, начиная съ книгъ петровской печати и кончая сороковыми годами прошлаго столѣтія.

Третій томъ Временника, какъ и два предыдущихъ, встрѣтилъ весьма лестную оцѣнку со стороны русской и иностранной печати (Современныя Записки, Послѣднія Новости, Возрожденіе, *Mercure de France*, *Revue des Etudes Slaves*, *Gebrauchsgraphik*, *Polybiblion* и мн. др.).

Литературные матеріалы, напечатанные во Временникѣ, были частично воспроизведены въ слѣдующихъ совѣтскихъ изданіяхъ: Литературное Наследство (1933 и 1934 гг.), Пушкин — Временник, том II, Письма Пушкина под ред. Модзалевского, том III, и др.

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

Александръ Бенуа. Фронтиспись и иллюстр. къ Гусару Пушкина.
Анри Монго. Рукопись Пушкина, найденная въ Авиньонѣ . . . 7
А. Ремизовъ. Рисунки писателей . . . 25
П. Н. Милюковъ. Первопечатникъ Иванъ Феодоровъ . . . 31
Жанъ Порше. Петръ I и Національная Библіотека . . . 43
Джонъ Барникотъ. Неизвѣстныя русскія старопечатаныя книги, найденныя въ Англіи . . . 61
Бор. Унбегаунъ. Русская тайнопись XVII вѣка . . . 81
П. Апостолъ. Кабинетъ Эстамповъ Парижской Національной Библіотеки и его русская иконографія . . . 87
Мих. Осоргинъ. Московской Журналъ . . . 105
А. Лютеръ. Русскіе писатели 18—19 вв. въ нѣмецкихъ переводахъ 113
Л. Гринбергъ. Замѣтки о жалованныхъ грамотахъ и геральдическомъ художествѣ . . . 129
Н. Кульманъ. Первая русская грамматика . . . 145
Як. Б. Полонскій. Литературный архивъ и усадьба кн. Зин. Волконской въ Римѣ . . . 157
С. Лифарь. С. П. Дягилевъ-библіофилъ . . . 183
Н. Туровѣровъ. Книжное собраніе Д. И. Ознобишина въ Альерѣ. 195
Бор. Унбегаунъ. Трудъ Захаріи Орфелина о Петрѣ Великомъ и его петербургское изданіе . . . 209
А. В. Румановъ. И. Д. Сытинъ — издатель . . . 223
Г. Лозинскій. Русская печать въ Аляскѣ и для Аляски . . . 231
С. Сватиковъ. Агапій Гончаренко, — основатель русской печати въ Сѣв. Америкѣ . . . 251
П. Апостолъ. Книги о пребываніи Петра Великаго въ Спа . . . 267
Н. Калишевичъ. П. П. Гронскій (1883—1937) . . . 277
П. Апостолъ. А. Ю. Добрый . . . 279
П. А. С. В. Чехонинъ (1878—1936) . . . 281
Ю. Григорковъ. Б. П. Сильверсванъ (1883—1934) . . . 283
А. В. П. Катеневъ (1864—1937) . . . 287
Общество Друзей Русской Книги. 1933—1937 . . . 289

Конецъ редакціонной части

Рабочій кабинетъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ. Акварель Э. Гау.

Imprimerie de Navarre — 5, rue des Gobelins, Paris (13e).

SOCIETE DES AMIS DU LIVRE RUSSE
2, RUE CLAUDE LORRAIN, PARIS (XVI)

Складъ изданія: «Домъ Книги»
MAISON DU LIVRE ETRANGER
9, rue de l'Eperon, Paris (6e)